ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВОНДА Н. МАКИНТАЙР

ЗМЕЯ СНОВИДЕНИЙ

Змея сновидений

Вонда Н. Макинтайр

Аннотация
Вонда Н. Макинтайр. Змея сновидений
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Аннотация

По угольно-черной пустыне странствует целительница по имени Снейк. В ее притороченном к седлу саквояже дремлют три змеи, ведь фирменное лекарство Снейк – змеиный яд, который может вылечить практически все – от столбняка до лихорадки.

Но однажды по злосчастному стечению обстоятельств погибает самая ценная из ее змей – утишительница боли, змея-наркотик, змея-греза. Подобных ей существ больше не осталось в природе, разве что в Цитадели, где правят могущественные ученые и куда заказан путь любому жителю пустыни, даже такому просвещенному, как целитель.

Законы братства целителей суровы, и Снейк грозит изгнание – ей не простят потерю столь ценного инструмента в борьбе со Смертью.

И Снейк не остается ничего, кроме как пуститься в новое путешествие, в котором ее подстерегает множество опасностей и, возможно, гибель…

Вонда Н. Макинтайр
Змея сновидений

Посвящается родителям

© Vonda N. McIntyre, 1978
© Перевод. А. Кириченко, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Глава 1

Малышу явно было страшно. Снейк осторожно потрогала его пылающий лоб. За спиной у нее стояли родные ребенка: трое взрослых, сбившись в тесную кучку, подозрительно, настороженно наблюдали за ней, не осмеливаясь открыто выказывать беспокойство, — лишь тоненькие морщинки у глаз выдавали чудовищное напряжение. Безотчетный ужас, который внушала им Снейк, не уступал исступленному страху потерять единственного ребенка. В палатке царил полумрак, и странно голубоватый отсвет лампы лишь усиливал тревожное чувство.

Мальчик смотрел на нее своими темными глазами — такими темными, что зрачки были почти неразличимы на радужке, — и такими скорбными, что Снейк вдруг стало страшно за него. Она погладила мальчугана по волосам. Волосы у него были длинные, нездорово белесые и какие-то неживые и ломкие на несколько сантиметров от корней, разительно контрастирующие с очень смуглой кожей лица. Будь Снейк здесь несколько месяцев назад, она бы сразу догадалась, что ре-

бенок болен.

— Принесите мою сумку, — распорядилась Снейк.

Родители мальчика вздрогнули, хотя голос ее прозвучал очень мягко и нежно. Возможно, они ожидали от нее каких-то иных, нечеловеческих звуков — что она зачирикает, словно птичка, или зашипит, как сверкающая на солнце змея. Ведь за все это время, что она провела здесь, Снейк не промолвила ни слова. Она молча наблюдала за ними, когда они перешептывались, рассматривали ее с почтительного расстояния, обсуждая ее молодость и профессию; и так же безмолвно кивнула, когда они наконец осмелились попросить ее о помощи. Возможно, они решили, что она просто немая.

Светловолосый мужчина — тот, что был помоложе, — поднял ее кожаный саквояж. Он старался держать его подальше от себя, и когда наклонился, чтобы подать сумку Снейк, она явственно ощутила слабый мускусный запах, хорошо различимый в сухом воздухе пустыни. Но Снейк уже почти привыкла к тому, что люди боятся ее, — она много раз сталкивалась с этим.

Когда Снейк протянула руку, юноша отшатнулся и выронил саквояж. Снейк метнулась, едва

успев подхватить его, и осуждающе посмотрела на юношу, бережно опустив саквояж на войлочный пол. Двое, стоявшие поодаль, подошли к светловолосому и успокаивающим жестом мягко коснулись его плеча.

— Его уже кусала змея, — пояснила темноволосая красивая женщина. — И он чуть не умер. — Она и не думала оправдываться — она доказывала свою правоту.

— Простите, — пробормотал молодой человек. — Но… — Он молча показал пальцем на плечо Снейк. И, хотя было видно, что он изо всех сил пытается совладать с собой, его било как в лихорадке.

Снейк перевела взгляд туда, куда указывал юноша и где она привычно, почти бессознательно ощущала легкую тяжесть и неуловимое движение: змейка, тоненькая, как пальчик младенца, обвилась вокруг ее шеи, высунув свою плоскую головку из-под шапки коротких вьющихся волос девушки. Змейка медленно высунула свой раздвоенный язычок, повела им в стороны — будто пробуя на вкус запахи, наполнявшие воздух.

— Это всего лишь Травка, — сказала Снейк. — Она не может причинить вред.

Будь змея побольше в размерах, она могла бы

внушать ужас: тельце ее было бледно-зеленого цвета, но чешуйки вокруг рта алели, как свежая кровь, — словно она только что, подобно зверю, терзала свою добычу. На самом же деле ничего такого ей было не свойственно.

Малыш всхлипнул, как от боли. Но тут же испуганно смолк. Возможно, ему сказали, что Снейк не выносит плакс.

Снейк ощутила острую жалость: эти люди лишали себя возможности выплакать страх. Снейк отвернулась. Она сожалела, что они так боятся ее, но не могла терять драгоценное время на то, чтобы их приручить.

— Не надо бояться, — сказала она мальчугану. — Травка хорошая. Она очень гладкая и нежная, и, если я оставлю ее посторожить, смерть не дотянется до тебя.

Змея перетекла в узкую грязную ладошку Снейк. Она протянула ее ребенку.

— Погладь ее, только осторожно.

Мальчик высунул руку из-под одеяла и кончиком пальца потрогал скользкие чешуйки. Снейк ощутила, каким неимоверным трудом дается ему даже такое простое движение, хотя легкое подобие улыбки промелькнуло на лице ребенка.

— Как тебя зовут?

Он метнул быстрый взгляд на родителей, и те, подумав, кивнули.

— Стэвин, — едва слышно прошептал мальчик. У него не хватало сил говорить.

— А я — Снейк. И скоро, завтра утром, мне придется сделать тебе больно. Будет очень больно — но очень недолго. Потом, может быть, еще поболит, совсем чуть-чуть, несколько дней, — зато потом ты поправишься.

Малыш очень серьезно смотрел на нее, и Снейк увидела, что, хотя он все понимает и ему очень страшно, было бы куда хуже, если б она солгала. Видимо, по мере того как развивалась болезнь, боль терзала его все сильнее, а окружающие лишь утешали и обманывали его, надеясь, что болезнь либо пройдет сама по себе, либо принесет ему скорую смерть.

Снейк положила Травку на подушку Стэвина и придвинула к себе саквояж. Родные пусть остаются во власти собственных страхов — у них уже не было времени и возможности поверить в нее. Женщина в этой семье была уже немолода, и было ясно, что здесь уже не будет другого ребенка, если мужчины не найдут себе новую партнершу, но Снейк видела по выражению их глаз, по их тревоге, по тайным прикосновениям, что все трое

очень любят друг друга. А потому у них, жителей этих суровых мест, не оставалось иного выбора, кроме как обратиться к Снейк.

Не торопясь, почти лениво Песок вытек из саквояжа, приподняв голову и шевеля язычком, принюхиваясь, пробуя на вкус, проверяя тепло человеческих тел.

— Вы хотите… — Старший мужчина говорил благоразумно и тихо, но в голосе его сквозил ужас, и Песок тотчас же почуял это. Он мгновенно отпрянул, готовый ударить, и «погремушка» на его хвосте издала негромкий трещащий звук. Снейк постучала ладонью по полу, отвлекая его внимание, затем протянула руку к змее. Живая пружина с ромбовидным узором расслабилась, и Песок мягко обвился вокруг ее запястья черно-желтым браслетом.

— Нет, — ответила Снейк. — Ваш сын слишком серьезно болен, Песок уже не сможет спасти его. Я знаю, как вам тяжело, но постарайтесь взять себя в руки. Это ужасно для вас, но ничего иного не остается.

Чтобы выманить Дымку, Снейк пришлось раздразнить ее. Снейк похлопала по саквояжу, потом раза два хорошенько тряхнула его, ощутив движение скользких колец, — и вдруг молочно-

белая кобра буквально вылетела из саквояжа в сумрак палатки. Стремительная, словно стрела, и бесконечно длинная кобра встала на хвост и раздула капюшон, из пасти ее вырвалось свистящее шипение. Голова змеи возвышалась над полом на добрый метр. За спиной у Снейк послышался вздох ужаса: зрелище желтого очкового узора на капюшоне буквально парализовало людей. Снейк даже не взглянула в их сторону и заговорила с огромной коброй, пытаясь сосредоточить на себе ее внимание:

— Спокойно, спокойно, злюка. Пора отработать свой обед. Ну-ка поговори с малышом, потрогай его. Его зовут Стэвин.

Дымка нехотя убрала капюшон и позволила Снейк прикоснуться к себе. Твердой рукой Снейк стиснула кобру чуть ниже головы и поднесла к Стэвину. Серебристые глаза змеи вобрали в себя голубизну света лампы.

— Слушай меня, Стэвин, — сказала Снейк. — Сейчас Дымка лишь познакомится с тобой. Она не сделает тебе больно, я обещаю.

И все же Стэвин вздрогнул, когда Дымка коснулась его исхудавшей груди. Снейк, не ослабляя хватки, продолжала крепко держать голову кобры, однако позволила ей скользнуть вдоль тела

мальчика. Змея оказалась раза в четыре длиннее. Она свилась белоснежными кольцами на его вздувшемся животе и напряглась, пытаясь дотянуться до лица ребенка. Ее немигающие глаза встретились взглядом с полными ужаса глазами Стэвина. Снейк придвинула ее голову чуть ближе.

Дымка высунула язычок и потрогала мальчика.

В это мгновение юноша издал короткий, словно придушеный, возглас. Стэвин от неожиданности подскочил — и Дымка мгновенно отдернулась со злобным шипением, обнажив ядовитые зубы. Снейк едва успела откинуться назад и с трудом перевела дыхание. Иногда она позволяла родным пациентов смотреть, как она работает. Но только не здесь.

— Вы должны уйти, — мягко сказала она. — Ее опасно злить.

— Я больше не буду так делать.

— Нет. Вам придется подождать на улице. Весьма сожалею.

Наверное, светловолосый юноша, а возможно, и мать Стэвина еще спорили бы, приводя бездоказательные доводы и задавая требующие ответа вопросы, если бы седовласый мужчина не взял

их за руки и не вывел из палатки.

— Мне понадобится маленький зверек. С пушистым мехом. И непременно живой, — сказала Снейк, приподняв полог.

— Хорошо, — ответил седоволосый, и все трое растворились в сверкающей ночи. Снейк слышала их шаги по песку.

Она положила Дымку себе на колени и погладила ее. Кобра обвилась вокруг талии Снейк, отнимая тепло ее тела. Голодная кобра злее, чем сытая кобра, а Дымка была чудовищно голодна — так же, как и сама Снейк. Им еще удавалось находить какую-то воду, пока они брели через черные пески пустыни, но капканы Снейк неизменно оставались пустыми. Был разгар лета, стояла страшная жара, и пушистые зверьки — любимое лакомство Песка и Дымки — летовали. Да и у самой Снейк крошки не было во рту с того самого дня, как она ушла из дому.

С сожалением она отметила, что теперь Стэвин стал бояться сильнее.

— Ты прости, что я отослала твоих родителей, — сказала она. — Скоро они смогут вернуться.

Глаза у мальчугана подозрительно заблестели, но он сдержал слезы.

— Они велели мне слушаться тебя.

— Поплачь, если можешь, — предложила Снейк. — В этом нет ничего дурного.

Но Стэвин, казалось, даже не понял, о чем она говорит, и Снейк не стала настаивать. Она вдруг осознала, как именно люди этих суровых мест готовят себя к борьбе — запрещая себе страдать, смеяться и плакать. Они отказывали себе в горе и позволяли очень немного радости, но они выживали.

Дымка застыла в зловещем спокойствии. Снейк сняла ее с талии и положила на тюфяк подле Стэвина. Когда кобра поползла, Снейк легонько подтолкнула ее голову в нужном направлении, ощущая пальцами, как напряглись мышцы под челюстью змеи.

— Она потрогает тебя языком, — предупредила Снейк. — Это возможно, будет щекотно, но нисколько не больно. Змеи нюхают языком — так же, как ты носом.

— Языком?

Снейк с улыбкой кивнула, и Дымка, высунув язычок, легонько провела им по щеке мальчика. Стэвин даже не шелохнулся: он наблюдал за коброй с детским восторгом открытия, на мгновение вытеснившим боль. Он лежал очень тихо, пока длинный язык кобры ощупывал его щеки,

веки, губы.

— Она пробует на вкус твою болезнь, — пояснила Снейк.

Дымка наконец перестала сопротивляться ее хватке и отдвинулась от Стэвина. Снейк села на корточки и отпустила змею, которая тотчас же вползла по руке к ней на плечи.

— Теперь надо поспать, Стэвин, — сказала Снейк. — Доверься мне и постарайся не бояться, когда наступит утро.

Стэвин внимательно посмотрел на нее, пытаясь прочесть правду в светлых глазах девушки.

— А Травка посторожит меня?

Снейк даже растерялась от вопроса — вернее, от невысказанной мысли, заключавшейся в данном вопросе. Она откинула волосы со лба мальчугана и улыбнулась сквозь навернувшиеся слезы.

— Конечно. — Она взяла Травку в руки. — Следи за ним и охраняй его.

Змея-греза послушно лежала на ее ладони, поблескивая черными бусинами глаз. Снейк бережно опустила ее на подушку Стэвина.

— А теперь спи.

Стэвин прикрыл глаза — и жизнь словно ушла из него. Это было так страшно, что Снейк даже невольно потрогала ребенка, но потом увиде-

ла, что он дышит — медленно, неглубоко. Она накрыла Стэвина одеялом и встала. От резкого движения у нее закружилась голова. Снейк пошатнулась и почувствовала, как напряглось у нее на плечах тело кобры.

Глаза у Снейк будто огнем жгло, зрение обострилось от лихорадочного напряжения. Звук, почудившийся ей, повторился. Превозмогая голод и усталость, Снейк медленно нагнулась и подняла кожаный саквояж. Дымка легонько коснулась ее щеки раздвоенным язычком.

Снейк откинула клапан палатки и с облегчением поняла, что до утра еще далеко. Дневную жару она еще как-нибудь вынесла бы, но свет… Обжигающие солнечные лучи пронзали, прожигали ее насквозь. Луна должна быть полной, и, хотя она и скрывалась за облаками, заволокшими небо, пустыня до самого горизонта светилась рассеянным, каким-то серовато-жемчужным светом. Несколько бесформенных теней, видневшихся за палаткой, поднялись с земли. В этих местах, на самом краю пустыни, было достаточно влаги, чтобы здесь рос корявый кустарник, служивший убежищем и пропитанием самым разнообразным формам жизни. Черный песок, ослеплявший неистовым блеском при солнечном свете, ночью

был похож на мягкий слой сажи. Снейк сделала шаг вперед, и иллюзия мягкости развеялась: башмаки с хрустом ступали по твердым песчинкам.

Родные Стэвина ждали, столпившись на очищенном от кустарника клочке земли между палатками: растительность здесь выкорчевали и выжгли. Они смотрели на нее молча, с затаенной надеждой в глазах, хотя лица их по-прежнему оставались бесстрастными. Рядом с ними сидела какая-то женщина, казавшаяся моложе матери Стэвина. Одета она была, как и все люди племени, в свободный длинный балахон, однако на шее у нее был знак отличия — первое и единственное украшение, виденное Снейк в этих краях: круг, висящий на тонком кожаном ремешке, — символ верховной власти. Женщина, несомненно, была в родстве со старшим мужчиной: у обоих были одинаково четкие, почти чеканные черты лица, высокие скулы, карие глаза, наиболее защищенные от здешнего солнца, только у него волосы были совсем седые, а у нее — цвета воронова крыла, хотя и тронутые уже изморозью ранней седины. Подле нее на земле беспомощно бился в сетях какой-то черный зверек, испускавший время от времени негромкий пронзительно-жалобный крик.

— Стэвин заснул, — сказала Снейк. — Не будите его, но, если он все же проснется, посидите с ним рядом.

Мать мальчугана и младший мужчина поднялись и скрылись в палатке, седой же, проходя мимо Снейк, замедлил шаг:

— Вы спасете его?

— Надеюсь. Опухоль очень запущена, но другие органы, кажется, не затронуты. — Собственный голос показался Снейк страшно далеким и каким-то фальшивым, будто она солгала. — Дымка будет готова к рассвету. — Ей очень хотелось найти хоть какие-нибудь слова утешения, но она не смогла.

— Моя сестра хотела поговорить с вами, — обронил седой и ушел, оставив женщин наедине. Когда Снейк обернулась, полог палатки был уже опущен. Усталость обрушилась на нее с новой силой, и она впервые почувствовала груз свернувшейся у нее на плечах кобры.

— С вами все в порядке?

Снейк повернулась. Женщина шла к ней, передвигаясь с непринужденной, природной грацией, хотя движения ее сковывала уже заметная для постороннего взгляда беременность. Она была довольно высокого роста, и Снейк пришлось под-

нять голову, чтобы посмотреть ей в глаза. У нее были тоненькие, очень милые морщинки возле глаз и в уголках рта — словно она позволяла себе иногда посмеяться украдкой. Женщина улыбнулась, хотя на лице ее отразилась озабоченность.

— У вас очень усталый вид. Я прикажу постелить вам?

— Нет, не теперь. — Снейк покачала головой. — Еще не время. Я не должна спать, пока все это не кончится.

Предводительница племени молча взглянула на нее — и Снейк вдруг пронзило чувство родства, рожденного общей ответственностью.

— Да… Мне кажется, я понимаю. Вам что-нибудь нужно? Мы можем чем-то помочь вам?

Снейк с явным усилием обдумала ответ, как будто женщина задала ей непосильную задачу.

— Нужно напоить моего пони и задать ему корма.

— О нем уже позаботились.

— А еще мне нужен помощник, одна я не справлюсь с Дымкой. Нужен сильный человек… Но еще важнее, чтобы он не боялся.

— Я бы сама помогла вам, — сказала женщина и улыбнулась, едва заметно, краешками губ. — Но, к сожалению, в последнее время я стала немного

неуклюжа. Однако я найду вам подходящего человека.

— Благодарю вас, — кивнула Снейк.

Предводительница, согнав с лица улыбку, направилась к палаткам, опустив в задумчивости голову. Снейк проводила ее грациозную фигуру восхищенным взглядом. Она вдруг почувствовала себя чересчур юной, маленькой и неопрятной.

Кольца Песка вдруг напряглись. Он соскользнул с запястья Снейк с явным намерением поохотиться. Она подхватила его на лету. Песок изогнулся в ее руках и поднял голову. Он высовывал язычок, немигающими глазами уставившись на зверька, чуя тепло его тельца, ощущая его страх.

— Я знаю, что ты проголодался, — проговорила Снейк. — Но эта добыча не для тебя.

Она положила Песка в саквояж, затем сняла кобру с плеча и бережно опустила в ее темное отделение, где та немедленно свернулась клубочком.

Зверек снова забился и завизжал, когда неясная тень Снейк накрыла его. Она нагнулась и взяла его в руки. Визг постепенно слабел, становился все тише — и наконец совсем прекратился, когда она погладила зверька. Он лежал у нее на

ладони неподвижно, в изнеможении и тяжело дыша, глядя на нее полными ужаса желтыми глазами. У него были длинные задние ноги и широко расставленные торчащие уши; нос зверька нервно подрагивал, ощущая змеиный запах. На шелковистом мехе отпечатались квадратики ячеек силков.

— Прости, что я должна взять твою жизнь, — прошептала Снейк. — Зато больше не будет страха, и я постараюсь не сделать тебе больно.

Она осторожно сомкнула пальцы вокруг нежного тельца и, продолжая поглаживать зверька, резким и сильным движением сжала ему шею у самого основания черепа. Последовал рывок — мгновенный, быстрый. Тельце зверька задергалось — но он был уже мертв. Судорога пробежала по его членам, задние лапы взметнулись вверх, длинные пальцы скрючились и задрожали. Глаза его по-прежнему были устремлены на Снейк, даже теперь. Снейк высвободила мертвое тельце из сети.

Затем она извлекла из дорожной сумки, висевшей у нее на поясе, небольшой пузырек и, разжав зверьку челюсти, капнула ему в горло каплю какой-то мутноватой жидкости. Быстро открыла саквояж и позвала Дымку. Кобра выползла не

спеша, переливаясь, словно вода через край, и заскользила по колючим песчинкам, не раздувая капюшона. Почуяв жертву, змея заструилась к ней. Потрогала зверька раздвоенным язычком. Снейк на мгновение испугалась, что кобра откажется от мертвой добычи, однако тельце зверька еще хранило тепло жизни, оно еще конвульсивно подергивалось, а кобра была голодна.

— Возьми его, — шепнула ей Снейк. — Это для тебя. Смотри, какой лакомый кусочек! — Привычку разговаривать со змеями Снейк приобрела за долгие-долгие часы одиночества. — Это поднимет тебе аппетит.

Дымка обследовала зверька, отдернулась — и ударила, глубоко вонзив клыки в крохотное тельце. Еще раз куснула, выпуская остатки яда. После чего отпустила добычу и, устроившись поудобнее, принялась заглатывать ее. Зверек без труда прошел через ее горло.

Дымка лежала тихо, переваривая крохотный кусочек мяса, а Снейк сидела подле нее и ждала. Внезапно у нее за спиной послышались чьи-то шаги.

— Меня послали помочь тебе.

Мужчина был еще совсем молод, несмотря на сильную седину в волосах. Он был гораздо выше

Снейк, с выразительным, привлекающим внимание лицом. Глаза у него были совсем темные, а четкие черты казались еще резче оттого, что волосы были стянуты в пучок на затылке. Его выражение было совершенно бесстрастным.

— Ты не боишься? — спросила Снейк.

— Я сделаю все, что ты прикажешь.

Тело мужчины было скрыто свободным балахоном, однако в длинных, красиво вылепленных руках угадывалась скрытая сила.

— Тогда держи ее и не позволяй ей застать тебя врасплох.

Тело кобры слегка подергивалось — начинало действовать лекарство, которое Снейк влила в горло зверьку. Змея смотрела перед собой невидящими глазами.

— А если она укусит?..

— Держи ее, быстро!

Юноша потянулся к змее. Но он слишком долго раздумывал, и момент был упущен. Тело кобры изогнулось в корчах, и она хлестнула хвостом, больно ударив его по лицу. Юноша отшатнулся — от неожиданности и боли. Снейк же продолжала держать змею мертвой хваткой, сжав пальцы у ее челюстей, навалившись на нее всем телом. Кобра не удав, но Дымка была очень сильной,

скользкой, проворной. Змея издала длинное угрожающее шипение. Сейчас бы она укусила любого, кто подвернулся ей.

Борясь со змеей, Снейк ухитрилась стиснуть ее ядовитые железы и выдавить из мешочков остатки яда. Сверкающие, как драгоценность, капли, вбирая ночной свет, повисли на обнаженных клыках; затем конвульсии, сотрясавшие кобру, сорвали их и отбросили во мрак.

Снейк боролась с коброй на песке, где змея не могла одержать над ней верх, — в этом было ее преимущество. Но вдруг она почувствовала, как чьи-то руки схватили змеиное тело, овладев хвостом. Припадок кончился так же внезапно, как и начался: Дымка обмякла в их руках.

— Прости меня.

— Держи ее крепче, — ответила Снейк. — Еще вся ночь впереди.

Когда накатил второй приступ, юноша уже держал кобру твердыми руками и действительно помогал Снейк.

Во время одной из передышек Снейк ответила на его недосказанный вопрос:

— Если бы она укусила тебя, когда ее железы полны яда, то ты, скорее всего, умер бы. Даже сейчас ты можешь заболеть от ее укуса. Но если ты

не потеряешь голову и не наделаешь глупостей, то она сможет укусить только меня.

— Вряд ли ты тогда поможешь моему двоюродному брату.

— Ты ошибаешься. Я не могу умереть от ее укуса. — Снейк вытянула руку и показала белевшие на коже рубцы — шрамы от насечек и инъекций. С минуту юноша изучал их, затем заглянул ей в глаза — и отвел взгляд.

Яркое пятно в облаках, излучавшее свет, переместилось на запад. Они держали кобру на коленях, точно ребенка. Снейк незаметно для себя задремала, но Дымка повела головой, пытаясь высвободиться, и Снейк, вздрогув, очнулась.

— Я не должна спать, — сказала она. — Говори со мной. Как тебя зовут?

Юноша помедлил — совсем как Стэвин. Казалось, он боится чего-то. Может быть, ее.

— Мы не должны открывать свои имена чужим, — ответил он наконец.

— Если вы принимаете меня за колдунью, то зачем просили о помощи? Мне недоступно колдовство, да я и не нуждаюсь в этом.

— Дело не в предрассудках. Во всяком случае, это совсем не то, что ты думаешь. Сглаза мы не боимся.

— Я не в состоянии изучить все обычаи, существующие на Земле, поэтому я придерживаюсь обычаев своего народа. А согласно им, к людям, с которыми ты связан общим делом, принято обращаться по имени. — Снейк взглянула на лицо юноши, смутно белевшее в призрачном свете, пытаясь угадать его выражение.

— Наши имена знают только члены семей или те, с кем мы делим ложе.

Снейк обдумала сказанное и решила, что этот обычай ей не по нраву.

— И больше никто? Никогда?

— Ну… Еще, пожалуй, друзья.

— Угу, — хмыкнула Снейк. — Понятно. Стало быть, я еще здесь чужак. А может быть, даже и враг.

— Друг может знать наше имя, — повторил юноша. — Я не хотел обидеть тебя, но ты не понимаешь. Знакомый — это еще не друг. Мы очень высоко ценим дружбу.

— В вашей земле нетрудно определить — кто заслуживает этого звания, а кто нет.

— Мы редко заводим друзей. Дружба — это очень большая ответственность. Высокие обязательства.

— Вы словно боитесь этого.

Юноша помолчал, обдумывая сказанное.

— Возможно, мы боимся предательства. Это очень больно.

— Тебя кто-нибудь предавал?

Юноша метнул на Снейк острый, почти неприязненный взгляд — словно она позволила себе перейти границы приличий.

— Нет, — сказал он, и голос его был так же суров, как и лицо. — У меня нет друзей. Я никого не могу назвать другом.

Его ответ потряс Снейк.

— Это очень прискорбно, — протянула она и надолго умолкла, стараясь постичь те глубинные потрясения, что смогли так разобщить этих людей, сравнивая свое вынужденное одиночество с их одиночеством по убеждению. — Можешь звать меня Снейк, — сказала она наконец. — Если, конечно, тебе не противно произносить это имя. Ведь оно означает «змея». Но помни, это тебя ни к чему не обязывает.

Юноша открыл рот, собираясь что-то сказать. Возможно, ему стало стыдно, что он обидел ее, а может, хотел объяснить, оправдать обычаи соплеменников — но тут Дымка снова забилась в конвульсиях, и им пришлось изо всех сил вцепиться в змею, чтобы она не расшибла себя о

песок. Кобра была довольно тонкой при такой длине, но обладала недюжинной силой, а корчи на сей раз были гораздо сильней предыдущих. Дымка попыталась развернуть капюшон, но Снейк держала ее крепко. Змея раскрыла пасть и зашипела, но яда на клыках уже не было.

Змея обвилась хвостом вокруг талии юноши. Он попытался оторвать ее от себя и завертелся, чтобы высвободиться.

— Это не удав, — сказала Снейк. — Она ничего тебе не сделает. Оставь…

Но было уже поздно. Дымка внезапно обмякла, и юноша не удержался на ногах. Кобра рванулась и завертелась на песке. Снейк боролась теперь в одиночку. Змея обвилась вокруг ее тела, воспользовавшись обретенным преимуществом. Оттолкнувшись от девушки, она начала судорожно вырываться из ее рук.

Снейк рухнула в обнимку со змеей на песок. Дымка встала над ней, разинув пасть, с разъяренным шиением. Юноша попытался схватить ее тело под капюшоном, кобра ударила — но Снейк успела перехватить ее. Наконец им удалось оторвать кобру от Снейк. Снейк мертвой хваткой вцепилась в нее, но змея вдруг словно оцепенела и без движения замерла между ними.

Лица у обоих были залиты потом. Юноша был бледен нездоровой бледностью, различимой даже под загаром, а Снейк била нервная дрожь.

— Она дает нам передышку, — с трудом вымолвила Снейк. Взглянув на юношу, она заметила на его щеке темную полосу — там, где по ней прошелся змеиный хвост. Снейк протянула руку и потрогала вспухший рубец.

— Будет синяк. Но шрама не останется.

— Если бы змеи жалили хвостом, как некоторые верят, тогда бы тебе пришлось держать и голову, и хвост, а от меня бы не было никакого проку.

— Мне нужно, чтобы кто-то был рядом со мной, чтобы я не заснула. Но сейчас я одна ни за что бы не справилась с ней.

Борьба с коброй вызвала прилив адреналина, но теперь действие его постепенно кончалось — усталость и голод навалились на Снейк с новой силой.

— Снейк…

— Да?

Юноша смущенно улыбнулся:

— Просто упражняюсь в произношении.

— Выходит недурно.

— Сколько дней ты шла через пустыню?

— Недолго. А может быть, слишком долго.

Шесть дней. Мне кажется, я выбрала не самый удачный маршрут.

— Как ты жила все эти дни?

— В пустыне есть вода. Я шла по ночам, до рассвета, а днем отыхала там, где мне удавалось найти тень.

— Ты брала с собой еду?

— Немного. — Снейк пожала плечами. Лучше бы он не заговаривал про еду.

— А что там, по ту сторону пустыни?

— Горы. Ручьи. Другие люди. Опытная станция, где меня вырастили и обучили. Потом еще одна пустыня — а за ней гора с Городом внутри.

— Я бы хотел посмотреть на Город. Когда-нибудь.

— Говорят, они не пускают чужих… Таких, как ты и я. Но в горах очень много городов поменьше, а пустыню можно преодолеть.

Он ничего не ответил, но Снейк и сама совсем недавно покинула дом, так что ей было нетрудно угадать его мысли.

Судороги возобновились гораздо скорее, нежели предполагала Снейк. По их силе можно было судить о запущенности болезни Стэвина, и Снейк от всей души возжелала, чтобы скорей наступило утро. Если ей все-таки суждено потерять этого

ребенка — что ж, она сделает все, что сумеет, а потом поплачет и постарается забыть.

Кобра разбилась бы насмерть, колотясь о песок, если бы Снейк с братом Стэвина не держали ее. Внезапно змея обвисла как тряпка и вытянулась бездыханная. Раздвоенный язык ее свесился наружу, стиснутый челюстями. Она не подавала никаких признаков жизни.

— Держи ее, — крикнула Снейк, — держи ее за голову! А если она вырвется, то скорей убегай. Ну же! Теперь она не укусит тебя, разве только случайно заденет хвостом.

Он колебался всего лишь мгновение, затем твердо, решительно ухватил кобру чуть ниже головы. Снейк побежала, увязая в глубоком песке, от палаток к зарослям невырубленных кустов. Она обламывала колючие ветви, вонзавшиеся шипами в ее изборожденные шрамами руки. Краем глаза Снейк успела заметить гнездо рогатых гадюк — столь уродливых, что они казались бесформенными обрубками, — прямо под сплетенными ветвями высохшего кустарника. Наконец она нашла то, что искала, — полый стебелек, — и поспешила обратно. Глубокие царапины на ее руках кровоточили.

Опустившись на колени подле кобры, она

разжала ей челюсти и ввела стебелек прямо в дыхательную трубку — у самого корня язычка. Склонившись, Снейк взяла стебелек в рот и принялась осторожно вдувать воздух в легкие змеи.

В ее сознание словно впечатались отдельные фрагменты целого: руки юноши, державшие кобру так, как она ему приказала, его испуганный возглас, учащенное, прерывистое дыхание, песок, оцарапавший ее локти, когда она наклонилась над Дымкой, резкий запах лекарства, исходящий из пасти змеи, головокружительная слабость, внезапно обрушившаяся на нее, — как она решила, от утомления, — которую Снейк поборола усилием воли, укрепленной чувством долга.

Снейк вдыхала и выдыхала, вдыхала и выдыхала — пока кобра не поймала ритм и не задышала сама, без ее помощи.

Снейк устало опустилась на песок:

— Кажется, теперь все в порядке. Во всяком случае, я надеюсь.

Тыльной стороной кисти она отерла лоб — и тут ее пронзила острая боль. Она отдернула руку, и смертная мука сковала все ее члены, нестерпимая боль поползла по руке, к плечу, стиснула грудь, сдавила сердце. Силы ее иссякли, и Снейк рухнула навзничь. Она попыталась подняться,

но тело не слушалось ее, движения были замедленными; она изо всех сил боролась с тошнотой и головокружением и почти преуспела в этом — как вдруг почувствовала странную легкость и погрузилась в кромешную тьму.

Она ощущала прикосновение песка — там, где он впивался ей в щеку и царапал ладони, но прикосновение это почему-то было мягким. Внезапно она услышала голос:

— Снейк, я могу теперь ее отпустить?

Ей показалось, что вопрос обращен к кому-то другому, не к ней, хотя раздвоенным сознанием понимала, что кроме нее здесь не к кому обращаться, здесь нет никого другого по имени Снейк. Она почувствовала прикосновение чьих-то рук, и ей захотелось ответить на эту нежность, но она слишком устала. Ей необходимо было поспать — и она отвела эти руки. Однако руки продолжали поддерживать ее голову и лили ей в рот воду. Снейк закашлялась, подавившись, и выплюнула влагу.

Резким движением она приподнялась на локте. В голове у нее прояснилось, и она почувствовала, что ее всю трясет. Ощущение было точно такое же, как в тот раз, когда ее впервые укусила змея, — еще до того, как у нее выработался иммунитет.

Юноша стоял возле нее на коленях с флягой в руках. Кобра за его спиной уползала в ночь.

Забыв про боль, Снейк похлопала ладонью по песку:

— Дымка!

Юноша вздрогнул и испуганно обернулся. Кобра нависла над ним, грозно раздув капюшон, раскачиваясь из стороны в сторону, ловя каждое движение, разъяренная, готовая укусить, — извилистая белая линия на черном как ночь песке.

Нечеловеческим усилием Снейк заставила себя встать, борясь со своим незнакомым, таким непослушным телом. Она едва не упала снова, но все-таки устояла на ногах и повернулась к кобре, чьи глаза оказались на одном уровне с ее.

— Ты не смеешь сейчас охотиться, — строго сказала она. — Тебе предстоит работа.

Она отвела руку в сторону — отвлекающий жест на тот случай, если кобра бросится на нее. Рука как свинцом налилась от боли. У Снейк засосало под ложечкой: она страшилась не укуса Дымки, а утраты драгоценного содержимого ядовитых мешочков змеи.

— Иди-ка сюда, — приказала она. — Иди сюда и уйми свою злость. — Тут Снейк вдруг заметила струйку крови, стекавшую между пальцев, и

страх за Стэвина пронзил ее с новой силой. — Ты что, уже укусила меня, чудовище?

Однако ощущение было иное: от яда рука немеет, но свежая сыворотка всего лишь жжет…

— Нет, — прошептал юноша за спиной у Снейк.

Тут кобра бросилась вперед. Натренированные рефлексы сделали свое дело: правая рука Снейк метнулась вбок, а левая схватила кобру, когда та отдернула голову. Кобра яростно изогнулась — и обмякла.

— Ах ты, хитрая бестия, — с укоризной сказала Снейк. — Какой срам!

Она повернулась и позволила кобре обвить свою руку и вползти на плечо, где та немедленно улеглась, свисая оборкой невидимой пелерины и волоча длинный хвост, словно шлейф.

— Она не укусила меня?

— Нет. — Юноша покачал головой. В его сдержанном тоне сквозило благоговение. — Послушай, ты ведь должна сейчас умирать. Корчиться в предсмертной агонии, с багровой, распухшей рукой. Когда ты вернулась… — Он показал на руку Снейк: — Это укус песчаной гадюки.

Снейк припомнила клубок рептилий под иссохшими ветвями кустарника и потрогала все

еще кровоточившую ранку. Она отерла кровь — и увидела двойной след змеиных зубов среди царапин от колючек. Ткани вокруг ранки слегка припухли.

— Надо промыть, — заметила Снейк. — Просто позор, что я была так невнимательна.

Боль мягкими волнами поднималась по руке, однако чувство онемения исчезло. Снейк стояла, бездумно глядя перед собой. Части пейзажа дрожали и колыхались, меняя форму и очертания: ее утомленные глаза никак не могли приноровиться к неверному свету уходящей луны, смешавшемуся с первыми отблесками брезжившего рассвета.

— Ты прекрасно справился со своей задачей, — сказала она. — Не испугался и держал ее как следует. Благодарю тебя от всего сердца.

Юноша потупился, низко опустив голову, — как будто поклонился. Затем встал и подошел к девушке. Снейк положила руку на тело кобры, успокаивая змею.

— Меня зовут Аревин, — проговорил он. — Ты окажешь мне честь, если будешь называть меня по имени.

— Я очень польщена. — Снейк наклонилась, чтобы придержать белые кольца змеи, пока та медленно вползала в свое отделение в саквояже.

Теперь, после того как кобра пришла в себя, можно идти к Стэвину — когда совсем рассветет.

Белый кончик хвоста втянулся в саквояж. Снейк застегнула защелку и хотела встать, но ноги не слушались ее. Она еще не до конца переборола действие яда.

Кожа вокруг укуса была вспухшей и красной, но кровотечение прекратилось. Снейк застыла, безвольно опустив плечи, молча глядя на укушенную руку, медленно, с трудом соображая, что ей следует сделать — на сей раз для себя.

— Позволь, я помогу тебе. Пожалуйста. — Юноша легонько коснулся ее плеча и помог подняться.

— Извини… — пробормотала Снейк, — просто я ужасно устала.

— Давай я промою твою рану, — предложил Аревин. — А потом поспи. Только скажи, когда тебя разбудить.

— Мне нельзя спать. Пока. — Снейк, собрав последние силы, выпрямилась и откинула со лба влажные пряди. — Мне уже лучше. У тебя есть вода?

Аревин распахнул балахон. Под ним обнаружилась набедренная повязка и кожаный пояс, на котором висело несколько фляг и мешочков.

Он был худощав, прекрасно сложен, с длинными мускулистыми ногами. Кожа на теле была чуть светлее, чем на бронзовом от солнца лице.

Он отстегнул флягу и потянулся к Снейк.

— Нет, Аревин. Если на тебе есть хоть крохотная царапина, яд может попасть в кровь. Я сама. — Снейк снова села и плеснула тепловатой водой на ранку. Вода окрасилась в бледно-розовый цвет. Капли падали на песок и впитывались им, не оставляя даже следа. Ранка продолжала немного кровоточить, но боль почти утихла. Яд перестал действовать.

— Я все-таки не понимаю, — покачал головой Аревин, — как тебе это удалось. Почему ты жива и здорова. Мою младшую сестренку тоже укусила песчаная гадюка. — Аревин пытался говорить спокойно, но голос его предательски задрожал. — Мы не смогли спасти ее — не смогли даже облегчить страдания.

Снейк возвратила ему флягу и, зачерпнув мази из баночки, спрятанной в поясе, наложила ее на затягивавшиеся ранки.

— Это входит в нашу подготовку, — пояснила она. — Нам приходится работать с самыми разными змеями, и мы должны быть невосприимчивы к разным ядам. Чем больше, тем лучше. — Она

поежилась. — Это долгий и довольно болезненный процесс. — Снейк сжала пальцы в кулак. Защитная пленка держала хорошо, и сама Снейк тоже уже прочно стояла на ногах. Она протянула руку и потрогала вспухший рубец на щеке Аревина. — Подожди… — Снейк наложила ему на щеку тонкий слой мази. — Это должно помочь.

— Тебе нельзя спать, — сказал Аревин, — но уж просто отдохнуть-то можно?

— Да. — Снейк кивнула. — Очень недолго.

Она села на песок рядом с Аревином, опершись на него, и они вместе следили, как солнечные лучи окрашивают облака в золото и багрянец, напитывают их янтарной желтизной. Простое прикосновение к живому человеческому телу оказалось приятным, хотя Снейк вдруг захотелось большего. Но не теперь, не здесь — может быть, в другом месте и в другое время…

Когда сверкающий солнечный диск отрвался от горизонта, Снейк поднялась и выманила Дымку из саквояжа. Кобра выползла слабая, очень вялая и медленно взобралась на плечи Снейк. Снейк подняла саквояж и направилась к палаткам.

Родные Стэвина ждали, столпившись у входа в палатку, молчаливые, враждебные, настороженные. У Снейк даже мелькнуло подозрение,

что они решили отослать ее обратно. Эту мысль сменила другая — обжегшая сердце нестерпимой жалостью и страхом. Неужели Стэвина больше нет?! Но они покачали головами и посторонились, чтобы пропустить ее в палатку.

Стэвин лежал в той же позе. Он так ни разу и не проснулся за всю ночь. Взрослые неотступно следили за Снейк. Дымка задвигала язычком, возбуждаясь от запаха страха.

— Я знаю, вы бы предпочли остаться, чтобы помочь мне. Но, поверьте, здесь нужна только я. Прошу вас, покиньте палатку.

Они переглянулись, покосились на Аревина — и Снейк вдруг испугалась, что они не послушаются ее приказа. Ей вдруг страшно захотелось погрузиться в безмолвную тишину и уснуть.

— Пойдем, — сказал Аревин. — Здесь распоряжается она. — Он отпахнул клапан палатки и поманил родных Стэвина за собой. Снейк ответила ему благодарным взглядом и заметила на его лице слабое подобие улыбки.

Она опустилась на колени подле Стэвина.

— Стэвин… — Девушка пощупала лоб ребенка: он был горячий как огонь. Она вдруг заметила, что ее движениям недостает уверенности. Однако слабое прикосновение разбудило малыша. — По-

ра, — сказала Снейк.

Стэвин сощурился, с трудом выплывая из глубин детского сна, и уставился на Снейк, пытаясь вспомнить, кто это. В его глазах не было страха, и это уже было хорошо, но все-таки Снейк испытывала какое-то смутное беспокойство, она и сама не могла понять почему.

— Это больно?

— А сейчас тебе больно? — ответила она вопросом на вопрос.

Малыш помедлил, отвел взгляд, огляделся по сторонам:

— Да.

— Будет, может быть, только чуточку больнее. Но я надеюсь, что обойдется. Ты готов?

— А Травка останется с нами?

— Конечно, — кивнула Снейк — и вдруг поняла, что именно было неладно.

— Подожди, я сейчас. — Голос ее звенел от напряжения, и она невольно напугала ребенка, но не смогла себя сдержать. Она вышла из палатки, стараясь ступать спокойно, уверенно, медленно, изо всех сил сдерживая себя. Лица родных Стэвина выдали их с головой.

— Где Травка?!

Аревин, стоявший спиной к Снейк, вздрогнул

от ее тона. Седоволосый скорбно вздохнул и отвел взгляд.

— Мы очень испугались, — пояснил он. — Испугались, что она укусит ребенка.

— Это я. Я это сделал. Она ползла по его лицу, и я видел ее зубы… — Женщина положила руку на плечи светловолосого, и тот осекся.

— Где она?! — Снейк хотелось завизжать. Она едва сдержала себя.

Ей подали открытую коробку. Снейк взяла ее в руки и заглянула внутрь.

Травка лежала на дне, разрубленная почти пополам, кверху брюхом. Из раны вываливались внутренности. Снейк с дрожью увидела, как змейка легонько дернулась, высунула и быстро убрала язычок. Снейк издала какой-то хриплый звук, больше похожий на стон, чем на рыдание. Она от души понадеялась, что это лишь рефлекторное сокращение мышц, тем не менее взяла Травку в ладони, бережно, осторожно, и, склонившись над ней, прикоснулась губами к прохладным зеленым чешуйкам. Потом стиснула зубы — сильно, резко, перекусив Травке хребет у основания черепа, и холодная солоноватая кровь оросила ее язык. Если змея и была еще жива, то это убило ее мгновенно.

Она взглянула на родных Стэвина, на Аревина: мертвенная бледность покрывала их лица, но Снейк не тронул их страх, и ей было плевать на их сочувствие.

— Такое маленькое существо, — скорбно проговорила она, — Маленькое существо, которое было способно дарить покой и забвение. И только. — Снейк помолчала, глядя на людей, затем повернулась, чтобы уйти в палатку.

— Нет, стойте! — Седоволосый приблизился к ней и положил руку на плечо. Снейк отшвырнула ее. — Мы дадим вам все, что вы пожелаете. Только оставьте ребенка в покое.

Снейк задохнулась от ярости:

— Я должна погубить Стэвина из-за вашей тупости?!

Седоволосый сделал движение, чтобы удержать ее, но она изо всех сил толкнула его плечом в живот и, пулей влетев в палатку, пнула саквояж. Грубо потревоженный Песок яростно свернулся в кольцо на полу. Когда кто-то попытался войти, он зашипел и затрещал «погремушкой» с такой силой, что сама Снейк изумилась. Однако она даже не потрудилась обернуться. Нагнувшись, она украдкой вытерла слезы рукавом, прежде чем Стэвин успел заметить что-либо, и опустилась

подле него на колени.

— Что-то случилось? — Конечно, он не мог не слышать возбужденные голоса на улице и возню.

— Ничего, малыш, — успокоила его Снейк. — А ты знаешь, что мы пришли к тебе через пустыню?

— Нет… — в восхищении прошептал мальчик.

— Было очень жарко, и совсем никакой еды. Вот Травка и отправилась на охоту. Она была просто ужасно голодная. Давай пока забудем о ней и начнем, хорошо? Я никуда от тебя не уйду.

Стэвин казался совершенно измученным. Он был явно разочарован, но у него не хватило сил возражать.

— Хорошо. — Голос его прошелестел, как песок, сыплющийся сквозь пальцы.

Снейк сняла Дымку с плеча и отдернула простыню. Опухоль выпирала из-под ребер, деформируя грудную клетку; она сдавлилвала жизненно важные органы, вытягивая из них соки, взрастая как на дрожжах, отравляя весь организм.

Придерживая Дымку у головы, Снейк пустила ее на грудь к ребенку, позволив кобре потрогать и понюхать его. Держать приходилось крепко: недавний скандал взбудоражил змею. Когда Пе-

сок затрещал «погремушкой», кобра вздрогнула.

Снейк погладила Дымку, успокаивая ее. Постепенно воспитанные, натренированные рефлексы возвратились, подавив природные инстинкты. Дымка замерла, когда ее язычок коснулся опухоли, и Снейк разжала пальцы.

Кобра отдернулась и ударила, как это делают все кобры, вонзив ядовитые зубы на всю глубину; потом отпустила Стэвина — и снова вонзила, для верности, и сжала челюсти, словно жуя свою жертву. Стэвин вскрикнул, однако руки Снейк крепко держали его.

Только когда кобра полностью опустошила смертоносные мешки, Снейк ослабила хватку и отпустила мальчика. Кобра подняла голову, огляделась, убрала капюшон и заструилась по полу, вытянувшись в почти идеально прямую линию, к саквояжу — чтобы нырнуть во тьму своего тесного отделения.

— Ну вот и все, Стэвин.

— Теперь я умру?

— Нет. — Снейк покачала головой. — Во всяком случае, не теперь. Думаю, через много-много лет. — Она достала из висевшего на поясе мешочка склянку с каким-то порошком. — Открой-ка рот.

Стэвин покорно повиновался, и Снейк насыпала порошка ему на язык.

— Это снимет боль.

Снейк положила кусочек мягкой ткани на неглубокие сдвоенные ранки, не вытирая кровь. И повернулась, чтобы уйти.

— Снейк! Ты разве уже уходишь?

— Я не уеду не попрощавшись. Даю тебе слово.

Ребенок откинулся на подушку, глаза его закрылись: лекарство брало свое.

Песок мирно лежал на полу, свернувшись кольцами. Снейк постучала по полу, подзывая его. Он подполз и неохотно позволил положить себя в саквояж. Снейк защелкнула застежку, подняла сумку. Но она показалась ей странно пустой и легкой.

На улице за палаткой послышался шум. Клапан палатки резко отдернулся: в проеме показались головы родных Стэвина и еще нескольких человек. Однако сначала в палатку просунулись палки.

Снейк поставила саквояж на пол.

— Все сделано.

Они вошли. Аревин был среди прочих, но руки его оставались пустыми.

— Снейк… — вымолвил он, и в голосе его про-

звучало такое отчаяние, жалость и смятение, что Снейк не смогла до конца понять его чувства. Он оглянулся. За его спиной стояла мать Стэвина. Аревин обнял ее за плечи: — Он бы все равно умер. Независимо от того, что случилось сейчас, малыш бы не выжил.

Женщина в ярости отшвырнула его руку.

— А может, выжил бы. Болезнь могла пройти сама по себе! Мы… — Она не смогла продолжить: невыплаканные слезы, которые она пыталась скрыть, душили ее.

Снейк ощущала их движение: они подступали, они окружали ее. Аревин сделал было шаг вперед, но остановился. Он явно хотел, чтобы она сама оправдалась, защитила себя.

— Вы умеете плакать? Хоть кто-то из вас? — прошептала она. — Тогда плачьте — обо мне и о моей беде, о моем горе. Или о вас самих и вашей вине. Или о них — маленьких беззащитных созданиях и их муках… — Снейк чувствовала, как слезы струятся по ее щекам.

Но они не поняли ее. Вид ее слез оскорблял их чувства. Люди отступили, все еще боясь ее, однако пытаясь собрать свою волю. Снейк больше не было нужды сохранять деловитое спокойствие, которое она, словно маску, нацепила на себя ради

ребенка.

— Какие же вы глупцы!.. — Голос ее сорвался. — Стэвин…

И тут в палатку хлынул слепящий солнечный свет.

— Пропустите меня! — послышался чей-то повелительный голос.

Люди, окружавшие Снейк плотным кольцом, расступились, давая проход предводительнице. Та вошла и встала подле Снейк, не обращая внимания на саквояж, который почти что касался ее ноги.

— Стэвин будет жить? — Голос ее был тихий, спокойный, почти ласковый.

— Я не могу пока сказать наверняка, — ответила Снейк. — Но думаю, да.

— Уходите все. Оставьте нас наедине.

Люди осознали смысл ответа Снейк скорее, чем приказание предводительницы. Наконец они, растерянно озираясь, опустили палки и медленно, друг за другом, потянулись к выходу из палатки. Только Аревин остался.

Силы, поддерживавшие Снейк в минуты опасности, иссякли, ноги у нее подкосились. Она уткнулась лицом в ладони, склонившись над саквояжем. Предводительница опустилась пе-

ред ней на колени — прежде чем Снейк успела остановить ее.

— Благодарю тебя… — прошептала она. — Благодарю. Поверь, мне очень жаль, что так вышло… — Предводительница обняла Снейк и привлекла ее к себе, и Аревин, встав на колени, тоже обнял ее. Снейк била нервная дрожь, и так они стояли, обнявшись втроем, пока рыдания Снейк не утихли.

Потом Снейк заснула, буквально свалившись от изнеможения, в палатке рядом со Стэвином, держа мальчика за руку. Люди племени наловили для Песка и Дымки множество маленьких зверьков. Они дали Снейк пищу и все, что ей было нужно, и даже воду — столько, что она даже смогла искупаться, хотя это, наверное, полностью истощило их запасы.

Проснувшись, она обнаружила рядом с собой Аревина. Тот спал, распахнув балахон, потому что в палатке было ужасно жарко, и пот заливал его грудь и живот. Жесткое, суровое лицо его смягчилось во сне, и он казался усталым и беззащитным. Снейк хотела было разбудить его, но потом передумала, и, покачав головой, повернулась к Стэвину.

Она ощупала опухоль. Опухоль словно подта-

яла, съежилась, рассасываясь под воздействием преобразованного яда кобры. Это немного утешило убитую горем Снейк. Она убрала светлые волосы со лба ребенка.

— Я больше не буду говорить неправду, малыш, — прошептала она. — Мне пора. Я не могу здесь оставаться. — Снейк необходимо было отдохнуть, хотя бы еще дня два-три, чтобы окончательно справиться с действием яда песчаной гадюки, но лучше она поспит в каком-нибудь другом месте. — Стэвин!

Он отозвался, все еще во власти сна:

— У меня уже не болит.

— Я очень рада.

— Спасибо тебе.

— Прощай, Стэвин. Когда проснешься, помни, что я тебя будила. Я не ушла не попрощавшись.

— До свидания, — пробормотал он, снова погружаясь в дрему. — До свидания, Снейк. До свидания, Травка. — Глаза мальчика закрылись.

Снейк подняла с пола саквояж и с минуту стояла, глядя на Аревина. Он не пошевелился. Раздираемая сожалением и благодарностью, Снейк выскользнула из палатки.

Надвигались сумерки, неся с собой длинные, неясные тени. Снейк отыскала своего тигрового

пони, привязанного рядом с охапкой соломы и посудиной с чистой водой. Рядом с ним на земле стояли раздувшиеся от воды бурдюки; через луку седла были перекинуты новые балахоны, хотя Снейк отказалась от платы. Зачуяв хозяйку, пони издал негромкое ржание. Снейк почесала его полосатые уши, затянула подпруги и приторочила к седлу поклажу. Ведя пони под уздцы, она побрела туда, откуда пришла, — на восток.

— Снейк!..

Снейк перевела дыхание и оглянулась: Аревин стоял спиной к солнцу, и лучи его обрамляли фигуру юноши алым ореолом. Волосы рассыпались по плечам, смягчая суровое выражение лица.

— Ты должна уйти?

— Да.

— Я думал, ты не уйдешь, пока… Я так надеялся, что ты побудешь у нас хотя бы еще немного. Здесь есть другие племена, другие кланы, они тоже нуждаются в твоей помощи.

— Если бы все сложилось иначе, я бы осталась. Наверное. Но…

— Они очень испугались.

— Я предупредила, что Травка не причинит вреда, но они увидели ее зубы и… Они не могли знать, что она всего лишь дарует забвение и об-

легчает смерть. И больше ничего.

— Ты не можешь простить их?

— Я не могу это пережить. Потому что их вина — это моя вина. Аревин, я поняла их слишком поздно.

— Ты же сама говорила, что не можешь знать все обычаи, существующие на Земле.

— Аревин, я теперь ни на что не гожусь. Я беспомощна, как калека. Без Травки я не могу лечить, не могу помогать людям. У нас ведь так мало, очень мало таких змеек — дарующих забвение. Теперь я должна пойти к своим Учителям и рассказать им все. Рассказать, что лишилась своей Травки. Может быть, они сумеют простить мне мою глупость. Знаешь, они редко дают воспитанникам такое имя, какое дали мне, — а теперь я так их разочарую.

— Позволь мне пойти с тобой.

Снейк вдруг испытала неодолимое желание сказать «да». Она помедлила, проклиная себя за слабость.

— Они могут отбрать у меня Песка и Дымку и вообще прогнать меня. И ты тоже станешь изгоем. Лучше оставайся здесь, Аревин.

— Меня это не страшит.

— Потом ты станешь думать иначе. И вскоре

мы возненавидим друг друга. Я ведь совсем не знаю тебя, а ты — меня. Нам нужен покой и время — чтобы познать друг друга.

Он приблизился к ней и обнял ее. Некоторое время они стояли, молча прижавшись друг к другу. Когда он поднял голову, на щеках его блестели слезы.

— Возвращайся, — попросил он. — Как бы ни обернулось дело, прошу тебя, возвращайся.

Снейк вздохнула:

— Я постараюсь. Жди меня весной, когда улягутся ветры. А если я не приду и на следующую весну — забудь обо мне. А я забуду о тебе, если буду жива.

— Я буду ждать тебя, — коротко ответил Аревин и больше не сказал ничего.

Снейк подобрала повод и побрела по пустыне.

Глава 2

Дымка поднялась белым столбиком на фоне стены мрака. Кобра шипела, раскачиваясь из стороны в сторону, а Песок вторил ей оглушительным треском «погремушки» на хвосте.

Затем Снейк услыхала приглушенный пустыней топот лошадиных копыт и ощутила ладонью вибрацию почвы. Она похлопала ладонью по песку — и едва не вскрикнула от боли. Ее так и передернуло.

Там, где песчаная гадюка оставила отметины своих зубов, рука была черно-синей, от костяшек пальцев и до запястья. Однако граница синяка уже начинала желтеть. Снейк бережно положила больную руку на колени, словно баюкая ее, и похлопала по песку левой.

Яростная «погремушка» умолкла, и Песок соскользнул к хозяйке с теплого выступа черного вулканического камня. Снейк снова похлопала по земле. Дымка, почувствовав знакомые колебания, успокоилась и, сложив капюшон, опустила голову.

Звук копыт смолк. Снейк могла различить

голоса, доносившиеся из лагеря на самом краю оазиса. Скопище палаток чернело в тени нависающего утеса.

Песок обвился вокруг ее руки, а кобра привычно вползла на плечи. Будь жива Травка, она свисала бы сейчас с шеи Снейк, словно изумрудное ожерелье, но Травка больше не существовала.

Всадник направил лошадь к Снейк. Бледный свет биолюминисцентных ламп, смешавшись со слабым блеском скрытой облаками луны, засверкал в водных брызгах, когда гнедая кобыла стремительно врезалась в воду на мелководье. Она храпела, раздувая ноздри. Кожа под сбруей была вся в мыле. Огоньки, пламенея алыми сполохами, плясали на золоте уздечки, отражались на лице всадника.

— Вы целительница?

Снейк поднялась:

— Меня зовут Снейк. — Наверное, она уже лишилась права зваться подобным именем, но возвращаться к детскому имени — ну уж нет!

— А меня зовут Мередит.

Всадница — а это оказалась женщина — спешилась и направилась к Снейк, однако остановилась, когда кобра приподняла голову.

— Она не укусит, — сказала Снейк.

Мередит подошла ближе.

— Моя подруга очень больна. Она сильно разбилась. Вы поедете со мной?

Снейк усилием воли подавила сомнение.

— Да, разумеется.

Ей было страшно: а что, если раненая умирает? Ведь теперь Снейк не в силах облегчить ее страдания…

Снейк нагнулась, чтобы положить змей в саквояж. Они скользнули вниз по руке, переплетясь замысловатой вязью.

— Мой пони совсем охромел, мне нужна лошадь… — начала было Снейк. Ее Бельчонок — тигровый пони — пасся в загоне лагеря, где Мередит останавливалась пять минут назад. Снейк могла быть спокойной за него: караванщица Грам позаботилась обо всем, а ее внуки щедро накормили и вычистили Бельчонка.

Грам не забудет перековать его, пока Снейк будет в отлучке, если сюда забредет кузнец. Наверное, Грам сможет одолжить ей на время лошадь, подумала девушка.

— У нас мало времени, — остановила ее Мередит. — Эти здешние клячи слишком медлительны. Моя кобыла вынесет нас обеих.

Кобыла Мередит дышала уже ровно, хотя бока

ее все еще лоснились от пота. Она стояла, горделиво выгнув крутую шею, насторожив уши. И впрямь великолепное создание — чистых кровей, не чета караванным, и гораздо выше и крупнее Бельчонка.

Мередит была одета более чем скромно, сбруя же сверкала драгоценными каменьями.

Снейк защелкнула саквояж, надела новый балахон и набросила на голову накидку, которой ее снабдили в лагере Аревина. Она вдруг почувствовала нечто похожее на благодарность: тонкая, но чрезвычайно прочная ткань прекрасно защищала от зноя, песка и пыли.

Мередит вскочила в седло, освободила стремя и протянула руку Снейк, помочь. Но когда та подошла ближе, кобыла, почуяв змей, раздула ноздри и испуганно шарахнулась. Мередит мягко придержала ее, и лошадь замерла, хотя явно продолжала нервничать. Снейк села на круп за спиной у Мередит. Мускулы лошади вздулись, напрягшись, и она рванула с места в карьер, с ходу врезавшись в воду. Брызги ударили в лицо Снейк, и она крепче сжала коленями мокрые бока лошади. Кобыла выбралась на берег и понеслась среди ажурной тени деревьев; тонкие ветви с узкими листьями хлестали всадниц по лицам — и

вдруг им открылась пустыня, простиравшаяся до самого горизонта.

Снейк держала саквояж в левой руке: правая все еще плохо повиновалась ей. Она почти ничего не могла различить в наступившей внезапно кромешной тьме, после ярких огней и дрожавших в воде отблесков. Черный песок поглощал свет и возвращал теперь его знойным жаром.

Кобыла шла галопом. Сквозь хруст копыт по песку слышалось мелодичное позвякивание изысканных украшений ее сбруи. Пот ее пропитал брюки Снейк, и горячая мокрая ткань облепила колени, бедра. Деревья, защищавшие оазис от пустыни, остались позади, и Снейк чувствовала жалящие укусы несомых ветром песчинок. Она отпустила талию Мередит и закутала лицо покрывалом, до самых глаз.

Вскоре песок сменила россыпь мелких камней. Кобыла вскарабкалась по отлогому склону на твердую породу. Мередит, попридержав ее, пустила шагом.

— Здесь нельзя спешить. Свалишься в расселину, прежде чем сообразишь, что к чему. — Голос Мередит дрожал от напряжения.

Они не спеша перебирались через глубокие щели, расселины, образованные языками неко-

гда текшей здесь раскаленной лавы, позднее обратившейся в базальт. Зерна песка с похожим на вздох шелестом неслись по бесплодной волнистой поверхности. Стук копыт гулко разносился окрест. Когда кобыла одним махом перенеслась через пропасть, громкое эхо покатилось по горам.

Снейк несколько раз пыталась заговорить с Мередит, чтобы выяснить, что же случилось, но та не отвечала. Каменная равнина делала невозможными всякие разговоры, она не давала отвлекаться на постороннее.

А Снейк было страшно — спросить, узнать.

Саквояж тяжким грузом лежал на ее бедре, покачиваясь в такт размашистому шагу кобылы. Снейк ощущала, как ворочается в своем отделении Песок, и молила всех богов, чтобы он не пустил в ход «погремушку» и не испугал лошадь.

Лавовый поток не был обозначен на карте Снейк, обрывавшейся на южной оконечности оазиса. Караванные пути обходили стороной лавовые языки, так как места эти были труднопереносимы для людей и животных. Снейк попыталась прикинуть, успеют ли они добраться до места, прежде чем взойдет солнце. Тут, на каменной черной скале, зной накатит стреми-

тельно быстро. Постепенно кобыла начала явно сбавлять шаг, несмотря на то что Мередит постоянно пришпоривала ее.

Монотонная тряска по широкой каменной реке вконец укачала Снейк, и она начала клевать носом. Очнулась она от резкого толчка: кобыла вдруг заскребла подковами по камню и почти села на круп, спускаясь вниз по длинному языку застывшей породы. Всадниц бросило сначала назад, затем вперед. Одной рукой Снейк вцепилась в ручку саквояжа, другой — в талию Мередит и изо всех сил сжала коленями бока лошади.

У подножия скалы растрескавшаяся порода истончилась, и больше не было нужды придерживать кобылу. Снейк почувствовала, как Мередит сжала колени, посылая лошадь в тяжелый галоп. Они выскочили в глубокий узкий каньон, зажатый двумя языками лавы.

Отблески света заплясали на черных каменных стенах, и в полудреме Снейк померещились светлячки. Затем откуда-то издалека донеслось лошадиное ржание, показались огни лагеря. Мередит нагнулась и шепнула что-то ободряющее в ухо лошади. Та рванулась вперед, увязая в глубоком песке, и оступилась. Всадниц кинуло назад, а потревоженный Песок затрещал «по-

гремушкой». В каменном колодце звук разнесся с оглушительной силой. Лошадь шарахнулась и понесла. Мередит не стала сдерживать ее, и, когда кобыла остановилась, роняя с боков клочья пены, раздувая окрашенные струящейся кровью ноздри, снова послала ее вперед.

Но лагерь все отдалялся, словно мираж. Каждый вздох давался Снейк с великим трудом, словно не лошадь, а она сама была уже при последнем издыхании. Кобыла медленно продвигалась вперед, преодолевая глубокий песок, словно выбивающийся из сил пловец, задыхающийся при каждом рывке.

Наконец они остановились у палатки. Кобыла пошатнулась и встала как вкопанная, опустив голову и расставив ноги. Снейк скользнула на землю. Ноги ее были мокрые от лошадиного пота, колени тряслись. Мередит тоже спешилась и поспешила к палатке. Пологи были отпахнуты, палатку заливал голубоватый свет лампы.

Внутри было на удивление светло. Раненая лежала у стенки: ее воспаленное лицо блестело от пота, длинные, красновато-рыжие локоны рассыпались в беспорядке. Тонкая материя, прикрывавшая ее, была вся в темных пятнах — но не от крови, а от пота. Ее товарищ, сидевший рядом

на полу, с трудом поднял голову. Лицо у него оказалось приятное, хотя и некрасивое, в резких складках от напряжения и усталости. Кустистые насупленные брови нависали над небольшими глазками. Каштановые волосы торчали космами.

Мередит опустилась на колени рядом с ним:

— Как она?

— Уснула наконец. А так — все по-прежнему. По крайней мере, не жалуется на боль…

Мередит взяла за руку юношу и, склонившись, легонько поцеловала спящую. Та не пошевелилась. Снейк поставила саквояж и придвинулась ближе. Мередит и молодой человек смотрели друг на друга бессмысленным взглядом, утратив способность соображать под грузом нахлынувшей усталости. Он вдруг нагнулся и обнял Мередит. Они сидели так долго-долго, молча прижавшись друг к другу.

Наконец Мередит выпрямилась и нехотя отстранилась.

— Это мои партнеры: Алекс, — кивок в сторону молодого человека, — и Джесс.

Снейк пощупала пульс у спящей. Пульс был слабый, слегка неровный. На лбу у Джесс лиловел огромный кровоподтек, но зрачки не были увеличены, так что, как знать, может быть, повезло и

она отделается легким сотрясением мозга. Снейк отдернула простыню. Синяки, покрывавшие тело, свидетельствовали о том, что Джесс хорошо досталось при падении: все было ободрано — плечо, кисть, бедро, колено.

— Вы говорите, она только недавно заснула. Что, все это время она была в сознании?

— Когда мы нашли ее, она была без чувств, но вскоре очнулась.

Снейк кивнула. На боку у Джесс алела глубокая ссадина, бедро стягивала марлевая повязка. Снейк попыталась осторожно снять бинт, но ткань прилипла к засохшей крови.

Джесс не шевельнулась даже тогда, когда Снейк коснулась глубокой раны, зиявшей на ноге, — даже не отмахнулась, как это сделал бы любой потревоженный во сне человек. Она не проснулась от боли. Снейк пощекотала ей пятку — никакого эффекта. Рефлексы отсутствовали.

— Она упала с лошади, — пояснил Алекс.

— Она никогда не падает, — возмущенно одернула его Мередит. — Это жеребец упал и придавил ее.

Снейк собрала остатки своего мужества, покинувшего ее после гибели Травки. Потеря оказалась невосполнимой. Теперь она знала, как

все это случилось с Джесс; оставалось выяснить, что именно с ней случилось. Но она не проронила ни слова. Нагнувшись, Снейк пощупала лоб больнй. Он был покрыт холодным потом: Джесс все еще находилась в шоке…

Что, если у нее повреждены внутренние органы, что, если она умирает?.. Снейк вдруг охватил безотчетный ужас.

Джесс отвернулась и слабо застонала во сне.

Снейк вдруг разозлилась на себя. Джесс нуждается в помощи — любой помощи, какую ты только в состоянии оказать, — сказала она себе. И чем дольше ты будешь упиваться жалостью к себе, тем тяжелее придется Джесс!

Казалось, два совершенно различных человека боролись в ней, яростно спорили в ее мозгу — и ни один из них не был ею, Снейк. Она отстраненно ждала и прислушивалась, а потом с благодарным облегчением вздохнула, когда верх одержал поборник долга, повергнув в прах нерешительного труса.

— Помогите мне перевернуть ее, — попросила Снейк.

Мередит взяла Джесс за плечи, Алекс приподнял ее за ноги — и они вместе осторожно перевернули ее на бок, стараясь, как велела

Снейк, не перекручивать спину. На пояснице красовался огромный кровоподтек, расплывшийся в обе стороны от позвоночника. Там, где синева переходила в чернильно-черный оттенок, позвонки были сломаны.

Сила чудовищного удара буквально расплющила, раздробила позвоночник. Снейк прощупала мелкие осколки кости, вдавившиеся в ткани мышц.

— Отпустите ее, — сказала Снейк, испытывая острую горечь. Они повиновались, молча и выжидающе глядя на нее.

Если Джесс суждено умереть, — мелькнулао у Снейк в голове, — то она умрет без страданий и боли. Ни в жизни, ни в смерти Травка все равно не смогла бы облегчить ее участь.

— Что с ней?

Алексу едва ли исполнилось двадцать. Он был юн, слишком юн для горя — даже в этих суровых краях. Мередит казалась лишенной возраста. Темноглазая, загорелая до черноты, старая, молодая, все понимающая, убитая горем. Снейк посмотрела на Мередит, покосилась на Алекса и снова перевела взгляд на женщину: та была старше.

— У нее сломан позвоночник.

Мередит в ошеломленном отчаянии осела на пол. Спина ее безвольно сгорбилась.

— Но ведь она жива! — выкрикнул Алекс. — Она же жива! Как же тогда…

— Вы абсолютно уверены, целительница? — спросила Мередит. — Вы можете что-нибудь сделать?

— Мне очень жаль, но я не в силах помочь ей. Алекс, это просто счастливый случай, что она осталась жива. Нервы повреждены, ни одного шанса из тысячи, что они могли уцелеть при таком ударе. А позвонки — те не просто сломаны, они расплющены, выбиты. Мне очень больно говорить это вам. Я могла бы сказать, что кости срастутся, что нервы не повреждены, — но тогда бы я солгала.

— Она калека?

— Да. — Снейк печально кивнула.

— Нет! — Алекс грубо схватил ее за руку. — Только не Джесс! Я не…

— Успокойся, Алекс, — прошептала Мередит.

— Мне очень жаль, — повторила Снейк. — Я могла бы утаить от вас правду, но все равно вы бы и сами узнали ее, очень скоро.

Мередит осторожно убрала красновато-рыжий локон со лба Джесс.

— Нет. Лучше знать все, сразу. Чтобы приучить себя к этой мысли.

— Джесс не скажет нам спасибо за такую жизнь.

— Помолчи, Алекс! Ты что, предпочел бы, чтобы она умерла сразу?

— Нет! — Алекс смотрел в пол. — Но ведь такое могло случиться. И ты это знаешь.

Мередит взглянула на Джесс:

— Ты прав.

Снейк была видна левая рука Мередит, стиснутая в кулак: она дрожала мелкой дрожью.

— Алекс, будь добр, догляди за моей кобылой. Ей сегодня крепко досталось.

Алекс явно колебался — но не оттого, что ему не хотелось выполнить просьбу Мередит, догадалась Снейк.

Наконец он кивнул.

— Ладно, Мерри, — сказал он и вышел из палатки, оставив женщин вдвоем.

Снейк выждала минутку. Снаружи послышался хруст башмаков по песку, затем неторопливый стук копыт.

Джесс пошевелилась и вздохнула во сне. Мередит вздрогнула и задохнулась. Она попыталась взять себя в руки, но у нее ничего не вышло, и она

разрыдалась в голос. Слезы, сверкая, ползли по ее щекам, словно нанизанные на ниточку бриллианты. Снейк присела поближе, взяла ее за руку и держала до тех пор, пока пальцы, стиснутые в кулак, не разжались.

— Мне не хотелось, чтобы Алекс видел, как я…

— Я знаю, — кивнула Снейк, а про себя подумала: и он тоже. Эти двое оберегают друг друга. — Мередит, а как это выдержит сама Джесс? Я не люблю лгать, но…

— Она сильная, — сказала Мередит. — И потом, как бы мы ни скрывали правду, она все равно догадается.

— Хорошо. Тогда надо ее разбудить. Нельзя спать так долго с травмой головы. Не долее нескольких часов кряду. И нужно переворачивать ее каждые два часа, чтобы не было пролежней.

— Я разбужу ее. — Мередит склонилась над Джесс, поцеловала в губы, взяла за руку, что-то тихонько прошептала. Джесс никак не хотела просыпаться, бормотала, отталкивая руку Мередит.

— Ее нельзя не будить?

— Лучше, если она проснется — хотя бы ненадолго.

Джесс застонала, негромко выругалась и от-

крыла глаза. Некоторое время она молча изучала потолок палатки, потом повернула голову и увидела Мередит.

— Мерри… Как я рада, что ты вернулась. — Глаза у Джесс оказались темно-карими, почти черными — разительный контраст с кирпично-рыжими волосами и нежно-розовой кожей. — Бедный Алекс.

— Я знаю.

Джесс заметила Снейк:

— Целительница?

— Да.

Джесс спокойно, изучающе посмотрела на нее и невозмутимо спросила:

— У меня перелом позвоночника?

Мередит остолбенела. Снейк запнулась, но вопрос был поставлен настолько прямо, что у нее не осталось ни малейшей лазейки.

Она нехотя кивнула.

Джесс как-то сразу обмякла, устремив глаза в потолок. Голова ее откинулась на подушку.

Мередит кинулась к ней и заключила ее в объятия.

— Джесс, любимая… — Но у нее не нашлось нужных слов, и она лишь молча прижимала к себя Джесс.

Джесс взглянула на Снейк:

— Я парализована. Я никогда не смогу поправиться.

— Да, — с горечью подтвердила Снейк. — Мне ужасно жаль, но я не допускаю такой возможности.

Выражение лица Джесс не переменилось. Если она и ждала какого-то утешения, то ничем не выдала разочарования.

— Я сразу поняла, что дело плохо, — проговорила она наконец. — Когда летела вниз. Я слышала, как хрустнула кость. — Она мягко отстранила Мередит. — Что с жеребенком?

— Он был уже мертв, когда мы нашли тебя. Сломал себе шею.

— Хорошо, что сразу отмучился, — сказала Джесс. В голосе ее смешались облегчение, сожаление, страх. — Что ж, ему повезло. Для него все кончилось быстро.

Едкий запах мочи распространился в палатке. Джесс потянула носом и залилась краской смущения.

— Я не хочу жить такой! — крикнула она.

— Все в порядке, родная, — сказала Мередит и отправилась за свежей простыней.

Мередит со Снейк вместе перестелили постель

и обтерли Джесс. Та отвернулась, молча уставившись в стенку.

Вернулся Алекс. Он был совершенно без сил.

— Я позаботился о твоей кобыле, с ней все в порядке. — Но мысли его были заняты совсем другим. Он взглянул на Джесс, все еще лежавшую лицом к стене, прикрывая глаза ладонью.

— Наша Джесс — мастер выбирать лошадей. — с наигранной бодростью заговорила Мередит. Молчание резало как стекло. Оба не отрываясь смотрели на Джесс, но та даже не пошевелилилась.

— Оставьте ее, пусть поспит, — посоветовала Снейк, гадая, уснула та или просто притворяется. — Когда она проснется, то захочет есть. Надеюсь, у вас найдется что-нибудь подходящее к случаю.

Стылое молчание сменилось некоторым облегчением, подогреваемым лихорадочной активностью. Мередит перетряхнула все мешки и сумки и извлекла вяленое мясо, сушеные фрукты, кожаную флягу.

— У нас есть вино. Ей можно немного?

— Сотрясение не очень сильное, — задумчиво заметила Снейк. — Полагаю, особого вреда не будет, если она выпьет немного. — Пожалуй,

это будет даже весьма кстати, подумала она про себя. — Но вяленое мясо…

— Я сварю бульон, — вызвался Алекс. Из груды наваленных в углу вещей он выудил котелок, вытащил из ножен, висевших на поясе, нож и принялся мелко строгать мясо.

Мередит плеснула вина на сморщенные кусочки фруктов. Острый сладкий аромат поплыл по палатке, и тут Снейк поняла, как зверски она голодна. И еще ее мучила жажда. Люди пустыни мало заботились о хлебе насущном, но она добралась до оазиса два дня назад — или то будет уже три? — и с того момента ни крошки в рот не брала, проспав все это время, восстанавливая силы после укуса песчаной гадюки. Однако то было верхом неучтивости — просить воды или пищи в здешних краях; еще неприличней было только не предложить. Но приличия мало заботили Снейк в этот момент. Ее просто вело от голода.

— Господи, как хочется есть! — с удивлением воскликнула Мередит, словно прочитав мысли Снейк. — А тебе, Алекс?

— Пожалуй. — Он мрачно кивнул.

— Позвольте вам предложить… — Неловким жестом, словно извиняясь, Мередит протянула Снейк флягу, потом достала еще чистые миски

и фруктов.

Снейк отхлебнула тепловатого пряного напитка, однако с непривычки сделала слишком большой глоток и закашлялась. Вино оказалась очень крепким. Снейк хлебнула еще раз и возвратила флягу Мередит. Алекс принял у нее из рук флягу и щедро плеснул вина в котелок. Только затем он приложился к ней, прямо на ходу, стоя уже на пороге палатки, уходя, чтобы сварить бульон на маленькой керосинке. Жара стояла просто угнетающая, было так душно, что даже не ощущалась температура пламени. Оно дрожало, словно бесцветный мираж на черном песке, и струйки пота потекли у Снейк по вискам и по ложбинке между грудей. Она вытерла лоб рукавом.

Они позавтракали вяленым мясом, сушеными фруктами и запили все это вином, которое ударило в голову мгновенно и тяжело. Алекс начал безостановочно зевать, но всякий раз, как он начинал клевать носом, тут же вставал и брел помешивать бульон.

— Алекс, ляг же, поспи, — не выдержала наконец Мередит.

— Нет. Я совсем не устал. — Он еще раз помешал бульон, попробовал его на вкус и поставил в палатку — стынуть.

— Алекс. — Мередит взяла его за руку и увлекла на узорчатый ковер. — Если она позовет, мы услышим. Если ей нужно быдет повернуться, мы будем рядом. Чем мы сможем помочь ей, если сами будем валиться с ног от усталости?

— Но… я… — Алекс покачал головой, но усталось и алкоголь брали свое. — А ты?

— У тебя была трудная ночь. Хуже, чем у меня. Я еще чуть-чуть посижу, чтобы просто прийти в себя, а потом тоже лягу.

С явной неохотой, но и с благодарностью Алекс лег рядом с ней, Мередит погладила его по волосам, и уже через несколько минут Алекс начал похрапывать во сне. Мередит взглянула на Снейк с улыбкой.

— Когда мы первый раз взяли его с собой, мы думали, что никогда не сможем заснуть под такой аккомпанемент. А вот теперь наоборот — без этого нам не спится.

Храп у Алекса был громкий и низкий, временами перемежаемый сопением.

Снейк улыбнулась:

— Мне сдается, вы способны привыкнуть к чему угодно. — Она в последний раз отхлебнула из фляги и возвратила ее Мередит. Мередит взяла ее, но неожиданно икнула, вспыхнула от стыда и,

передумав пить, завинтила крышку.

— Я быстро пьянею. Мне совсем нельзя пить.

— Хорошо, что вы понимаете это. И никогда не окажетесь в нелепом положении.

— Когда я была моложе… — Мередит рассмеялась, предавшись воспоминаниям. — Я была совсем дурочка, и к тому же нищая. Скверное сочетание, правда?

— Да уж, пожалуй.

— А теперь мы богаты, а я слегка поумнела — возможно… Но что с того проку? Деньги не могут излечить Джесс. Равно как и мудрость.

— Вы правы, — вздохнула Снейк. — Это ей не поможет. Так же, как и я. Только вы с Алексом.

— Я знаю. — Голос Мередит прозвучал нежно и печально. — Но она очень нескоро смирится с этим.

— Она жива, Мередит. Смерть была так близко — и все же миновала ее. Разве это не счастье?

— Для меня — да. — Язык у Мередит уже начал заплетаться. — Но вы же не знаете Джесс. Откуда она, почему оказалась здесь…

Мередит как-то неуверенно посмотрела на Снейк, будто раздумывая, говорить или нет, потом все же решилась:

— Она здесь, потому что терпеть не может,

когда ее загоняют в угол. До того как мы с ней познакомились, у нее было все — власть, богатство, безопасность. Но вся ее жизнь, вся ее работа были расписаны наперед — по дням. Ей предстояло стать одной из правительниц Города…

— Города!

— Он был бы у ее ног — захоти она этого. Но Джесс не пожелала жить под каменным небом. И она ушла оттуда, ушла с пустыми руками. Чтобы самой делать свою судьбу. Чтобы жить своей жизнью. Чтобы быть свободной. А теперь, теперь… Все, что она так любила, недосягаемо для нее. Как я могу посоветовать ей возблагодарить судьбу, если она понимает, что уже никогда не сможет брести по пустыне, никогда не найдет мне алмаз для сережек какого-нибудь богача, никогда не сможет объездить нового скакуна и никогда — слышите, никогда! — не сможет лечь с любимым человеком?

— Я не знаю, что сказать. — Снейк пожала плечами. — Но если вы с Алексом будете воспринимать то, что случилось с ней, как трагедию, ее жизнь превратится в кошмар.

Перед самым рассветом жар немного спал, но как только взошло солнце, температура воздуха снова резко подскочила. Лагерь был разбит в те-

ни, но даже под прикрытием каменного выступа жара ощущалась почти физическим бременем.

Алекс все храпел. Мередит лежала рядом, безмятежно раскинувшись во сне, не просыпаясь от храпа и обвив свою жилистую руку вокруг шеи Алекса. Снейк лежала прямо на полу, лицом вниз, раскинув руки. Мягкие ворсинки отпечатались на ее щеке и повлажнели от пота. От пульсирующей боли в руке Снейк долго не могла заснуть, но и подняться у нее тоже не было сил.

Незаметно для себя она впала в какую-то полудрему, и в видениях ей явился Аревин. Она видела его даже более явственно, чем наяву. Это был странный сон, по-детски целомудренный. Она лишь успела коснуться его кончиками пальцев — и тут образ его стал тускнеть, бледнеть, расплываться. Снейк в отчаянии потянулась к нему — и тут проснулась, с бешено бьющимся сердцем, задыхаясь от желания.

Джесс пошевелилась. С минуту Снейк лежала неподвижно, затем с трудом заставила себя встать. Она оглянулась на Алекса с Мередит. Юноша спал счастливым беззаботным сном молодости, дарующим мгновенное забвение. Лицо же Мередит бороздили морщины и складки глубокой усталости, черные блестящие короткие

локоны слиплись от пота.

Снейк не стала их будить и уселась подле Джесс, неподвижно лежавшей на животе — так, как они положили ее. «Она притворяется, что спит», — догадалась Снейк. Изгиб руки, напряжение стиснутых пальцев выдавали ее. Притворяется или пытается заснуть, как и сама Снейк. «Нам обеим очень хотелось бы уснуть и забыть все, что случилось», — подумала она.

— Джесс, — тихонько позвала она, — Ну Джесс, отзовись…

Джесс вздохнула, и рука ее соскользнула на простыню.

— Алекс сварил тебе бульон. Выпей его, когда придешь в себя. И вина тоже — если захочешь.

Едва заметное движение головы: «Нет». Хотя губы Джесс просто обметало от жажды. Снейк не могла позволить ей доводить себя до полного истощения, но и принуждать Джесс тоже не хотелось.

— Зачем? — прошептала Джесс.

— Джесс…

Джесс накрыла ладонью руку Снейк:

— Все в порядке. Просто я хорошенько обдумала то, что случилось. Во сне. — Снейк вдруг обратила внимание на россыпь золотистых крапинок в

карих глазах Джесс. Зрачки были крошечные-крошечные. — Я не могу так жить. И они тоже не выдержат этого. Да, они, конечно же, попытаются — и загонят себя. Послушайте…

— Не надо, Джесс… — умоляюще прошептала Снейк. Ее вдруг обуял такой безотчетный ужас, какого она никогда не знавала прежде.

— Вы можете мне помочь?

— Только не умереть! — взорвалась Снейк. — И не просите меня о такой услуге!

Она вскочила и вылетела из палатки. Зной всей тяжестью обрушился на нее. От него просто некуда было скрыться. Вокруг вздымались в небо отвесные стены каньона, громоздились горы битых камней. Снейк трясло как в лихорадке, едкий пот жег глаза. Она остановилась и попыталась взять себя в руки. Да, она вела себя просто как глупая девчонка, и теперь ей было стыдно за свое поведение, за свой испуг. Наверное, она напугала и Джесс. Тем не менее она не могла заставить себя вернуться в палатку и взглянуть ей в глаза. Снейк побрела прочь, но не к пустыне, где солнце и песок колыхались призрачным маревом, а к выемке в породе каньона, где был устроен загон для лошадей.

Лошади стояли неподвижным табуном, опу-

стив головы и развесив уши, запорошенные пылью, и Снейк подивилась, зачем им вообще загон. Они даже не обмахивались хвостами: в черной пустыне не было никаких насекомых. Снейк попыталась отыскать глазами гнедую кобылу Мередит, но не смогла. Несчастные животные, с жалостью подумала она. Переброшенные через изгородь уздечки, сбруя, валявшаяся прямо на земле, искрились золотом, серебром и драгоценными камнями. Снейк облокотилась на обмотанный веревкой кол и задумалась, опершись подбородком о ладонь.

Внезапно послышался плеск льющейся воды. Снейк в изумлении оглянулась. По ту сторону загона стояла Мередит и лила воду в кожаную поилку, натянутую на деревянную основу. Лошади, ожив, задрали головы и навострили уши. Они потрусили к поилке, сначала не торопясь, потом перешли на галоп, толпясь и толкая друг друга с пронзительным ржанием, кусаясь и лягаясь. Они преобразились. Они были прекрасны.

Мередит стояла рядом, держа в руках пустой, обвисший, мокрый бурдюк. Внимание ее, казалось, было поглощено лошадьми, на Снейк она почти не смотрела.

— Насчет лошадей у нашей Джесс просто дар…

Выбирать, объезжать… Что там между вами произошло?

— Прошу прощения. Наверное, я разочаровала ее. Я не имела права…

— Советовать ей жить? Возможно. Но я рада, что вы это сказали.

— Какая разница, что я ей сказала. Она сама должна прийти к этой мысли.

Мередит замахала рукой и гикнула. Лошади, стоявшие ближе к поилке, шарахнулись, пропуская вперед задних. Они отталкивали друг друга, опустошив поилку досуха — а потом замерли, столпившись и явно ожидая добавки.

— Увы, — сказала Мередит, — пока все.

— Наверное, вам приходится возить с собой порядочный запас воды, — заметила Снейк. — Всех ведь нужно напоить.

— Да. Но они нужны нам все. Мы приходим сюда с водой, а уходим с грузом руды и драгоценных камней, которые находит Джесс.

Гнедая кобыла просунула морду через загородку и, понюхав рукав Мередит, потянулась к ней мордой, явно прося ласки. — С тех пор как к нам присоединился Алекс, мы стали брать с собой гораздо больше… э-э-э… вещей. Предметов роскоши. Комфорта. Алекс говорит, что это производит

впечатление и люди охотнее покупают у нас.

— Ну и как, действует?

— Похоже, да. Мы теперь живем очень хорошо. Я даже могу выбирать — соглашаться мне на заказ или нет.

Снейк наблюдала за лошадьми, поодиночке отходившими от поилки, чтобы укрыться в затененном углу загона.

Луч солнца вспыхнул над верхней кромкой каменной стены, и Снейк физически ощутила жар на своем лице.

— О чем вы думете? — спросила Мередит.

— О том, как внушить Джесс желание жить.

— Она не вынесет такой бессмысленной, такой бесполезной жизни. Мы с Алексом любим ее. И будем заботиться, что бы там ни случилось. Но для нее этого мало.

— Она должна ходить, чтобы приносить пользу?

— Конечно. Она в нашей тройке — старатель. Горноразведчик. — Мередит с грустью посмотрела на Снейк. — Она пыталась научить и меня, где и как нужно искать. Я все вроде понимаю, когда она говорит, а как доходит до дела, нахожу разве что оплавленное стекло да пирит. Ведь он тоже блестит как золото.

— А вы пробовали учить ее своему ремеслу?

— Конечно. Каждый из нас способен делать работу другого. Но у каждого из нас свой дар. Она куда лучше делает украшения, нежели я ищу камни, а Алекс превосходит нас обеих в своей работе. Но люди не умеют оценить по достоинству ее произведения. У нее чересчур необычные композиции. Хотя и очень красивые. — Мередит, вздохнув, протянула Снейк браслет — свое единственное украшение. Он был целиком из серебра, без драгоценных камней, с правильным геометрическим узором, многослойный — однако не выглядевший громоздким. Мередит права: красиво, но непривычно. — Никто не станет покупать такое. Джесс знает, что я готова ради нее на все. Я готова даже на ложь, если бы это только могло помочь. Но она все равно догадается. Целительница… — Мередит швырнула бурдюк на песок. — Неужели вы ничего не можете сделать?

— Я умею лечить болезни, бороться с с инфекциями, устранять опухоли. Я даже могу делать некоторые операции — если это не выходит за пределы моих возможностей. Но не в моих силах заставить человеческий организм самовосстановиться.

— А кому-нибудь это доступно?

— Н-нет… Пожалуй, на Земле — никому…

— Вы ведь не склонны к мистике, — задумчиво заметила Мередит. — Сказав это, вы имели в виду, что есть какая-то потусторонняя сила, способная сотворить чудо. А значит, вы хотели сказать, что существа из других миров могут помочь Джесс!

— Могли бы, — медленно уточнила Снейк, сожалея о том, что проговорилась. Она никак не ожидала, что Мередит сможет почувствовать владевшее ею негодование, хотя ей следовало бы подумать и о такой возможности. Город неудержимо привлекал к себе окрестных обитателей; он был подобен водовороту, загадочному и манящему, затягивающему всех и вся в свою воронку. А кроме того, именно там время от времени являлись пришельцы из Запределья — существа иных миров. Возможно, Мередит знала о Городе куда больше, чем Снейк — о Джесс. Снейк же приходилось принимать на веру все слухи и сплетни: сама мысль о пришельцах из зведных миров непостижима для людей, живущих на этой Земле, где почти никогда не видны звезды.

— Возможно, они могли бы вылечить ее прямо в Городе, — сказала Снейк. — Откуда мне знать? Люди из Города не желают общаться с нами. Они никого не пускают к себе. А что касается инопла-

нетян, то я еще не встречала человека, который мог бы подтвердить, что видел их.

— Джесс видела.

— Они захотят ей помочь?

— Ее семья очень могущественна. Возможно, им под силу уговорить пришельцев взять Джесс туда, где ей смогут помочь.

— Люди Города, как и пришельцы, ревниво охраняют свои знания от посторонних, Мередит, — с горечью проговорила Снейк. — Они еще ни разу не пожелали поделиться ими ни с кем — даже самой малой толикой.

Мередит нахмурилась и отвернулась.

— Но я вовсе не говорю, что мы не должны попытаться. Это даст ей надежду…

— А если они откажут, ее надежды рухнут.

— Ей нужно время.

Мередит помолчала в раздумье.

— А вы пойдете с нами, чтобы помочь нам? — внезапно спросила она.

Теперь настал черед Снейк задуматься о будущем. Она уже смирилась с мыслью о том, что вернется на станцию и примет приговор со смирением, после того как поведает о допущенных ею ошибках. Она уже настроилась идти в долину. Но, представив себе путешествие, которое заду-

мала Мередит, она поняла: им просто необходим человек, который знает, как нужно ухаживать за Джесс.

— Ну как?

— Хорошо. Я согласна.

— Тогда нужно поговорить с самой Джесс.

Они вернулись в палатку. Снейк с изумлением почувствовала, что к ней вернулся былой оптимизм: она даже улыбалась и надежда бурлила в ней — впервые за долгое время.

Алекс сидел возле Джесс. Он свирепо уставился на вошедшую Снейк.

— Джесс, — начала Мередит. — У нас возник план.

Они снова перевернули ее, строго следуя инструкциям Снейк. Джесс устало смотрела на них. Горькие складки, залегшие на лбу и у губ, сразу состарили ее.

Мередит, взволнованно жестикулируя, объяснила суть дела. Джесс внимала с отсутствием всякого выражения на лице. На физиономии Алекса застыла маска недоверия.

— Ты сошла с ума, — заключил он, когда Мередит закончила.

— Вовсе нет! Почему ты отказываешься поверить? Ведь это наш единственный шанс!

Снейк взглянула на Джесс:

— А ты что скажешь? Что мы не в своем уме?

— Пожалуй, — протянула та, хотя очень медленно, очень задумчиво.

— Если мы довезем тебя до Центра, твои родные помогут тебе?

Джесс задумчиво молчала.

— Мои братья многое умеют. Они умеют лечить очень скверные раны. Но позвоночник… Может быть. Не знаю. А потом — с какой стати им мне помогать? Во всяком случае, теперь.

— Но ты же всегда говорила, что в ваших семьях кровные узы чрезвычайно крепки, — напомнила Мередит. — Ты им родная.

— Я сама бросила их, — ответила Джесс. Это я разорвала семейные узы. С какой стати им принимать меня обратно? Ты хочешь, чтобы я умоляла их о снисхождении?

— Да.

Джесс бросила взгляд вниз — на свои длинные, сильные, но такие теперь бесполезные ноги. Алекс метнул разъяренный взгляд на Мередит, затем на Снейк.

— Джесс, я не могу смотреть, как ты страдаешь. Я не могу принять того, что ты желаешь смерти.

— Их гордыня непомерна, — проговорила

Джесс. — Я нанесла им смертельное оскорбление. Тем, что отвергла их.

— Тогда они должны понять, чего это тебе стоило — попросить их о помощи.

— Это будет полным безумием, — заключила Джесс.

Глава 3

Они намеревались свернуть лагерь и пересечь лавовое плато еще до восхода солнца. Снейк предпочла бы не трогать Джесс еще несколько дней, но выбора не было. Настроение у Джесс было чересчур переменчиво, чтобы искушать судьбу малейшим промедлением. А кроме того, они и так уже пробыли здесь слишком долго: Мередит и Алекс уже не могли скрыть от Снейк, что запасы воды на исходе, что им самим и лошадям придется сильно ограничить себя в воде, чтобы Снейк могла почиститься и искупаться. Еще несколько дней жизни в каньоне — среди кислой вони, усиливающейся час от часу, ибо воды уже не хватало даже на то, чтобы как следует вымыть посуду, — не приведут ни к чему хорошему, это только усилит депрессию и отвращение к жизни у Джесс.

Они не могли терять время, его оставалось в обрез. Путь предстоял долгий и трудный: вверх и вперед по лавовому плато, затем через центральный хребет, деливший Черную пустыню на две половины, — в восточную ее часть, где и распола-

гался Город. Дорога через западные и восточные отроги Центральных гор была вполне сносная, но, миновав перевал, они снова попадут в пустыню, чтобы добраться до Центра. Им следовало поторопиться. С наступлением сезона зимних ветров ни одно живое существо уже не сможет без риска для жизни миновать пустыню, и тогда Город окажется отрезанным от них. Лето блекло, умирало на глазах в несомых ветром песчаных вихрях и пыльных смерчах.

Они решили не снимать палатку и не навьючивать поклажу на лошадей до самых сумерек, однако упаковали все, что можно было упаковать, пока не накатила жара, и свалили поклажу рядом с мешками руды. Больная рука Снейк ныла от ношения тяжестей. Желтый синяк уже почти совсем рассосался, а следы змеиных зубов затянулись розовыми рубцами. Скоро их будет не отличить от прочих шрамов. И Снейк даже не вспомнит, который из них — укус песчаной гадюки. Теперь она остро жалела, что не поймала одну из этих уродливых тварей, чтобы принести ее на станцию. Этот вид не был ей известен, но, даже окажись она бесполезной для нужд целителей, все равно можно было бы изготовить сыворотку для соплеменников Аревина. Если ей, конечно,

еще доведется увидеть его соплеменников.

Снейк подтащила последний тюк к груде вещей, вытерла руки о штаны и промокнула лоб платком. Неподалеку Алекс и Мередит мастерили носилки для Джесс: пригоняли импровизированную крепежку, чтобы носилки ровно висели между парой лошадей. Снейк подошла посмотреть.

Это было самое удивительное перевозочное средство, что ей доводилось когда-либо видеть. Однако оно казалось вполне надежным. В пустыне всю поклажу приходилось либо навьючивать на лошадей, либо тащить волоком, потому что колеса увязали в глубоком песке или ломались на каменистом грунте. Если только лошади не понесут, не шарахнутся, то на носилках Джесс лучше всего перенесет тяжелую дорогу. Мощный серый жеребец, впряженный впереди, стоял как вкопанный. Задняя пегая кобыла тоже не выказывала ни малейших признаков нервозности.

Да, Джесс действительно просто кудесница, в этом нет сомнения, подумала Снейк, если лошади, с которыми она работала, спокойно терпят такое.

— Джесс смеется, говорит, что мы станем зачинателями новой моды среди купцов, — сказала

Мередит.

— Она права, — отозвался Алекс. — Только боюсь, что других-то просто разнесут на части — при их умении обращаться с лошадьми. — Он любовно похлопал мирно стоявшего серого жеребца по мощной шее и отвел лошадей в загон.

— Было бы идеально, если бы Джесс везла ее лошадь, — заметила Снейк.

— Они не всегда были такие смирные. Джесс выбирает лошадей с бешеным нравом. Она терпеть не может полузабитых кляч. Тот жеребенок был совсем дикий: отбился от табуна. Она сумела объездить его, но не упела выдрессировать как следует.

Они пошли в палатку, спасаясь от полуденного солнца, приближавшегося к зениту. Палатка завалилась набок, потому что два кола выдернули для носилок. Мередит широко зевнула:

— Нужно поспать, пока есть возможность. Нам нельзя оставаться на лаве после восхода солнца.

Снейк переполняла какая-то странная, бесцельная жажда деятельности: она посидела в тени палатки, наслаждаясь прохладой, но сон не шел к ней. Снейк сидела и раздумывала о том, как они будут осуществлять свой безумный план. Потом потянулась за саквояжем, проверить своих

подопечных, но Джесс проснулась, когда Снейк потревожила Песка. Снейк снова защелкнула застежку и подсела к Джесс. Та подняла на нее глаза.

— Джесс… Насчет того, что я тогда сказала… — Снейк мялась, не зная, как начать разговор.

— Что тебя так тревожит? Я у тебя первая пациентка, которая могла умереть?

— Нет. Я видела, как умирают люди. Я помогала им умирать.

— Еще недавно все казалось так безнадежно, — тихо сказала Джесс. — Легкая смерть была бы лучшим концом. Тебе всегда приходится бороться с соблазном даровать легкую смерть.

— Смерть может быть даром, — ответила Снейк. — Но, так или иначе, это всегда поражение. Осознание этого и есть самая надежная защита от подобных соблазнов.

Слабый ветерок прошелестел в раскаленном воздухе, принеся почти прохладу.

— Но тогда в чем же дело, целительница?

— Мне было страшно. Я боялась, что ты умираешь. Тогда ты имела бы право искать моей помощи. Я была обязана предоставить ее тебе. Но я не могу.

— Не понимаю.

— Когда закончился курс моего обучения, Учителя дали мне моих собственных змей. Две из них используются в лечебных целях — они могут вырабатывать лекарственные препараты. Третья дарила покой и забвение. Это была змея-греза. Грезу убили.

Джесс инстинктивно потянулась к Снейк и взяла ее за руку, пытаясь утешить. Снейк ощутила острую благодарность, черпая радость в крепком рукопожатии.

— Значит, мы обе калеки, ты и я, — коротко заключила Джесс. Ты — в своем ремесле.

Великодушие Джесс, сравнившей их в своем горе, потрясло Снейк. Шанс на выздоровление Джесс, беспомощной, терзаемой болью, был настолько ничтожен, что Снейк испытала благоговейный трепет перед ее силой духа и возрожденной жаждой жизни.

— Благодарю тебя за твои слова.

— Выходит, ты, как и я, собиралась пойти к своей семье, чтобы просить о снисхождении?

— Да.

— Они дадут тебе другую змею, — с неожиданной уверенностью сказала Джесс.

— Я надеюсь.

— Разве есть какие-то сложности?

— Змеи-грезы размножаются очень медленно. Нам крайне мало известно о них. Новый экземпляр появляется на свет один раз в несколько лет, или когда кому-то удается получить клон, но… — Снейк пожала плечами.

— А ты поймай ее!

Подобная мысль еще никогда не приходила Снейк в голову, ибо она знала, что это невозможно. Она никогда не допускала иной возможности, кроме как возвратиться на станцию и просить прощения. Снейк печально улыбнулась:

— К сожалению, я не могу этого сделать. Они происходят не из нашего мира.

— А из какого?

— С какой-то другой планеты… — Голос у Снейк дрогнул, когда до нее дошел смысл сказанных слов.

— Тогда ты войдешь в ворота Города вместе со мной, — решительно заявила Джесс. — Когда я попаду к своим родным, я познакомлю тебя с пришельцами.

— Джесс, мы умоляем Центр о помощи вот уже несколько десятков лет. Но они даже не хотят с нами разговаривать.

— Но теперь-то ситуация иная! Одна из влиятельнейших семей Города в долгу перед тобой.

Я не знаю, примут ли они обратно меня. Но они обязаны тебе за то, что ты помогала мне. Все равно обязаны.

Снейк внимала молча, загипнотизированная этой новой открывшейся возможностью, содержавшейся в предложении Джесс.

— Поверь мне, — продолжала Джесс. — Мы обе можем помочь друг другу. Если они примут меня, они примут и моих друзей. Если нет, они все равно обязаны уплатить долг. Любая из нас может высказать обе просьбы.

Снейк была гордой, очень гордой — она гордилась своим воспитанием, знаниями, своим именем. Перспектива возместить утрату Травки не униженными мольбами и оправданиями, а каким-то иным путем просто заворожила ее. Каждые десять лет Старший целитель совершал долгое путешествие в Город, чтобы пополнить популяцию змеек-грез, но всегда возвращался с пустыми руками. Если Снейк повезет…

— Это возможно?

— Моя семья поможет нам, — с уверенностью сказала Джесс. — Уговорят ли они пришельцев — вот это я гарантировать не могу.

Пока не спала полуденная жара, Снейк и всем остальным оставалось лишь ждать. Снейк ре-

шила выпустить Дымку и Песка проветриться немного перед утомительным путешествием. Выходя из палатки, она помедлила возле Джесс. Та мирно спала, но ее красивое лицо было покрыто нездоровым румянцем. Снейк пощупала ее лоб: возможно, у нее небольшой жар. А может, Джесс просто раскраснелась от духоты и зноя.

Снейк по-прежнему считала, что внутренние органы не пострадали, однако все же не стоило исключать возможность скрытого кровотечения. Возможно, даже начинающегося перитонита. Но тут Снейк, по крайней мере, хотя бы могла помочь. Она решила пока не тревожить Джесс, а выждать и посмотреть, как будут развиваться события.

Снейк задумала вынести змей подальше, в укромное место, где они никого не могли напугать. По дороге она наткнулась на Алекса, мрачно глядевшего перед собой. Она замедлила шаг. Алекс взглянул на нее. Вид у него был ужасно расстроенный. Снейк молча села рядом. Он повернул голову и испытующе посмотрел на нее: природное добродушие исчезло с его искаженного мукой лица. Теперь оно казалось уродливым и даже зловещим.

— Это мы искалечили ее, да? Мы с Мередит?

— Вы?! Боже, Алекс, ну конечно же нет.

— Ее нельзя было трогать. Мне следовало догадаться. Нужно было перенести лагерь к ней. Может быть, нервы не были порваны, когда мы нашли ее.

— Они были порваны.

— Мы же не знали, что она упала спиной. Думали, только разбила голову. Это мы могли повредить ей позвоночник…

Снейк положила ладонь Алексу на плечо.

— Такое ранение — результат сильнейшего удара, — сказала она. — Любой целитель скажет тебе то же самое. Позвоночник сломался при падении. Поверь мне. Вам с Мередит не под силу так повредить его.

Мускулы под ладонью Снейк медленно расслабились. Снейк с облегчением отвела руку. В коренастом теле Алекса было столько силы и он настолько плохо владел собой, что Снейк не на шутку перепугалась: он невольно мог обратить свою силу против себя самого. Он был гораздо важнее для этого крошечного сообщества, чем это могло показаться на первый взгляд, — может быть, даже важнее, чем он полагал сам. На Алексе держалось все хозяйство, он занимался лагерем, вел переговоры с заказчиками, уравновешивая

артистический романтизм Мередит и бесшабашный авантюризм Джесс. Снейк от всей души понадеялась, что освободила его от чувства вины и нервного напряжения. Пока это было все, что она могла сделать для них.

Начали сгущаться сумерки. Снейк потрогала гладкую кожу гремучей змеи. Она больше не раздумывала над тем, нравится ли это Песку и, вообще, способны ли существа с таким примитивным мозгом испытывать наслаждение. Главное, что прикосновение прохладной змеиной кожи к кончикам пальцев доставляло удовольствие ей, а Песок лежал, свернувшись в кольцо и время от времени высовывая раздвоенный язычок. Краски его чешуек были яркими и чистыми — недавно он сменил кожу.

— Я совсем тебя раскормила, — любовно сказала Снейк. — Ах ты, ленивая бестия.

Снейк подтянула колени к подбородку. Черно-желтые узоры гремучей змеи так же хорошо выделялись на каменной породе, как и молочные кольца Дымки. Еще никто — ни змеи, ни люди, ни другие создания, уцелевшие в катастрофе, не успели приспособиться, мимикрировать на этой новой, непривычной Земле…

Дымки не было видно, но Снейк не беспоко-

илась. Обе рептилии в результате обучения были настроены на ее биополе и всегда держались поблизости или даже следовали за ней. Способности их не выходили за рамки импринтинга, заложенного воспитателями, однако при похлопывании ладонью о песок они всегда возвращались к Снейк.

Снейк оперлась о большой валун, подстелив под спину подаренный сородичами Аревина балахон. Интересно, где он сейчас, что с ним… Его род принадлежал к кочевникам, разводившим огромных мускусных быков, из их подшерстка получалась шелковистая первоклассная шерсть. Чтобы разыскать их, придется немало потрудиться, Снейк даже не знала, удастся ли ей его найти, хотя так хотелось увидеть Аревина…

Но его сородичи всегда будут напоминать ей о гибели Травки — если она вообще в состоянии забыть об этом хоть на миг. Причина трагедии — ее ошибка, непонимание этих людей. Она полагала, что они поверят ей на слово, что они легко отбросят свои страхи, — а ведь они ясно давали понять, сколь самонадеянной считали ее в своих суждениях.

Снейк постаралась отмахнуться от тоскливых мыслей. Теперь у нее есть шанс исправить ошиб-

ку и вернуть себе доброе имя. Если она пойдет с Джесс, выяснит, откуда берутся зеленые змейки, и добудет новых — а вдруг ей даже удастся выяснить, откуда те вообще взялись на Земле? — то она вернется с победой, а не с позором, ибо сумеет добиться того, что было недоступно ее Учителям и поколениям целителей.

Однако было пора возвращаться в лагерь. Она вскарабкалась на груду камней, загромождавшую вход в каньон, ища глазами Дымку. Кобра уютно устроилась на огромном базальтовом валуне.

Снейк взобралась на валун, подняла кобру и погладила ее по узкой головке. Вид у нее был совсем не такой устрашающий, скорее невозмутимый, капюшон сложен, голова такая же узкая, как у любой неядовитой змеи. Ей не было нужды в тяжелых мощных челюстях, огромных мешках, переполненных ядом. Смертоносный яд кобры убивал и в микроскопических дозах.

Снейк обернулась, привлеченная великолепием заката. Солнце висело над горизонтом оранжевым шаром, пробиваясь ярко-красными и малиновыми лучами сквозь серые облака.

И тут Снейк заметила кратеры, цепочкой вытянувшиеся через пустыню прямо под ее ногами. Земля была буквально изрыта огромными круг-

лыми ямами, превратившимися в резервуары. Некоторые, лежавшие на пути лавового потока, остановили его бег, навеки заморозив наступающий вал. Другие были идеально округлы — чудовищные дыры, словно выдолбленные в земле, — и четкие очертания их не смогли нарушить даже наступавшие десятилетиями пески. Кратеры были столь огромны и раскиданы так широко, что причина их возникновения просто не вызывала сомнений. Ядерные взрывы изрыли Землю этими оспинами. Уже давно закончилась та война, и даже память о ней почти что стерлась у выживших на Земле, ибо война уничтожила всех, кто знал и кто понимал причины происшедшего.

Снейк глядела на опустошенную землю, радуясь тому, что находится на достаточно безопасном расстоянии от кратеров. В местах, подобных этому, война все еще тянула свои щупальца к человеку, видимые и невидимые для глаза; и смертоносные эти щупальца будут тянуться еще много веков спустя — после ее смерти. Даже каньон, в котором был разбит лагерь, возможно, был не так уж безопасен, но они пробыли здесь не слишком долго, чтобы подвергнуться серьезной угрозе.

Внезапно в глаза Снейк бросилось что-то странное, какой-то предмет, лежавший на самом гребне, но яркое солнце слепило Снейк, и она никак не могла хорошенько разглядеть его. Она прищурилась. Ей стало не по себе — словно она осмелилась подсмотреть то, что ей не надлежало знать.

Это был изуродованный труп жеребенка, раздувшийся от жары, он лежал у самого края кратера. Негнущиеся ноги мертвого животного были уродливо растопырены в воздухе, раздвинутые вспухшим брюхом. Золотая уздечка на голове жеребенка сверкала алым и оранжевым в лучах заката.

У Снейк вырвался короткий вздох, больше похожий на рыдание.

Она ринулась назад, к саквояжу и, быстро сунув Дымку в ее отделение, подняла Песка и помчалась назад, в лагерь, коротко выругавшись, когда Песок по своей привычке упрямо попытался обвиться вокруг ее запястья. Она остановилась и тоже засунула его в саквояж, после чего побежала снова, на ходу застегивая замок. Саквояж больно колотил ее по бедру.

Задыхаясь, она ворвалась в палатку. Мередит и Алекс все еще спали. Снейк опустилась

на колени подле Джесс и осторожно отдернула простыню.

Не прошло и часа с того момента, когда Снейк в последний раз осматривала Джесс. Синяки на ее боку стали гуще и темнее, а кожа приобрела нездоровый, воспаленный оттенок. Снейк потрогала лоб Джесс. Он был раскаленный и пергаментно-сухой. Джесс не отреагировала на ее прикосновение. Когда Снейк отняла ладонь, гладкая кожа под ней внезапно изменила цвет, резко потемнев. За считаные секунды прямо на глазах у потрясенной Снейк на лбу растекся новый синяк — стенки капилляров, разрушенные смертоносной радиацией, лопались от малейшего давления. Повязка на бедре Джесс вдруг окрасилась ярко-алым — сквозь бинт сочилась кровь. Снейк непроизвольно стиснула кулаки. Ее всю трясло изнутри, словно от пронизывающей стужи.

— Мередит!

Мередит тут же проснулась, зевая и что-то бормоча со сна.

— Что случилось?

— Сколько времени вы искали ее? Она что, упала в кратер?

— Да, она занималась горной разведкой — пото-

му и оказалась там. Никто не может сравниться с Джесс именно потому, что она ищет и находит драгоценности в таких местах. Но край кратера обрушился. Мы нашли ее уже ближе к вечеру.

О боже, целый день, подумала Снейк. Джесс угодила в один из основных кратеров.

— Почему вы мне сразу не сказали об этом?

— О чем?

— Эти кратеры смертельно опасны…

— Неужели и ты веришь в эти старые сказки, целительница? Мы уже десять лет приезжаем сюда, и ничего с нами не случилось.

Момент был не слишком подходящий для споров. Снейк снова взглянула на Джесс, понимая, что ее собственное неведение и нежелание Алекса с Мередит признавать опасность останков прежнего мира, по крайней мере, хотя бы ненадолго пощадили Джесс от лишнего ужаса. У Снейк были средства от лучевой болезни — но не для такой жестокой формы. Все, что бы она ни попыталась предпринять, лишь только продлило бы агонию Джесс.

— Да что такое случилось?! — Впервые в голосе Мередит прозвучала нотка страха.

— Она облучилась. Это радиоактивное отравление.

— Отравление? Как? Ведь она ела и пила все то же самое, что и все мы.

— Она облучилась в кратере. Сама земля там отравлена. Легенды говорят правду.

Мередит стала белой как мел — даже под загаром.

— Тогда сделай что-нибудь, помоги ей!

— Я ничем не могу помочь.

— Ты не могла исцелить ее раны, а теперь снова не можешь помочь!

Они смотрели друг на друга, дрожа от гнева и от боли. Мередит первая отвела глаза:

— Прости меня. Я не имела права.

— Увы, Мередит, я не всемогуща. А как бы мне хотелось этого…

Их перпалка разбудила Алекса, он поднялся и подошел к ним, потягиваясь и почесываясь.

— Пора бы уж… — Он посмотрел на Снейк с Мередит, потом оглянулся на Джесс: — О боги!..

Из отметины на лбу Джесс — там, где его коснулась ладонь Снейк, — сочилась кровь.

Алекс кинулся к Джесс, пытаясь обнять ее, но Снейк твердо преградила ему путь. Он попытался отшвырнуть ее.

— Алекс, я едва дотронулась до нее. Ты не сможешь помочь ей этим.

Он непонимающе уставился на Снейк:

— Тогда как?

Снейк покачала головой.

Слезы хлынули у него из глаз. Алекс вырвался из рук Снейк.

— Это нечестно! — Он опрометью бросился вон из палатки.

Мередит рванулась было за ним, потом помедлила у входа и вернулась.

— Он не в состоянии понять. Он еще так молод.

— Он в состоянии понять, — ответила Снейк. Она отерла кровь со лба Джесс, стараясь не давить и не тереть кожу. — И он прав: это действительно нечестно. А что вообще честно в этом мире? — Снейк оборвала себя, стараясь не вылить на Мередит собственную горечь по поводу утраченных Джесс шансов, украденных несправедливым роком и уничтоженных безумием ушедших поколений.

— Мерри? — Джесс ощупала воздух дрожащей рукой.

— Я здесь. — Мередит потянулась к Джесс, но окаменела, страшась притронуться к ней.

— Что случилось? Почему я… — Она медленно моргнула, ее глаза налились кровью.

— Полегче, — прошептала Снейк. Мередит обхватила пальцы Джесс ладонью — мягче, чем голубиное крыло.

— Нам пора? — В нетерпение Джесс примешалась нотка ужаса, нежелание понять и признать, что что-то неладно.

— Нет, любовь моя.

— Так жарко… — Джесс попыталась приподнять голову, перемещая тяжесть тела. И замерла, задохнувшись от боли. Мозг Снейк автоматически выдал информацию — бесстрастный роботоподный анализ ситуации, который в ней тренировали годами: кровоизлияние в суставные сумки, общее кровотечение — значит, и в мозг?

— Раньше так не болело. — Джесс смотрела на Снейк, стараясь не двигать головой. — Это что-то другое, гораздо хуже.

— Джесс, я… — Снейк почувствовала вкус соли на своих губах и только тут поняла, что плачет. Соль смешалась с песком и пылью пустыни. Она закашлялась. Алекс вполз в палатку. Джесс попыталась еще что-то сказать, но только ловила воздух ртом.

Мередит схватила Снейк за руку. Снейк почувствовала, как острые ногти впились в ее кожу.

— Она умирает.

Снейк кивнула.

— Целители знают, как облегчить, как…

— Не надо, Мередит, — прошептала Джесс.

— Как облегчить боль.

— Она не может…

— Одну из моих змей убили, — сказала Снейк громче, чем намеревалась, вне себя от горя и ярости.

Мередит больше ничего не добавила, но Снейк и так поняла, что та хотела сказать: «Ты не могла помочь ей выжить, теперь ты не можешь помочь ей умереть». Снейк невольно опустила глаза. Она заслужила это обвинение. Мередит отпустила ее и направилась к Джесс, склонившись над ней, как огромный демон, отгоняющий теней и чудовищ.

Джесс потянулась, чтобы дотронуться до Мередит, и резко отдернула руку. Она смотрела на свою ладонь, где между ее натруженными мозолями стремительно растекался синяк.

— Почему?

— Это все та война… — сказала Снейк. — В кратерах… — Голос у нее сорвался.

— Значит, это правда, — вздохнула Джесс. — Моя семья верила, что земля за пределами Города несет смерть, но я думала, что они лгут. — Глаза

ее затуманились. Она моргнула, посмотрела на Снейк, но, словно не видя ее, моргнула опять. — Они так много лгали. Лгали для того, чтобы воспитать детей в послушании.

Джесс снова умолкла, лежа с закрытыми глазами, мышцы ее обмякали одна за другой, словно сам процесс расслабления был мучительной агонией, которую организм не в силах вынести разом. Она все еще была в сознании, однако уже не реагировала на окружающее — ни взглядом, ни улыбкой она не отозвалась, когда Мередит погладила ее по ярким волосам и села так близко, чтобы только не касаться ее тела. Кожа Джесс была иссиня-бледной между багровыми синяками.

Неожиданно она завизжала. Руки ее метнулись к вискам, ногти вдавились в кожу. Снейк схватила ее за руки, пытаясь оторвать их от головы.

— Нет… — простонала Джесс, — о нет, оставьте меня, оставьте… Мерри, как же мне больно! — Беспомощная от слабости, еще несколько минут назад Джесс сопротивлялась с лихорадочной силой. Снейк старалась тихонько усмирить ее, в то время как бесстрастный внутренний голос произнес диагноз: аневризма сосуда. В ослабленном, отравленном радиацией мозгу Джесс медленно взрывался кровеносный сосуд. Следующая мысль

Снейк явилась непроизвольно и страстно: Господи, сделай так, чтобы он лопнул быстрей и сильней — и убил ее сразу.

В тот же момент Снейк уловила краем глаза, что Алекса рядом с ней нет — он в другом углу палатки, откуда послышался звук «погремушки» Песка. Инстинктивно она повернулась и бросилась на Алекса. Она врезалась плечом ему под дых, и Алекс выронил саквояж как раз в тот момент, когда Песок бросился прямо из своего отделения. Алекс с грохотом рухнул на пол. Снейк ощутила острую боль в ноге и замахнулась, чтобы ударить Алекса, но усилием воли сдержала себя.

Она опустилась на колено.

Песок свернулся на полу, негромко треща «погремушкой», готовясь ударить снова. Сердце у Снейк билось бешеными рывками. Она чувствовала в ноге пульсирующую боль. Песок вонзил свои зубы всего в нескольких сантиметрах от ее бедренной артерии.

— Ты идиот! Ты что, хочешь убить себя? — Ногу Снейк еще несколько раз свело от боли, затем приобретенный иммунитет нейтрализовал действие яда. Слава богу, что Песок промахнулся и не задел артерию. Даже она могла заболеть от такого укуса, а на болезнь у нее не было времени.

Боль стала тупой, какой-то далекой и слабой.

— Как ты можешь допустить, чтобы она так страдала? — выкрикнул Алекс.

— Укусом Песка ты бы только добавил ей страданий. — Стараясь скрыть свою ярость, она повернулась к гремучей змее, подняла ее и положила в саквояж. — Смерть от укуса гремучей змеи медленна и мучительна. — Это было не совсем правдой, однако Снейк была так зла на Алекса, что ей захотелось попугать его. — При укусе гремучей змеи человек погибает от инфекции. От гангрены.

Алекс побледнел, однако продолжал стоять, яростно глядя на Снейк.

Мередит жестом успокоила его. Алекс перевел взгляд на Джесс, потом на Мередит — и снова с вызовом уставился на Снейк:

— Ну а другая змея? — Он повернулся к Снейк спиной и пошел к Джесс.

Придерживая саквояж, Снейк пальцем повернула защелку на отделении Дымки. Она тряхнула головой, отгоняя видение: Джесс умирает от укуса кобры. Яд кобры убивает мгновенно, не слишком приятно, но очень быстро. И что порочнее — приукрашать боль грезами или покончить с ней смертью? Снейк еще не приходилось отнимать

жизнь у человеческого существа — ни в гневе, ни из милосердия. И она не знала, выдержит ли такое теперь. И должна ли она. Она не знала, не могла сказать, почему ей так не хочется убивать Джесс — из-за внушенных ей принципов этики или из-за чего-то еще, куда более глубинного, говорившего ей, что это будет неправильно.

Она слышала, как негромко переговариваются Алекс с Мередит и Джесс, но различала лишь голоса, слов было не разобрать: голос Мередит звучал чисто, музыкально, как-то отдаленно; голос Алекса вторил ей низко и грубо; Джесс же шелестела почти бездыханно, и сомнение читалось в ее тоне. Каждые пять минут все трое замолкали, пока Джесс боролась с очереденым приступом боли. Последние дни или часы ее существования унесут остатки ее силы и мужества.

Снейк открыла саквояж и позволила Дымке выползти и обвиться вокруг своей руки, а потом взобраться на плечи. Она мягко придерживала кобру пониже головы, чтобы та не могла укусить, и пересекла палатку.

Все трое уставились на нее, сплотившись в тесную дружную группку. Мередит, казалось, словно даже не узнала ее. Алекс взглянул на Снейк и перевел взгляд на кобру, потом снова на Снейк,

с каким-то странным выражением облегчения и победоносной горечи. Дымка высунула язычок, пробуя на вкус их запахи, ее огромные, лишенные век глаза светились серебряными блюдцами в сгущавшемся мраке. Джесс покосилась на змею, моргнула. Она потяулась было протереть глаза, но вовремя спохватилась. Руки ее дрожали.

— Целительница? Подойди ближе, я ничего не вижу.

Снейк опустилась на колени между Мередит и Алексом. Уже в третий раз она не знала, что ответить Джесс. У нее было такое чувство, что это не Джесс, а она сама слепнет с каждой минутой, когда кровь просачивается через сетчатку, сдавливая нервы, затуманивая взгляд, превращая мир в черно-алое царство теней. Снейк моргнула, и ее взгляд прояснился.

— Джесс, я не могу облегчить твои страдания. — Дымка медленно пошевелилась под ее рукой. — Все, что я способна сделать для тебя…

— Скажи ей! — прорычал Алекс. Он сидел не мигая, словно загипнотизированный взглядом кобры.

— Ты думаешь, это так просто? — взорвалась Снейк. Но Алекс даже не посмотрел на нее.

— Джесс, — сказала Снейк. — Яд Дымки спосо-

бен убивать. Если ты хочешь этого…

— Ты что говоришь?! — завизжала Мередит.

Алекс наконец стряхнул с себя оцепенение.

— Мередит, успокойся, неужели ты можешь вынести это?..

— Успокойтесь оба, живо, — приказала Снейк. — Решать будете не вы, а Джесс. И только она одна.

Алекс сел на корточки. Мередит выпрямилась, словно аршин проглотила, глядя на молчащую Джесс. Дымка попыталась выскользнуть из рук Снейк, но та придержала ее.

— Боль не прекратится, — сказала Джесс.

— Нет. — Снейк покачала головой. — Мне очень жаль.

— Когда я умру?

— Боли в голове вызваны повышением кровяного давления. Это может убить тебя… каждую минуту. — Мередит сгорбилась, зарывшись лицом в ладони, но у Снейк не было времени для милосердия. — В лучшем случае ты протянешь несколько дней — а потом все равно умрешь от лучевой болезни. — При эих словах Джесс вздоргнула, как от удара.

— Я не нуждаюсь в этих нескольких днях, — мягко сказала она.

Слезы струились сквозь стиснутые пальцы Мередит.

— Мерри, дорогая, Алекс знает, что говорит. Постарайся понять. Пришло время отпустить вас. — Джесс посмотрела на Снейк невидящими глазами: — Оставь нас ненадолго одних — а потом мы будем благодарны тебе за твой дар.

Снейк встала и вышла из палатки. Колени ее дрожали, а шея и плечи ныли от напряжения. Она опустилась на жесткий зернистый песок, от всей души желая, чтобы эта ночь была уже позади.

Она посмотрела на небо, тоненькую полоску, зажатую стенами каньона. В эту ночь облака были на редкость густыми и непроницаемыми, ибо, хоть луна стояла еще невысоко, рассеянный ее свет хоть немного, да озарял бы небосвод. Но вдруг до нее дошло, что слой облаков отнюдь не такой плотный, а скорее тонкий — а потому и не рассеивает лунное сияние. Облака были прозрачны и очень подвижны и неслись, влекомые ветром, высоко над землей. И вдруг, прямо у нее на глазах, темная пелена разорвалась, и Снейк отчетливо увидела небо, черное, глубокое, сверкающее разноцветными искорками света. Снейк смотрела во все глаза, надеясь, что облачная пелена никогда не сомкнется более, страстно

желая, чтобы кто-нибудь разделил с ней восторг этого мига. Планеты вращались вокруг иных звезд, и люди жили на них, люди, которые могли бы помочь Джесс, если бы они знали о ее существовании. Снейк задумалась: а был ли вообще какой-либо шанс на успех в их безумной затее — или Джесс согласилась лишь потому, что в глубине ее существа — под отчаянием и страхом — жила неистребимая жажда жизни, слишком сильная, чтобы сдаться просто так.

В палатке кто-то откупорил новую чашу со светоэлементом. Синий биолюминисцентный свет выплеснулся через порог на черный песок.

— Целительница, Джесс зовет тебя. — Фигура Мередит четко выделялась на фоне сияния лампы, высокая и изможденная. Голос ее звучал совершенно бесцветно.

Снейк внесла кобру. Мередит больше не сказала ни слова. Даже Алекс метнул на Снейк взгляд, полный неуверенности и страха. Но Джесс приветствовала ее своими незрячими глазами. Мередит и Алекс стояли подле ее ложа, словно стража. Снейк остановилась. Она не сомневалась в правильности своего решения, однако последнее слово было все же за Джесс.

— Поцелуйте меня, — приказала Джесс. — А

потом оставьте нас наедине.

Мередит резко повернулась:

— Ты не можешь велеть нам уйти — теперь!

— Вам и так предстоит забыть слишком много. — Голос Джесс дрожал от слабости. Волосы космами свисали ей на лоб, а то, что осталось от некогда прекрасного лица, отражало терпение на грани отчаяния и изнеможения. Снейк видела это, и Алекс тоже, но Мередит продолжала стоять, сгорбившись и тупо глядя в пол.

Алекс встал на колени и прижал руку Джесс к своим губам. Он поцеловал ее почти что благоговейно — в пальцы, в щеку, в губы. Она положила ладонь ему на плечо и привлекла к себе. Он медленно, молча поднялся, взглянул на Снейк и покинул палатку.

— Мерри, попрощайся со мной, прежде чем ты уйдешь.

Покорившись, Мередит встала на колени подле Джесс и откинула волосы с изуродованного синяками лба, приподняла Джесс и привлекла к себе. Джесс обняла ее в ответ. Никто не произнес ни слова утешения.

Мередит вышла из палатки, и повисло молчание — такое долгое, что Снейк стало не по себе. Когда шаги затихли настолько, что стали напо-

минать шуршание песка по коже, Джесс издала какой-то странный звук — не то сдавленный крик, не то стон.

— Целительница?

— Я здесь. — Снейк подложила ладонь под распростертую руку Джесс.

— Как ты думаешь, у нас получилось бы?

— Я не знаю, — сказала Снейк, припоминая, что одной из ее Учительниц люди Города даже не открыли ворота и отказались говорить с ней. — Но мне так хочется верить, что да.

Губы Джесс начали приобретать пунцовый оттенок. Нижняя губа лопнула. Снейк промокнула кровь, но жидкость была водянистая и все текла и текла безостановочной струйкой.

— Но ты все равно иди, — прошептала Джесс.

— Что?

— Иди в Город. Ты по-прежнему можешь предъявить им свои права.

— Джесс, нет…

— Да. Они живут под каменным небом, дрожа от страха перед всем, что за стенами Города. Они могут помочь тебе, а ты можешь помочь им. Они же все выживут из ума через несколько поколений. Скажи им, что я жила и была счастлива. Скажи им, что я бы, возможно, не умерла, если бы

они говорили мне правду. Они утверждали, что все снаружи несет смерть, — вот я и решила, что они лгали во всем. Что все на Земле безопасно.

— Я передам им твое послание.

— И не забудь про свою нужду. Это понадобится другим людям… — Дыхание у нее прервалось, и Снейк молча ждала, когда Джесс сможет продолжить. Пот ручейками стекал по ее спине. Чуя нервозность хозяйки, Дымка плотнее сомкнула кольца на руке Снейк.

— Целительница…

Снейк похлопала Джесс по руке.

— Мерри унесла с собой мою боль. Покончи с этим, пока она не вернулась.

— Хорошо, Джесс. — Снейк сняла Дымку с руки. — Я постараюсь сделать это как можно быстрее.

Прекрасное изуродованное лицо повернулось к ней:

— Благодарю тебя.

Снейк была почти счастлива тому, что Джесс не может видеть происходящего. Дымка вонзит свои зубы в сонную артерию, прямо под челюстью, и яд, мгновенно проникнув в мозг Джесс, убьет ее без мучений. Снейк спланировала это очень тщательно, бесстрастно, сама дивясь тому,

как она может столь невозмутимо думать о подобных вещах.

Снейк заговорила — успокаивающе, монотонно, словно гипнотизируя.

— Ты расслабилась, твоя голова откинута назад, глаза закрыты, ты засыпаешь, засыпаешь, засыпаешь… — Она держала Дымку над грудью Джесс, выжидая момент, когда уйдет последнее напряжение и прекратится легкая дрожь. Слезы текли по ее лицу, но зрение было лихорадочно-четким. Она видела, как бьется жилка на горле у Джесс. Язычок Дымки высунулся, дернулся раз, другой. Капюшон раздулся. Она ударит точно в тот миг, когда Снейк отпустит ее. — Ты спишь глубоко, и тебе снятся счастливые сны… — Голова Джесс покатилась по подушке, открыв горло. Дымка скользнула в руках Снейк. Снейк почувствовала, как пальцы ее разжались, в то время как мозг сверлила неотступная мысль: «А правильно ли я поступаю?»

Но вдруг тело Джесс содрогнулось в конвульсиях, спина выгнулась дугой, пальцы вытянулись и скрючились, словно когти. От испуга Дымка бросилась на нее и вонзила зубы. Конвульсии повторились, пальцы сжались в кулаки — но тут же расслабились. Две капельки крови пульсировали

на месте укуса кобры. Тело Джесс еще продолжало содрогаться, но сама она была уже мертва.

Ничего не осталось — лишь запах смерти и лишенный души труп… и змея, холодная и шипящая на его груди. Снейк гадала, чувствовала ли Джесс приближение скорой развязки — и терпела так долго, сколько было необходимо, чтобы избавить своих друзей от душераздирающей сцены?

Вся дрожа, Снейк положила кобру в саквояж и обтерла тело начисто — так тщательно, словно это еще была сама Джесс. Но ничего не осталось от прежнего существа: красота ушла вместе с жизнью, оставив лишь изуродованную и избитую плоть. Снейк закрыла Джесс глаза и натянула на лицо одеяло.

Она вышла из палатки, неся кожаный саквояж. Мередит с Алексом молча следили, как она приближается. Луна взошла на небосклон, и Снейк различала их лица среди серых теней.

— Все кончено, — сказала она. Отчего-то голос ее прозвучал как обычно.

Мередит не пошевелилась и не издала ни звука. Алекс взял Снейк за руку, как когда-то брал Джесс, и поцеловал ее. Снейк отдернула ее, не желая благодарности за такую работу.

— Я должна была остаться с нею до конца, —

пробормотала Мередит.

— Мерри, она не хотела, чтобы мы оставались.

Снейк поняла, что Мередит будут вечно преследовать воображаемые картины того, что произошло, тысячи видений, одно ужаснее другого, — если она, Снейк, не положит этому конец.

— Надеюсь, что ты поверишь мне, Мередит, — сказала она. — Джесс прошептала: «Мерри унесла с собой мою боль». А через секунду, за мгновение до того, как моя кобра ударила, ее не стало. Совершенно мгновенно. В ее мозгу лопнул сосуд. Она даже не почувствовала этого. Она не почувствовала укуса змеи. Бог свидетель тому, я верю, что так оно и было.

— Значит, все было бы точно так же, несмотря на то что мы сделали?

— Да.

Это многое меняло для Мередит, с этим она могла смириться. Но это ничего не меняло для Снейк. Она-то знала, что могла быть причиной смерти Джесс. Видя, как смягчается лицо Мередит, как уходит из него ненависть к самой себе, Снейк повернулась и направилась к осыпавшемуся краю каньона, где отлогий склон ввел вверх — к лавовому плато.

— Куда ты идешь? — догнал ее Алекс.

— Назад, в свой лагерь.

— Подожди, пожалуйста. Джесс хотела сделать тебе подарок.

Если бы он не сказал, что то была воля Джесс, Снейк отказалась бы, но последнее обстоятельство резко меняло дело. Нехотя Снейк замедлила шаг.

— Я не могу это принять, — сказала она. — Отпусти меня, Алекс.

Но он мягко повернул ее и повел обратно, к лагерю. Мередит не было видно: она была в палатке у тела Джесс либо горевала где-нибудь в одиночестве.

Джесс оставила Снейк кобылу, серую в яблоках, — чудесно вылепленное природой животное, в котором угадывались резвость и характер. Несмотря на то что Снейк не хотела принимать дар, несмотря на то что такая лошадь была явно не для целительницы, ее руки и сердце невольно потянулись к ней. Кобыла явилась для Снейк воплощением слитых вместе силы и красоты — только это видела Снейк, не в состоянии оторвать глаз, — силы и красоты, нетронутых трагедией. Алекс передал ей повод, и ее пальцы сжали мягкую кожу. Уздечка была инкрустирована в тонкой филигранной манере Мередит.

— Ее зовут Быстрая, — сказал Алекс.

Снейк предстояло одной пересечь лавовое плато до восхода солнца. Копыта лошади гулко грохотали по пустой породе, и кожаный саквояж, притороченный к седлу, тер бедро Снейк.

Она знала, что не может вернуться на станцию целителей. Во всяком случае, пока. Сегодняшняя ночь подтвердила то, что она не может оставить свое ремесло, сколь бы несовершенными ни были ее «инструменты». Если ее Учителя отнимут у нее Дымку и Песка и прогонят с позором, она не переживет этого. Она просто сойдет с ума при мысли, что в городе, или в лагере, или в поселке кто-то болен или даже умирает, а она бы могла помочь, вылечить или просто облегчить страдания. Она всегда будет пытаться помогать людям.

Ее воспитывали гордой и уверенной в себе, а от этого пришлось бы теперь отказаться — вернись она сейчас на станцию. И потом, она обещала Джесс передать ее прощальное послание Городу, и она выполнит свое обещание. Она отправится в Город — ради Джесс и ради себя?

Глава 4

Аревин сидел на огромном валуне. Ребенок его сестры агукал, лежа в перевязи, висевшей на груди Аревина. Аревин глядел в пустыню — в том направлении, куда ушла Снейк, — а тепло и подвижность маленького комочка жизни слегка согревали его душу. Стэвин совсем поправился, его новый братишка тоже был здоров — и Аревин понимал, что он дожен быть благодарен судьбе, благоволившей к его роду, и потому неясное чувство вины охватило его, когда он подумал о собственных затянувшихся страданиях. Он потрогал то место на щеке, где по ней прошелся змеиный хвост: как и обещала Снейк, шрама не осталось. Она ушла отсюда уже так давно, что рана успела покрыться корочкой и зажить, — но он помнил все, что касалось Снейк, с такой четкостью, до мельчайших деталей — как будто бы она все еще была рядом с ним. Ни время, ни расстояние не затуманили ее образ — как это случается с большинством людей, которых встречаешь в жизни. И в то же время Аревина неотступно терзала мысль, что она ушла навсегда.

Огромная корова, одна из тех, каких разводило племя Аревина, протрусила к валуну, на котором сидел юноша, и принялся яростно чесать о камень бок. Она фыркнула на Аревина, потыкалась носом в его сапог и лизнула его огромным розовым языком. Неподалеку уже подросший теленок жевал сухие, лишенные листьев ветви какого-то пустынного растения. Все животные в стаде худели, теряли в весе каждое лето, столь тяжелое для живых существ, вот и сейчас их шкуры потускнели, шерсть свалялась клочьями.

Они переносили жару сравнительно легко, если их непроницаемый подшерсток тщательно вычесывали, когда начиналась весенняя линька, а поскольку племя разводило мускусных быков именно ради их прекрасной теплой зимней шерсти, вычесывание всегда производилось с великим тщанием. Но животные, как и люди, уже устали от лета и жары и от сухой, безвкусной пищи. Им тоже хотелось скорее возвратиться на зимние пастбища с их свежей зеленой травой. В сущности, и самому Аревину уже не терпелось вернуться на плато.

Младенец помахал в воздухе крохотными ручками, ухватил палец Аревина и потянул его к себе. Аревин улыбнулся:

— Это единственное, что я не в силах дать тебе, малыш.

Малыш пососал его палец и удовлетворенно пожевал его беззубыми деснами, даже не заплакав оттого, что не добыл молока. Глаза у ребенка были голубые, совсем как у Снейк. Почти у всех младенцев глаза голубые, подумал Аревин, но эта мысль тут же унесла его по волнам мечты.

Снейк снилась ему каждую ночь — во всяком случае, в те ночи, когда ему вообще удавалось заснуть. Никогда еще прежде он не испытывал ничего подобного по отношению к женщине. Он бережно перебирал в памяти драгоценные воспоминания — вот они прикоснулись друг к другу, вот оперлись друг о друга, поджидая рассвет в пустыне, вот ее пальцы погладили синяк на его щеке… Он помнил до мельчайших подробностей сцену в палатке, возле постели Стэвина, когда он обнимал, утешая ее… Какая нелепость — счастливейшим моментом в его жизни был тот миг, когда он обнял ее в надежде, что она останется с ним… чтобы тут же узнать, что она уходит. «А ведь она могла остаться», — подумал он. Отчасти из-за того, что племени нужен целитель, отчасти, возможно, из-за него, Аревина. Она бы побыла здесь подольше, если бы могла.

Когда Снейк ушла, он заплакал — впервые за все время, что помнил себя. Хотя понимал, что она не захочет остаться — теперь, когда ее лишили самого ценного. Он слишком хорошо понимал, каково это — быть ни на что не пригодным, ибо теперь и сам чувствовал себя именно так же. Да, он был ни на что не пригоден — и ничего не мог с этим поделать. Каждый день он вставал с надеждой, что Снейк возвратится, хотя понимал, что его надежды тщетны. Он даже представить не мог, куда она отправилась, преодолев пустыню. Покинув станцию, она могла бродить и неделю, и месяц, и полгода — прежде чем достичь пустыни и пересечь ее в поисках новых мест и новых людей.

Нужно было пойти с ней. Теперь он точно знал это. В своем безутешном горе она не захотела принять его помощь, но ему следовало бы догадаться, что она ни за что не сумеет объяснить своим наставникам, что здесь произошло. Никакая проницательность не помогла бы постичь всю глубину страха народа Аревина перед змеями. Сам Аревин мог понять это — на основании личного опыта. Он слишком отчетливо помнил ужас той ночи, когда умирала его сестренка, он помнил струйки холодного пота, побежавшие по

его спине, когда Снейк попросила его подержать Дымку. Да, он знал, что это такое — смертельный страх, он испытал его, когда увидел укус песчаной гадюки на руке Снейк и решил, что она умрет — эта девушка, которую он уже успел полюбить.

Снейк явила два чуда — единственные чудеса в жизни Аревина. Во-первых, она не умерла, а во-вторых, она спасла от смерти Стэвина.

Младенец моргнул и крепче вцепился деснами в палец Аревина. Аревин соскользнул с валуна и протянул вперед руку. Гигантское животное положило морду ему на ладонь, и он почесал ее под горлом.

— Ты покормишь это дитя? — спросил Аревин. Он потрепал корову по крутому боку, погладил по спине и животу и опустился на колени подле нее. У нее уже почти не было молока в это время года, но теленок уже перестал сосать. Аревин отер рукавом сосок и поднес к нему малыша. Ребенок боялся гигантского чудовища ничуть не больше, чем сам Аревин, и, жадно приникнув к соску, принялся сосать.

Когда дитя утолило голод, Аревин снова почесал корову под горлом и взобрался на свой валун. Ребенок вскоре заснул, вцепившись тоненькими пальчиками в руку Аревина.

— Брат!

Аревин оглянулся. Предводительница рода взобралась на валун и уселась рядом с ним. Ее распущенные длинные волосы слегка шевелились под слабым ветерком.

Она склонилась над младенцем и улыбнулась:

— Как он себя вел?

— Превосходно.

Она откинула прядь волос со лба.

— С ними гораздо проще, когда их уже можно посадить на спину. Или даже опустить на землю — хотя бы ненадолго. — Она улыбнулась. Сейчас в ней не осталось ни капли того сдержанного достоинства, что обычно читалось в ее лице, когда она принимала высоких гостей.

Аревин вымученно улыбнулся.

Она положила свою руку на его — ту, что обнимала ее дитя:

— Мой дорогой, я должна спросить тебя — что с тобой происходит?

Аревин, застигнутый врасплох, пожал плечами:

— Я постараюсь исправиться. В самом деле, последнее время от меня мало толку.

— Ты думаешь, что я пришла чтобы корить тебя?

— Это было бы лишь справдливо. — Аревин избегал смотреть в глаза предводительнице, он не отрывал взгляда от ее ребенка. Сестра отпустила его руку и обняла Аревина за плечи.

— Аревин, — сказала она, назвав его по имени в третий раз за всю жизнь, — Аревин, ты очень важен для меня. Со временем ты можешь быть избран вождем — если пожелаешь. Но ты должен взять себя в руки. Если она не хочет тебя…

— Мы оба хотели друг друга, — ответил он. — Но она не могла оставаться здесь, она не могла работать и не пожелала, чтобы я отправился с ней. А теперь я не могу пойти за ней. — Он посмотрел на младенца сестры. После смерти его родителей Аревина приняли в семью сестры. В ней было шесть взрослых партнеров, двое — нет, теперь уже трое — детей и Аревин. Его обязанности не были четко определены, однако он чувствовал себя ответственным за детей. Особенно теперь, когда близился переход на зимние пастбища и роду требовалась помощь каждого человека. До самого конца утомительного путешествия мускусные быки требовали неусыпного надзора денно и нощно, иначе животные время от времени отбивались от стада, забредая на восток в поисках новых пастбищ, и пропадали уже на-

всегда. Поиски пищи были столь же мучительно тяжелы и для людей в это время года. Но если они придут на пастбища слишком рано, едва проклюнувшаяся трава будет слишком мала и нежна и быки вытопчут ее своими копытами.

— Брат, скажи мне, что ты хочешь сказать.

— Я знаю, что роду нужен сейчас каждый человек, каждые руки. Я тоже ответствен перед людьми, перед тобой, перед этим ребенком… Но целительница… Как она объяснит, что случилось здесь? Как она сможет объяснить им то, что и сама не в силах понять? Я видел, как ее укусила песчаная гадюка. Я видел, как кровь и яд текли по ее руке. А она — она даже не обратила внимания. Она сказала, что даже не почувствовала этого.

Аревин посмотрел на сестру с некоторым сомненением: он еще никому не рассказывал про песчаную гадюку, справедливо подозревая, что ему просто не поверят. Предводительница была явно потрясена, однако не возразила ни слова.

— Как она сможет объяснить наш страх перед этой маленькой змейкой? Она скажет своим наставникам, что совершила ошибку и потому змея-греза была убита. Она винит во всем себя. Наставники тоже обвинят ее и строго накажут.

Предводительница устремила взгляд к гори-

зонту. Потом подняла руку и заправила прядь седеющих волос за ухо.

— Она гордая женщина, — наконец сказала она. — Ты прав. Она не станет оправдываться. Ни за что на свете.

— И она не вернется сюда, если они изгонят ее. Я не знаю, куда она отправится тогда, но мы уже никогда не увидим ее.

— Приближается сезон бурь, — коротко ответила предводительница.

Аревин кивнул.

— Если бы ты отправился за ней…

— Но я не могу! Не сейчас!

— Мой дорогой, — промолвила мягко сестра, — мы живем так, чтобы каждый из нас был свободен настолько, насколько это возможно, вместо того чтобы лишь некоторые из нас пользовались неограниченной свободой. Ты сам порабощаешь себя, возлагая на себя ответственность, когда чрезвычайные обстоятельства требуют свободы действий. Если бы ты был моим партнером и это было бы твоей непосредственной обязанностью — растить этого ребенка, — все было бы значительно сложнее, но и в таком случае вполне разрешимо. В сущности, моему партнеру живется гораздо вольготнее, чем он мог предположить,

когда мы решили родить этого ребенка. А все из-за того, что ты сам стараешься сделать больше, чем тебе положено.

— Это не так, — быстро возразил Аревин. — Я в самом деле хотел помочь. Мне это было необходимо. Я хотел… — Он запнулся, не зная, как закончить начатую фразу. — В общем, я благодарен ему за то, что он позволил мне помогать.

— Я знаю. И у меня нет возражений. Но это не он оказал тебе любезность, а ты — ему. Возможно, настала пора напомнить ему о его обязанностях. — Лицо ее озарилось нежной улыбкой. — А то он чересчур увлекся своей работой. — Ее партнер был прядильщиком, лучшим в племени, однако она была, несомненно, права: он жил витая в облаках.

— Мне не нужно было отпускать ее, — выдохнул Аревин. — Ну почему, почему я не понял этого раньше? Я должен был оберегать свою сестру — но не сумел, а теперь не сумел защитить целительницу. Она должна была остаться с нами. Здесь бы она была в безопасности.

— Здесь бы она чувствовала себя неполноценной.

— Но ведь она могла продолжать исцелять людей!

— Мой дорогой друг, — сказала сестра Аревина, — невозможно оберегать кого бы то ни было безгранично, не порабощая его. Мне кажется, ты никогда не понимал этого, потому что сам требовал от себя слишком многого. Ты винишь себя в смерти своей сестры…

— Я недостаточно хорошо смотрел за ней.

— А что ты мог поделать? Помни о ее жизни, а не о смерти. Она была храбрая, счастливая и самонадеянная — каким и должен быть ребенок. Ты мог уберечь ее только одним-единственным способом — приковав к себе страхом. Но она не могла жить такой жизнью, она не смогла бы остаться тогда той девочкой, что ты так любил. То же самое относится и к целительнице.

Аревин уставился на младенца, спавшего у него на руках, понимая, что сестра права, и все же был не в силах сбросить с себя остатки растерянности и вины.

Сестра мягко похлопала его по плечу:

— Ты лучше нас знаешь ее, и ты утверждаешь, что она не способна объяснить наш страх. Думаю, что ты прав. Я сама должна была бы догадаться об этом. Я не желаю, чтобы она понесла наказание за то, что мы совершили, но и не хочу, чтобы о моем народе думали превратно. — Предводительница

повертела в пальцах металлический круг на кожаном ремешке, висевший у нее на шее. — Ты прав. Кто-то должен отправиться на станцию целителей. Я бы сама могла это сделать, поскольку защитить честь рода — моя обязанность. Это мог бы сделать и партнер моего брата, потому что это он убил змею. Или ты — потому что ты называешь целительницу другом. Люди племени должны собраться и решить, кому из нас идти. Но любой из нас мог бы быть вождем. Любой из нас мог бы из страха убить ее маленькую змейку. Но только ты стал ее другом.

Она оторвала взгляд от линии горизонта и посмотрела на Аревина, и он понял: сестра слишком долго правила своим народом, чтобы знать наверняка, что решат люди.

— Благодарю тебя, — сказал он.

— Ты и так потерял многих, кого любил. Я ничего не могла поделать, когда умерли твои родители или погибла сестра. Но сейчас я могу помочь тебе, даже если ради этого нам придется расстаться с тобой. — Она взъерошила его волосы, так же тронутые ранней сединой, как и ее. — Но помни, пожалуйста, что я не хочу потерять тебя навсегда.

И она быстрыми шагами удалилась вниз, в

пустыню, оставив Аревина наедине с младенцем ее семьи. Ее вера в него вселила в Аревина силы: он больше не терзался вопросом, правильно ли он поступит, отправившись на поиски целительницы — на поиски Снейк. Да, это было правильно — потому что так должно было быть. По крайней мере, его род был в долгу перед ней. Аревин высвободил руку из влажных пальцев младенца, передвинул перевязь на спину и, спустившись с валуна, направился вниз, в пустыню.

Оазис, показавшийся на горизонте, был таким зеленым, призрачным и невесомым в тусклом свете восходящего солнца, что Снейк поначалу приняла его за мираж. Она все еще не была способна отличить иллюзию от реальности. Всю ночь она скакала через лавовое плато, стремясь пересечь его до восхода солнца, когда жара станет непереносимой. Глаза у нее жгло, и губы пересохли и потрескались.

Серая кобыла подняла голову и навострила уши, ноздри ее раздулись, зачуяв воду, — ей не терпелось скорее достичь ее после стольких суток столь скудного рациона. Когда Быстрая перешла на рысь, Снейк не стала придерживать ее. Изящные деревья окружали их, задевая плечи Снейк пушистыми листьями. Воздух под ними был

почти прохладен и напоен сладким ароматом зреющих плодов. Снейк откинула покрывало с лица и вдохнула полной грудью.

Она спешилась и подвела Быструю к темной чистой заводи. Кобыла погрузила морду в воду и принялась жадно пить. Даже ноздри ее скрылись под водой. Снейк опустилась рядом с ней на колени и набрала в пригоршню воды. Вода просачивалась и стекала сквозь пальцы, поднимая рябь на поверхности заводи. Круги разошлись, поверхность снова стала как зеркало, и Снейк увидела свое отражение на фоне черного песка. Ее лицо было покрыто коркой пыли.

«Я похожа на разбойника, — подумала она, — или на клоуна». Она могла вызвать смех — но то был бы смех жалости, а не радости. Слезы промыли бороздки в маске грязи на ее лице. Она потрогала их, все еще не отрывая взгляда от своего отражения.

Как бы ей хотелось забыть, забыть навсегда последние несколько дней — но она понимала, что никогда не сможет отрешиться от них. Она все еще ощущала сухую хрупкость кожи Джесс и ее легкое, вопросительное прикосновение. Она все еще слышала ее голос. И она ощущала боль ее смерти — боль, которую она не сумела ни

отвратить, ни облегчить. Она не могла еще раз выдержать что-то подобное.

Погрузив руки в холодную воду, Снейк плеснула влагу в лицо, смывая с себя черную пыль, пот и следы от пролитых слез.

Она неторопливо вела Быструю вдоль берега, мимо палаток и тихого лагеря, где мирно спали караванщики. Когда она добралась до лагеря Грам, то приостановилась: клапаны палатки были приспущены. Снейк не хотелось будить старуху и ее внуков. Чуть в отдалении от берега Снейк увидела загон для лошадей. Бельчонок, ее тигровый пони, стоял среди лошадей Грам и мирно дремал. Его золотисто-черная шкура так блестела, что было ясно, что его усердно скребли и чистили по меньшей мере неделю, он был упитанный и вполне довольный жизнью и уже не поджимал ногу, с которой в пути слетела подкова. Снейк решила, что пусть он побудет у Грам еще денек-другой, а сама она не станет тревожить ни пони, ни старую караванщицу этим утром.

Быстрая послушно следовала за Снейк, бредущей вдоль берега, время от времени игриво покусывая ее за бедро. Снейк почесала кобылу за ушами, где пот коркой засох под сбруей. Народ Аревина дал ей целый мешок брикетов сена для

Бельчонка, но его кормила Грам, так что у Снейк должен был еще оставаться запас фуража.

— Поесть, поспать и хорошенько почиститься — вот что нам обеим нужно, — сказала Снейк Быстрой.

Лагерь Снейк был разбит на отшибе от скопления палаток, за выступающим утесом, куда редко забредали бродячие торговцы. Так было безопаснее для людей и для змей — держать их подальше друг от друга.

Снейк обогнула крутой каменный выступ — и не узнала привычную картину. Когда она уезжала, она не успела свернуть постель, но все остальное было в порядке. Все было тщательно упаковано. Теперь же ее одеяла были свернуты и сложены стопкой, запасная одежда лежала рядом, а кастрюли и сковородки были расставлены в ряд на песке. Нахмурившись, она подошла ближе. К целителям было принято относиться с особым почтением и даже благоговением, и ей в голову не пришло попросить Грам проследить за ее добром, равно как и за пони. Она и вообразить не могла, что кто-то осмелится рыться в ее вещах, пока она отсутствовала.

Тут она заметила вмятины на кастрюлях, а металлическая тарелка вообще была согнута

пополам, чашка сплющена, ложка скручена винтом. Снейк бросила поводья и побежала к своим вещам. Сложенные стопкой простыни и одеяла были разорваны в клочья. Она выудила рубашку из стопки чистого белья, однако рубашка уже не была чистой, а оказалась заляпанной грязью. Ее явно топтали ногами в прибрежной тине. Рубашка была старая, мягкая и привычная телу, выношенная и ветхая — ее любимая, самая удобная рубашка. Теперь на спине зияла прореха и рукава были истерзаны, изодраны на куски. В общем, рубашка погибла.

Сумка с брикетами сена лежала рядом с прочими вещами, однако кубики сена были рассыпаны и сено втоптано в песок. Быстрая, фыркая, нюхала уцелевшие клочья, пока Снейк потрясенно взирала на царившее вокруг разорение. Она не могла взять в толк, кому могло понадобиться перевернуть вверх дном ее лагерь, а затем сложить разоренное имущество в столь тщательном порядке. И вообще, кому и что могло понадобиться в ее лагере, поскольку она не имела ровным счетом ничего ценного? Может быть, кто-то решил, что она возит с собой большие запасы золота и драгоценностей? Ведь некоторым целителям щедро платили за их услуги. Но в пустыне были

свои законы, правила чести, и даже люди, не охраняемые особым статусом, не беспокоились за оставленное без присмотра имущество.

Все еще держа в руке разодранную рубашку, Снейк бесцельно кружила по лагерю, чувствуя себя слишком усталой и опустошенной, чтобы хорошенько поразмыслить над тем, что же случилось.

Вьючное седло Бельчонка стояло у скалы, Снейк подняла его без всякой задней мысли — просто потому, что оно показалось ей единственной неповрежденной вещью. Но тут же она увидела, что все внутренние карманы раскрыты и оторваны с мясом, хотя клапаны затягивались простыми шнурками.

В этих карманах хранились все ее карты и записи, а также журнал ее испытательного срока. Она обшарила все углы в надежде обнаружить хотя бы кусочек бумаги, но тщетно. Снейк швырнула седло на землю. Она обежала кругом весь лагерь, заглядывая за валуны, загребая ногами песок — все еще в безумной надежде увидеть белеющие листки или услышать шуршащий звук под подошвой ботинка, — но ничего, ничего она не смогла обнаружить.

Она почувствовала себя физически оскорблен-

ной, почти изнасилованной. Все ее имущество, включая одеяла, одежду и, разумеется, карты, еще могли пригодиться грабителю — но уж журнал… Журнал, кроме нее самой, никому понадобиться не мог.

— Будь ты проклят! — в ярости крикнула она, обращаясь в пустоту. Кобыла захрапела и шарахнулась от нее, врезавшись в воду. Снейк всю трясло, однако она постаралась взять себя в руки и медленно подошла к Быстрой, ласково уговаривая ее, пока та не подпустила ее ближе и не позволила взять повод. Снейк погладила ее.

— Все в порядке, — сказала она. — Все в порядке. Ничего страшного. — Она уговаривала не столько лошадь, сколько себя саму. Они обе стояли по колено в чистой холодной воде. Снейк потрепала кобылу по холке, запустила пальцы в черную гриву. Неожиданно в голове у нее помутилось, и она, вся дрожа, прислонилась к лошадиному боку.

Звук ровно бьющегося лошадиного сердца и спокойное дыхание Быстрой помогли Снейк взять себя в руки. Она выпрямилась и вышла из воды. На берегу она отвязала саквояж со змеями, расседлала Быструю и принялась обтирать ее куском разорванного одеяла. Она терла кобылу с мрачной усталостью. Изысканное седло и уздеч-

ка, заляпанные пылью и потом, могут подождать, но Снейк не могла оставить Быструю грязной и потной, в то время как сама она будет отдыхать.

— Снейк, детка моя, девочка…

Снейк обернулась. Грам торопливо ковыляла к ней, опираясь на сучковатую палку. С ней была одна из ее внучек — эбеново-черная молодая женщина, — но все внуки Грам отлично знали, что лучше и не пытаться помогать своей тщедушной, согбенной артритом бабке, и внучка держалась на почтительном расстоянии. Белая косынка Грам криво сидела на ее редких космах.

— Девочка моя, как же я могла тебя прозевать? «Я обязательно услышу, когда она придет, — думала я. — Или ее пони почует ее и заржет». — На темном от загара, изборожденном морщинами лице Грам залегли складки печали. — Снейк, детка, мы так не хотели, чтобы ты увидела все это одна.

— Что здесь произошло, Грам?

— Поли, — приказала Грам внучке, — позаботься о лошади целительницы.

— Хорошо, Грам. — Когда Поли приняла у Снейк повод, она коснулась ее руки жестом утешения. Потом подняла седло и повела Быструю к лагерю.

Держась за локоть Снейк — не для опоры, а скорее чтобы поддержать Снейк, — Грам подвела ее к обломку скалы. Они присели, и Снейк снова окинула взглядом свой лагерь, не веря собственным глазам, в изумлении, превосходившем изможденье. Она взглянула на Грам.

Та вздохнула:

— Это случилось вчера перед рассветом. Мы услышали какой-то шум и голос, явно не твой, и когда подошли посмотреть, то увидели какого-то человека в одежде пустынника. Нам показалось, что он танцевал. Но когда мы приблизились, он убежал. Он разбил свой фонарь о песок, и мы не смогли выследить его. А потом мы увидели твой лагерь… — Грам поежилась. — Мы собрали все, что смогли найти, но практически ничего из вещей не уцелело.

Снейк снова обвела взглядом лагерь. Рассказ Грам ничего не прояснил в этом деле. Она по-прежнему не могла понять, зачем и кому понадобилось рыться в ее вещах.

— Утром ветер занес песком следы, — продолжала Грам. — Тот человек, наверное, скрылся в пустыне, но он не житель пустыни. Мы, жители пустыни, не воры. Мы не разрушители.

— Я знаю, Грам.

— Пойдем со мной. Позавтракаешь. Выспишься. Забудешь об этом сумасшедшем. Нам нужно всем остерегаться сумасшедших. — Грам взяла руку Снейк в свою маленькую натруженную лапку. — Но ты не должна была увидеть все это одна. Нет. Мне следовало перехватить тебя, Снейк, детка.

— Все в порядке, Грам.

— Позволь мне помочь тебе перебраться в мой лагерь. Тебе не следует оставаться здесь больше.

— Здесь нечего брать, Грам. — Снейк, стоя рядом с Грам, окинула взглядом окружавший их хаос. Старая женщина ласково погладила ее по руке.

— Он уничтожил все, Грам. Если бы он забрал это с собой, я бы еще могла понять.

— Кто может понять сумасшедших? У них свой резон.

Но именно в этом и таилась загадка. Зачем настоящему сумасшедшему разрушать все до мельчайших деталей? Ущерб, нанесенный имуществу Снейк, был настолько целенаправленным и странным образом систематично-рациональным, что скорее наводил на мысль не о безумии, а о неудовлетворенной ярости. Снейк содрогнулась снова.

— Пойдем со мной, — повторила Грам. — Безумцы приходят и уходят. Они как песчаные мухи

— в иное лето зудят и роятся вокруг, в другое их нет и в помине.

— Да, ты, наверное, права.

— Конечно, — сказала Грам. — Я знаю о таких вещах. Он уже не вернется сюда, теперь он отправится в другое место, но мы все равно найдем его. А тогда мы отправим его куда надо, и там ему, может быть, вправят мозги.

Снейк устало кивнула:

— Надеюсь, что так и будет.

Она взвалила седло Бельчонка на плечо и подняла с земли саквояж со змеями. Ручка слегка завибрировала, пока Песок устраивался поудобнее.

Снейк шагала рядом с Грам к ее лагерю, слишком изможденная, чтобы раздумывать о случившемся, с благодарностью внимая утешениям старой караванщицы. Утрата Травки, смерть Джесс — и теперь еще это. Снейк даже пожалела, что не подвержена суеверию, — тогда все можно было бы свалить на сглаз. Люди, которые верят в сглаз, верят в возможность его снятия. Теперь Снейк уже даже не знала, что думать, во что верить и как изменить несчастливое направление, которое приобрела линия ее жизни.

— Но зачем он украл мой журнал? — вдруг спро-

сила она. — Зачем ему мои карты и мой журнал?

— Карты! — изумилась Грам. — Я думала, ты взяла их с собой. Ну тогда это точно был сумасшедший.

— Возможно. Ничего другого просто в голову не приходит. — И все же Снейк не удалось убедить себя в этом.

— Карты! — проворчала Грам опять.

Гнев и возмущение Грам, казалось, в этот момент превзошли ярость самой Снейк, однако нотка удивления, проскользнувшая в голосе старой женщины, встревожила Снейк.

Кто-то резко дернул Снейк за одежду, и она, вздрогнув, обернулась. Но это оказался всего лишь собиратель мусора, испугавшийся не меньше, чем сама Снейк. Эти люди подбирали куски металла, дервяшки, клочки одежды — все, что оставалось на месте стоянок, — и как-то использовали этот хлам. Собиратели обычно были одеты в балахоны из разноцветных кусочков материи, искусно сшитых в геометрический узор.

— Целительница, ты позволишь нам забрать все это? Тебе все это все равно не нужно…

— Ао, убирайся! — завопила Грам. — Не приставай к ней сейчас. Ты что, не соображаешь?

Собиратель потупился, однако не отступился.

— Она не знает, что делать со всем этим. А мы знаем. Отдайте это нам. Мы очистим место.

— Сейчас не время просить об этом.

— Ничего, Грам. — Снейк открыла рот, чтобы сказать Ао, что он может забрать все. Возможно, они и в самом деле сделают что-то путное из ее рваных одеял и искореженных ложек. Сама она не могла. Она даже не желала увидеть все это еще раз, не желала вспоминать о происшедшем. Но вопрос сборщика вернул Снейк к действительности — от ее проблем и ее смятения. Она припомнила кое-что, что говорила ей некогда Грам о народе Ао.

— Ао, когда я буду делать прививки, ты позволишь мне сделать прививку тебе?

Вид у сборщика мусора был озадаченный:

— Заговоры, яды, колдовство, магия — нет, это все не про нас.

— Я не имею к этому никакого отношения. Ты даже не увидишь моих змей.

— Нет, это все не про нас.

— Ну, тогда я велю вывезти всю эту рухлядь на середину водоема и утопить.

— Постой! — завопил сборщик. — Нет! Ты хочешь осквернить воду? Ты позоришь мое ремесло. Ты позоришь себя.

— Я испытываю те же чувства, когда ты не позволяешь мне защитить вас от болезней. От потерь. Потерь человеческих жизней. От напрасных смертей.

Сборщик мусора метнул на нее пронзительный взгляд из-под косматых бровей.

— Никакого яда? Никакого колдовства?

— Обещаю тебе.

— Ты можешь пойти последним, — предложила Грам. — Ты успеешь убедиться, что это меня не убьет.

— Никаких гадостей? Никаких наговоров?

Снейк невольно рассмеялась:

— Нет.

— И тогда ты отдашь нам все это? — Сборщик мусора показал в сторону останков лагеря Снейк.

— Да, только потом.

— Мы совсем не будем болеть?

— Будете, только гораздо меньше. Я не могу победить все болезни. Но не будет кори, не будет скарлатины и не будет столбняка…

— Столбняка! Ты можешь победить эту болезнь?

— Да. Не навсегда, но на довольно длительный срок.

— Мы придем, — сказал сборщик мусора. И,

повернувшись, зашагал прочь.

В лагере Грам Поли проворно скребла и чистила Быструю, пока та жевала сено, выдергивая его пучками из охапки. У Поли были самые красивые руки, какие Снейк когда-либо доводилось видеть, — большие, но удивительно изящные, с длинными пальцами, сильные и не изуродованные тяжелой работой, что ей приходилось выполнять. Она была очень высокая, но все равно руки ее должны были казаться черсчур большими даже для такого крупного тела — и все же не казались. Они были грациозны и выразительны.

Поли разительно была непохожа на Грам, бабку и внучку роднила разве что общая аура нежности, присущая всем братьям и сестрам Поли, которых доводилось видеть Снейк. Снейк не так долго жила в лагере Грам, чтобы выяснить, сколько внуков и внучек всего у старухи, и даже имени девочки, сидевшей рядом и полировавшей седло Быстрой, она и то не знала.

— Как там Бельчонок? — спросила Снейк.

— Доволен и счастлив, детка. Вон он, под деревом. Совсем обленился, даже бегать не хочет. Но он теперь совсем оправился. А вот тебе нужен покой и сон.

Снейк понаблюдала за своим пони, который

мирно стоял среди деревьев, помахивая хвостом. Вид у него был настолько счастливый и удовлетворенный, что Снейк даже не подозвала его.

Снейк чувствовала себя совершенно без сил, тем не менее мышцы плеч и шеи буквально сводило от напряжения. Разумеется, ни о каком сне не могло быть и речи, пока она хоть немного не сумеет расслабиться. Ей нужно обдумать эту историю с лагерем. Возможно, действительно лучше согласиться с предположением Грам, что это был просто безумец, разрушавший безо всякой цели. А если так, то Снейк следует принять это как данность и смириться. Просто она не привыкла к тому, что столько неприятностей может произойти совершенно случайно.

— Мне нужно искупаться, Грам, — сказала Снейк, — а потом ты отведешь меня туда, где я не буду никому мешать. Я не задержусь здесь надолго.

— Оставайся сколько захочешь, пока мы здесь. Мы рады тебе, детка.

Снейк крепко обняла старуху. Грам в ответ ласково потрепала ее по плечу.

Прямо рядом с лагерем Грам находился источник, питавший оазис: ключ бил из камня, и вода тонкой струйкой стекала вниз по каменистому

склону. Снейк поднялась повыше — туда, где вода, прогретая солнцем, скапливалась в крошечных природных углублениях. Отсюда ей был хорошо виден весь оазис: пять лагерей на берегу водоема, люди, животные. Отдаленные детские голоса, истошный лай собак доносились до нее сквозь тяжелый, пыльный воздух. Озеро обрамляли деревья, похожие на пушистые перья, — словно шарф из бледно-зеленого шелка.

Камень под ее ногами был покрыт мягким мхом, питаемым влагой из природного бассейна. Снейк сняла ботинки и ступила босыми ногами на прохладный живой ковер.

Она разделась и вошла в воду. Температура воды была чуть прохладней температуры тела, приятно-прохладная, но не обжигающе-ледяная в этот жаркий утренний час. Чуть выше был бассейн с более прохладной водой, чуть ниже — с более теплой. Снейк вытащила камень-затычку, чтобы грязная вода из бассейна стекала на песок, а не поступала дальше вниз, в водоем оазиса. Не сделай она этого, сразу несколько разъяренных людей прибежали бы к ней и потребовали бы прекратить безобразие. Они бы не задумываясь сделали это — так же, как, например, отвели бы подальше животных, пасущихся слишком близко

от берега, или выдворили бы из оазиса того, кто позволил бы себе облегчиться у самой воды. А потому в пустыне не было болезней, передающихся через воду.

Снейк погружалась все глубже в прохладную воду, чувствуя, как вода обнимает все ее тело, — приятная влага касалась ее бедер, живота, грудей. Она облокотилась спиной о черный каменный выступ и почувствовала, как напряжение медленно оставляет ее. Вода тихонько лизала ее затылок.

Снейк вспоминала события последних нескольких дней. Почему-то у нее было такое ощущение, что прошло неимоверно много времени. И все, что случилось, было подернуто дымкой чудовищной усталости. Она посмотрела на свою правую руку. Уродливый синяк прошел, и ничего не осталось от укуса песчаной гадюки, кроме двух крохотных розоватых шрамиков. Она сжала кулак и подержала его — никакой слабости, никакой ригидности.

Столько событий за такое короткое время! Никогда еще прежде Снейк не сталкивалась с такими превратностями судьбы. Ее работа и учеба не были легким делом, но все было в конце концов разрешимо — и никаких страхов, сомне-

ний и подозрений, никаких сумасшедших, что нарушали бы плавное течение дней. Она еще никогда не терпела неудачу. Ни в чем. Все было предельно ясно, четко, черное отдельно от белого. Снейк слабо улыбнулась: скажи кто-нибудь ей или другим ученикам, что истинная, реальная жизнь совершено иная, столь бессвязная и противоречивая, никто из них не поверил бы. Теперь она начинала понимать те перемены, которые видела в учениках, возвращавшихся на станцию после своего первого испытательного года. Более того, теперь она поняла, почему иные из них не возвращались никогда. Нет, они не умерли — во всяком случае бóльшая часть невернувшихся. Целителям угрожали разве что несчастные случаи да такие вот сумасшедшие. Нет, просто многие осознали, что не предназначены для этой жизни, для этой профессии — и оставили ее, занявшись чем-то иным.

Снейк же вдруг поняла, что сама она — со змеями или без — всегда будет оставаться тем, кто она есть, — целительницей. Чувство жалости к себе из-за утраты Травки прошло, горе из-за утраты Джесс потускнело. Снейк никогда не забудет, как она умирала, но и не станет вечно терзать себя из-за того, что она совершила. Вместо этого она

лучше выполнит просьбу Джесс.

Снейк села и потерла кожу песком. Поток обтекал ее тело и изливался на землю через открытое отверстие в бассейне. Руки Снейк задержались на теле: восхитительное ощущение прохладной воды, расслабленный покой и прикосновение пальцев к коже напомнили, вызвав почти физическое чувство боли, сколь долго к ней не прикасалась рука мужчины, сколь долго она отказывала себе в желании. Нежась в воде бассейна, она грезила об Аревине.

Снейк выбралась из бассейна почти нагишом — только балахон набросила на плечи. Она не стала и обуваться. На полпути к лагерю Грам она вдруг замерла, чутко вслушиваясь в почудившийся ей звук. Звук повторился. Сомнений не оставалось: то было движение скользких чешуек по камню, звук ползущей змеи. Снейк осторожно повернула голову на звук. Поначалу она не увидела ничего. И вдруг песчаная гадюка выползла из расселины в камнях. Она подняла свою уродливую голову, высовывая и втягивая язычок.

Невольно содрогнувшись при воспоминании об укусе ее предшественницы, Снейк терпеливо выждала, пока гадюка отползет подальше от своего укрытия. В этой змее не было воздушной

изысканности Дымки, не было ослепительной красоты черно-желтых узоров Песка. Она была просто уродлива, с шишковатой, покрытой наростами головой и грязновато-коричневой кожей. Но этот экземпляр был пока неизвестен целителям, кроме того, песчаные гадюки представляли собой смертельную опасность для народа Аревина. Ей следовало поймать хотя бы одну у его лагеря, но тогда это просто не пришло в голову. И с той поры она не переставала сожалеть об упущенном шансе.

Она не смогла сделать прививки людям его рода, потому что, не зная местных заболеваний, не могла приготовить верный катализатор для Песка. Когда она вернется — если ей будет позволено вернуться, — она непременно сделает недоделанное. Но если она поймает эту песчаную гадюку, что сейчас медленно проползает мимо, — что ж, тогда она сможет изготовить и сыворотку против ее яда, это будет ее даром.

Ветерок тянул в сторону Снейк, и гадюка не могла почуять девушку. Если у нее и были температурные рецепторы, все равно жар окружающих черных камней отвлек ее внимание. Гадюка не заметила Снейк. А зрение у нее, как полагала Снейк, было ничуть не лучше, чем у всех про-

чих рептилий. И вот гадюка проползла прямо перед ее носом, почти задев босые ноги Снейк. Снейк медленно, не совершая резких движений, нагнулась, протянула одну руку над ее головой, а другой помахала чуть впереди. Гадюка, испуганная неожиданным движением, отдернулась, готовясь укусить, — но попала прямо в пальцы к Снейк. Снейк держала ее мертвой хваткой, не давая ни малейшей возможности вывернуться и укусить. Змея обвилась вокруг ее запястья, шипя и судорожно извиваясь, показывая свои устрашающе длинные ядовитые зубы.

Снейк передернуло.

— Хочешь попробовать меня на зубок, негодная тварь? — Неловкими движениями одной руки она сложила свою головную повязку — и завязала змею в импровизированную сумку, чтобы не напугать никого на пути в лагерь.

Она побрела вниз по гладкой каменной тропинке.

Грам уже приготовила для нее палатку. Она поставила ее в тени, клапаны палатки были приподняты, впуская внутрь прохладный утренний ветерок. Грам поставила для Снейк большую чашу со свежими фруктами — первый урожай с росших в оазисе деревьев. Плоды были исси-

ня-черные, круглые, чуть меньше, чем куриное яйцо. Снейк осторожно откусила кусочек — никогда еще прежде она не пробовала этих плодов в свежем виде. Терпкий жидкий сок брызнул из-под надкушенной кожицы. Снейк ела медленно, наслаждаясь ароматом и вкусом. Семечко внутри плода оказалось неожиданно крупным, почти с половину плода. Скорлупа была крепкой, толстой, надежно защищавшей от зимних бурь и засухи. Доев плод, Снейк аккуратно положила косточку рядом с чашей: она знала, что та будет посажена на границе оазиса, чтобы дать жизнь новому дереву. Уже лежа, Снейк смутно подумала о том, что нужно будет прихватить с собой несколько косточек этого дерева. Если оно приживется в горном климате, то плоды его станут хорошей добавкой к изобилию огорода. Мгновение спустя Снейк уже спала крепким сном.

Она спала крепко, без сновидений, и когда пронулась вечером, то чувствовала себя гораздо лучше, чем когда-либо за последнее время. Она чувствовала себя просто прекрасно. В лагере было тихо. Для Грам и ее внуков это была запланированная остановка — передышка для вьючных животных и самих людей. Они были торговцами и сейчас возвращались домой после

летнего сезона — после оживленной купли-продажи и натурального обмена. Семейство Грам, как и прочие смейства, стоявшие здесь лагерем, владели наследственными правами на урожай этого оазиса. Когда урожай будет собран и плоды высушены, караван Грам покинет оазис и пройдет по пустыне еще несколько дней — прежде чем достигнет своих зимних убежищ. Сбор урожая начнется вот-вот, воздух так и пропитался острым ароматом созревших плодов.

Грам стояла возле загона, сложив руки на узловатой палке. Заслышав шаги Снейк, она обернулась и заулыбалась:

— Хорошо выспалась, девочка?

— Прекрасно, Грам, спасибо тебе.

Бельчонок почти не выделялся среди лошадей Грам. Старая торговка обожала лошадей необычных мастей — в яблоках, пестрых, пегих. Она полагала, что это придает особый блеск каравану, привлекает внимание — и, возможно, не без оснований. Снейк свистнула. Бельчонок повернул голову и затрусил к хозяйке, бодро стуча копытами.

— Он тосковал по тебе.

Снейк почесала Бельчонка за ушами, а пони уткнулся в нее своим мягким замшевым носом.

— Да, я гляжу, он прямо-таки захирел здесь с тоски.

Грам хихикнула:

— Мы хорошо кормим их. Никто не сможет обвинить меня и моих людей в том, что мы плохо обращаемся с животными.

— Мне придется долго уговаривать его покинуть тебя.

— Тогда оставайся. Пойдем с нами в наше селение — там ты перезимуешь. Мы ведь нисколько не здоровее, чем прочие люди.

— Спасибо, Грам. Но у меня есть одно обязательство. — Она как-то вдруг позволила себе расслабиться и забыть о смерти Джесс, но все равно случившееся было совсем близко, на поверхности. Снейк поднырнула под веревочное ограждение. Подойдя к пони, она подняла его ногу и осмотрела копыто.

— Мы хотели перековать его, — сказала Грам. — Но все подковы у нас чересчур велики для него, а кузнеца нет, чтобы сделать новую. Неподходящее место, неподходящий сезон.

Снейк взяла в руки обломки сломанной подковы. Она была почти новая, потому что Снейк подковала Бельчонка совсем недавно, перед тем как отправиться в пустыню. Даже шипы на

подкове еще не успели стереться. Видно, металл оказался с изъяном. Она протянула обломки Грам.

— Возможно, это пригодится Ао. Если я не буду слишком навьючивать его, он сможет дойти до Горной Стороны?

— Конечно, ты ведь можешь ехать на своей красотке серой.

Снейк ужасно жалела, что ей вообще пришлось ехать на Бельчонке верхом. Обычно она никогда не делала этого. Она никуда особенно не спешила и вполне могла идти пешком, а Бельчонок вез саквояж со змеями и ее скарб. Но после того как она покинула лагерь Аревина, укус песчаной гадюки напомнил о себе с новой силой — тогда как она думала, организм уже полностью поборол яд. Снейк собиралась ехать верхом на Бельчонке только до тех пор, пока не пройдет это отвратительное головокружение, мерзкое ощущение, что она вот-вот потеряет сознание; но, сев в седло, она вдруг действительно лишилась чувств. И пони покорно тащил Снейк, лежавшую без чувств у него на холке, через всю пустыню. И только когда он начал припадать на ногу, Снейк очнулась от звякающего звука сломанной подковы.

Снейк погладила Бельчонка по морде:

— Мы выйдем завтра, как только спадет жара. Так что весь день в нашем распоряжении — и я посвящу его вакцинации. Если люди придут ко мне.

— Мы придем, дорогая, многие придут. Но почему ты покидаешь нас так скоро? Пойдем вместе с нами. До нашего селения столько же пути, что и до Горной Стороны.

— Мне нужно попасть в Город.

— В это время года? Теперь уже слишком поздно для такого путешествия. Тебя застигнут в пути бури.

— Не застигнут — если я не буду попусту терять время.

— Детка, дорогая, ты просто не представляешь себе, на что ты идешь. Ты не знаешь, какие они — эти бури.

— Я представляю. Я выросла в горах. И наблюдала, как они свирепствуют внизу, в пустыне, каждую зиму.

— Смотреть с вершины горы — это не то, что оказаться в самом сердце бурана, — заметила Грам.

Бельчонок повернулся и галопом помчался к табуну лошадей, дремавших в теньке. Снейк вдруг рассмеялась.

— О чем ты смеешься, малышка? Скажи мне.

Снейк посмотрела сверху вниз на согбенную годами старую женщину с ясными и проницательно-острыми, как у лисицы, глазами.

— Я поняла, с какими из лошадей ты его повязала.

Грам покраснела под глубоким загаром:

— Детка, я не собиралась брать с тебя за него плату. Просто я думала, что ты не станешь возражать.

— Успокойся, Грам. Я совершенно не возражаю. Уверена, что и Бельчонок тоже. Но боюсь, тебя постигнет разочарование, когда придет срок жеребиться.

— Он слишком хорошо воспитан, однако знает, что делает. Я просто обожаю пятнистых лошадок, особенно леопардовой масти. — У Грам уже была одна такая пятнисто-леопардовая, предмет ее гордости: белая, в мелких черных пятнышках по всей шкуре. — А теперь я хочу, чтобы у меня были и полосатенькие. Они будут прекрасно смотреться рядом с пятнистыми.

— Я рада, что тебе нравится его масть. — Снейк пришлось немало повозиться, чтобы особый вирус инкапсулировался в нужный ген. — Но я не думаю, что у тебя будут от него жеребята.

— Почему? Я же сказала…

— Конечно, он может нас всех удивить — я очень надеюсь на это, ради тебя. Но боюсь, он стерилен.

— Вот оно что, — протянула Грам. — Плохо дело. Но я понимаю. Ведь он происходит от лошади и полосатого ослика, мне как-то доводилось слышать о таких.

Снейк не стала спорить. Хотя объяснение Грам было по сути неверно. Бельчонок вовсе не был гибридом — не в большей степени, чем прочие лошади Грам, разве что за исключением одной редуцированной генной пары. Но Бельчонок был невосприимчив к яду Дымки и Песка, и, хотя причина была совершенно иной, результат мог оказаться тем же: Бельчонок был неспособен произвести потомство, как и мул. Его иммунная система была столь эффективна, что, возможно, отвергала гаплоиды, сперму как инородные клетки и уничтожала их.

— Знаешь, детка, я видела мула, который был прекрасным производителем. Это случается иногда. Возможно, и мне повезет.

— Возможно, — отозвалась Снейк. Способность Бельчонка с его иммунной системой к оплодотворению была, по существу, не менее вероятна, чем

возможность существования фертильного мула. Так что Снейк не ощутила угрызений совести от своего осторожного предположения — ведь она не обманывала старуху.

Снейк вернулась в палатку, достала Песка из его отделения и сцедила яд. Он не сопротивлялся. Затем, держа его у самой головы, она осторожно раскрыла ему пасть и влила в глотку пузырек катализатора. С ним вообще было легче работать, чем с Дымкой. В отличие от нее, он мирно свернется во тьме саквояжа, такой же, как и всегда, и будет дремать, пока его ядовитые железы станут вырабатывать сложный химический бульон, состоящий из целого набора протеинов, антител, предназначенных для выработки иммунитета от местных заболеваний, а также стимуляторов иммунной системы. Целители использовали гремучих змей уже давно — гораздо дольше, чем кобр, и, по сравнению с Дымкой, Песок, с целым десятком предшествовавших поколений и сотнями гентетических экспериментов, был гораздо более адаптирован к катализаторам и их воздействию на змеиный организм.

Глава 5

Утром Снейк сцедила содержимое ядовитых желез Песка в бутылочку для сыворотки. Она не могла использовать непосредственно его самого, поскольку каждому вакцинируемому требовалось лишь микроскопическая доза сыворотки. А Песок своими зубами введет слишком много и слишком глубоко. Для вакцинации Снейк обычно использовала инокулятор — специальный инструмент с кольцом острых, как иголки, выступов, которые вводили вакцину непосредственно под кожу. Она положила гремучую змею обратно в саквояж и вышла из палатки.

Люди из соседних лагерей уже начинали подтягиваться — взрослые и дети, представители трех-четырех поколений каждой семьи. Первой в очереди стояла Грам со своими внуками. Их уже было семеро, начиная со старшей, Поли, до ребенка лет шести — той самой девчушки, что чистила седло Быстрой. Они не все являлись непосредственными потомками Грам, поскольку ее семья имела весьма сложную и разветвленную структуру. Дети сестер и братьев ее давно умерших

партнеров, дети ее сестры и дети родственников партнеров сестры тоже на равных основаниях считались внуками Грам. Не все пошли с ней — только те, которые считались ее учениками, кандидатами в будущие каравановожатые.

— Ну, кто первый? — бодро спросила Снейк.

— Я, — ответила Грам. — Раз я сказала, значит, так и будет. — Она покосилась на сборщиков мусора, стоявших живописной толпой немного поодаль. — Смотри, смотри хорошенько, Ао! — крикнула она тому оборванцу, что просил у Снейк ее испорченное имущество. — Ты сам увидишь, что со мной ничего не случится. Это меня не убьет.

— Тебя-то ничто не убьет, старая сыромятная шкура. Я вот посмотрю, что будет с другими.

— Это я старая шкура?! А ты, Ао, старый мешок с барахлом!

— Перестаньте, — Снейк слегка повысила голос. — Я хочу сообщить вам две вещи. Во-первых, некоторые из вас могут проявить излишнюю чувствительность к сыворотке. Если след от прививки резко покраснеет, или вы почувствуете острую боль, или кожа начнет гореть огнем, вы должны немедленно прийти ко мне. Я пробуду здесь до самого вечера. И если что-то случится,

это должно случиться до моего отъезда, верно? Я сделаю так, что такие люди легко перенесут вакцинацию и не заболеют. Главное, чтобы все, кто почувствует что-то неладное — более серьезное, чем просто тупая боль, — немедленно явились ко мне. Не нужно ложной храбрости.

Люди Ао согласно закивали головами.

— Выходит, эта штуковина может убить, — констатировал он.

— Ты же не будешь делать вид, что ничего не случилось, если сломал ногу?

Ао презрительно фыркнул.

— А значит, ты не сделаешь также глупости, притворяясь, что все в порядке, если организм твой среагировал слишком бурно? — Снейк сняла балахон и закатала короткие рукава своей туники. — И второе. После вакцинации останется маленький шрам — вот такой. — Она пошла от группы к группе, демонстрируя всем рубец, оставшийся после ее первой прививки. — Так что, если кто-то из вас хочет, чтобы шрам был в другом, менее открытом месте, пожалуйста, предупредите заранее.

Зрелище крохотного безобидного шрама успокоило даже Ао, который довольно неуверенно пробормотал, что «целителям нипочем любой

яд», — но потом заткнулся.

Грам подошла к Снейк первой, и Снейк с удивлением отметила, что старуха нездорово бледна.

— Грам, с тобой все в порядке?

— Я боюсь крови, — пояснила та. — А кровь обязательно будет. Я боюсь на нее смотреть.

— Да ты ее и не увидишь. Ты только расслабься. — Разговаривая с Грам ласковым голосом, Снейк между тем протерла ей руку спиртовым раствором йода. У нее оставалась лишь одна бутыль с дезинфецирующим средством в аптечке ее саквояжа, но этого должно было хватить на сегодня. А уж в Горной Стороне она пополнит свои запасы. Снейк выдавила каплю сыворотки на руку Грам и вдавила инокулятор в кожу.

Грам вздрогнула, когда иголки впились в тело, но выражение лица осталось невозмутимым. Снейк опустила инокулятор в раствор йода и снова протерла тампоном след от прививки.

— Вот и все.

Грам в изумлении воззрилась на Снейк, потом перевела взгляд на свое плечо. Проколы были ярко-красными, однако не кровоточили.

— И все?

— И все.

Грам улыбнулась и повернулась к Ао:

— Видишь, старый мешок, ничего не случилось.

— Ничего, мы подождем, — отозвался Ао.

Все мирно шло своим чередом. Только немногие дети плакали — и то больше от резкого запаха йода, нежели от уколов крошечных иголочек инокулятора. Поли вызвалась помогать — и отвлекала малышей сказками и прибаутками, пока Снейк работала. Большинство детей, а за ними и взрослые, вернулись послушать Поли уже после того, как Снейк сделала им прививку.

Ао с компанией явно успокоились, потому что никто не рухнул бездыханным трупом к тому моменту, когда подошла их очередь. И они стоически вытерпели уколы иголок и вонь йода.

— Никакого столбняка? — снова спросил Ао.

— Я гарантирую вам по меньшей мере десять лет. По истечении этого срока будет лучше повторить прививку.

Снейк вдавила инокулятор в руку Ао, затем протерла кожу. Гримаса мрачного раздумья сменилась через минуту улыбкой — первой за все это время широкой, радостной улыбкой восторга.

— Мы ужасно боимся столбняка. Это дьявольская болезнь. Она убивает медленно. И очень страшно.

— Да, — кивнула Снейк. — А ты знаешь, что вызывает эту болезнь?

Ао приставил палец к ладони и изобразил, будто проткнул руку.

— Мы очень осторожны, но…

Снейк кивнула. Ей было понятно, что сборщики мусора подвергаются опасности получить колотые раны гораздо более, чем прочие, учитывая специфику их занятия. Но Ао знал о связи между причиной и следствием, так что лекция будет здесь явно лишней…

— Мы никогда еще не видели целителей, во всяком случае на этом краю пустыни. Люди с другой стороны рассказывали нам.

— Мы люди гор и мало что знаем о пустыне, так что очень немногие из нас отваживаются забираться сюда. — Это было только отчасти правдой, но такое объяснение устраивало всех.

— Никого до тебя. Ты первая.

— Возможно.

— Но зачем тебе это?

— Мне было интересно. И потом, я подумала, что могу быть полезной.

— Можешь передать другим, чтобы они тоже приходили. Здесь для них неопасно. — Неожиданно лицо Ао, изборожденное морщинами,

выдубленное непогодой, потемнело. — Да, сумасшедшие — это бывает, но ничуть не больше, чем в горах. Сумасшедшие есть везде.

— Я знаю.

— Когда-нибудь мы разыщем его.

— Ты можешь сделать для меня любезность, Ао?

— Все, о чем ты попросишь.

— Этот сумасшедший не взял ничего — кроме моих карт и журнала. Возможно, он сохранит карты, если у него еще осталось досточно разума, чтобы вопользоваться ими, но мой журнал не нужен никому, кроме меня. Может быть, он выбросил его и твои люди найдут его.

— Мы сохраним его для тебя!

— Именно об этом я и хотела тебя попросить. — Снейк подробно описала, как выглядит журнал. — Прежде чем я уйду, я дам тебе письмо к целителям с северной станции. Если человек, который отправится в эти края, захватит с собой журнал и письмо, ему щедро заплатят.

— Мы будем искать. Мы находим много вещей, но книги нам попадаются редко.

— Возможно, вы никогда не найдете его и он пропал навсегда. А может быть, этот безумец украл его в надежде, что он представляет ка-

кую-то ценность, и, разочаровавшись, в ярости сжег его.

Ао содрогнулся при мысли о том, что такая прекрасная бумага могла быть сожжена просто так — из каприза.

— Мы будем очень стараться.

— Благодарю тебя.

Ао отошел к остальным сборщикам мусора.

Когда Поли закончила историю о жабе и трех древесных лягушках, Снейк еще раз осмотрела ребятишек и с удовлетворением отметила, что ни у одного из них не выступила сыпь, не вспухла кожа — и вообще не проявилось никакой аллергической реакции.

— И жаба уже не хотела уметь лазить по деревьям, — заключила Поли. — Все, сказке конец. А теперь по домам. Вы все вели себя просто прекрасно.

Они умчались стайкой, визжа и квакая. Поли вздохнула и расслабленно потянулась.

— Надеюсь, настоящие лягушки не подумают, что пришел их брачный сезон, — в такое-то время года. А то, гляди, заполонят весь лагерь.

— Настоящий артист может сотворить чудо, — сказала Снейк.

— Артист! — фыркнула Поли и начала закаты-

вать рукав.

— Ты просто прирожденный менестрель.

— Сказительница — да, возможно. Но только не менестрель.

— Почему?

— У меня плохой слух. Я не могу петь.

— Большинство менестрелей, которых мне доводилось слышать, не в состоянии складно придумать историю. У тебя настоящий дар.

Снейк приготовила инокулятор и прижала его к бархатистой коже Поли. На тоненьких иголочках дрожали, переливаясь, капельки вакцины.

— Ты уверена, что тебе не помешает шрам на таком месте? — вдруг спросила Снейк.

— Нет, а почему он должен мне помешать?

— У тебя такая красивая кожа, что мне жаль оставлять на ней рубец. — Снейк показала Поли свою свободную руку, испещренную многочисленными шрамами. — Я даже завидую тебе немножко.

Поли похлопала Снейк по плечу — так же ласково, как Грам, только чуть более твердо и с большей силой.

— Ты должна гордиться своими шрамами. Я вот тоже буду гордиться шрамом, который ты мне оставишь. Каждый, кто увидит его, сразу поймет,

что я встречалась с целительницей.

И Снейк нехотя вдавила иголки инокулятора в руку Поли.

Дневную жару Снейк переждала в палатке, отдыхая — как и все в лагере. Она уже написала письмо для Ао — и ей решительно нечего было делать, нечего паковать. У нее ничего не осталось, ровным счетом ничего. Бельчонок понесет только свое собственное седло, так как основа оказалась неповрежденной и Снейк удалось залатать кожу. Кроме этого у нее оставалась только одежда, надетая на нее, да кожаный саквояж с Дымкой, Песком и уродливой песчаной гадюкой в отделении, прежде принадлежавшем Травке.

Несмотря на жару, Снейк опустила клапаны палатки и открыла два нижних отделения саквояжа. Дымка вытекла словно ручеек, подняв голову и раздувая капюшон, высовывая язычок, словно проверяя незнакомую обстановку. Песок, в своей обычной манере, лениво перевалился через край. Наблюдая, как они скользят сквозь теплый полумрак, освещенные лишь слабым голубоватым светом биолюминисцентной лампы, бликами вспыхивавшими на их чешуйках, Снейк думала о том, что бы произошло, если бы сумасшедший напал на лагерь, когда она была

у себя. Если бы змеи были в саквояже, он мог бы вползти незамеченным, ибо Снейк спала тяжелым беспробудным сном, еще не придя в себя после укуса гадюки. Безумец мог ударить ее чем-нибудь по голове и начать рыться и уничтожать все, что попадется под руку. Снейк все-таки было неясно, зачем сумасшедшему понадобилось столь методично уничтожать вещь за вещью — если он, конечно, не искал что-то определенное, — но тогда это напрочь исключало версию сумасшествия. Карты ее ничем не отличались от тех карт, что носили с собой практически все жители пустыни. Она бы позволила всякому, кто попросил, перерисовать их. Карты были очень важны, но вполне доступны. Журнал же представлял ценность исключительно для одной Снейк. Она даже пожалела, что сумасшедший напал на лагерь в ее отсутствие, ибо, открой он кожаный саквояж, ему уже никогда бы не удалось разорить ничей лагерь. Снейк не понравилось кровожадное удовольствие, охватившее ее при этой мысли, однако это было именно то, что она чувствовала.

Песок вполз к ней на колени и обвился вокруг запястья тяжелым массивным браслетом. Он смотрелся в такой позе гораздо лучше несколько

лет назад — когда был гораздо меньше в размерах. Спустя несколько секунд и Дымка скользнула вверх по талии Снейк, чтобы устроиться на ее плечах.

В прежние добрые времена картину завершала Травка, обвивавшаяся вокруг шеи Снейк живым изумрудным ожерельем.

— Снейк, к тебе можно? Это не опасно? — Грам даже не осмелилась просунуть нос через клапан палатки.

— Нет, не опасно. Если ты, конечно, не боишься. Мне убрать их?

— Ну… Нет, не надо.

Грам бочком протиснулась через вход, плечом отодвинув полог. Руки у нее были полны всякой всячины. Пока глаза ее привыкали к полумраку, она стояла не шевелясь.

— Все в порядке, — ободрила ее Снейк. — Они оба со мной.

Моргая, Грам подошла ближе. Она положила рядом с седлом одеяла, бурдюк для воды, небольшой котелок.

— Поли собирает провизию, — сказала она. — Конечно, это не возместит тебе ущерба, но…

— Грам, я ведь еще даже не расплатилась с тобой за Бельчонка.

— А ты ничего мне и не должна. — Грам ухмыльнулась. — Я же тебе уже все сказала по этому поводу.

— Это будет нечестной игрой с моей стороны.

— Ничего. Приезжай к нам весной — и увидишь чудных полосатых жеребяток. Я это чувствую.

— Тогда позволь мне заплатить за эти вещи.

— Нет. Мы поговорили об этом, и все захотели дать тебе что-то. — Она дернула левым плечом, где виднелся след от прививки. Похоже, укол все еще побаливал. — Это тебе в благодарность.

— Я не хочу показаться невежливой, — сказала Снейк, — но целители никогда не берут плату за вакцинацию. Никто из вас не был болен. Я не сделала для вас ровным счетом ничего.

— Да, никто не был болен, но ведь ты бы помогла, если бы кто-нибудь заболел? Правда?

— Да, разумеется, но…

— И ты сделала бы это бесплатно, если бы кто-то не смог заплатить. Почему же мы не можем позволить себе такое же? Как мы можем отпустить тебя в пустыню с пустыми руками?

— Но мне есть чем заплатить. — В сумке Снейк было золото и серебряные монеты.

— Снейк! — Грам сердито нахмурилась, и голос ее стал суровым и неприязненным. — Люди пу-

стыни никогда не берут чужого, и они никогда не позволят, чтобы их друзей обокрали. Мы подвели тебя. Позволь нам сохранить нашу честь.

Снейк поняла, что Грам вовсе не пыталась сохранить приличия — она действительно не желала брать плату. Для нее было жизненно важно, чтобы Снейк приняла ее дар.

— Прости меня, Грам. Спасибо тебе.

Лошади были оседланы и готовы в путь. Снейк навьючила бóльшую часть поклажи на Быструю, чтобы Бельчонок мог идти налегке. Седло Быстрой, богато изукрашенное, с чудесным тиснением, тем не менее было весьма удобно и функционально. Оно так прекрасно было подогнано и столь удобно, что Снейк перестала испытывать некоторую неловкость от его излишней помпезности.

Грам с Поли пришли проводить ее. Ни у кого не было никаких признаков неблагоприятной реакции на вакцину, так что Снейк могла спокойно уехать. Она нежно обняла обеих женщин. Грам поцеловала ее в щеку своими мягкими, теплыми, сухими губами.

— До свидания, — прошептала Грам, когда Снейк села в седло.

— До свидания! — прокричала она еще раз

вдогонку.

— До свидания! — Снейк пустила Быструю рысью, повернувшись в седле, чтобы помахать провожающим.

— Если тебя застигнет буря, спрячься в пещере! — прокричала Грам. — Не теряй из виду вешки, они скорее приведут тебя в Горную Сторону!

Снейк с улыбкой ехала между деревьями, слушая все еще доносившиеся до нее советы Грам насчет оазисов и воды, насчет направления песчаных дюн, направления ветра, о том, как караванщику следует сохранять свое имущество в пустыне, а также предупреждения насчет тропинок, дорог и гостиниц за Центральным хребтом, разделявшим западную и восточную пустыни. Бельчонок трусил рядом с Быстрой и совсем не припадал на неподкованную ногу.

Кобыла после хорошего отдыха и отменной кормежки с удовольствием рванула бы в галоп, но Снейк придерживала ее не медленном шаге. Путь предстоял долгий.

Быстрая фыркнула, и Снейк вскочила, едва не стукнувшись головой о нависавшую над ней скалу. Был полдень, во сне она истинктивно свернулась на единственном здесь пятачке тени.

— Кто здесь?

Никакого ответа. Но никого и не должно быть поблизости с ней. Оазис Грам и следующий за ним остались позади, в двух ночах езды, и сегодня Снейк разбила лагерь в безлюдной гористой местности. Здесь не росли растения, здесь не было воды и пищи.

— Я целительница, — прокричала она, чувствуя себя последней идиоткой. — Берегись, мои змеи на свободе! Отзовись, или покажись мне, или дай какой-нибудь знак — тогда я уберу их.

Никто не ответил на ее призыв.

«Потому что тут никого нет, — подумала Снейк. — Господи, ну кому понадобится преследовать тебя? Сумасшедшие не преследуют людей. Они просто… сумасшедшие».

Она снова легла и попыталась уснуть, но каждый шорох песка, влекомого ветром по скале, заставлял ее нервно подскакивать. Она не могла избавиться от смутной тревоги до самых сумерек, когда свернула лагерь и продолжила путь на восток.

Каменистая тропинка в горах была столь обрывистая и крутая, что Быстрая перешла на шаг, а Бельчонок начал прихрамывать снова. Снейк тоже слегка припадала на правую ногу, ибо пере-

мена в высоте и темературе плохо действовала на ее больное колено. Но до Горной Стороны, укрывавшей долину, было уже просто рукой подать — час неторопливой езды. В самом начале пути тропинка была очень крутая, но они уже миновали опасное место, скоро перевалят седловину восточного отрога Центральных гор. Снейк спешилась, чтобы дать роздых Быстрой.

Она почесала морду Бельчонка, тыкавшегося в ее карманы в поисках чего-нибудь съестного, и оглянулась назад, на пустыню. Тонкая пелена пыли затуманивала горизонт, но ближе черные перекатывающиеся песчаные дюны отливали опаловым сиянием, отражая рдеющий закатный луч. Волны жара создавали иллюзию движения. Однажды один из наставников описывал ей океан: именно таким представляла его себе Снейк.

Она была рада тому, что пустыня уже позади. Воздух стал гораздо прохладней, и травы с кустарником пускали цепкие корни в наполненные жирным вулканическим пеплом расселины и трещины. Ниже ветры слизали с горных склонов весь песок, землю и пепел, оставив голые камни. Эти же высокогорные растения росли в защищенных местах, но им отчаянно не хватало воды.

Снейк отвернулась от пустыни и повела кобылу

и пони вверх, ботинки ее то и дело оскальзывались на отполированном ветрами камне. Пустынное одеяние мешало ей, стесняя движение, и Снейк сняла балахон, приторочив его позади седла. Свободные штаны и туника с короткими рукавами развевались, паруся на горном ветру, хлопали ее по рукам и ногам. Когда Снейк подошла ближе к тропинке, ветер усилился, так как узкий проход в скале был своеобразной трубой, усиливавшей любое движение воздуха. Через несколько часов станет совсем холодно. Холодно! Снейк даже и помыслить не могла о подобной роскоши.

Снейк достигла вершины и ступила в совершенно иной мир. Глядя вниз на зеленеющую долину, она почувствовала, что наконец-то оставила все несчастья, преследовавшие ее, позади. Быстрая и Бельчонок задрали головы, принюхиваясь и всхрапывая в предчувствии свежих пастбищ, струящейся воды, других животных.

Городок прилепился к горе по другую сторону тропинки — скопление каменных строений, словно вгрызшихся в горный склон, одно над другим, террасами, черное на черном. Поля покрывали самое дно долины, изумрудно-зеленые и золотые, обрамлявшие мерцавшую разливом

серую воду реки. Дальний угол долины, с более крутым, чем здесь, склоном, был абсолютно диким, поросшим густым лесом, доходившим до самых голых пиков.

Снейк всей грудью вдохнула свежий воздух и стала спускаться вниз.

Красивые жители Горной Стороны уже имели опыт общения с целителями. В их отношении чувствовалось почитание с примесью некоторой осторожности, но не страх — как по ту сторону пустыни. К этому Снейк уже давно привыкла: это было вполне разумно, такая осторожность, ибо Дымка и Песок могли оказаться опасными для любого, кроме нее самой. Снейк принимала почтительные приветствия с улыбкой, ведя своих лошадей по мощеной булыжником улице.

Магазины были закрыты, а таверны открыты. Завтра утром люди потянутся к Снейк просить ее о помощи, но она от души надеялась, что уж сегодня они дадут ей возможность хорошенько выспаться в уютном гостиничном номере и насладиться вкусным ужином и чаркой доброго вина. Пустыня высосала из нее все силы. Если кто-то явится прямо теперь, в такой час, — значит, повод серьезный. Снейк понадеялась, что никто в Горной Стороне не лежит на смертном

одре нынешним вечером. Она оставила лошадей у входа в магазинчик, который все еще был открыт, и купила себе пару новых штанов и новую рубашку, выбирая на глаз и по совету владельца, потому что слишком устала, чтобы заниматься примеркой.

— Не беспокойтесь, — сказал хозяин лавочки, — я могу подогнать их завтра по вашей фигуре, если потребуется. Или вы можете возвратить товар, если вам не подойдет. Для целительницы я пойду даже на это.

— Все будет прекрасно, — уверила его Снейк. Она уплатила по счету и вышла из магазина. На углу виднелась аптека, и хозяйка как раз запирала двери.

— Простите, — обратилась к ней Снейк.

Хозяйка обернулась с выражением покорности на лице. При виде снаряжения Снейк, ее саквояжа со змеями, улыбка на лице сменилась изумлением.

— Целительница! — воскликнула она. — Входите же. Что вам угодно?

— Аспирин, — сказала Снейк. У нее оставалось всего несколько таблеток, и ей ужасно не хотелось остаться без запаса, — и раствор йода, если у вас есть.

— Да, разумеется. Я сама приготовляю аспирин и очищаю йод, когда получаю партию. В моей продукции нет никаких примесей. — Она наполнила сосуды Снейк. — Как давно к нам не забредал целитель…

— Ваши жители славятся красотой и здоровьем, — сказала Снейк, и это был не просто пустой комплимент. Она оглядела полки. — Я вижу, у вас просто прекрасный выбор. Мне кажется, вы можете вылечить практически любую болезнь.

На одной стороне полки стояли анальгетики, чересчур сильные, подавляющие организм, вместо того чтобы укрепить его. Стыдясь искушения купить такое лекарство — что означало бы признать и смириться с потерей Травки столь быстро, — Снейк старалась даже не смотреть на них. Но, конечно, если в городе кто-то серьезно болен, ей придется прибегнуть к их помощи.

— Так продолжим наш разговор, — сказала владелица аптеки. — Где вы намерены остановиться? Я могу посылать к вам людей?

— Разумеется. — Снейк назвала гостиницу, которую рекомендовала ей Грам, уплатила за лекарства и вышла из аптеки, распрощавшись с женщиной, которая направилась своей дорогой. Снейк в одиночестве побрела дальше.

Какая-то тень в балахоне мелькнула в поле ее зрения. Снейк сжалась, заняв оборонительную позицию. Быстрая фыркнула и отпрянула. Фигура в нахлобученном капюшоне замерла.

Снейк остановилась в растерянности. Человек, подошедший к ней, был одет не в одежду пустыни, а в какую-то странную мантию с капюшоном. Она не могла рассмотреть его лица, скрытого тенью, но то явно был не сумасшедший.

— Я могу поговорить с вами, целительница? — Голос незнакомца звучал неуверенно.

— Конечно. — Если он не обратил внимания на ее странное поведение, то и ей следовало сделать вид, что ничего не произошло.

— Меня зовут Габриэль. Мой отец — мэр города. Я пришел просить вас оказать нам честь — быть нашей гостьей.

— Это весьма любезно с вашей стороны. Я собиралась остановиться в гостинице…

— Это прекрасная гостиница, — ответил Габриэль. — И ее хозяйка будет весьма польщена вашим визитом. Но мой отец и я покроем позором Горную Сторону, если не предложим вам лучшее, что в ней есть.

— Благодарю вас, — сказала Снейк. Она начинала испытывать если не удовлетворение, то по

меньшей мере благодарность за столь почтительное отношение и гостеприимство по отношению к целителям. — Я принимаю ваше приглашение. Мне только нужно оставить записку в гостинице. Аптекарша сказала, что может направить туда пациентов.

Габриэль поглядел на нее. Снейк не могла рассмотреть выражение его лица из-за капюшона, но ей показалось, что он улыбается.

— Целительница, уже этой ночью вся долина будет знать о месте вашего пребывания.

Габриэль повел ее по улицам города, следовавшим изгибам черной скалы, между одноэтажными строениями из черного плитняка. Копыта лошадей и башмаки Снейк и ее провожатого гулко грохотали по мостовой, отзываясь далеким эхом. Здания кончились, и улица превратилась в широкую мощеную дорогу, отделенную от пропасти только довольно невысокой стенкой.

— Отец сам бы вышел встретить вас, — как-то неуверенно, хотя и виновато заметил Габриэль, как будто он хотел сказать ей что-то, но не знал, как лучше это сделать.

— Я не избалована вниманием великих людей, — ответила Снейк.

— Я хотел сказать, что мы пригласили бы вас

при любых обстоятельствах, даже если… — Он вдруг осекся.

— Ах вот оно что, — догадалась Снейк. — Ваш отец болен.

— Да.

— Не нужно стесняться просить моей помощи, — ответила Снейк. — В конце концов, это моя профессия. И если у меня будет отдельная комната — это совершенно неожиданный подарок судьбы.

Снейк по-прежнему не видела лица юноши, однако напряжение ушло из его голоса.

— Я просто не хотел, чтобы у вас сложилось о нас превратное представление — что мы из того сорта людей, которые предлагают что-то только взамен на услугу.

Они продолжали брести в темноте. Дорога круто повернула, огибая скалистый выступ, который на время заслонил свет, погрузив их во мрак, а потом Снейк увидела дворец мэра. Он был просторный и высокий, опиравшийся на крутой горный склон. Привычный здесь черный плитняк был ярко освещен белой узкой полосой света у самой крыши — ряд сияющих солярных панелей, обращенных на восток и на юг. Стекла огромных окон верхнего этажа были причудли-

вой формы — они следовали очертаниям башни главного здания. Огни, сверкавшие в них, были безупречно яркими и чистыми. Несмотря на окна и на резные панели высоких дверей, резиденция мэра могла служить равно как крепостью, так и произведением искусства.

Первый этаж не имел окон, а двери были крепки и массивны. Дальний конец здания тоже был защищен нависающим каменным уступом. Мощеный двор заканчивался каменистой площадкой утеса, который в этом месте не был столь крутым и высоким, как в том месте, где сейчас стояла Снейк. Освещенная тропинка вела к его изножию, где располагались конюшни и небольшой выгон.

— Очень впечатляюще, — заметила Снейк.

— Замок принадлежит городу, хотя мой отец жил здесь уже тогда, когда я еще не родился.

Они продолжали идти по каменной дороге.

— Расскажите, что случилось с вашим отцом. — Она была уверена, что с ним ничего серьезного, иначе Габриэль не выглядел бы таким беззаботным.

— Несчастный случай на охоте. Один из его друзей проткнул копьем ему ногу, началось заражение, а он даже не желает признать это. Он

панически боится, что ему отрежут ногу.

— Как все это выглядит?

— Я не знаю. Он не подпускает меня к себе. Он даже запретил мне подходить, приближаться к нему — со вчерашнего дня. — В голосе Габриэля звучала усталость и покорность судьбе.

Снейк озабоченно посмотрела на него: если отец юноши настолько упрям и напуган, что может выдержать такую боль, то инфекция могла распространиться настолько, что ткани уже омертвели.

— Я очень не люблю ампутации, — искренне сказала Снейк. — Вы даже представить не можете, какие расстояния я преодолевала, чтобы избежать этого.

У входа во дворец Габриэль крикнул что-то, и тяжелая дверь отворилась. Он приветствовал слугу и попросил того отвести Быструю и Бельчонка вниз, в конюшню.

Снейк и Габриэль вошли в вестибюль, отделанный полированным черным камнем, отражавшим их движущиеся фигуры и тени. Гулкое эхо разносилось по углам. В помещении не было окон, а потому там царил полумрак, но тут же подлетел другой слуга и поспешно включил газовые горелки. Габриэль положил спальный

мешок Снейк на пол, откинул капюшон и сбросил мантию. Отполированные стены искаженно отразили его лицо.

— Вы можете оставить ваш багаж здесь, о нем позаботятся и отнесут наверх.

Снейк усмехнулась при мысли о том, что ее свернутый спальный мешок заслужил столь громое название — «багаж», как будто она была богатым купцом, собирающимся на торги.

Габриэль повернулся к ней. Впервые увидев его лицо, Снейк даже утратила дар речи. Обитатели здешних мест хорошо понимали, что они красивы, но этот юноша так тщательно маскировал свою внешность мантией и капюшоном, что Снейк было решила, что он либо дурен собой, либо урод от рождения. Она была готова увидеть нечто в этом духе. Но Габриэль оказался красивейшим существом. Он был прекрасно сложен и очень пропорционален. Лицо у него было скорее квадратное, но не такое угловатое, как у Аревина, и выражало чудовищную уязвимость, неумение скрывать свои чувства. Он подошел ближе, и она увидела его глаза — необычного ярко-синего оттенка. Кожа его была покрыта золотистым загаром — почти такого же цвета, что и его темно-золотистые волосы. Снейк даже не могла сказать,

почему он так разительно красив, — может быть, дело было в удивительной симметрии его черт, или в безупречности бархатистой кожи, или в чем-то ином, а может, во всем вместе, но от него просто невозможно было оторвать глаз. При виде его буквально перехватывало дыхание.

Габриэль выжидающе смотрел на Снейк, полагая, что она оставит здесь и свой кожаный саквояж. Казалось, он не замечал произведенного им на нее впечатления.

— Там мои змеи, — пояснила она. — Я всегда держу их при себе.

— О… Простите, я не знал. — Краска медленно заливала его лицо. Кровь поднималась от горла к щекам. — Мне следовало бы догадаться.

— Ничего, какое это имеет значение? Мне кажется, лучше осмотреть вашего отца как можно скорее.

— Вы правы.

Он поднялись по широкой винтовой лестнице, выложенной из каменных глыб, истертых по углам временем и человеческими ногами.

Снейк еще никогда не встречала столь красивого человека и в то же время столь чувствительного к малейшей критике, как Габриэль. Особенно к непреднамеренной критике. Неотразимые

красавчики обычно распространяют вокруг себя ауру самоуверенности и независимости, порой граничащей с высокомерием. Габриэль же казался удивительно незащищенным. Снейк не могла взять в толк, что могло так повлиять на него.

Толстые каменные стены городских жилищ сохраняли в помещениях почти неизменную температуру. После иссушающей жары пустыни Снейк была рада прохладе. Она знала, что покрыта пылью и пóтом после дня езды, однако не чувствовала усталости. Кожаный саквояж приятно оттягивал руку. Она от всей души надеялась, что это не такой уж тяжелый случай. Если дело не столь серьезно, что потребуется ампутация, она легко справится — не будет даже никакого осложнения, почти ни малейшей угрозы смерти.

Ей бы очень не хотелось потерять еще одного пациента — и так скоро.

Она следовала за Габриэлем по виткам спиральной лестницы. Габриэль даже не замедлил шаг на последней ступени, но Снейк остановилась и помедлила наверху, обозревая огромную, изумлявшую своими размерами залу. Высокое дымчатое арочное окно на самом верху башни являло живописный вид всей залитой сумеречным светом долины. Зрелище подавляло все прочие

эмоции, и, видимо, зодчий, возводивший это здание, понимал это, ибо в зале отсутствовала всякая мебель, отвлекавшая от главного — окна. Были только широкие, неброских цветов подушки на полу. Пол имел два уровня: верхний полукругом примыкал к задней стене, к которой выходила лестница; и нижний, широким кольцом граничивший с окном.

Снейк услышала яростный вопль, и в следующий момент пожилой человек вылетел из соседней комнаты, толкнув Габриэля и почти сбив его с ног. Юноша, придя в себя, схватил за локоть старика, стараясь удержать его от падения, в то время как тот ухватился за локоть Габриэля по той же самой причине. Они печально посмотрели друг на друга, даже не замечая комичности ситуации.

— Ну как он? — спросил Габриэль.

— Хуже, — ответил старик. Он покосился на Снейк. — Она…

— Да, я привел целительницу. — Юноша повернулся, чтобы представить девушку старику. — Брайан — помощник моего отца. Никому другому не дозволено приближаться к нему.

— Увы, даже и мне теперь, — отозвался Брайан. Он откинул свои густые седые волосы со лба. —

Он не позволяет мне осмотреть его ногу. Она причиняет ему такую боль, что он подкладывает подушку под простыни, чтобы они не касались кожи. Ваш отец ужасный упрямец, господин.

— Уж кому, как не мне, знать это.

— Прекратите там болтать! — завопил отец Габриэля. — У вас есть хоть толика уважения? Убирайтесь вон из моих комнат!

Габриэль выпрямился и посмотрел на Брайана:

— Думаю, нам все же лучше войти.

— Только не мне, господин, — отозвался Брайан. — Меня он выгнал вон. И сказал, чтоб я не смел появляться до тех пор, пока он не позовет, если вообще позовет. — Старик выглядел подавленным.

— Не обращай внимания. Он сказал это просто в гневе. Он не хотел обидеть тебя.

— Вы так думаете, господин? Что он не хочет обидеть?

— Он не хотел обидеть тебя. Ты необходим ему. Я — нет.

— Габриэль… — начал было старик, внезапно отказываясь от раболепия.

— Не уходи далеко, — непринужденно сказал Габриэль. — Мне кажется, он скоро призовет

тебя. — И юноша вошел в комнату отца.

— Приветствую тебя, отец, — сказал он.

— Убирайся. Я же велел тебе не докучать мне.

— Я привел целительницу.

Как и все жители Горной Стороны, отец Габриэля был красив, Снейк видела это, даже складки страдания не могли изуродовать его сильное волевое лицо. Кожа у него была светлая, а глаза черные, черные же кудри ниспадали на подушку в беспорядке. В добром здравии он бы выглядел просто впечатляюще — тип человека, который будет главенствовать в любой группировке, к которой примкнет. Красота его была совершенно иного свойства, нежели у Габриэля, такая, которую Снейк признавала, но не любила.

— Мне не нужна целительница, — прорычал он. — Убирайтесь. Я хочу Брайана.

— Ты напугал его и обидел, отец.

— Позови его.

— Он придет, если я позову. Но он не поможет тебе. А она — поможет. Пожалуйста… — В голосе Габриэля зазвучали нотки отчаяния.

— Габриэль, пожалуйста, зажги лампы, — приказала Снейк. Она сделала шаг вперед и оказалась у постели мэра.

Габриэль подчинился, и мэр, зажмурившись,

отвернулся от света. Его веки набрякли и глаза были налиты кровью. Он мог двигать только головой.

— Будет только хуже, — сказала Снейк мягко, — пока вы вообще не перестанете двигаться от боли. В конце концов вы вообще будете не в состоянии пошевелиться, поскольку яд из вашей раны подточит весь ваш организм. А потом вы умрете.

— Уж вы-то, конечно, знаете толк в ядах!

— Меня зовут Снейк. Я целительница. И я не имею дела с ядами.

Мэр не придал значения ее имени, но Габриэль услышал и посмотрел на нее с еще большим уважением и даже благоговением.

— Змеи! — взревел мэр.

Снейк не собиралась тратить силы на споры и убеждения. Она подошла к изножию кровати и сдернула простыни, чтобы осмотреть поврежденную ногу. Мэр попытался сесть в постели, запротестовать, но тут же повалился навзничь, задыхаясь, бледный как полотно, лицо его блестело от пота.

Габриэль приблизился к Снейк.

— Вам лучше оставаться здесь, при нем, — сказала она. Она чувствовала душный запах

гниющей плоти.

Нога выглядела поистине ужасающе. Ее пожирала гангрена. Плоть распухла, и злые красные язычки достигли уже бедра. Через несколько дней ткани отомрут, и тогда останется только одно — ампутация.

Запах становился все сильнее и тошнотворней. Габриэль был еще бледнее, чем его отец.

— Тебе не обязательно быть здесь, — сказала Снейк.

— Я… — Он сглотнул, потом продолжил: — Со мной все в порядке.

Снейк накрыла распухшую ногу простыней, стараясь быть предельно осторожной. Вылечить мэра — не такая уж сложная задача. Главное препятствие — это его идиотская воинственность.

— Вы можете ему помочь? — спросил Габриэль.

— Я сам могу спросить за себя! — взорвался мэр.

Габриэль опустил глаза с непонятным выражением на лице, на что мэр не обратил ни малейшего внимания, но Снейк подметила, что в лице Габриэля не было ни тени гнева — только бесконечная покорность и сожаление. Габриэль отвернулся и занялся газовыми светильниками.

Снейк присела на край кровати и пощупала лоб мэра. Как она и предполагала, у того был сильнейший жар.

Мэр отвернулся.

— Нечего смотреть на меня.

— Вы можете не обращать на меня внимания, — проговорила Снейк. — Вы можете даже выгнать меня вон. Но вы не можете не обращать внимания на вашу болезнь. А инфекция не пройдет сама собой, по вашему хотению.

— Вы не посмеете отрезать мне ногу, — сказал мэр, выговаривая отчетливо и ясно каждое слово.

— А я и не собираюсь. В этом нет необходимости.

— Мне нужен Брайан, чтобы промыть рану.

— Он не может промыть гангрену! — Снейк уже начинало раздражать ребячество мэра. Если бы дело было в высокой темпертуре, Снейк не пожалела бы времени, чтобы уговорить его. Если бы он умирал, она могла бы понять его нежелание согласиться с этим. Но дело было ни в том, ни в другом. Он просто привык делать все как его душа пожелает и не мог смириться с тем, что ему в чем-то не повезло.

— Отец, выслушай ее, прошу тебя.

— Не пытайся изображать, что ты заботишься обо мне, — фыркнул отец. — Ты будешь вполне счастлив, если я умру.

Белый как полотно Габриэль постоял неподвижно с минуту, потом повернулся и молча вышел из комнаты.

Снейк поднялась:

— Вы сказали ужасную вещь. Как вы могли? Всем видно, что он хочет, чтобы вы выжили. Он любит вас.

— Мне не нужна ни его любовь, ни ваши лекарства. Ничто не может помочь мне.

Сжав кулаки, Снейк последовала за Габриэлем. Она нашла его в башне у окна, он смотрел в него, положив подбородок на ступень, образованную нижним и верхним ярусом.

Снейк опустилась на пол рядом с ним.

— Он не думает так, как говорит. — В голосе Габриэля звучало напряжение и униженность. — На самом деле… — Он закрыл лицо руками и разрыдался. Снейк обняла его, пытаясь успокоить, она гладила его по плечам, ерошила мягкие волосы. Но каковы бы ни были причины враждебности мэра, Снейк чувствовала, что все это не из-за ненависти или ревности к Габриэлю.

Юноша вытер лицо рукавом.

— Спасибо, — прошептал он. — Простите меня. Но, когда он становится вот таким…

— Габриэль, у твоего отца это давно? Я имею в виду такую… м-м-м… неуравновешенность.

С минуту Габриэль выглядел озадаченным. Потом коротко рассмеялся, с ноткой горечи.

— Вы имеете в виду его рассудок? О нет, он совершенно в трезвом уме. Просто между нами пробежала кошка. Я полагаю… — Габриэль помедлил. — Иногда он, наверное, очень хочет, чтобы я умер. И тогда он сможет усыновить более подходящего наследника или родить другого сына. Но он никогда больше не женится. Возможно, он прав. Возможно, и мне порой хочется его смерти.

— Ты веришь в то, что говоришь?

— Мне бы не хотелось верить в это.

— А я вот совершенно в это не верю.

Он неуверенно посмотрел на Снейк — с таким выражением, что она было решила, что сейчас он лучезарно улыбнется, однако юноша вдруг разрыдался снова.

— Что случится, если все оставить как есть?

— Дня два он пробудет без сознания. А потом — потом придется выбирать: либо против его воли ампутировать ему ногу, либо оставить умирать.

— А вы можете вылечить его сейчас? Без его

согласия?

Как бы ей хотелось ответить ему то, что он так жаждал услышать!

— Габриэль, мне нелегко это тебе говорить, но, если он потеряет сознание, успев приказать не трогать его, я буду вынуждена позволить ему умирать. Ты же сам говорил, что он в своем уме. А значит, я не имею права идти против его желаний. Какими бы они глупыми и нелепыми ни казались нам.

— Но вы ведь можете спасти ему жизнь.

— Да. Но это его жизнь.

Габриэль устало потер глаза:

— Я попробую поговорить с ним еще раз.

Снейк последовала за ним в комнату мэра, но согласилась подождать снаружи, пока Габриэль не закончит беседу. У юноши было мужество. Каковы бы ни были его промахи и недостатки в глазах отца — и в его собственных, — но мужества ему было не занимать. Хотя, возможно, с другой стороны, в его натуре таилась трусость — иначе как можно было объяснить его покорность и готовность к унижениям? Снейк не могла бы представить себя в подобной ситуации. Она вспомнила о своих узах, связывавших ее с другими целителями, с ее семьей, — они были

прочны, насколько могут быть прочны связи между людьми, но, возможно, кровные узы — это совсем другое дело?

Снейк не чувствовала угрызений совести оттого, что подслушивала разговор.

— Я хочу, чтобы она помогла тебе, отец.

— Никто не может уже мне помочь.

— Тебе только сорок девять. Может быть, в твоей жизни еще появится кто-то, кого ты полюбишь, как мою мать.

— Придержи свой язык и не смей касаться своей матери.

— Нет. Ты больше не заставишь меня замолчать. Я никогда не видел ее, но половина меня — это она. Мне очень жаль, что я принес тебе разочарование. Я принял решение: я уйду отсюда. Через несколько месяцев ты сможешь сказать «нет», через несколько месяцев к тебе придет посланец и сообщит о моей смерти, и ты даже не будешь знать, правда ли это.

Мэр промолчал.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что я сожалею, что не ушел раньше? Что ж, я сожалею.

— А вот этого ты еще никогда не делал, — ответил отец Габриэля. — Ты упрямый и высокомерный, но ты никогда не лгал мне раньше.

Воцарилось молчание. Снейк уже собиралась войти, когда Габриэль заговорил вновь:

— Я надеялся, что смогу исправить себя. Я думал, что, если я стану на что-то пригоден…

— Я должен думать о роде, — ответил мэр. — И о городе. Что бы ни случилось, ты всегда будешь моим первенцем, даже если ты будешь не единственным моим ребенком. Я не могу отречься от тебя, не унизив тебя публично.

Снейк с удивлением уловила нотки сочувствия в суровом тоне мэра.

— Я знаю. Я понял это теперь. Но это ни к чему не приведет, если ты умрешь.

— Ты выполнишь то, что ты обещал?

— Клянусь, — ответил Габриэль.

— Хорошо. Зови сюда целительницу.

Если бы Снейк не давала клятву помогать страждущим и больным, она бы покинула замок прямо сейчас. Она никогда еще не слышала столь спокойного и рассудительного взаимного отторжения — и это между сыном и отцом!

Габриэль появился в проеме двери, и Снейк молча вошла в комнату.

— Я передумал, — сказал мэр. И добавил, видимо, осознав, сколь заносчиво это звучит: — Если вы, конечно, еще согласны лечить меня.

— Я согласна, — коротко ответила Снейк и вышла из комнаты. Габриэль, обеспокоенный, последовал за ней:

— Что случилось? Вы передумали?

Он казался вполне спокойным и даже довольным.

Снейк остановилась.

— Я обещала помочь ему. И я помогу. Мне нужна комната и некоторое время, прежде чем я смогу приступить к лечению.

— Мы дадим вам все, что вы пожелаете.

Он вел ее по просторному второму этажу, пока они не достигли южной башни. Она оказалась разделена на несколько маленьких комнат, менее подавляющих своим величием и более уютных, чем покои мэра. Комната Снейк была сегментом окружности башни. Изогнутая зала за гостевыми комнатами окружала центральную общую баню.

— Сейчас уже почти время ужинать, — сказал Габриэль. — Вы присоединитесь ко мне?

— Нет, спасибо. Не сейчас.

— Мне принести вам что-нибудь?

— Нет. Возвращайтесь через три часа. — Она почти не обращала на него внимания, поскольку не могла отвлекаться, когда предстояла опера-

ция его отца. Довольно рассеянно она дала ему несколько указаний относительно того, что следует приготовить в комнате мэра к ее приходу. Поскольку болезнь зашла так далеко, работа предстояла грязная и неприятная.

Когда она закончила, он все еще продолжал стоять.

— Ему очень больно, — сказал Габриэль. — У вас нет ничего такого, что бы хоть немного облегчило его муки?

— Нет, — сказала Снейк. — Но, если его напоить как следует, будет менее больно.

— Напоить? Хорошо, я попытаюсь. Правда, я не думаю, что это поможет. Я никогда не видел, чтобы он напивался до потери чувств.

— Обезболивающий эффект здесь вторичен. Алкоголь улучшает циркуляцию.

— О!..

Когда Габриэль ушел, Снейк влила Песку лекарство для выработки антитоксина от гангрены. Новый яд будет иметь легкий анестезирующий эффект, но толку от него будет немного, пока Снейк не очистит рану и не восстановит нарушенную циркуляцию крови. Она была не в восторге оттого, что ей придется сделать ему больно, однако она испытывала к мэру куда

меньше сочуствия, нежели к другим пациентам, которым ей приходилось причинять боль в процессе лечения.

Она сняла с себя пыльную дорожную одежду и сапоги, которые остро нуждались в просушивани. Новую рубашку и штаны она привязала к свернутой постели. Тот, кто принес ее вещи, выложил их. Было бы приятно влезть в удобную, привычную телу одежду — однако пройдет немало времени, прежде чем новые вещи приобретут ту шелковистость выношенной ткани, какая была у уничтоженных сумасшедшим вещей.

Ванная была мягко освещена светом газовых фонарей. Большинство зданий такого размера имели свои метановые генераторы. И частные, и коммунальные — все эти генераторы работали на мусоре и человеческих отходах, служивших основой для выработки бактериями топлива. С генератором и солярными панелями на крыше замок был, по всей вероятности, замкнутой, самодостаточной энергетической системой. Возможно, оставались даже излишки энергии для помпы. Если лето было слишком жаркое и нарушало изоляцию камня, здание охлаждалось снаружи. Такие же приспособления имелись и на станции целителей, и Снейк было приятно

увидеть нечто знакомое. Она напустила полную ванну горячей воды и с наслаждением выкупалась. Даже душистое мыло было значительно лучше, чем черный песок пустыни, но когда она потянулась за полотенцем и обнаружила, что оно пахнет мятой, то буквально расхохоталась.

Три часа тянулись очень долго, пока лекарство не подействовало на Песка. Снейк лежала укрытая с головы до ног, но босая, без сна, на своей постели, когда Габриэль постучался к ней в дверь. Снейк села, придержала Песка за голову и позволила ему обвиться вокруг запястья. Затем впустила Габриэля.

Юноша устало посмотрел на Снейк, и восхищение его превозмогло естественный страх.

— Я не позволю ему укусить, — сказала Снейк.

— Мне просто хотелось пощупать их — на что это похоже.

Снейк протянула к нему руку, а он протянул палец и погладил Песка по гладким чешуйкам. Потом отдернул руку, не сказав ни слова.

В спальне мэра Брайан, явно повеселевший, вновь хлопотал вокруг своего господина. Мэр обливался пьяными слезами. Рыдая почти музыкально, он застонал с новой силой, когда Снейк подошла к нему. Крупные слезы скатывались

на подушку по его щекам. Стоны прекратились, когда он заметил Снейк. Она остановилась в изножье кровати. Он со страхом наблюдал за ней.

— Сколько он выпил? — спросила она.

— Сколько пожелал, — ответил Габриэль.

— Лучше бы он был мертвецки пьян, — заметила Снейк, испытав вдруг жалость к мэру.

— Я видел не раз, как он пил до рассвета вместе с членами совета, но ни разу не видел его пьяным до бесчувствия.

Мэр уставился на них затуманенным взором.

— Никакого бренди. Все, никакого больше бренди. — Он говорил ясно, несмотря на то что язык у него слегка заплетался. — Если я не усну, вы не сможете отрезать мне ногу.

— Это верно, — сказала Снейк. — Ну, тогда не надо спать.

Его взгляд сосредоточился на Песке, на его немигающих глазах, и мэр начал дрожать.

— Нет, только не это, — сказал он. — Попробуйте что-то другое…

— Вы искушаете мое терпение, — сказала Снейк. Она почувствовала, что еще немного — и она впадет в ярость или, что еще хуже, начнет снова рыдать по Джесс. Она помнила, как хотела помочь ей, но не смогла, — а этого негодяя она

так легко может спасти от смерти.

Мэр лежал на спине. Снейк чувствовала, как его всего трясет, но, по крайней мере, он наконец заткнулся. Габриэль и Брайан стояли по обе стороны его кровати. Снейк сдернула простыню с ног мэра и положила ее, свернув в рулон, на его колени.

— Я хочу видеть, — прошептал он.

Нога его была багрового цвета и чудовищно распухшая.

— Вам не надо это видеть, — сказала Снейк. — Брайан, откройте окно. — Старый слуга торопливо раздвинул шторы и распахнул оконные створки в ночную тьму. Холодный ночной воздух поплыл по комнате.

— Когда Песок укусит вас, — пояснила Снейк, — вы почувствуете острую боль. Потом место вокруг укуса онемеет. Как раз над раной. Онемение будет распространяться медленно, потому что циркуляция крови у вас почти полностью нарушена. Но, когда она распространится достаточно, я прочищу рану. После этого антитоксин начнет действовать более эффективно.

Красные щеки мэра побледнели. Он ничего не ответил, но Брайан поднес стакан к его губам, и он сделал несколько больших глотков, после чего

краска возвратилась на его лицо.

Ну что ж, подумала Снейк, некоторым нужно рассказывать, некоторым — нет.

Снейк подала Брайану чистое полотенце:

— Полейте его бренди и положите ему на нос и на рот. Вы с Габриэлем можете делать то же самое. Предупреждаю — это будет не слишком приятно. И вот что, сделайте оба хотя бы один хороший глоток. Потом хорошенько держите его за плечи. Не давайте ему резко подняться. Он испугает змею.

— Слушаюсь, целительница, — сказал Брайан.

Снейк почистила кожу под глубокой раной в икре мэра.

Лучше не болеть гангреной, подумала она, вспомнив про Ао и его людей. Целители редко забредали в эти края, хотя прежде они бывали здесь чаще. Возможно, мэру делали прививку, поскольку он знал, что не должен видеть змею.

Снейк отцепила Песка от своего запястья и держа его за выступы у челюсти, дала ему обнюхать обесцвеченную кожу. Он свернулся в черный клубок на постели. Когда Снейк удовлетворилась его положением, она отпустила его голову.

Он ударил. Мэр закричал.

Песок кусал только один раз и очень быстро,

так быстро, что уже успевал снова свернуться в клубок, прежде чем наблюдатель замечал, что он вообще двигался с места. Но у мэра сомнений не было. Его снова начала бить крупная дрожь. Темная кровь и гной начали сочиться из двух крохотных круглых ранок.

Остальная работа Снейк была обычной рутиной — грязной и дурно пахнущей. Она вскрыла рану и выпустила гной. Снейк надеялась, что Габриэль не слишком много съел за обедом, потому что вид у него был такой, что сейчас его вывернет наизнанку, даже при том что лицо его прикрывала пропитанная бренди повязка. Брайан стоически держал за плечи своего господина, успокаивая его, вцепившись мертвой хваткой.

Когда Снейк закончила, опухоль на ноге мэра уже значительно сократилась. Он окончательно поправится через несколько недель.

— Брайан, подойдите сюда.

Старик с сомнением приблизился, но вздохнул с облегчением, увидев результаты ее работы.

— Это выглядит значительно лучше, — сказал он. — Гораздо лучше, чем тогда, когда он в последний раз разрешил мне взглянуть.

— Вот и отлично. Гной будет идти, так что за раной надо следить и все время ее промывать. —

Она показала ему, как накладывать повязку и бинтовать ногу. Он позвал молодого слугу забрать грязные тряпки, и вскоре запах инфекции и умирающей плоти рассеялся. Габриэль сидел на кровати, промокая отцу лоб. Повязка с бренди упала с его лица, и он не потрудился поднять ее. Он уже не выглядел таким бледным.

Снейк подняла Песка и положила его к себе на плечи.

— Если рана начнет очень болеть или поднимется температура… и вообще, если будут какие-либо ухудшения — немедленно позовите меня. В противном случае я навещу его утром.

— Благодарим тебя, целительница, — сказал Брайан.

Снейк помедлила, проходя мимо Габриэля, но он не взглянул на нее. Его отец лежал очень смирно, тяжело дыша, — возможно, он спал или был близок к тому.

Снейк пожала плечами и покинула башню мэра, вернувшись к себе в комнату, пустила Песка в его отделение, потом побрела вниз и отыскала кухню. Кто-то из вездесущих и многочисленных слуг мэра приготовил ей ужин, и она отправилась спать.

Глава 6

Утром мэр чувствовал себя гораздо лучше. Брайан, без сомнения, провел у его изголовья всю ночь, тем не менее безропотно выполнял все его причуды — без показного восторга, ибо это не было в его стиле, но и без недовольства или осуждения.

— У меня останется шрам? — спросил мэр.

— Разумеется, — с удивлением ответила Снейк. — Даже несколько. Я вырезала довольно много омертвевшей ткани, так что нога никогда не будет как прежде. Хотя я надеюсь, вы все же не будете прихрамывать.

— Брайан, где мой чай? — буркнул мэр, и тон его не оставил сомнений в том, что ответ Снейк вызвал у него приступ раздражения.

— Сейчас, господин. — В комнату вплыл аромат специй. Мэр выпил чай в одиночестве, полностью игнорируя Снейк, пока она меняла бинты на ране.

Когда она удалилась с недовольным лицом, Брайан вышел проводить ее в холл.

— Простите его. Он ведь совершенно не привык

болеть. Он хочет, чтобы все было по его желанию.

— Я обратила внимание.

— Я имею в виду… этот шрам… В общем, у него такое чувство, что он сам себя предал. — Брайан развел руками, не в силах подобрать правильные слова.

Снейк уже доводилось встречать людей, которые не в состоянии были поверить в то, что могут заболеть. Снейк умела обращаться с трудными пациентами, которые хотели слишком скорого выздоровления, скорее, чем мог справиться организм, и превращались просто в домашних тиранов, когда все шло не так, как они рассчитывали.

— Но это не дает ему право обращаться с людьми так, как он себе позволяет, — заметила она.

Брайан уставился в пол:

— Он хороший человек, целительница.

Сожалея о том, что она позволила, чтобы ее гнев — нет, скорее раздражение и уязвленная гордость, задел чувства старика, Снейк спросила, уже более мягко:

— Вы принадлежите ему?

— Нет! Что вы, целительница. Мэр запретил рабство в Горной Стороне. Люди, которые

приезжают в город со слугами-невольниками, немедленно выдворяются отсюда, а их рабы имеют право выбора — либо последовать за своим господином, либо остаться служить городу. Если они выбирают второе, мэр выкупает их бумаги у хозяина.

— Именно так и случилось с тобой?

Брайан помолчал немного, но потом все же ответил:

— Мало кто из жителей города знает об этом. Я был в числе первых получивших свободу. По истечении года он разорвал мою купчую. Она была бы действительна еще двадцать лет, а я отслужил пять. До того момента я не знал, можно ли доверять ему — и вообще кому бы то ни было. Но после этого поверил. — Он пожал плечами. — И остался с ним.

— Я понимаю, почему вы испытываете к нему такую привязанность, — сказала Снейк. — Но это все же не дает ему права гонять вас с поручениями двадцать четыре часа в сутки.

— Мне удалось поспать этой ночью.

— В кресле?

Брайан улыбнулся.

— Прикажите кому-нибудь посидеть с ним некоторое время, — попросила Снейк. — А вы

пойдете со мной.

— Вам нужна моя помощь, целительница?

— Нет, я хочу сходить на конюшню. Но, пока меня не будет, вы сможете хоть немного соснуть.

— Благодарю вас, но я лучше останусь здесь.

— Как вам угодно.

Снейк вышла из дворца и пересекла двор. Было приятно пройтись в такое чудесное прохладное утро, даже по крутым и усеянным острыми камнями изгибам горной тропинки. Внизу раскинулись пастбища мэра. Серая кобыла паслась на зеленом лугу в одиночестве, время от времени принимаясь скакать, подняв голову и задрав хвост, становясь на дыбы у изгороди; потом она с храпом поворачивала и неслась обратно.

Если бы она захотела, то без труда перепрыгнула бы через невысокую изгородь, даже и не заметив этого, но она просто резвилась.

Снейк направилась по тропинке к конюшне. Подходя, она услышала звук пощечины и плач, затем прогремел громкий и разъяренный мужской голос:

— Нечего отлынивать от работы!

Снейк прыжком преодолела последние несколько ступеней и рывком открыла дверь. Внутри было очень темно. Она прищурилась,

услышала шелест соломы и почувствовала приятно тяжелый дух чистой конюшни. Через минуту-другую ее глаза привыкли к сумеречному освещению, и она смогла различить широкий, устланный соломой проход, два ряда денников и конюха, уставившегося на нее.

— С добрым утром, целительница. — Конюх был рыжим детиной метра под два ростом, крепкого телосложения. Его кудрявые волосы отливали рыжиной, а борода была русого оттенка.

Снейк взглянула на него:

— Что здесь за шум?

— Шум? Я не… О, это я просто пытался бороться с ленью.

Эффективность его мер была несомненна, ибо тот, кто осмелился проявить признаки лени, уже исчез из виду.

— В столь ранний час можно немного и полениться, — возразила Снейк.

— Наша работа начинается рано. — Конюх повел ее в глубь конюшни. — Я поставил ваших лошадок вот здесь. Кобыла сейчас разминается на лугу, но пони на месте.

— Прекрасно, — сказала Снейк. — Его нужно подковать — и как можно скорее.

— Я уже послал за кузнецом, он придет ближе

к полудню.

— Вот и чудесно. — Снейк вошла в денник Бельчонка. Он обнюхал ее и съел кусочек хлеба, что она припасла для него. Шкура его лоснилась, грива и хвост были тщательно вычесаны, а копыта даже смазаны маслом. — Кто-то прекрасно о нем позаботился, — заметила она.

— Мы всегда стараемся сделать приятное мэру и его гостям, — ответил гигант. Он услужливо следовал за ней все время, пока Снейк не покинула конюшню, чтобы привести кобылу назад. Быстрой и Бельчонку следовало привыкать к пастбищу постепенно, потому что после столь длительной голодовки в пустыне слишком сочная трава могла вызвать у них расстройство желудка.

Когда она возвратилась, сидя на Быстрой без седла и сжав ее бока коленями, конюх возился в противоположном конце конюшни. Снейк соскользнула на пол с бока лошади и ввела ее в денник.

— Это сделала я, госпожа, а не он, — прошептал кто-то у нее за спиной.

Снейк, вздрогнув, оглянулась, но позади никого не было — ни в проходе, ни в деннике.

— Кто здесь? — спросила Снейк. — И где ты? —

Она посмотрела наверх и увидела в потолке небольшое отверстие, через которое лошадям сбрасывали сено. Она вскочила на кормушку, уцепилась за край дырки и, подтянувшись, заглянула на сеновал. Маленькая фигурка отпрянула в страхе и спряталась за кучей сена.

— Выходи, — позвала Снейк. — Я тебе ничего не сделаю. — Вид у нее был довольно комичный: она висела посреди денника, и Быстрая обнюхивала ее ноги, но ей не на что было опереться, чтобы забраться на сеновал. — Спускайся сюда, — повторила она и спрыгнула на землю.

Ей удалось рассмотреть очертания фигуры наверху, но не черты лица.

Во всяком случае, это ребенок, решила она. Совсем малышка.

— Не верьте ему, госпожа, — продолжал голосок. — Просто он всегда делает вид, что это он один выполняет всю работу, а между прочим, другие тоже делают что-то. Вот и все. Так что не слушайте вы его.

— Ну спустись же, пожалуйста, — снова пригласила Снейк. — Ты прекрасно позаботилась о Быстрой и Бельчонке, и я хочу поблагодарить тебя.

— Вы меня уже поблагодарили, госпожа.

— Не называй меня госпожой. Мое имя — Снейк. А твое?

Но ребенок уже исчез.

Люди города, больные и их посланцы, уже ожидали ее, когда она поднялась на вершину горы, ведя под уздцы Быструю. «Да, — сегодня ей явно не удастся спокойно позавтракать, — подумала Снейк.

За этот день она перезнакомилась почти со всем городом. Несколько часов кряду она работала напряженно, но с удовлетворением, а потом вдруг, когда закончила с одним пациентом и перешла к другому, на нее вдруг нахлынуло дурное предчувствие, что сейчас, вот сейчас ее попросят спасти человека, который умирает, как умирала Джесс, которой она так и не смогла помочь.

Однако этого не произошло.

Вечером, возвращаясь во дворец мэра, она пустила Быструю вдоль реки, оставив город по левую руку, любуясь опускающимся в облаках солнцем. Наконец оно коснулось западных горных пиков. Длинные тени поползли по земле, когда она добрела до пастбища и конюшни. Вокруг никого не было видно. Она сама завела Быструю на конюшню, расседлала ее и принялась скрести ее дивную, серую в яблоках шкуру. Ей не

слишком хотелось возвращаться в дом мэра, с его атмосферой собачьей преданности и боли.

— Госпожа, эта работа не для вас. Позвольте мне. А вы отправляйтесь наверх.

— Ну уж нет, это ты спускайся вниз, — ответила Снейк бесплотному шепчущему голосу. — Ты мне поможешь. И не называй меня госпожой.

— Прошу вас, ступайте, госпожа.

Снейк скребла плечо Быстрой и не отвечала. Все стихло, и она подумала было, что ребенок ушел, потом она уловила шуршание соломы прямо у себя над головой. По наитию она провела скребком против шерсти кобылы. Секундой спустя ребенок уже стоял возле нее, мягко, но настойчиво отнимая у нее скребок.

— Вот видите, госпожа…

— Снейк.

— Эта работа не для вас. Ваша работа лечить, моя — скрести и чистить лошадей.

Снейк улыбнулась.

Девчушке было лет девять-десять, она была маленькая и тщедушная. Она не смотрела на Снейк, стараясь держать голову опущенной. Теперь она старательно приглаживала взъерошившиеся шерстинки в нужном направлении, почти прижавшись лицом к боку кобылы. У нее

были ярко-рыжие волосы и грязные обкусанные ногти.

— Ты права, — проговорила Снейк, — у тебя это выходит значительно лучше.

Девочка помолчала.

— Вы одурачили меня, — вдруг сказала она серьезно, не поворачиваясь к Снейк.

— Совсем чуть-чуть, — признала Снейк. — Но мне пришлось это сделать, чтобы поблагодарить тебя и посмотреть на твое лицо.

Девочка круто повернулась, яростно сверкнув глазами.

— Ну так смотрите же! — выкрикнула она.

Левая сторона ее лица была изуродована чудовищным шрамом.

Ожог третьей степени, подумала Снейк. Бедное дитя… Окажись здесь целитель, шрам не был бы столь ужасен.

Но в ту же секунду она заметила свежий синяк на правой щеке девчонки. Снейк опустилась на колени, и ребенок отпрянул, избегая контакта и повернувшись так, чтобы шрам меньше бросался в глаза. Снейк осторожно притронулась к синяку.

— Я слышала, как конюх кричал на кого-то сегодня утром. Это на тебя, верно? Он ведь уда-

рил тебя.

Девочка обернулась и посмотрела на нее, правый глаз был широко открыт, левый полускрывали ткани разросшегося шрама.

— Со мной все в порядке, — сказала она. Она вывернулась из рук Снейк и взлетела вверх по лестнице — в темноту.

— Эй, вернись! — позвала Снейк. Но девочка исчезла, и Снейк не смогла найти ее, даже облазив весь сеновал.

Снейк поднималась по тропинке, ведущей во дворец, и тень ее качалась взад и вперед вместе с движением фонаря, который она несла. Она думала о маленькой девочке, стыдившейся выйти на свет. Синяк был на плохом месте, у самого виска, однако девочка не поморщилась от прикосновения Снейк — во всяком случае, когда та потрогала синяк, — так что на сотрясение мозга было непохоже. Нет оснований опасаться за состояние ребенка в настоящий момент. Ну а потом?

Снейк хотелось как-то помочь ей, но она понимала, что если позволит себе отругать конюха, то создаст для девчонки массу проблем — после того как сама покинет Горную Сторону.

Снейк поднялась по лестнице в комнату мэра. Брайан выглядел изможденным, но у мэра вид

был вполне свежим. Опухоль почти сошла с его ноги. Следы укусов затянулись, но Брайан следил за тем, чтобы дренаж на ране действовал как надо.

— Когда мне можно будет вставать? — спросил мэр. — У меня масса работы. Встречи с людьми. Куча вопросов, которые нужно решить.

— Вы можете встать, когда вам заблагорассудится, — ответила Снейк, — если вы не против того, чтобы проваляться в постели раза в три дольше.

— Но я настаиваю.

— Лежите, я вам сказала, — устало ответила Снейк.

Она знала, что он ослушается ее. Брайан, как всегда, сопроводил ее до вестибюля.

— Если кровотечение начнется среди ночи, немедленно разбудите меня, — сказала она. А оно непременно начнется, если мэр попытается встать, и Снейк не хотела, чтобы вся тяжесть случившегося легла на плечи несчастного старика.

— Как он? С ним все будет в порядке?

— Да, если только он не станет слишком форсировать события. Дела у него идут просто очень хорошо.

— Спасибо, целительница.

— А где Габриэль?

— Он больше не приходил сюда.

— Брайан, скажите, что произошло между ним и мэром?

— Простите меня, но я не могу вам сказать.

«Ты имеешь в виду “не хочу”», — подумала Снейк.

Снейк стояла и смотрела на раскинувшуюся внизу темную долину. Ей еще совсем не хотелось спать. Это была одна из главных проблем ее испытательного года — практически каждый вечер ей приходилось ложиться в постель одной. Большинство людей в тех местах, которые она посещала, знали о целителях лишь понаслышке и боялись ее. Даже Аревин поначалу не мог побороть своего страха, но к тому моменту, когда страх исчез, а взаимное уважение переросло в привязанность, Снейк пришлось уйти. И у них не было возможности разделить ложе.

Она прислонилась лбом к холодному стеклу.

Снейк пересекла пустыню с целью осмотреть, исследовать те места, которые целители не посещали вот уже несколько десятилетий, а то и вообще никогда. Наверное, она была чересчур самонадеянна, а может, глупа, поступив так и сделав то, от чего ее наставники давным-давно

отказались. Для населения этой части пустыни целителей просто бы не хватило. Вот если Снейк повезет в Городе, это существенно изменит дело… Но Снейк выделяло среди прочих искателей удачи лишь знание имени Джесс. Если ей не повезет… Ее наставники были хорошими людьми, терпимыми к различиям в характерах и эксцентричности, но Снейк не могла предвидеть, как они отреагируют на ее ошибки.

Неожиданный стук в дверь принес облегчение, ибо избавил ее от тяжких раздумий.

— Войдите.

Это был Габриэль, и Снейк снова поразилась его божественной красоте.

— Брайан говорит, что отец идет на поправку.

— Да, дела его хороши.

— Спасибо вам, что вы помогли ему. Я знаю, с ним бывает очень трудно. — Он помялся, огляделся вокруг, пожал плечами. — Ну… вообще-то я пришел просто так — узнать, могу ли что-нибудь для вас сделать.

При всей своей озабоченности он был мягок и ненавязчиво-приятен, что всегда привлекало Снейк не меньше, чем физическая красота. К тому же ей было одиноко. И она решила принять его столь галантно выраженное предложение.

— Да, — сказала она, — спасибо. — Она подошла к нему, погладила по щеке, взяла за руку и подвела к кушетке. Графин с вином и несколько бокалов стояли на низеньком столике возле окна.

Неожиданно Снейк заметила, что Габриэль покраснел как маков цвет.

Она могла не знать обычаев пустыни, но она прекрасно знала нравы здешних горных мест: она ничем не превысила свои привилегии гостьи, а он действительно сделал ей предложение. Она повернулась лицом к Габриэлю и взяла его за руки — чуть повыше локтей. Краску смущения сменила мертвенная бледность.

— Габриэль, в чем дело?

— Я… я не так выразился. Я не хотел… Если ты хочешь, я могу прислать кого-нибудь к тебе…

Она нахмурилась:

— Если бы я хотела просто «кого-нибудь», я бы могла нанять его в городе. Я хотела того, кто мне симпатичен.

Он посмотрел на нее, и мимолетная слабая улыбка благодарности тронула его губы. Похоже, он решил отращивать бороду и перестал бриться в тот самый день, когда объявил отцу об отъезде, потому что щеки его покрывала прелестная ры-

жевато-золотая щетина.

— Спасибо тебе за это, — сказал он.

Снейк подвела его к кушетке, заставила сесть и сама уселась рядом.

— Что нибудь не так?

Он покачал головой. Волосы упали на лоб, почти закрыв глаза.

— Габриэль, неужели ты умудрился не заметить, что ты красив?

— Нет. — Он вымученно усмехнулся. — Я это знаю.

— Почему я должна вытягивать это из тебя? Скажи, дело во мне? О боги, я, конечно, не иду ни в какое сравнение с людьми Горной Стороны. Или ты предпочитаешь мужчин? Тогда я могу понять. — Но она явно пока не попала в точку. Он не отреагировал ни на одно из ее предположений. — Может быть, ты болен? Тогда ты мне первой должен сказать!

— Я не болен, — мягко ответил он, встретив ее взгляд. — И дело совсем не в тебе. Я хочу сказать, что, если бы я мог выбирать… я был бы очень польщен такой честью.

Снейк ждала продолжения.

— Но это было бы нечестно по отношению к тебе, если бы я остался. Я могу…

Когда он запнулся снова, Снейк заключила:

— В этом и есть причина размолвки между тобой и отцом. Потому ты и уходишь.

Габриэль кивнул:

— И он совершенно прав, что не хочет меня видеть здесь.

— Потому что ты не оправдал его надежд? — Снейк покачала головой. — Наказание — это не метод воспитания. Это глупо и эгоистично. Ляг со мной, Габриэль. Я ничего не потребую от тебя.

— Ты не понимаешь, — с отчаянием проговорил Габриэль. Он взял руку Снейк в свою и провел ее пальцами по своей восхитительной мягкой щетине. — Я не могу соответствовать требованиям, которые любовники предъявляют друг к другу. Я не знаю почему. У меня был хороший учитель. Но я так и не смог научиться биоконтролю. Я так старался. Боже, как я старался. — У него были ярко-голубые глаза. Рука Габриэля отпустила руку Снейк и бессильно упала рядом с ним. Снейк снова погладила его по щеке и обняла за плечи, пытаясь скрыть изумление. Импотенция — это еще понятно, но отсутствие контроля!.. Она даже не знала, что и ответить ему, а он хотел рассказать ей еще что-то, отчаянно хотел, она чувствовала это по тому, как напряглось все

его тело. Он сжал кулаки. Но Снейк не хотелось давить на него — мальчик и так был достаточно травмирован и измучен. Она попыталась выяснить истину обиняками, как можно мягче, а не напрямик, как привыкла.

— Все хорошо, — сказала Снейк. — Я поняла, что ты сказал. Ничего не бойся. Со мной это не имеет значения.

Он посмотрел на нее расширенными от изумления глазами, как та маленькая девочка из конюшни, когда Снейк принялась рассматривать на ее лице свежий синяк вместо старого уродливого шрама.

— Что ты говоришь! Я о таком даже сказать никому не могу. Все отвернутся от меня. Как мой отец. И я не могу обвинять их.

— Ты можешь все расказать мне. Я не стану тебя осуждать.

Он колебался еще минуту-другую, потом слова, запертые годами, потоком хлынули из него.

— У меня была подружка по имени Лиа, — начал он. — Это было три года назад, когда мне исполнилось пятнадцать. А ей было двенадцать. Первый раз, когда мы решили заняться любовью по-настоящему, а не просто игрой, ты знаешь, она выбрала партнером меня. Она еще не закончила

курс тренировки, но это не должно было иметь значение, потому что я-то уже завершил свой. Так я думал.

Он прислонился к Снейк, положив голову ей на плечо и глядя невидящими глазами на черный квадрат окна.

— Наверное, мне следовало предпринять иные меры предосторожности, но я никогда не мог предположить, что способен к оплодотворению. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь был не в состоянии держать свой биоконтроль. Я говорю не о глубоком трансе, а о простой фертильности. — Он горько рассмеялся. — У меня тогда даже усы еще не росли. — Снейк почувствовала, как он передернулся, и мягкая материя его рубашки потерлась о грубую ткань ее новой одежды. — Через несколько месяцев мы устроили вечер в ее честь, потому что решили, что она овладела искусством биоконтроля раньше срока. Никто не удивился. Ей все прекрасно удается. Она так талантлива. — Он остановился и буквально улегся на Снейк всем телом, дыша тяжело и медленно. Потом посмотрел на нее: — Но не биоконтроль был причиной задержки ее менструального цикла, а я. Я сделал ее беременной. Ей было двенадцать, и мы дружили, и она выбрала меня, а я едва не

разрушил ей жизнь.

Теперь Снейк было понятно все: застенчивость Габриэля, его неуверенность, стыдливость, даже манера закутываться, пряча свою красоту под бесформенными одеяниями, когда он выходил из дома… Он просто не хотел, чтобы кто-то предложил ему разделить с ним ложе.

— Бедные ребятишки, — сказала Снейк.

— Я думаю, мы всегда знали, что станем партнерами, понимали, чем именно собираемся заниматься, когда договаривались. Но кто захочет иметь партнера, не владеющего контролем? Что, если твой собственный биоконтроль даст сбой хоть на мгновение, а у другого его попросту нет?! Так продолжаться долго не может. — Он перенес тяжесть своего тела. — Но даже при этом она не захотела унизить меня. Никому не сказала, сама избавилась от плода — а для этого ее обучения было явно недостаточно. И она едва не умерла, истекая кровью.

— Ты не должен винить себя, будто причинил ей боль из дурных побуждений, — сказала Снейк, понимая, что самых простых слов будет достаточно, чтобы заставить Габриэля прекратить самоистязание, либо, напротив, заставить смириться с тем, как обращается с ним отец. Он

ведь не знал о своей фертильности, если его не подвергли проверке, и, поскольку он овладел техникой, считалось, что беспокоиться не о чем. Снейк доводилось слышать о людях, неспособных к биоконтролю, но крайне редко. Только человек, которому на всех наплевать, может выйти сухим из воды, пройдя через то, через что прошел Габриэль. А Габриэлю было явно не наплевать.

— В конце концов все обошлось, — закончил он. — Но я превратил то, что должно доставлять удовольствие, в кошмар для нее. Лиа… Я думаю, ей хотелось увидеть меня снова, но она не могла заставить себя. Если это не кажется тебе бредом.

— Да, — протянула Снейк. Двенадцать лет. Возможно, это был первый горький урок для Лиа, знание, что порой в твою жизнь может вмешаться чужой — без контроля и даже без твоего ведома, — и это был, конечно, не слишком приятный урок для такого ребенка.

— Она хочет быть стеклодувом, и у нее договоренность с Эшли. Она должна была стать его подмастерьем.

Снейк даже присвистнула от восхищения. Стеклодув — весьма желанная и престижная профессия, лучшие из стекольщиков могли сконструировать солнечный телескоп. Требовалось

очень длительное время, чтобы научиться изготовлять идеальные трубчатые панели или фигурные искривленные стекла — такие, как в башне. А Эшли был не просто одним из лучших. Он был лучшим из лучших.

— И что же, ей пришлось отказаться?

— Да. Правда, она пошла к нему через год. Но тот год был потерян в ее жизни.

Габриэль говорил медленно и осторожно подбирая слова, совершенно без всякого выражения, словно он уже столько раз прокручивал все это в своей голове, что образовалась некоторая дистанция между ним и воспоминанием.

— Разумеется, я побежал к учителю, но, когда они проверили мои реакции, выяснилось, что я могу держать температурный дифференциал только несколько часов. Этого недостаточно.

— Да, — задумчиво сказала Снейк, гадая, насколько хороши были учителя у Габриэля.

Габриэль отодвинулся и заглянул ей в лицо:

— А поэтому я не могу провести с тобой эту ночь.

— Можешь. Останься. Мы оба так одиноки, и мы можем помочь друг другу.

Он задержал дыхание и резко поднялся.

— Ты что, ничего не поняла? — закричал он.

— Габриэль.

Он опустился на кушетку, но не притронулся к ней.

— Мне не двенадцать лет. Не бойся, что ты сделаешь мне ребенка, которого я не хочу. У целителей никогда не бывает детей. Мы сами несем за это ответственность, потому что не можем позволить себе этого со своими партнерами.

— У вас не бывает детей?

— Никогда. Женщины не вынашивают их, а мужчины не зачинают.

Он уставился на нее.

— Ты мне веришь?

— Ты все еще хочешь меня, даже зная…

В ответ на его вопрос Снейк поднялась и начала расстегивать рубашку. Новые петли были слишком тугие, и она содрала рубашку через голову и бросила на пол. Габриэль медленно поднялся, застенчиво глядя на нее. Снейк расстегнула на нем рубашку и штаны — когда он потянулся, чтобы обнять ее. Когда штаны соскользнули с его узких бедер, он густо покраснел.

— Что случилось?

— Я не раздевался перед женщиной с тех пор, когда мне было пятнадцать.

— Что ж, — ухмыльнулась Снейк, — тогда са-

мое время.

Тело у Габриэля было столь же красиво и безупречно, сколь и его лицо. Снейк расстегнула свои брюки и горкой бросила их на пол.

Затащив Габриэля в постель, Снейк вытянулась под простыней рядом с ним. Мягкий свет лампы золотил его светлые волосы и кожу. Он весь дрожал.

— Расслабься, — прошептала Снейк. — Не надо спешить, это всего лишь развлечение. — Пока она массировала ему плечи, напряжение медленно уходило из его тела. Она вдруг почувствовала, что и сама напряжена, напряжена от желания, волнения и страсти. Ей вдруг вспомнился Аревин. Интересно, что он сейчас делает?

Габриэль перевернулся на бок и потянулся к ней. Они ласкали друг друга, и Снейк улыбалась сама себе, думая о том, что, хотя один-единственный раз не способен возместить ему три года воздержания, все равно она должна сделать все, чтобы это было хорошим началом.

Однако вскоре она поняла, что он не просто намеренно затягивает игру. Он трудился изо всех сил, стараясь угодить ей, все еще чрезмерно рефлексируя и беспокоясь, как будто она была Лиа, двенадцатилетняя девочка, и ее первое

сексуальное удовольствие было целиком на его ответственности. Снейк это совсем не понравилось — ей не хотелось, чтобы кто-то исполнял перед нею долг. К тому же, стараясь изо всех сил подыгрывать ей, он все делал невпопад, и смущение его росло с каждой секундой. Снейк нежно прикоснулась к нему, потерлась лицом о его губы.

Габриэль отпрянул от нее и с проклятиями повернулся на другой бок.

— Прости, — глухо сказал он. — Голос у него был такой хриплый, что Снейк поняла — он плачет. Она села и погладила его по плечу:

— Я же сказала, что ничего не требую от тебя.

— Я не могу не думать.

Она поцеловала его в ключицу, обдав своим дыханием.

— А вот думать при этом не надо.

— Я не могу. Все, что я способен дать женщине, — это боль и страдание. А теперь еще и без всякого удовольствия. Возможно, это как раз и хорошо. Пусть так и будет.

— Габриэль, даже импотент способен удовлетворить партнера. Ты должен бы знать об этом. Сейчас речь идет о твоем удовольствии.

Он не ответил, даже не взглянул на нее. Хотя

вздрогнул при слове «импотент», поскольку в этом грехе он еще до сих пор не признался.

— Ты ведь не веришь, что в безопасности со мной? — Он перекатился и посмотрел на нее. — Лиа не была со мной в безопасности.

Снейк подтянула ноги к груди и положила подбородок на кулаки. Она долго смотрела на Габриэля, потом вздохнула и протянула ему свою руку, покрытую шрамами и следами укусов.

— Любой из этих укусов может убить кого угодно — только не целителя. Быстро и неприятно или медленно и болезненно.

Она помедлила, давая ему возможность переварить информацию.

— Я потратила уйму времени, чтобы развить в себе защитные свойства против различных ядов. И массу здоровья и сил. Но теперь я никогда не болею. У меня не бывает инфекций. Я не могу заболеть раком. Иммунная система целителя настолько сильна, что реагирует на любое непривычное тело. Большинство из нас просто бесплодно, потому что наш организм вырабатывает антитела, убивающие наши собственные половые клетки. Не говоря уже о чужих.

Габриэль приподнялся на локте.

— Но тогда… Если вы неспособны иметь детей,

почему же ты сказала, что не можете позволить себе этого? Я думал, ты имела в виду недостаток времени. Так что, если я…

— Мы воспитываем приемных детей, — сказала Снейк. — Но первые целители пытались производить потомство сами. Большинству это вообще не удалось, а тем, кому удалось, еще больше не повезло — младенцы рождались деформированными и умственно неполноценными.

Габриэль перевернулся на спину и посмотрел в потолок. Он глубоко вздохнул:

— О боги…

— Так что мы прекрасно владеем контролем над фертильностью.

Габриэль не ответил.

— Ты все еще беспокоишься. — Снейк наклонилась над ним, приподнявшись на локте, но не дотронулась до него на сей раз.

Он посмотрел на нее с иронической и добродушной улыбкой, но на лице его отразилось некоторое сомнение:

— По-моему, мне просто страшно.

— Я знаю.

— А тебе бывало когда-нибудь страшно? По-настоящему страшно?

— Да, конечно, — сказала Снейк.

Она положила руку ему на живот, гладя шелковистую кожу и ероша мягкие темно-золотые волосы. Он, казалось, не дрожал так явственно, как раньше, но Снейк все равно ощущала его скрытую, постоянную дрожь от испуга.

— Лежи смирно, — сказала она. — И не двигайся, пока я тебе не прикажу — Она принялась гладить и трогать его живот, бедра, ягодицы, с каждым разом все приближаясь и приближаясь к гениталиям — однако не касаясь их.

— Что ты делаешь?

— Ш-ш… Лежи. — Она продолжала поглаживать его. Потом заговорила гипнотическим, монотонным, успокаивающим голосом. Она чувствовала, каких трудов ему стоит сдерживаться, пока она дразнила его. Он боролся с собой — и дрожь унялась, а он даже и не заметил этого.

— Снейк!

— Что? — невинно спросила она. — Что-нибудь не так?

— Я больше не могу…

— Ш-ш…

Он застонал. На сей раз его трясло не от страха. Снейк улыбнулась, расслабилась рядом с ним и притянула его к себе.

— Вот теперь можешь двигаться.

Бог ведает почему — то ли оттого, что Снейк сумела раздразнить его, то ли оттого, что она открылась ему и стала столь же уязвимой, а скорее всего, потому, что он был молод и здоров, ему было всего восемнадцать и он три года не видел женщины — но в конце концов у него получилось.

Снейк ощущала себя наблюдателем — не похотливым сладострастником, подглядывающим в замочную скважину, а хладнокровным, трезвомыслящим ученым, почти бесстрастно наблюдающим за процессом. И это было ей довольно дико. Габриэль был нежен от природы, к тому же Снейк сумела приручить его. Но, хотя ее собственные ощущения были вполне удовлетворительны и она наконец смогла сбросить тяготившее ее эмоциональное напряжение — результат ее вынужденного одиночества, — ее прежде всего заботили не собственные эмоции, а то, что и как чувствовал Габриэль. Она отвечала на его ласки с такой же страстью, однако при этом из ее головы не выходила мысль: а как бы все это было с Аревином?

Снейк и Габриэль лежали, тесно прижавшись друг к другу, тяжело дыша. Тела их были покрыты потом. Для Снейк вот такое единение душ было

не менее важно, чем секс сам по себе. И даже гораздо важнее, ибо сексуальное напряжение снималось довольно легко. Чувство физического и духовного одиночества отодвинулось от нее. Она склонилась над Габриэлем и поцеловала его в горло, потом в ямочку под скулой.

— Спасибо тебе, — прошептал он. Снейк губами ощутила вибрацию его слов.

— Пожалуйста, — улыбнулась она. — Только я попросила тебя об этой любезности вовсе не из бескорыстных побуждений.

Некоторое время они лежали молча, и пальцы Габриэля обнимали изгиб ее талии. Снейк погладила его по руке. Он был славный мальчик. Она сознавала, что сама эта мысль несет в себе оттенок снисхождения, но ничего не могла поделать с собой, не могла перестать желать — той частью своей души, что, словно бесстрастный свидетель, наблюдала за происходящим, — чтобы на месте Габриэля оказался Аревин.

Внезапно Габриэль притянул ее к себе и уткнулся лицом в ее плечо.

Она погладила короткие кудри на его затылке.

— Что мне теперь делать? — приглушенно спросил он, и его теплое дыхание коснулось кожи Снейк. — Куда мне пойти?

Снейк прижала его к себе, точно баюкая ребенка. Неожиданно ей в голову пришла мысль, что было бы гуманнее с ее стороны отпустить его, когда он предложил ей прислать кого-нибудь вместо себя, предоставить ему продолжать эту жизнь отшельника. И все же она не могла поверить в то, что Габриэль действительно принадлежит к числу тех немногих истинно несчастных, которые неспособны постигнуть биоконтроль.

— Габриэль, что за курс тренировки ты проходил? Когда они проверяли тебя, сколь долго ты выдерживал температурный дифференциал? Они дали тебе измеритель?

— Какой измеритель?

— Небольшой диск с химическим элементом внутри. От перепада температуры он меняет цвет. Большинство из тех, что я видела, становятся красными, когда мужчина достигает досточно высокого уровня температуры в области гениталий. — Она усмехнулась, вспомнив одного из своих знакомых, который настолько страшился перемены цвета своего диска, что его прямо-таки силком приходилось отнимать у него, ложась с ним в постель.

Габриэль неожиданно нахмурился:

— Достаточно высокого уровня температуры?

— Да, ну конечно, достаточно высокого. А ты что, делал что-то другое?

Он нахмурился еще сильнее, в лице его читались разочарование и удивление.

— Наш учитель велел нам удерживать температуру на как можно более низком уровне.

Воспоминания о том пугливом знакомце и непристойные анекдоты, связанные с этой щекотливой темой, разом хлынули в голову Снейк. Она едва не расхохоталась вслух. Однако каким-то образом ей удалось сдержать себя, и она сумела ответить Габриэлю с абсолютно благопристойно-серьезным видом:

— Габриэль, дружочек, а сколько лет твоему учителю? Сто?

— Да, — кивнул Габриэль. — По меньшей мере. Он очень мудрый старец. Он и сейчас еще жив.

— Я не подвергаю сомнению его мудрость, но его методы… м-м-м… Они, видишь ли, устарели лет эдак на восемьдесят. Действительно, понижение температуры мошонки делает мужчину бесплодным. Но повышение температуры дает более эффективные результаты. К тому же этому гораздо легче научиться.

— Но он сказал мне, что я никогда не смогу научиться по-настоящему…

Снейк нахмурилась, но не стала вслух высказывать свою мысль: что именно этого-то учитель и не вправе говорить своему ученику — никогда.

— Знаешь, бывает, что люди просто не могут найти контакт друг с другом, и тогда нужно просто поменять педагога.

— Ты думаешь, я способен научиться?

— Да. — Она воздержалась от еще одной колкости в адрес учителя Габриэля — относительно его мудрости и компетентности. Будет лучше, если юноша сам придет к пониманию этого. Он явно благоговел перед старцем, и Снейк не хотелось вынуждать его вставать грудью на защиту этого человека, который-то, возможно, и причинил ему больше всего страданий.

Габриэль схватил Снейк за руку:

— Но что мне тогда делать? Куда пойти? — На этот раз голос его звенел от надежды и волнения.

— Куда угодно. Туда, где учителя владеют техникой обучения менее чем столетней давности. В какую сторону ты собирался пойти?

— Я… я еще как-то не думал об этом. — Он отвел глаза.

— Трудно покинуть родимый дом, — сказала Снейк. — Уж я-то знаю. Но это единственное, что ты можешь сейчас сделать. Так будет лучше для

тебя. Попутешествуй. Познай мир. Подумай, чем бы ты хотел заняться.

— Найди себе новую родину… — печально сказал Габриэль.

— Ты можешь пойти на Срединную Тропу. Я слышала, там живут лучшие учителя в этой области знаний. А когда ты закончишь свое обучение, ты можешь вернуться. Не вижу причин не сделать этого.

— Боюсь, что причин будет более чем достаточно. Я думаю, что уже никогда не вернусь домой, потому что, даже если я научусь, люди все равно будут перешептываться и не доверять мне. Людская молва — ужасная вещь. От нее не так-то легко избавиться. — Он пожал плечами. — Но мне все же нужно куда-то идти. Я обещал. Я пойду к Срединной Тропе.

— Прекрасно. — Снейк повернулась и укрутила фитилек лампы до крохотного язычка пламени. — Кстати, у новой техники есть и другие преимущества, насколько я слышала.

— Что ты имеешь в виду?

Она снова коснулась его.

— Подобная техника требует повышенной циркуляции крови в области гениталий. А это значит, возрастает чувствительность и способ-

ность дольше продолжать половой акт.

— Интересно, а на что я способен сейчас?

Снейк начала была отвечать ему серьезно, но спохватилась: она вдруг поняла, что Габриэль попытался пошутить — робко, неуверенно, впервые — пошутить насчет секса.

— А это мы сейчас проверим, — пообещала она.

Торопливый стук в дверь разбудил Снейк в ранний предрассветный час. В комнате царил серый призрачный полумрак, окрашенный в розовато-оранжевый тон маленьким язычком пламени лампы. Габриэль спал крепко, слабо улыбаясь во сне, его длинные светлые ресницы нежно лежали на щеках. Он скинул с себя простыни, и теперь его великолепное тело было обнажено почти до бедер. Снейк нехотя повернулась к двери:

— Войдите.

Потрясающе красивая девушка боязливо вошла в комнату, и свет из коридора высветил кровать.

— Целительница, мэр… — Она осеклась и уставилась на Габриэля, забыв о том, что руки ее просто по локоть в крови. — Мэр…

— Я сейчас приду. — Снейк встала, влезла в свои новые брюки и жесткую новую рубашку и последовала за служанкой на половину мэра.

Кровь из открывшейся раны залила постель, но Брайан уже принял все возможные меры, и кровотечение почти прекратилось. Мэр был смертельно бледен, и руки у него тряслись.

— Если бы вы не были так больны, — сказала Снейк, — я бы вам задала хорошую взбучку. Вы ее полностью заслужили. — Она занялась перевязыванием раны. — Вам просто бог послал Брайана. Это сиделка милостью божьей, — добавила она, когда Брайан возвращался со стопкой свежих простыней и уже мог слышать ее. — Надеюсь, что вы хотя бы достойно оплачиваете его труд.

— Я думал…

— Вы можете думать все, что вам заблагорассудится, — сказала Снейк. — Превосходное занятие — думать. Только не пытайтесь вставать снова.

— Ладно, — пробурчал мэр, и Снейк восприняла это как обещание.

Она решила, что не станет помогать Брайану перестилать постель. Когда это было необходимо или когда она чувствовала особое расположение к пациенту, Снейк не гнушалась такой работой. Но временами ее просто снедала немыслимая гордыня. Она понимала, что непозволительно резка с мэром, однако ничего не могла поделать с собой.

Молодая служанка была выше Снейк и гораздо сильнее Брайана, и Снейк не сомневалась, что она прекрасно управится за двоих. Но девушка проводила ее обеспокоенным взглядом и, когда Снейк повернулась, чтобы уйти, босиком зашлепала по каменному полу залы за ней.

— Подождите, госпожа…

Снейк обернулась. Служанка боязливо огляделась, словно страшась того, что их застигнут вместе.

— Как твое имя?

— Лэррил.

— Лэррил, меня зовут Снейк. И я терпеть не могу, когда меня называют госпожой. Хорошо?

Лэррил кивнула, но так и не назвала Снейк по имени.

Снейк вздохнула:

— Ну так в чем дело?

— Целительница… я… я видела вас… служанкам не дозволено видеть некоторые вещи. И я не хочу позорить никого из этой семьи. — Голос ее звучал пронзительно резко от напряжения. — Но… но Габриэль… он… — Она умолкла от смущения и стыда. — Если я скажу об этом Брайану, он непременно пожалуется мэру. Это будет… крайне неприятно. Но вы не должны пострадать. Я нико-

гда не думала, что сын мэра посмеет…

— Лэррил, — ответила Снейк. — Все в порядке, Лэррил. Он рассказал мне все. Так что ответственность лежит на мне.

— Но вы знаете… знаете всю степень риска?

— Он рассказал мне все, — повторила Снейк. — Для меня нет никакого риска.

— Вы совершили доброе дело, — кратко ответила Лэррил.

— Ерунда. Я хотела его. И я гораздо лучше владею биоконтролем, чем двенадцатилетняя малышка. Или даже восемнадцатилетний юнец — в данном случае.

Лэррил отвела глаза.

— Я тоже, — сказала она. — И мне было жаль его. Но — но я боялась. Он так красив, и можно… Я хочу сказать, что можно потерять голову вопреки своей воле. Я не могла рисковать. Мне осталось еще шесть месяцев ждать, прежде чем я смогу начать новую жизнь.

— Ты была рабыней?

Лэррил кивнула.

— Я родилась в Горной Стороне. Мои родители продали меня. Пока мэр не ввел закон, запрещающий работорговлю, это часто делалось. — Она старалась говорить бесстрастно, но волнение,

звеневшее в ее голосе, выдавало девушку с головой. — Прошло очень много времени, прежде чем до меня дошли слухи, что рабство здесь запретили, но, когда я узнала, я сбежала и вернулась домой. — Она подняла глаза, полные слез. Я не нарушила никаких обязательств… — Она усилием воли выпрямилась и заговорила более сдержанно. — Я ведь была ребенком, когда меня купили, и все было решено помимо моей воли. Я не давала клятву верности господину. Но город выкупил мои бумаги. Теперь я должна хранить верность мэру.

Снейк поняла, сколько мужества потребовалось Лэррил, чтобы сказать то, что она сказала.

— Благодарю тебя, — ответила Снейк. — За то, что ты мне рассказала о Габриэле. Обещаю, что это не пойдет дальше меня. Я в долгу перед тобой.

— О нет, целительница… Я не имела это в виду…

В голосе Лэррил вдруг проскользнула какая-то странная нотка стыда, и это обеспокоило Снейк. Может быть, она вообразила, будто Снейк подумала, что Лэррил предупредила ее из корысти?

— Зато я имела это в виду, — ответила она. — Скажи, я могу чем-то тебе помочь?

Лэррил резко покачала головой — жест отчаяния, который был не очень понятен Снейк.

— Никто не может мне помочь. Наверное…

— Откройся мне.

Лэррил замялась, потом села прямо на пол и сердито поддернула штанину.

Снейк села рядом на корточки.

— О боги! — вырвалось у нее.

В пятку Лэррил было вдето кольцо — между костью и Ахиллесовым сухожилием. Снейк подумала, что тот, кто делал это, не обошелся без каленого железа. Маленькое серое кольцо, из какого-то кристаллического вещества. Снейк взяла в руки ногу девушки и потрогала кольцо. На нем не было следов спайки.

Снейк нахмурилась:

— Это самая обыкновенная жестокость.

— Если ты оказываешь неповиновение, они имеют право наказать тебя, — пояснила Лэррил. — Я пыталась бежать прежде, еще один раз, и они сказали, что заставят меня запомнить мое место. — Лэррил не смогла сдержать гнева, и голос ее сорвался.

Снейк всю трясло.

— Так что это теперь всегда будет со мной, — всхлипнула Лэррил. — Если бы это был просто

шрам, я бы не стала так переживать. — Она подтянула к себе ногу. — Вы видели эти купола в горах? Это из их металла делают такие кольца.

Снейк взглянула на вторую пятку Лэррил, тоже изуродованную кольцом. Да, теперь она узнала этот серый, полупрозрачный материал. Но ей еще никогда не доводилось слышать, чтобы его видели где-то еще, кроме этих странных куполов, вздымавшихся загадочными и незыблемыми глыбами в самых неожиданных местах.

— Кузнец попытался распилить его, — сказала Лэррил, — но ему не удалось сделать на нем даже царапины. Он так расстроился, что сломал руками железный прут, чтобы я не сомневалась в его силе. — Лэррил потрогала тугое сухожилие, закованное в тонкое колечко. — Когда кристалл отвердевает, его уже не взять ничем. Он вечен, как и эти купола. Можно только перерезать сухожилие — но тогда хромота. Иногда мне кажется, что я готова даже на это. — Она опустила штанину, прикрыв колечко. — Видите, никто не может мне помочь. Я знаю, во мне говорит пустое тщеславие, никчемная гордость. Скоро ведь я все равно буду свободной, несмотря ни на что. Несмотря ни на какие колечки.

— Я не могу помочь тебе здесь, — проговорила

Снейк. — К тому же это будет довольно рискованно для тебя.

— Вы хотите сказать, что вы можете сделать это?

— Можно попытаться, можно попробовать сделать это, но только на станции целителей.

— О, целительница…

— Лэррил, это чудовищный риск. — Снейк нарисовала схему прямо у себя на коленке, объясняя Лэррил, что именно следует сделать. — Мы не будем резать сухожилие, мы отсоединим его. Тогда кольцо можно будет снять. Но тебе придется провести немало времени в гипсе. К тому же никто не сможет сказать с уверенностью, что сухожилие прирастет как следует. Что твои ноги будут крепкими и сильными как прежде. Иногда бывает, сухожилия вообще не прирастают снова.

— Я понимаю… — сказала Лэррил с надеждой и счастьем в голосе. Казалось, что она даже не расслышала последних слов Снейк.

— Ты можешь пообещать мне одну вешь?

— Да, конечно.

— Ничего не решай сейчас. Ничего не решай сразу после того, как закончится срок твоего рабства. Пережди несколько месяцев. Разберись в себе. Когда ты будешь по-настоящему свободна,

возможно, ты станешь иначе относиться к подобным вещам.

Лэррил посмотрела на нее с некоторой иронией, и Снейк поняла, что у той крутится на языке вопрос, а что бы чувствовала сама Снейк в подобной ситуации, но Лэррил сочла такой вопрос бестактным.

— Так ты обещаешь?

— Да, я обещаю.

Они поднялись.

— Ну, спокойной ночи, — сказала Снейк.

— Спокойной ночи, целительница.

Снейк побрела по коридору.

— Постойте…

— Да?

Лэррил пылко обняла Снейк и прижала к себе:

— Спасибо! — И, совершенно смешавшись, она убежала. Лэррил почти скрылась из виду, когда Снейк обернулась:

— Лэррил, а откуда надсмотрщики берут эти кольца? Я никогда не слышала, что кто-то умеет ковать этот металл.

— Люди из Города снабжают их ими. Они дают им мало — ничего полезного. Только кольца.

— Спасибо.

Снейк легла в постель в глубоком раздумье.

Она размышляла о Центре, который дает надсмотрщикам кольца для рабов, но отказывается говорить с целителями…

Глава 7

Снейк проснулась прежде Габриэля, под самое утро. Занималась заря, и слабый сероватый свет озарил спальню. Снейк лежала на боку, опершись о локоть, и рассматримвала спящего Габриэля. Спящий, он, если такое вообще возможно, был еще красивее, чем бодрствующий.

Снейк потянулась было к нему, но остановилась. Вообще она любила заниматься любовью по утрам. Но ей не хотелось будить Габриэля.

Она нахмурилась и легла, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Сексуальный опыт прошлой ночи был не самым ярким в ее жизни, поскольку Габриэлю явно не хватало если не смелости, то уж, во всяком случае, практики. Но, хотя нельзя сказать, что Снейк была полностью удовлетворена, спать с Габриэлем все равно было довольно приятно.

Снейк попыталась обдумать этот неожиданный поворот мысли, и он встревожил ее. Потому что все это было слишком похоже на страх. Конечно, она не боялась Габриэля. Сама подобная идея была смехотворна. Но она никогда не зани-

малась еще любовью с мужчиной, не умеющим контролировать собственную фертильность. И ей было не по себе, этого она отрицать не могла. Ее собственный контроль совершенный, она абсолютно уверена в себе. И даже если волею какого-нибудь немыслимого случая она бы даже забеременела, то сумела бы выкинуть плод без таких кошмарных последствий, как случилось с малышкой Лиа. Нет, чувство неловкости, которое она испытывала, имело мало общего с реальностью риска. Просто само сознание ненадежности Габриэля подсказывало ей держаться подальше, поскольку так она была воспитана, она выросла с мыслью, что ее возлюбленные сумеют владеть своими реакциями, с мыслью, что они столь же абсолютно уверены в ней самой. Но она не могла так же слепо довериться Габриэлю, хотя он был ни в чем не виноват.

В первый раз она по-настоящему поняла, каким одиноким он был все эти три года, как должны относиться к нему люди — каждый встречный, — и что он мог думать о себе самом. Она печально вздохнула, сожалея о Габриэле, и, протянув руку, погладила его тело кончиками пальцев, пробуждая его, отбросив сомнения и неловкость.

Держа в руке саквояж со змеями, Снейк спус-

калась по тропинке, чтобы забрать из конюшни Быструю. Нескольким пациентам требовался вторичный осмотр, а вторую половину дня она намеревалась посвятить прививкам. Габриэль остался в доме, готовясь к отъезду, собирая вещи.

Бельчонок и Быстрая просто лоснились, так они были тщательно вычищены. Конюха, Раса, не было видно. Снейк вошла в денник к Бельчонку, осмотреть новую подкову. Она почесала пони за ухом и пожурила за то, что он совсем разленился. Нужно будет согнать с него жир, иначе он скоро просто с места не сдвинется. Над ее головой шелестела на ветру солома, но сколько Снейк ни прислушивалась, больше она ничего не услышала.

— Я попрошу конюха, чтобы он погонял тебя на корде, — сказала она пони и снова прислушалась.

— Я сама буду выезжать его, госпожа, — послышался детский шепот.

— А откуда я знаю, что ты умеешь?

— Я умею.

— Спускайся.

Ребенок медленно пролез в дырку на сеновале, повисел на руках и приземлился прямо у ног Снейк. Девочка стояла, низко опустив голову.

— Как тебя зовут?

Девчонка пробомотала что-то неразборчивое. Снейк опустилась на одно колено и мягко обняла ее за плечи.

— Прости, но я не расслышала.

Девочка подняла голову, глядя сквозь свой чудовищный шрам. Синяк на другой щеке посветлел.

— М-мелисса.

Она было запнулась, но потом выговорила свое имя с каким-то вызовом, словно боялась, что Снейк откажет ей в праве зваться так. Снейк показалось, что в первый раз она пробормотала что-то другое.

— Мелисса, — снова повторила девочка, растягивая каждый слог.

— А меня зовут Снейк, Мелисса. — Снейк протянула руку, и девочка настороженно пожала ее. — Так ты согласна выезжать для меня Бельчонка?

— Да.

— Он иногда брыкается.

Мелисса вцепилась в жердины двери денника и подтянулась.

— Видите вон того жеребца?

Пегий жеребец, стоявший через проход, был настоящее чудовище, в холке не менее семна-

дцати ладоней. Снейк давно заприметила его, он прижимал уши и скалил зубы, кто бы ни проходил мимо.

— Я работаю его.

— Боже праведный, — прошептала Снейк, не скрывая искреннего восхищения.

— Только я могу с ним справиться. И еще тот, другой.

— Кто, Рас?

— Ну да, — Мелисса презрительно улыбнулась. — Раса он даже близко не подпускает. Тот, ну из замка, с желтыми волосами.

— Габриэль.

— Возможно. Он редко приходит сюда, поэтому я выезжаю его жеребца. — Мелисса спрыгнула на пол. — На нем здорово ездить. Но и ваш пони прелесть.

Ввиду такой опытности Снейк больше не решилась давать руководящих указаний.

— Ну спасибо тебе. Я буду рада, что Бельчонком займется настоящий мастер, который знает все их повадки.

Мелисса взобралась на край кормушки, явно намереваясь улизнуть опять в свою дыру, прежде чем Снейк успела измыслить новый предлог для разговора. Неожиданно Мелисса сама поверну-

лась к ней:

— Госпожа, вы скажете ему, что разрешили мне? — Вся ее уверенность вдруг испарилась.

— Конечно, скажу, — ответила Снейк.

Мелисса исчезла.

Снейк оседлала Быструю и вывела ее из конюшни, столкнувшись при входе с конюхом.

— Мелисса будет выезжать моего Бельчонка, — сказала Снейк. — Я ей разрешила.

— Кто?

— Мелисса.

— Это кто-то из города?

— Ваша помощница, — ответила Снейк. — Девочка с рыжими волосами.

— Уродка, что ли? — Рас расхохотался.

Снейк почувствовала, как заливается краской от потрясения и гнева.

— Как вы смеете насмехаться над ребенком?

— Насмехаться? Да разве я насмехаюсь? Я просто говорю ей правду. Никто не хочет даже смотреть на нее, и будет лучше, если она хорошенько запомнит это. Она к вам приставала?

Снейк села в седло и свысока посмотрела на конюха.

— Впредь вы будете упражнять свои кулаки на ком-нибудь другом — вашего роста. — Снейк

сжала бока Быстрой, и кобыла буквально рванула с места, оставив далеко позади конюшню с Расом и замок с мэром.

День промелькнул гораздо быстрее, нежели ожидала Снейк. Прослышав о том, что в Горной Стороне появился целитель, люди шли к ней со всей долины, ведя с собой детишек для вакцинации и стариков с их хроническими недугами, некоторые из которых, подобно артриту Грам, Снейк не могла излечить. Судьба продолжала благоволить к ней, и хотя было несколько пациентов со скверными инфекциями, опухолями и даже заразными болезнями, никто не умирал. Люди в Горной Стороне были столь же крепки здоровьем, сколь хороши наружностью.

Всю вторую половину дня Снейк работала в комнате на первом этаже гостиницы, где она предполагала остановиться. Это был центр города, и хозяйка сама пригласила ее. Вечером, когда последняя мать увела последнего хнычущего ребенка, Снейк откинулась в кресле, жалея о том, что с ней не было Поли с ее сказками и прибаутками. Она потянулась и зевнула, закинув руки за голову и прикрыв глаза. Затем услышала, как открылась дверь, прошелестели чьи-то шаги, послышался шорох длинного платья — и в нос ей

ударил аромат чая, настоенного на травах.

Снейк привстала. Лейни, хозяйка гостиницы, поставила поднос на столик рядом со Снейк. Лейни была красивой и очень приятной женщиной средних лет, склонной к полноте. Она тоже присела, налила две чашки чая и одну из них подала Снейк.

— Спасибо. — Снейк вдохнула душистый пар.

Несколько минут они прихлебывали чай в молчании, потом Лейни не выдержала:

— Я рада, что вы пришли к нам. К нам слишком долго не приходили целители.

— Я знаю, — ответила Снейк. — Мы не имеем возможности забираться так далеко на юг слишком часто. — Интересно, понимает ли Лейни, что причина — вовсе не в расстоянии между Горной Стороной и станцией целителей?

— Ах, если бы здесь навсегда поселился целитель! — вздохнула Лейни. — Город сумел бы выразить ему свою благодарность. Я уверена, мэр будет говорить с вами об этом, когда поправится. Но я вхожу в совет города и могу вас заверить, что его предложение будет принято.

— Спасибо Лейни. Я запомню это.

— Значит, вы сможете остаться?

— Я? — Снейк в изумлении уставилась на чаш-

ку с чаем. Ей даже и в голову не пришло, что Лейни имеет в виду ее лично. Горная Сторона со здоровыми и красивыми жителями была идеальным местом для того, кто прожил жизнь, полную тяжелой работы, пристанищем, где можно отдохнуть — если нет желания учить. — Нет, я не могу. Утром я уезжаю. Но когда я вернусь домой, я передам целителям ваше предложение.

— Вы уверены, что не хотите остаться?

— Я не могу. У меня еще не столь высокий статус, чтобы принять оказанную честь.

— И вы должны покинуть нас завтра утром?

— Да. В Горной Стороне мало работы. Все вы просто отменно здоровы. — Снейк усмехнулась.

Лейни тоже улыбнулась, но ее голос по-прежнему звучал серьезно:

— Если вы так спешите, потому что… В общем, из-за места, где вам приходится жить… Потому, что вам нужны более удобные условия для работы, — неуверенно проговорила она, — то двери моей гостиницы всегда открыты для вас.

— Спасибо. Если бы я задержалась здесь еще, я бы переехала. Мне бы не хотелось… злоупотреблять гостприимством мэра. Но я действительно должна уехать. Пора в путь.

Снейк посмотрела на Лейни, которая снова

улыбнулась. Они отлично поняли друг друга.

— Вы заночуете у меня? — спросила Лейни. — Вы, наверное, очень устали, а путь назад неблизкий.

— Я люблю ездить верхом, — сказала Снейк. — Хорошо снимает усталость.

Снейк ехала по направлению ко дворцу мэра по залитым мраком улицам, и ритмичный перестук копыт Быстрой совсем убаюкал ее. Незаметно для себя Снейк по-настоящему задремала. Облака были высокими и прозрачными в эту ночь, ущербная луна, светившая сквозь них, отбрасывала тени на мостовую.

Неожиданно Снейк услышала грохот каблуков по мостовой. Быстрая шарахнулась влево. Снейк, потеряв равновесие, отчаянно вцепилась в луку седла и в лошадиную гриву, чтобы не свалиться на землю. Кто-то вцепился в ее рубашку и повис на ней, стараясь стащить вниз. Снейк высвободила одну руку и ударила налетчика. Ее кулак скользнул по грубой материи, не причинив ему вреда. Она собралась с силами и снова ударила — на сей раз более сосредоточенно. Мужчина застонал и отпустил ее. Снейк вползла на спину Быстрой и ударила пятками по ее бокам. Кобыла рванула вперед. Налетчик все еще держался за

седло. Снейк слышала, как скрежещут по камням его каблуки, когда он старался удержать равновсие. Он тянул седло к себе. Неожиданно Сэйк почувствовала, как седло накренилось — и тут же встало на место: человек отцепился от него.

Но через долю секунды Снейк резко натянула повод: саквояж со змеями исчез.

Снейк круто развернула Быструю и поскакала за улепетывающим грабителем.

— Стой! — закричала она. Ей не хотелось давить его лошадью, но другого выхода не было. Он и не думал останавливаться. Он мог нырнуть в какую-нибудь аллею, слишком узкую для лошади с седоком, и прежде чем Снейк упеет спешиться, его и след простынет.

Снейк нагнулась, ухватилась за его балахон и врезалась в него. Они покатились на землю, сплетясь в клубок. Падая, он извернулся, а Снейк упала прямо на мощеную мостовую, рухнув на нее всем своим весом. Но каким-то образом умудрилась не ослабить хватки, продолжая цепляться за налетчика, пытавшегося вырваться, пока Снейк переводила дыхание. Она хотела сказать ему, чтобы он бросил саквояж, но у нее пропал голос. Он ударил ее, и она почувствовала острую боль на лбу, у кромки волос. Снейк ударила в ответ, и

они покатились по мостовой, поднимая клубы пыли. Снейк услышала скрежет кожаного саквояжа по камням мостовой, она протянула руку и вцепилась в него. То же самое сделал и человек в балахоне. Песок яростно трещал «погремушкой» внутри своего отделения, а они продолжали бороться, словно дети, играющие в войну.

— Отдай! — завизжала Снейк. Ей показалось, что стало еще темнее, она почти ничего не видела. Она знала, что он не задел ей голову, но она моргнула, и все вокруг поплыло волнами. — Там нет ничего, что могло бы тебе пригодиться!

Он потянул на себя саквояж с отчаянным стоном. На мгновение Снейк ослабила хватку, а потом с силой рванула — и выхватила добычу. Она не ожидала, что столь простой прием сработает, — от неожиданности она упала, потеряв равновесие, на бок, ссадив при этом локоть и даже взвизгнув при этом от пронзившей ее тупой боли. Но прежде чем она смогла встать, нападавший повернулся и бросился бежать прочь по улице.

Снейк поднялась на ноги, прижимая локоть к боку и отчаянно цепляясь за ручку саквояжа. Схватка была непродолжительной и не слишком упорной. Она отерла лицо, сморгнула, и зрение ее прояснилось. Просто глаза заливала кровь,

текшая из раны на голове. Она сделала шаг и поморщилась: падая, она повредила колено. Снейк проковыляла несколько шагов до Быстрой, которая норовисто захрапела, однако не шарахнулась от нее. Снейк похлопала кобылу по спине. Ей вовсе не улыбалось гоняться за лошадьми или что-нибудь в этом духе нынешней ночью. Снейк ужасно хотелось заглянуть в саквояж и убедиться, что змеи в порядке, но она понимала, что этого кобыла не перенесет, а потому не решилась истощать ее долготерпенье и, привязав саквояж, села в седло.

Снейк остановила кобылу прямо перед входом на конюшню, когда та неожиданно возникла перед ее носом во мраке ночи. Ее шатало и вело. И хотя она потеряла совсем немного крови и удары налетчика не были столь сильны, чтобы вызвать сотрясение мозга, Снейк, неожиданно ослабев, едва не падала от изнеможения.

Она набрала в легкие воздуха.

— Эй, конюх!

Никто не отозвался на ее призыв. Но затем метрах в пяти над ее головой скрипнули петли в дверце сеновала:

— Его нет здесь, госпожа, — отозвалась Мелисса. — Он спит в замке. Я могу вам помочь?

Снейк взглянула вверх. Мелисса держалась в тени, подальше от лунного света.

— Я не знала, что разбужу тебя…

— Госпожа, что с вами? Вы вся в крови!

— Нет, кровотечение уже прекратилось. У меня была схватка с грабителем. Ты не прокатишься вместе со мной наверх? Сядь сзади, а потом сама спустишься на Быстрой.

Мелисса низко-низко поклонилась, почтительно сложив руки.

— Я сделаю все, о чем вы меня попросите, госпожа, — ласково сказала она.

Снейк наклонилась, и Мелисса, ухватившись за ее руку, взлетела на круп Быстрой. В том мире, что знала Снейк, все дети трудились, но эта ручонка, ручонка десятилетнего ребенка, была мозолиста и груба, тверда и жестка, как рука взрослого человека, всю жизнь занимавшегося физическим трудом.

Снейк дала шенкелей Быстрой, и кобыла начала взбираться по тропинке. Мелисса держалась за заднюю луку, что было ужасно неудобно, — так, знала по опыту Снейк, трудно сохранять равновесие.

Снейк завела назад руки и положила ручонки Мелиссы на свою талию. Мелисса была столь же

напряжена и настороженна, как и Габриэль, но возможно, подумала Снейк, ей пришлось ждать еще дольше, пока кто-то прикоснется к ней с любовью.

— Что произошло? — спросила Мелисса.

— Кто-то пытался ограбить меня.

— Госпожа, это ужасно. В Горной Стороне никогда не бывает такого.

— Но кто-то же пытался ограбить меня! Он хотел украсть моих змей.

— Только сумасшедший мог сделать это, — заметила Мелисса.

Знакомый холодок пробежал по спине Снейк.

— О боги, — пробормотала она. Она вдруг вспомнила, как был одет нападавший — в пустынный балахон! Такая одежда — редкость в Горной Стороне. — В самом деле.

— Что?

— Сумасшедший. Нет, он не сумасшедший. Никакой сумасшедший не пошел бы за мной в такую даль. Он явно что-то ищет, но что? У меня ничего нет такого, на что мог бы польститься грабитель. А мои змеи не нужны никому, кроме целителей.

— Может быть, он хотел Быструю, госпожа? Она очень хорошая лошадь, и я никогда не видала

такой роскошной сбруи.

— Он разорил мой лагерь еще до того, как мне подарили Быструю.

— Ну тогда это и впрямь сумасшедший, — сказала Мелисса. — Кто же станет грабить целителя?

— Честно говоря, мне уже надоело слышать про это, — угрюмо сказала Снейк. — Если он не хочет ограбить меня, тогда чего же он добивается?

Мелисса крепче обняла талию Снейк, и рука ее задела рукоять ножа.

— А почему вы его не убили? — спросила она. — Или хотя бы хорошенько пырнули.

Снейк потрогала гладкую костяную ручку.

— Мне это как-то не пришло в голову, — сказала она. — Я еще никогда не использовала свой нож против человека. — А в самом деле, задумалась Снейк, смогла бы она посягнуть на человеческую жизнь?

Мелисса не ответила.

Быстрая взбиралась на утес. Мелкие камушки отскакивали от ее копыт и со стуком отлетали вниз, падая с отвесной кручи.

— Как ведет себя Бельчонок? — вдруг спросила Снейк.

— Хорошо, госпожа. И он уже совсем не хромает.

— Это славно.

— Он забавный. На нем здорово, интересно ездить. Я никогда не видела таких полосатых лошадок.

— Мне нужно было придумать что-нибудь оригинальное, чтобы меня приняли в целители, поэтому я и сделала Бельчонка. Никому до меня не удавалось выделить этот ген. — До Снейк вдруг дошло, что она говорит о вещах, совершенно непонятных Мелиссе: неужели схватка с грабителем так подействовала на ее умственные способности?

— Вы его сделали?

— Я сделала… лекарство… которое повлияло на его окраску. Ну, чтобы он родился вот таким полосатеньким. Я должна была изменить живое существо, не причинив ему при этом никакого вреда, и доказать, что имею полное право заниматься вопросами мутации змей. Чтобы мы могли излечивать больше болезней.

— Вот здорово! Как бы я хотела сделать что-нибудь подобное!

— Мелисса, ты же можешь ездить на лошадях, к которым я и близко боюсь подойти.

Мелисса промолчала.

— Мелисса, что такое?

— Я хотела стать жокеем.

Она была маленькой, щуплой и, конечно, могла ездить на ком угодно.

— Тогда почему же… — Снейк осеклась, потому что вдруг поняла, почему Мелисса не станет жокеем в Горной Стороне.

Наконец Мелисса нарушила молчание:

— Мэр хочет, чтобы жокеи у него были такие же миленькие, как и его лошадки.

Снейк взяла Мелиссу за руку и сжала ее.

— Извини.

— Ничего, госпожа.

Огни двора приближались. Копыта Быстрой заклацали по камню. Мелисса соскользнула с лошади.

— Мелисса, ты куда?

— Не беспокойтесь, госпожа! Я отведу вниз вашу кобылу. — Эй! — закричала она. — Отворите двери!

Снейк медленно спешилась и отвязала саквояж со змеями от луки седла. Она едва могла передвигаться, колено ломило от нестерпимой боли.

Дверь в резиденцию мэра отворилась, и слуга в ночном платье высунулся наружу:

— Кто там?

— Это госпожа Снейк, — ответила Мелисса из

тьмы. — Она ранена.

— Со мной все в порядке, — возразила Снейк, но слуга с испуганным возгласом повернулся, зовя на помощь, и потом выбежал на двор, к Снейк.

— Почему никто не принес ее в дом? — Он потянулся, чтобы поддержать Снейк, но та мягко отстранила его. Мгновение спустя целая толпа высыпала на двор, люди сгрудились вокруг Снейк.

— Да убери же ты лошадь, глупая девчонка!

— Не трогайте ее! — резко сказала Снейк. — Спасибо тебе, Мелисса.

— Не за что, госпожа.

Когда Снейк входила в куполообразный вестибюль, Габриэль, стуча каблуками, уже бежал навстречу ей, спускаясь по винтовой лестнице.

— Снейк, что случилось?.. Что с тобой?

— Со мной ничего, — повторила она. — Просто у меня была драка с непрофессиональным грабителем. — На самом деле все обстояло куда серьезней. Теперь она это знала точно.

Она поблагодарила слуг и пошла с Габриэлем в южную башню. Он стоял рядом, нервничая и переминаясь с ноги на ногу, пока она проверяла, в порядке ли Дымка с Песком, потому что считал, что прежде надо позаботиться о самой Снейк.

Змеи были в порядке, так что Снейк вернула их в саквояж и отправилась в ванную комнату.

Она увидела свое отражение в зеркале: лицо покрыто коркой запекшейся крови, волосы свалялись и прилипли к черепу. Голубые глаза светились посреди всего этого ужаса.

— У тебя такой вид, как будто тебя едва не убили. — Габриэль включил воду и принес банные простыни и полотенца.

— В самом деле, — мрачно пошутила Снейк.

Габриэль потрогал рану у нее на лбу— как раз под кромкой волос. Снейк видела в зеркале рассеченные края: это был порез, неглубокий, тонкий — скорей от перстня, нежели от костяшки пальца.

— Может, тебе лучше прилечь?

— Раны на коже головы всегда ужасно кровоточат, — пояснила Снейк. — На самом деле все не так страшно. — Она еще раз взглянула на себя и невесело рассмеялась. — Новые рубашки всегда трут, но почему-то мне никак не удается проносить их достаточно долго, чтобы привыкнуть.

Рукав рубашки был разодран в клочья, на колене из брюк тоже был вырван кусок— видимо, когда она проехалась по булыжникам мостовой. Грязь забила волокна ткани. Сквозь прорехи

были видны чернеющие синяки.

— Я принесу тебе другую одежду, — сказал Габриэль. — Я просто поверить не могу в то, что случилось. В Горной Стороне не бывает грабежей. Почти никогда. К тому же все знают, что ты целительница. Ну кому придет в голову напасть на целительницу?

Снейк взяла у него из рук кусок ткани и еще раз хорошенько промыла лоб: Габриэль чересчур поделикатничал, жалея ее, и Снейк не хотелось, чтобы грязь и осколки гравия оставались в ране.

— Тот, кто напал на меня, — не местный житель.

Габриэль попытался отмочить губкой присохшую к содранному колену окровавленную штанину. Снейк рассказала ему про сумасшедшего.

— Что ж, по крайней мере, это не наш человек, — подытожил Габриэль. — А чужого всегда легче найти.

— Возможно. Но ведь ему удалось скрыться от преследования даже в пустыне, а в городе куда больше потайных мест.

Она встала. Колено болело еще сильнее. Она доковыляла до большой ванны и напустила туда воды, почти кипятка. Габриэль помог ей освобо-

диться от остатков одежды и сидел рядом с ней, пока Снейк отмывала в горячей воде все свои страхи, боль и грязь. Он нервно ерзал на месте, переживая из-за случившегося.

— Где ты была, когда этот чокнутый напал на тебя? Я сейчас пошлю стражников, они прочешут все улицы.

— О, Габриэль, оставь эту дурацкую затею. Прошел по меньшей мере час — он уже далеко. Ты только зря вытащишь сонных людей из их теплых постелей, чтобы они бегали как ненормальные по всему городу и поднимали других людей из их теплых постелей.

— Но я хочу сделать хоть что-нибудь.

— Я знаю. Но тут ничего нельзя поделать. — Снейк откинула голову и прикрыла глаза. Несколько минут они молчали. — Габриэль, — сказала она неожиданно, нарушив тишину. — А что произошло с Мелиссой?

Она посмотрела на него. Габриэль нахмурился.

— С кем?

— С Мелиссой. Ну, той девочкой из конюшни с обожженным лицом. У нее рыжие волосы, ей лет десять-одиннадцать.

— Не знаю… Я, кажется, никогда не видел ее.

— Она выезжает твоего жеребца.

— Моего жеребца! Десятилетняя девчонка? Это смешно.

— Она сказала мне, что работает его. Не похоже, что она врет.

— Возможно, она просто сидит на нем, когда Рас выводит его на выгон. Но не уверен, что даже это ей по силам. Жеребец не дается Расу — как на нем усидит ребенок?

— Ладно, оставим это, — сказала Снейк. Возможно, Мелиссе просто хотелось произвести впечатление. Снейк бы не удивилась, если та живет в мире фантазий. Однако тут же поняла, что не может вот так просто подвергнуть сомнению слово девчонки. — Это не имеет значения, — повторила она. — Просто я хочу знать, где и как она так обгорела.

— Я не знаю.

Опустошенная, словно из нее выкачали все силы, Снейк вдруг осознала, что если пробудет в воде хоть еще минуту, то уснет прямо в ванне, и усилием воли заставила себя встать. Габриэль закутал ее в огромное банное полотенце и помог вытереть спину и ноги, поскольку ей все еще было очень больно.

— Припоминаю, на конюшне случился пожар, — сказал он вдруг. — Лет пять назад. Но я

думал, что никто тогда не пострадал. Расу даже удалось вывести из огня большинство лошадей.

— Мелисса пряталась от меня, — сказала Снейк. — Неужели она пряталась от людей все эти годы?

Габриэль помолчал.

— Если она так изуродована… — Он невольно поежился. — Мне не хотелось бы так думать, но ведь я и сам прятался от всех почти три года. Думаю, что такое возможно.

Он помог ей добрести до спальни и остановился в дверях, неожиданно смешавшись. Снейк тотчас же догадалась, что опять раздразнила его против собственного желания. Как бы хорошо было провести с ним и эту ночь… Она нуждалась в человеческом тепле. Но есть предел физическим силам. Сейчас сил не осталось не то что на секс — просто на человеческую симпатию, и ей не хотелось доводить его до исступления, обрекая на муки целомудренного бдения рядом с ней ночь напролет.

— Спи спокойно, Габриэль, — сказала она. — Мы еще повторим прошлую ночь.

Он сумел скрыть свое разочарование довольно искусно — разочарование и растерянность от о сознания того, что так сильно разочарован,

хотя он, конечно же, понимал, как она больна и устала. Они едва коснулись друг друга губами, желая доброй ночи. Снейк вдруг почувствовала острое желание. Ей захотелось предложить ему остаться, однако ее удержала мысль о последствиях — о том, что с ней будет наутро после такого физического и эмоционального стресса. Новое перенапряжение тела и чувств, даже такое приятное, только усугубит ее состояние.

— Проклятье, — проворчала Снейк, когда Габриэль ушел. — Этот чокнутый все больше и больше заслуживает взбучки.

Снейк очнулась от глубокого, бессильного забытья. Ей почудился какой-то звук. Она было подумала, что это Лэррил пришла спросить что-нибудь насчет мэра, но в комнате стояла тишина. Свет из вестибюля на мгновенье просочился в щель, потом дверь закрылась и воцарилась тьма. Снейк лежала очень тихо. Сердце у нее билось как бешеное, и она была уже готова защищать себя, вспомнив, что Мелисса говорила про нож. В лагере нож всегда был при ней, хотя теперь у нее столько же оснований ждать нападения в самом дворце мэра, сколь в одинокой пустыне. Однако сегодня ее пояс с ножом валялись где-то, где она скинула их, — возможно, в ванной комнате. Она

не могла вспомнить. Голова у нее раскалывалась от боли, колено ломило.

На что мне нож? — смутно удивилась она — Я ведь даже не знаю, как с ним обращаться.

— Госпожа Снейк? — Голос прозвучал так тихо, что Снейк едва расслышала его.

Повернувшись, Снейк вскочила, окончательно проснувшись, едва успев разжать непроизвольно сжавшиеся кулаки.

— Что? Это ты, Мелисса?

— Да, госпожа.

— Благодари бога, что ты заговорила, — я едва не ударила тебя.

— Простите. Я не хотела вас будить. Я просто… Я хотела убедиться…

— Что-нибудь не так?

— Нет, но я же не знала, как вы себе чувствуете. Я всегда смотрю на огни наверху, они горят до поздней ночи, вот я и подумала, что могу справиться о вас у кого-нибудь. Только… я не смогла. Я лучше пойду.

— Нет уж, постой. — Глаза Снейк уже привыкли к темноте и она различала очертания Мелиссы, отблеск света на ее выгоревших от солнца прядках в рыжей шевелюре, она даже чувствовала приятный запах сена и лошадей.

— Это очень мило с твоей стороны, что ты проделала такой путь, чтобы справиться обо мне. — Она притянула к себе Мелиссу, наклонилась и поцеловала ее. Густые кудряшки не могли полностью скрыть чудовищный шрам.

Мелисса оцепенела и попыталась вырваться из рук Снейк.

— Как вы можете дотрагиваться до меня?

— Мелисса, дорогая… — Снейк повернула фитиль в лампе прежде, чем девочка успела воспрепятствовать тому. Снейк взяла ее за плечо и мягко повернула к себе. Они оказались лицом к лицу. Мелисса прятала глаза.

— Ты мне нравишься. И я всегда прикасаюсь к людям, которые мне нравятся. Другим тоже захочется этого, если ты дашь им возможность.

— Рас говорит иначе. Он говорит, что в Горной Стороне никто не хочет даже смотреть на уродов.

— Ну, Рас отвратительный тип, и у него есть свои причины заставлять тебя бояться людей. Ведь он присваивает себе плоды твоего труда, верно? Он изображает, что это он укрощает лошадей и ездит на них.

Мелисса пожала плечами, еще ниже опустив голову, чтобы шрам был менее заметен.

— А этот пожар, — продолжала Снейк. — Скажи, что тогда произошло? Габриэль говорит, что Рас спас лошадей, но пострадала-то ты одна.

— Все знают, что восьмилетнему ребенку не под силу вывести лошадей из огня, — сказала Мелисса.

— О, Мелисса…

— Мне все равно!

— Разве?

— Мне есть где жить, я сыта. Я живу при лошадях, и они не против…

— Мелисса, боже мой! Почему ты остаешься здесь? Человеку нужно больше, чем кусок хлеба и крыша над головой!

— Я не могу уйти. Мне еще нет четырнадцати.

— Он сказал, что ты его рабыня? Рабство запрещено в Горной Стороне.

— Нет, я не рабыня, — возмущенно ответила Мелисса. — Мне двенадцать. А сколько, вы думали, мне лет?

— Я так и думала, — солгала Снейк, не желая обидеть Мелиссу: на самом деле девочка выглядела куда младше. — А собственно, какая разница?

— Вы могли пойти куда вам вздумается, когда вам было двенадцать?

— Да, разумеется. Правда, мне повезло, и я вы-

росла в таком месте, где мне очень нравилось жить, но если бы я захотела… Я бы могла уйти.

Мелисса моргнула.

— О! — сказала она. — Ну… здесь все иначе. Если ты сбежишь, твой опекун явится за тобой. Однажды я попыталась, и именно это и произошло.

— Но почему?

— Потому что я не могу спрятаться, — зло сказала Мелисса. — Вы думаете, людям все равно? Нет, они тут же доложили Расу, где я, чтобы он пришел и забрал меня обратно…

Снейк протянула руку и сжала пальцы Мелиссы. Та молчала.

— Прости, — сказала Снейк. — Я не это имела в виду. Я имела в виду вот что: кто имет право заставить тебя быть там, где ты не хочешь быть? Почему ты должна прятаться? Неужели ты не можешь забрать свои деньги и уйти отсюда куда захочешь?

Мелисса саркастически рассмеялась.

— Мои деньги! Детям не полагаются деньги. Рас мой опекун. И я должна выполнять то, что он мне велит. Я должна оставаться при нем. Таков закон.

— Это жестокий закон. Я знаю, он тебя бьет… Никакой закон не может заставить тебя быть

с таким человеком. Разреши мне поговорить с мэром, возможно, он сумеет уладить это — и ты будешь делать то, что захочешь.

— Нет, госпожа! — Мелисса упала на колени перед постелью, цепляясь за простыни. — Кто еще возьмет меня такую? Никто! Они все равно оставят меня с ним, только мне придется сначала сказать о нем дурные слова. А после этого он будет еще ужасней, еще злее. Не надо менять ничего!

Снейк подняла ее с колен и притянула к себе, но Мелисса вся сжалась, пытаясь высвободиться из ее объятий. Потом вдруг согнулась, словно от боли, и застонала, когда Снейк, отпуская ее, случайно задела ее плечо.

— Мелисса, что с тобой?

— Ничего!

Но Снейк задрала ее рубашку и оглядела спину. Девочку пороли сыромятным ремешком или хлыстом — чем-то таким, что причиняет боль, но не ранит до крови. И не лишает работоспособности.

— Как… — Снейк оборвала сеебя. — О, черт. Рас был зол на меня, верно? Я отругала его и только сделала тебе хуже?

— Госпожа Снейк, когда ему хочется сорвать зло, он это делает не задумываясь. И ему все равно, кто под руку подвернется — я или лоша-

ди. — Мелисса отступила, поглядывая на дверь.

— Не уходи. Останься до утра. А завтра мы придумаем что-нибудь.

— Нет, госпожа, пожалуйста, не беспокойтесь. Ничего. Я живу здесь всю мою жизнь. Я уже привыкла. Ничего не надо делать. Прошу вас. Мне надо идти.

— Подожди…

Но Мелисса уже выскользнула из комнаты. Дверь закрылась. Когда Снейк выбралась из постели и выскочила вслед за ней, девочка была уже почти у лестницы. Снейк прислонилась к дверному косяку, выглянув в холл.

— Мы еще поговорим об этом! — крикнула она, но Мелисса молча сбежала по ступеням и исчезла.

Снейк забралась обратно в свою роскошную постель, укрылась теплым одеялом и укрутила фитиль лампы, думая о том, каково там сейчас Мелиссе в темной холодной ночи.

Снейк просыпалась медленно и долго лежала в полудреме, мечтая о том, чтобы этот день был уже позади. Она так редко болела, что ей непросто было принять этот факт, когда он свершался. Припоминая суровые нотации, которые она читала отцу Габриэля, Снейк подумала, что будет

круглой дурой, если не последует собственным советам. Она могла работать не покладая рук весь день, она могла преодолевать чудовищные расстояния в седле, и ничего такого с ней не случалось. Но гнев, и адреналин, и ожесточенность схватки — все это, вместе взятое, доконало ее.

Собираясь с силами, она попыталась пошевелиться. И чуть не задохнулась, покрывшись холодным потом. Боль в правом колене, пораженном артритом, стала просто сверлящей. Оно распухло и окаменененело и болело буквально в каждой точке. Она привыкла к боли. Но сегодня впервые боль перекинулась и на плечевой сустав. Она снова легла. Если она отправится в путь сегодня, то сляжет, и очень скоро, причем где-нибудь в пустыне. Она могла не обращать внимания на боль, когда в том была необходимость, но это отнимало массу энергии и за это приходилось потом платить дорогую цену. А сейчас в ее теле не было лишних сил.

Она все еще не могла вспомнить, куда подевала свой пояс, — а теперь, когда она вдруг подумала о нем, почему это он потребовался ей посреди ночи, — Снейк резко села, вспомнив о Мелиссе, и почти зарыдала. Чувство вины было столь же сильным, как и боль в теле. Она должна что-то

сделать. Но стычка с Расом не поможет Мелиссе. Снейк уже видела результат. И она не знала, что здесь можно поделать. К тому же в данный момент она даже не знала, хватит ли у нее сил добраться до ванной.

Это, по крайней мере, ей удалось. И ее сумка была, конечно, там аккуратно повешенная на крючок вместе с поясом и ножом. Насколько она помнила, она так и оставила свои вещи валяться на полу. Ей стало слегка неловко, она никогда не отличалась подобной неряшливостью.

На лбу красовался синяк, порез покрылся запекшейся толстой коркой — с этим ничего не поделаешь. Снейк достала из сумки аспирин, приняла большую дозу и снова легла в постель. Ожидая, когда навалится сон, она успела подумать: интересно, как часто будет мучить ее артрит с годами? Это было неизбежно, однако вовсе необязательно всякий раз у нее будет такая роскошная возможность отлежаться и прийти в себя.

Солнце стояло уже высоко и светило алым пятном сквозь облака, когда она проснулась. В ушах слегка звенело от аспирина. Она осторожно согнула колено и с облегчением почувствовала, что сустав стал подвижнее и боль утихла. Нере-

шительный стук в дверь, который-то и разбудил ее, повторился.

— Войдите.

Габриэль приоткрыл дверь и просунул голову в комнату.

— Как ты, Снейк?

— Нормально, входи.

Габриэль вошел, и Снейк села в постели.

— Извини, если я разбудил тебя, но я заглядывал к тебе много раз, ты даже не пошевелилась.

Снейк сдернула простыню и показала ему свое колено. Опухоль в основном спала, но колено все еще было странноватой формы, а синяки приобрели черно-багровый оттенок.

— О боже! — вокликнул Габриэль.

— Завтра я приду в норму, — ответила Снейк. Она подвинулась, чтобы он смог сесть рядом. — А ведь могло быть и хуже.

— Однажды я растянул связки и целую неделю колено у меня было размером с дыню. Ты говоришь, завтра? Да, целители, наверное, излечиваются быстро.

— Я не растянула связки, я только ушибла колено. А опухоль — это от артрита.

— Артрит! Я не представлял, что ты вообще можешь болеть.

— Я никогда не болею инфекционными болезнями. Но у целителей всегда бывает артрит, если не что-нибудь более серьезное. — Ее передернуло. — Это из-за наших иммунных свойств, помнишь, я тебе говорила? Иногда они срабатывают не совсем, так, как нужно, и начинают бороться с тем, что их собственно, и формирует. — Ей вдруг расхотелось описывать действительно опасные заболевания, которым подвержены целители. Габриэль предложил ей завтрак, и, к своему удивлению, Снейк обнаружила, что ужасно проголодалась.

Этот день Снейк провела, принимая горячие ванны и валяясь в постели: ей все дремалось от той дозы аспирина, что она приняла. Во всяком случае, на нее он действовал так. Довольно часто забегал Габриэль, посидеть с ней минуточку, или Лэррил приносила поднос с едой, или Брайан приходил рапортовать о самочувствии мэра. Отец Габриэля уже не нуждался в помощи Снейк, с той самой ночи, когда он попытался встать: Брайан был куда лучшей сиделкой, нежели она.

Снейк уже не терпелось уехать отсюда, пересечь долину и горный хребет, не терпелось начать свое путешествие в Город. Возможности, открывавшиеся там, завораживали ее. К тому же

ей страшно хотелось покинуть дворец мэра. Никогда еще у нее не бывало таких условий, такого комфорта — даже дома, на станции, — однако жить во дворце было не так уж приятно. Ближайшее знакомство с царившими там нравами обнажило некоторые особенности эмоциональных уз, связывавших его обитателей. Там было слишком много искусственного и чересчур мало естественного, человечески-теплого, слишком много силы и никакой защиты от нее. Мэр держал свою силу при себе, не позволяя себе злоупотреблять ею, однако в случае с Расом дело обстояло иначе. И как страстно Снейк ни желала покинуть замок, она знала, что не может уйти, ничего не сделав для Мелиссы. Мелисса…

У мэра была библиотека, и Лэррил принесла оттуда несколько книг. Снейк попыталась заставить себя почитать. Обычно она проглатывала по несколько книг в день, читая чересчур быстро, слишком быстро — она сама понимала это — для правильного восприятия. Но на сей раз ей было неинтересно и как-то смутно и беспокойно.

Полдень. Снейк выползла из постели и приковыляла к окну, из которого открывался вид на долину. Под рукой не оказалось даже Габриэля, который уехал в город дать описание сумасшед-

шего. Она надеялась, что кто-нибудь опознает безумца и его можно будет вылечить. Ей предстоял долгий путь, и она не могла позволить себе волноваться из-за какого-то там преследователя. В это время года она не встретит караванов, идущих в Город, так что она будет путешествовать одна — или вообще не пойдет туда.

Приглашение Грам провести у нее зиму в свете последних событий показалось ей более привлекательным. Но сама мысль о том, что полгода она проведет без Травки, лишенная половины своих возможностей, терзаясь сомнениями, а удастся ли ей вообще возвратить себе доброе имя, была непереносима. Она пойдет в Город — или на станцию, к целителям, и примет их суд.

Грам. Может быть, Мелисса могла бы поехать туда, если Снейк удастся вызволить девочку из Горной Стороны. Грам сама была некрасива и не обожествляла физическую красоту, так что шрамы Мелиссы не оскорбят ее эстетических чувств.

Но на это уйдет много дней — чтобы послать весточку Грам и получить от нее ответ, ибо деревня ее лежала далеко на севере. К тому же Снейк была вынуждена признаться себе, что она не настолько близка Грам, чтобы просить ее взять на себя такую ответственность. Снейк вздохнула и

запустила пальцы в свою шевелюру. Как хорошо бы забыть о проблеме и вспомнить, когда она вдруг решится сама по себе, — словно во сне! Она обвела взглядом комнату, как будто что-то из ее обстановки могло навести на верную мысль.

На столике у окна стояла корзинка с фруктами, тарелка с печеньем, сыром и поднос с маленькими пирожками с мясной начинкой. Слуги мэра были слишком любезны и щедры с инвалидами, и в течение всего долгого дня Снейк была лишена даже такого нехитрого развлечения, как ожидание и предвкушение еды. Она заставляла Габриэля, Лэррил и даже Брайана и прочих слуг, которые появлялись, чтобы перестелить ей постель, протереть окна, смахнуть крошки (она по-прежнему не представляла, сколько людей прислуживает Габриэлю и его отцу, потому что каждый раз слышала новое имя и видела новое лицо) отведать угощения — но все равно подносы с едой оставались почти полными.

Неожиданно для себя Снейк выбросила из корзинки все фрукты, за исключением самых спелых, потом положила туда печенья и сыру, а также мясных пирожков, завернутых в салфетки. Она начала было писать записку, потом передумала и нарисовала на клочке бумаги свернувшуюся

змею. Она вложила бумажку между сверточками и накрыла все это салфеткой. Потом позвонила в колокольчик.

На пороге возник мальчишка — опять новый, его Снейк еще не видела здесь, — и она приказала ему отнести корзинку в конюшню и поставить ее на сеновал над денником Бельчонка. Мальчишке было лет тринадцать-четырнадцать, он был долговязым и тощим от быстрого роста, так что она попросила его не таскать еду из корзинки, а взамен за это пообещала все, что осталось еще на подносе. Мальчишка не выглядел заморенным, однако Снейк знала, что такие вот быстро растущие дети всегда хотят есть.

— Хорошая сделка? — спросила она.

Мальчишка ухмыльнулся. У него были большие зубы, очень белые и слегка кривоватые. Из него вырастет интересный юноша. Снейк отметила, что в Горной Стороне даже у юнцов чистая кожа.

— Да, госпожа, — сказал он.

— Ну и прекрасно. Только смотри, чтобы конюх тебя не заметил. Полагаю, что он сам способен добыть себе пропитание.

— Да, госпожа! — Мальчишка ухмыльнулся снова, взял корзинку и выскочил из комнаты.

По его тону Снейк заключила, что Мелисса — не единственное беззащитное дитя, изведавшее на себе тяжесть кулаков Раса. Но от этого Мелиссе было не легче. Мальчик-слуга был в куда более выгодном положении, нежели она, если нужно было пожаловаться на Раса.

Ей хотелось поговорить с девочкой, но день прошел, а Мелисса так и не появилась. Снейк побоялась послать более откровенное послание, нежели то, что было в корзинке. Она не хотела, чтобы Мелиссу снова избили из-за прихоти чужестранки.

Было уже почти темно, когда Габриэль вернулся в замок и прошел в комнату Снейк. Он был все это время ужасно занят, однако не забыл своего обещания возместить Снейк утраченную рубашку.

— Ничего, — сказал он. — Никого в одеждах пустынников. Никого, кто бы странно себя вел.

Снейк примерила рубашку, которая оказалась ей на удивление впору. Прежняя была коричневого цвета, домашней грубой выработки. Эта же рубашка была из более тонкого полотна, шелковистой, но крепкой ткани белого цвета, с изящным синим рисунком. Снейк провела кончиками пальцев по материалу, наслаждаясь его

изысканный расцветкой.

— Он купил себе новую одежду — и он неузнаваем. Комната в гостинице — и никто не видит его. Возможно, сейчас он выглядит не более странно, чем любой из проходящих через город чужеземцев.

— Большинство странников прошли через город недели назад, — сказал Габриэль, потом вздохнул. — Но ты права. Сейчас его уже невозможно найти.

Снейк выглянула из окна. Она заметила несколько огоньков, должно быть, крестьянских домов в долине, раскиданных далеко друг от друга.

— Как твоя коленка?

— Теперь хорошо. — Опухоль совсем сошла, а боль не превосходила той, что неизменно мучила Снейк при перемене погоды. Одно ей нравилось в черной пустыне: несмотря на жару, в ней была своя прелесть — неменяющейся погоды. Так что по утрам Снейк никогда не вставала с ощущением, будто ей двести лет.

— Это хорошо, — сказал Габриэль с ноткой надежды в голосе — робкой, вопросительной.

— Целители действительно излечиваются быстро, — сказала Снейк. — Когда есть веская

причина. — И, отбросив все свои страхи и беспокойства, Снейк усмехнулась, за что была вознаграждена ослепительной счастливой улыбкой Габриэля.

На сей раз скрип открывающейся двери не испугал Снейк. Она сразу проснулась и приподнялась на локте.

— Мелисса, ты? — Снейк прибавила огня в лампе, чтобы они могли видеть друг друга, но так, чтобы не разбудить Габриэля.

— Мне передали корзинку, — сказала Мелисса. — Все было просто здорово. Бельчонку понравился сыр, а Быстрой — нет.

Снейк рассмеялась.

— Я рада, что ты пришла. Я хотела поговорить с тобой.

— Да. — Мелисса задержала дыхание. — Так куда я пойду? Если мне будет позволено.

— Я не знаю, сможешь ли ты поверить мне после всего, что тебе наговорил Рас. Ты можешь стать жокеем, ты ведь об этом мечтаешь, — в любом месте, кроме Горной Стороны. Сначала тебе придется потрудиться, но потом люди оценят тебя по достоинству — и полюбят за то, что ты есть и что умеешь.

Слова прозвучали на удивление фальшиво,

Снейк сама почувствовала это. Идиотка, сказала она себе, ты советуешь испуганному ребенку одному отправиться в незнакомый мир и попытаться в одиночку добиться успеха. Она ждала от тебя совершенно другого!

Габриэль, лежавший рядом с ней, положивший ей руку на бедро, заворочался во сне и что-то забормотал. Снейк обернулась и накрыла своими пальцами его руку.

— Все хорошо, Габриэль. Спи спокойно, — сказала она. Он вздохнул и через мгновение снова заснул мертвым сном.

Снейк обернулась к Мелиссе. С минуту девочка смотрела на нее, мертвенно-бледная в призрачном свете. Потом неожиданно отпрянула и бросилась бежать.

Снейк выпрыгнула из постели и кинулась за ней. Захлебываясь от рыданий, Мелисса схватилась за ручку двери и открыла ее. Тут-то и настигла ее Снейк. Мелисса вырвалась, но Снейк ухватила ее и остановила.

— Мелисса, в чем дело?

Мелисса выгнулась, рыдая как безумная. Снейк опустилась на колени рядом с ней, медленно притянула к себе, поглаживая по волосам.

— Все хорошо, все хорошо, — пробормотала

она, — просто потому, что нужно было сказать хоть что-то.

— Я не знала, я не понимала… — Мелисса попыталась вырваться из рук Снейк. — Я думала, вы сильнее, я думала, вы делаете что хотите, а вы такая же, как и я.

Снейк не выпустила руку Мелиссы. Она прошла с ней в одну из комнат для гостей и включила свет. Здесь пол был без подогрева, и холодный кампень, казалось, вытягивал из босых ног Снейк все тепло жизни. Снейк стянула одеяло с аккуратно заправленной кровати и накинула его себе на плечи, усевшись рядом с Мелиссой у окна.

— Ну а теперь расскажи мне, в чем дело.

Опустив голову, Мелисса вся съежилась, прижав колени к груди.

— Значит, вы тоже делаете то, что они захотят? — Она вопросительно посмотрела на Снейк. Слезы из ее правого глаза скатывались прямо на щеку. Из поврежденнного шрамом левого они, разделяясь рубцом, текли двуми ручейками. Она снова опустила голову. Снейк придвинулась и обняла ее за плечи.

— Успокойся. Не торопись.

— Они… они это делают…

Снейк нахмурилась, совершено сбитая с толку.

— Что — делают? И кто — они?

— Он.

— Кто? Габриэль?!

Мелисса быстро кивнула, избегая смотреть Снейк в глаза.

Снейк не могла представить, чтобы Габриэль сделал кому-то больно сознательно.

— Но что случилось? Если он сделал тебе больно, я уверена, что это не по злому умыслу.

Мелисса уставилась на нее.

— Мне он не сделал ничего. — В голосе ее звучало презрение.

— Мелисса, дорогая, я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь. Если Габриэль не сделал тебе ничего дурного, почему же ты так расстроилась, когда увидела его? Он очень хороший и милый. — Возможно, Мелисса слышала что-то об истории с Лиа и боялась за Снейк?

— Он заставил тебя лечь с ним в постель…

— Это моя постель.

— Какая разница, чья постель? Рас не знает, где я сплю, но иногда…

— Рас?

— Я и он. Вы и другие.

— Погоди-ка, — сказала Снейк. — Рас заставляет тебя ложиться с ним в постель? Когда ты этого

не хочешь? — Что за идиотский вопрос, сердито подумала она, но ничего более умного ей просто не пришло в голову.

— Хочу! — Меллисса фыркнула от отвращения.

С ледяным спокойствием, не веря своим ушам, Снейк осторожно спросила:

— Скажи, а он заставляет тебя делать еще что-нибудь?

— Он говорит, что когда-нибудь будет не больно, но мне каждый раз просто ужасно больно… — Мелисса спрятала свое лицо в коленях.

Наконец, до Снейк дошло то, что пыталась сказать ей Мелисса, — и жалость, смешанная с отвращением, затопила ее. Снейк обняла Мелиссу, ласкала и гладила ее до тех пор, пока наконец Мелисса боязливо, как будто кто-то мог подсмотреть и помешать ей, сама обняла Снейк и заплакала на ее плече.

— Не нужно больше ничего говорить, — сказала Снейк. — Раньше я не понимала, но теперь я знаю. О, Мелисса, все это должно быть совсем не так! Тебе никто не говорил об этом?

— Он сказал, что мне еще повезло, — прошептала Мелисса. — Он сказал, что я должна быть еще благодарной за то, что он соизволил коснуться меня. — Она вздрогнула.

Снейк покачивала ее в своих объятьях.

— Ему повезло, — сказала она. — Ему здорово повезло, что никто не знал.

Дверь открылась и в нее заглянул Габриэль.

— Снейк! Ты здесь? — Он подошел ближе, весь золотистый в мерцающем свете лампы. Мелисса как завороженная смотрела на него. Внезапно Габриэль словно окаменел: на лице его читался ужас. Мелисса снова спрятала лицо и теснее прижалась к Снейк, вся трясясь от сдерживаемых рыданий.

— Что…

— Ступай в постель, — жестко сказала Снейк, может быть более жестко, чем хотела, но менее жестко, чем того заслуживал сейчас Габриэль.

— Что происходит? — печально спросил он. Он нахмурился и посмотрел на Мелиссу.

— Уходи! Поговорим утром.

Он попытался возражать, потом увидел выражение на лице Снейк, осекся и вышел из комнаты. Снейк и Мелисса долго сидели в молчании. Постепенно дыхание Мелиссы выровнялось.

— Теперь вы видели, как они смотрят на меня?

— Да, дорогая. Я видела. — После этой сцены с Габриэлем Снейк уже была не в состоянии рисовать себе радужные картины человеческой

гуманности. Но теперь ее надежда, что Мелисса все же решится покинуть это место, возросла. Все будет лучше, чем это. Все что угодно.

Гнев нарастал в Снейк постепенно, пульсирующими толчками — тяжелый, удушливый гнев. Изуродованный и перепуганный ребенок имеет такое же право на нормальное познание секса, как и красивый и уверенный в себе ребенок, а может быть даже большее. Однако Мелисса в результате получила лишь новую травму, новую рану и новую боль. И унижение. Снейк покачала ее. Мелисса довольно прильнула к ней, как малое дитя.

— Мелисса…

— Да, госпожа.

— Рас негодяй. Он обращается с тобой так, как могут поступать только отъявленные подонки. Я обещаю тебе, что больше он никогда не причинит тебе зла.

— Какая разница, кто — он или другой?

— Помнишь, как ты удивилась, когда кто-то хотел ограбить меня?

— Но это ведь был сумасшедший. Чокнутый.

— Таких сумасшедших в мире гораздо больше, чем таких негодяев, как Рас.

— Тот, что был с вами — точно такой же. Он же

заставил вас лечь с ним.

— Нет, не заставил. Я сама его пригласила. Видишь ли, иногда люди могут сделать друг другу приятное…

Мелисса подняла глаза. Снейк не поняла, что выражал ее взгляд — озабоченность или любопытство, потому что лицо ее, обезображенное шрамами, не могло выражать ничего. Впервые Снейк заметила, что шрам тянется ниже — под воротник рубашки. Она почувствовала, как кровь отхлынула у нее от лица.

— Госпожа, что с вами?

— Скажи мне, дорогая. Как сильно ты обгорела? Где кончаются шрамы?

Правый глаз Мелиссы сузился — она нахмурилась: это было все, что позволяла мимика изуродованного лица.

— Мое лицо. — Она протянула руку и потрогала левую ключицу. — И здесь. — Ее рука скользнула к нижнему ребру, потом влево, по грудной клетке. — До этого места.

— Не ниже?

— Нет. У меня еще плохо действует рука. — Мелисса повращала левой рукой. Она действительно гнулась хуже, чем следовало. — Мне еще повезло. Если бы все было более скверно и я не

могла бы ездить на лошадях, то тогда моя жизнь никому бы здесь была не нужна.

Снейк медленно, облегченно перевела дыхание. Она видела людей с такими ожогами, что секс для них вообще оставался за гранью возможного. Ни наружных органов, ни способности испытывать чувственное наслаждение. Так что Снейк возблагодарила всех богов всех народов за то, что сказала ей Мелисса. Рас сделал ей больно, но причиной боли было лишь то, что он огромный и грубый детина, а Мелисса — дитя, а вовсе не то, что огонь уничтожил в ней все ощущения, кроме боли.

— Люди могут доставлять друг другу удовольствие, — сказала Снейк. — Потому я и была с Габриэлем. Я хотела, чтобы он трогал меня, а он хотел, чтобы я трогала его. Но когда кто-то трогает другого человека, не думая о том, приятно ли это ему, — против воли!.. — Она остановилась, ибо была не в состоянии понять природу извращения, обращающего наслаждение в обиду. — Рас дурной человек, — повторила она опять.

— А тот, что был с вами, не сделал вам больно?

— Нет, нам было хорошо друг с другом.

— Что ж… — недоверчиво протянула Мелисса.

— Я могу тебе показать.

— Нет! Не надо.

— Не волнуйся, — успокоила ее Снейк. — С этого момента никто и никогда не заставит тебя делать то, что ты не хочешь делать.

— Госпожа Снейк, но вы не можете заставить его прекратить. Я тоже не могу. Вам надо уезжать, а я остаюсь здесь.

Все будет лучше, чем жизнь в этом месте, подумала снова Снейк. Все что угодно. Даже изгнание. Словно во сне, ответ пришел сам собой, и Снейк едва не обругала себя за то, что не догадалась об этом раньше.

— А ты пойдешь со мной, если тебя отпустят?

— С вами?!

— Да.

— Госпожа Снейк!..

— Целители берут себе приемных детей на воспитание, разве ты не знала об этом? Я просто не понимала сама себя, но оказывается, я давно подыскивала себе подходящего ребенка.

— Но вы можете выбрать кого угодно.

— Я хочу выбрать тебя, если ты согласна стать моей дочкой.

Мелисса прижалась к ней.

— Они никогда не отпустят меня, — прошептала она. — Мне страшно.

Снейк погладила ее по волосам и выглянула из окна во мрак ночи, освещенный редкими огоньками богатого, красивого города. Немного спустя, уже засыпая, Мелисса снова прошептала:

— Мне страшно.

Глава 8

Снейк проснулась с первыми лучами алого утреннего солнца. Мелисса ушла. Наверное, она выскользнула и пошла на конюшню. Снейк боялась за нее.

Она оторвалась от подоконника и вернулась в свою комнату, обернув плечи одеялом. Башня была тихой, холодной, комната ее — пуста.

Хорошо, что Габриэль ушел: он раздражал ее, но она не хотела распылять свою злость. Он — не тот человек, который заслуживает эмоций, а Снейк могла найти им лучшее применение. Она умылась, оделась и стала всматриваться в долину. Восточные вершины гор все еще отбрасывали большую тень на подножия. Она видела, как темень уползает от конюшни, с ее геометрически правильными, огороженными белым забором загонами.

Все было тихо.

Вдруг из тьмы на свет выбежала лошадь. Огромная вытянутая тень расходилась от ее копыт и, как великан, вышагивала по искрящейся траве.

Это был крупный пегий жеребец, на его спину

взгромоздилась Мелисса.

Жеребец пустился в легкий галоп и плавно понесся по полю. Снейк тоже захотелось поскакать вот так, верхом, и чтобы утренний ветер дул ей в лицо; она чуть ли не слышала глухой мерный топот копыт по земле, вдыхала аромат свежей травы, видела сверкающие капельки росы, разлетающиеся от ее полета.

Жеребец галопом мчался по полю, грива и хвост летели за ним. Мелисса крепко прижалась к холке. Перед ними возникла высокая каменная стена.

У Снейк перехватило дыхание: она была уверена, что жеребец не слушается Мелиссу. Он не замедлил шаг. Снейк наклонилась вперед, как будто могла дотянуться и остановить их, не дать коню бросить ребенка на стену. Она видела, как жеребец напрягся, но Мелисса сидела прямо и спокойно. Конь собрался и плавно перелетел через барьер.

Через несколько шагов галоп замедлился, конь немного пробежал рысью, а потом спокойно, важно направился к конюшне, как будто он, так же как и Мелисса, не торопился в стойло.

Если у Снейк и были хоть какие-то сомнения насчет того, что говорила ей Мелисса, то теперь

они окончательно развеялись. Она не сомневалась, что Рэс совратил ребенка: настолько неподдельным было отчаяние и смущение Мелиссы. Снейк подумала, а не было ли катание на лошади Габриэля непостижимой фантазией Мелиссы, но это тоже оказалось правдой, и Снейк поняла, как трудно будет освободить ее юную подругу. Рас дорожил Мелиссой, он ни за что не отпустит ее. Снейк боялась идти прямо к мэру, с которым у нее не было взаимопонимания, и объявить ему, что за низкий человек Рас. Кто ей поверит? Сейчас, днем, она сама едва верила, что такое могло вообще случиться, а Мелисса была слишком напугана, чтобы прямо обвинить Раса. Снейк не осуждала ее.

Снейк пошла в другую башню и постучала в дверь мэра. Шум эхом разнесся по каменным холлам, и она поняла, что еще очень рано. Но ей, в сущности, было все равно: у нее не было настроения для светских любезностей.

Брайан открыл дверь:

— Да, госпожа?

— Я пришла поговорить с мэром о моем жалованье.

Брайан, склонившись, пропустил ее в комнату:

— Он бодрствует. Я уверен, он примет вас.

Снейк приподняла одну бровь, недвусмысленно намекая, что вряд ли он может не принять ее. Но слуга разговаривал так, как человек, который безоговорочно боготворит другого. Брайан тоже не заслуживал ее злости.

— Он не спал всю ночь, — сказал Брайан, провожая ее в комнату в башне. — Короста так сильно чешется… вы не могли бы…

— Если она не инфицирована, то это дело аптекаря, а не мое, — холодно сказала Снейк.

Брайан помотрел на нее:

— Но, госпожа…

— Я хочу поговорить с ним наедине. Будьте любезны, пошлите за конюхом и Мелиссой.

— Мелиссой? — Он в свою очередь удивленно поднял брови. — За этой рыжеволосой девочкой?

— Да.

— Госпожа, а вы уверены, что в самом деле хотите, чтобы она пришла сюда?

— Пожалуйста, сделайте, как я прошу.

Он слегка поклонился, лицо его снова превратилось в маску превосходно вышколенного слуги. Снейк прошла мимо него в спальню мэра.

Мэр, сморщившись, лежал на кровати, а скомканные простыни и одеяла валялись вокруг него и на полу. Повязки и покрывало были сброшены

с его ноги, с чистой коричневой коросты. С выражением облегчения и удовольствия на лице он медленно расчесывал заживающую рану.

Он увидел Снейк и попытался натянуть назад повязки, виновато улыбаясь.

— Она так зудит, — сказал он. — Полагаю, это означает, что она проходит?

— Чешите что хотите, — сказала Снейк. — Я буду уже два дня как в пути, когда вы снова внесете туда инфекцию.

Он отдернул руку и откинулся на подушки. Пытаясь неловко поправить постельное белье, он раздраженно посмотрел по сторонам:

— Где Брайан?

— Он оказывает мне услугу.

— Понятно.

Снейк почувствовала в его тоне еще больше раздражения, но мэр сменил тему разговора:

— Вы хотели для чего-то меня видеть?

— Мое жалованье.

— Ну конечно, я должен был сам принести вам деньги. Я понятия не имел, что вы так быстро уезжаете от нас, дорогая.

Снейк терпеть не могла ласковые слова от людей, которым она не была дорога. Наверное, Грум говорил бы ей такие же слова по пятьдесят,

по сто раз на дню, но они не соответствовали бы поступкам этого человека.

— Я знаю, что ни в одном городе Горной Стороны не отказываются от наличных, — сказал он. — Они знают, что мы никогда не разбавляем металл и не делаем легковесные монеты. Однако, если вы предпочитаете драгоценные камни, мы можем заплатить вам ими.

— Мне ничего не нужно, — сказала Снейк. — Я хочу Мелиссу.

— Мелиссу? Эту горожанку? Целительница, мне потребовалось двадцать лет, чтобы снять с Горной Стороны репутацию места, где есть рабы. Мы освобождаем крепостных, а не берем их в рабство.

— Целители не имеют слуг-рабов. Я должна была пояснить — я хочу, чтобы она была свободна. Она хочет уехать со мной, но ваш конюх Рас — ее, как вы это называете, опекун.

— Целительница, я не могу просить этого человека разрушить его семью, — уставился на нее мэр.

Снейк едва удержалась от того, чтобы не отреагировать. Она не хотела объяснять, почему ей все было так отвратительно. Когда она не ответила, мэр заерзал, потер свою ногу, потом опять отдер-

нул руку от повязки.

— Это очень сложно. А вы уверены, что не захотите выбрать что-то другое?

— Вы отказываете в моей просьбе?

Он распознал в ее голосе скрытую угрозу, тронул колокольчик, и Брайан снова появился.

— Пошли записку Расу. Попроси его прийти как можно быстрее.

Пусть приведет и ребенка.

— Целительница уже за ними послала, сэр.

— Понимаю. — Он взглянул на Снейк, когда Брайан вышел. — Вы предполагаете, он откажется выполнить ваше требование?

— Любой может отказаться заплатить целителю, — сказала Снейк. — Мы носим оружие только для самозащиты и никогда никому не угрожаем. Но мы не приходим туда, где нам не рады.

— Вы хотите сказать, что бойкотируете любое место, которое вам не нравится.

Снейк пожала плечами.

— Рас здесь, сэр, — сказала, стоя в дверях, Брайан.

— Попроси его войти.

Снейк напряглась, пытаясь сдержать презрение и гнев. Высокий человек неловко вошел в комнату. Его влажные волосы были гладко зали-

заны назад. Он слегка поклонился мэру.

Позади Раса, приотстав, стояла Мелисса. Старый слуга ввел ее в комнату, но она так и не поднимала глаз.

— Все в порядке, девочка, — сказал мэр. — Ты здесь не для наказания.

— Едва ли это подходящий способ подбодрить кого бы то ни было! — огрызнулась Снейк.

— Целительница, сядьте, пожалуйста, — мягко сказал мэр. — Рас… — он кивнул на два стула.

Рас уселся, неприязненно посматривая на Снейк. Брайан подталкивал Мелиссу вперед, пока она не оказалась между Снейк и Расом. Она все так же упорно смотрела в пол.

— Рас — твой опекун, — сказал мэр. — Это так?

— Да, — прошептала она.

Рас протянул руку, опустил палец на плечо Мелиссы и толкнул ее слегка, но намеренно.

— Выказывай уважение, когда разговариваешь с мэром.

— Сэр, — дрожащим тихим голосом произнесла Мелисса.

— Мелисса, — сказала Снейк, — он попросил тебя прийти сюда, чтобы выяснить, что ты хочешь делать.

Рас развернулся на своем стуле:

— Что она хочет делать? Как это прикажете понимать?

— Целительница, — снова сказал мэр, в его голосе звучало чуть больше предосторожности, — пожалуйста. Рас, у меня большие трудности. И только ты, друг мой, можешь мне помочь.

— Я не понимаю.

— Целительница спасла мне жизнь, ты знаешь, и сейчас наступило время отплатить ей. Похоже, ты и твой ребенок испытывают привязанность друг к другу.

— Ну и что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я не стал бы просить тебя об этой жертве, если бы это не принесло пользу городу. А, как утверждает целительница, это как раз то, чего хочет девочка.

— Что именно она хочет?

— Твой ребенок…

— Мелисса, — сказала Снейк.

— Ее имя не Мелисса, — бросил Рас. — Оно не такое сейчас и никогда раньше таким не было.

— Тогда скажи мэру, как ты называешь ее!

— То, как я называю ее, более честно, чем тот туман, которым она окутывает себя. Она сама дала себе это имя.

— Тогда оно тем более ее.

— Пожалуйста, — сказал мэр. — Мы же говорим об опекунстве над девочкой, а не о ее имени.

— Об опекунстве? Так вот из-за чего сыр-бор? Вы хотите сказать, что я должен отказаться от нее?

— Это звучит грубовато, но зато… точно.

Рас поглядел на Мелиссу, которая стояла неподвижно, а потом на Снейк. Прежде чем повернуться к мэру, он скрыл на лице вспышку проницательности и триумфа, которую ясно видела Снейк.

— Отправить ее с незнакомым человеком? Я опекаю ее с трехлетнего возраста. Ее родители были моими друзьями. В каком другом месте она будет такой счастливой и где еще люди не будут глазеть на нее?

— Она несчастлива здесь, — сказала Снейк.

— Глазеть на нее? Почему?

— Подними голову, — сказал Рас Мелиссе. Когда она не послушалась, он снова подтолкнул ее, и она медленно посмотрела вверх.

Реакция мэра была более сдержанной, чем Габриэля, но он тоже вздрогнул. Мелисса уклонилась от его взгляда и опять уставилась в пол.

Волосы упали ей на лоб и почти закрыли лицо.

— Она обгорела во время пожара на конюшне, сэр, — сказал Рас. — Она чуть не умерла. Я вы-

ходил ее.

— Целительница, вы не передумаете?

— Какое это может иметь значение, если она хочет пойти со мной? В любое другое место, куда бы ни было.

— Ты хочешь пойти с ней, девочка? Рас был добр с тобой, не так ли? Почему ты хочешь уйти от нас?

Мелисса за спиной сжала руки в кулаки и ничего не ответила. Снейк хотела бы, чтобы она заговорила, но понимала, что этого не будет: она была слишком напугана и у нее на это были причины.

— Она всего лишь ребенок, — сказал мэр, — и не может принимать таких решений. Ответственность за нее ложится на меня, так же как опекунство над всеми детьми в Горной Стороне уже в течение двадцати лет.

— Тогда ты должен понимать, что я могу больше для нее сделать, чем любой из вас, — сказала Снейк. — Если она останется здесь, то проведет всю жизнь прячась в стойле. Позволь ей уйти со мной, и ей больше не придется прятаться.

— Ей всегда придется прятаться. Маленькая обожженная бедняжка…

— Ты убедил ее никогда не забывать об этом!

— Может, он и не совершал этот злой поступок, целительница, — мягко сказал мэр.

— Все, что видят твои люди, — красота! — закричала Снейк, зная заранее, что они не поймут, что она говорит.

— Я нужен ей, — сказал Рас. — Не правда ли, детка? Кто еще будет так о тебе заботиться, кроме меня? А ты хочешь уйти? — Он покачал головой. — Я не понимаю. Почему она хочет уйти? И почему ты хочешь ее?

— Отличный вопрос, целительница, — сказал мэр. — Для чего тебе этот ребенок? Люди могут сказать, что мы прекратили продавать наших красивых детей и выставляем на показ безобразных.

— Она не может провести всю жизнь скрываясь, — сказала Снейк. — Она одаренная девочка, умная и смелая. Я могу сделать для нее больше, чем любой из вас здесь. Я помогу ей приобрести профессию. Я помогу ей стать тем, кого не будут судить за его шрамы.

— Целительницей?

— Возможно, если она этого захочет.

— Ты говоришь так, словно хочешь удочерить ее.

— Да, конечно, а как же иначе?

Мэр повернулся к Расу.

— Я думаю, Горной Стороне очень повезет, если один из ее жителей станет целителем.

— Она не будет счастлива вдали от дома, — сазал Рас.

— Ты не хочешь, чтобы девочке было лучше? — Голос мэра смягчился, в нем появились льстивые нотки.

— А что, отослать ее подальше от дома — значит сделать для нее лучше? Ты бы отправил своего… — Рас, побледнев, оборвал себя.

Мэр откинулся на подушки:

— Нет, я бы не отправил прочь своего ребенка. Но, если бы он захотел уйти, я бы отпустил. — Он грустно улыбнулся Расу: — У нас с тобой схожие проблемы, друг мой. Спасибо, что напомнил мне. — Он закинул руки за голову и долгое время неотрывно взирал на потолок.

— Ты не можешь отослать ее прочь, — сказал Рас. — Это все равно что продать ее в рабство.

— Рас, друг мой, — мягко сказал мэр.

— Не пытайся доказать мне, что это разные вещи. Я лучше знаю, и любой это поймет.

— Но преимущества…

— Неужели ты и в самом деле веришь, что кто-то даст этому бедному маленькому созданию

шанс стать целительницей? Это безумная идея.

Мелисса исподтишка бросила быстрый взгляд на Снейк, но на ее лице не отразилось никаких эмоций, и она опять опустила глаза.

— Мне не нравится, когда меня зовут лгуньей, — сказала Снейк.

— Целительница, Рас не так выразился. Давайте все успокоимся. Мы слишком много говорим о настоящем положении дел, а не о его внешних проявлениях. А внешние проявления — вещь важная, им люди всегда придают значение. Мне надо принять это в расчет. Не думайте, что это легко. Еще один молодой смутьян — а может, и не такой уж молодой — вытеснит меня из моего дома, если я дам ему шанс. И не важно, что я здесь уже двадцать лет. Возможность закрепощения… — Он покачал головой.

Снейк наблюдала, как он склоняется к отказу, все дальше отходя от согласия. Рас точно знал, какие аргументы лучше всего на него подействуют, в то время как Снейк лишь убеждала, что ей надо довериться или, по крайней мере, позволить идти своим путем. Но возможный будущий интердикт целителей против Горной Стороны мог обернуться серьезной проблемой в будущем, тем более серьезной, что в последние годы визиты

целителей в город стали крайне редкими.

Если бы мэр рискнул принять ее ультиматум, Снейк не рискнула бы пускать его в ход. Она не хотела давать Расу возможность оставаться с Мелиссой еще на день, еще на час, Снейк и так подвергла ее большой опасности. И более того, она выказала антипатию к Расу, так что мэр может не поверить тому, что она говорила о конюхе. Даже если Мелисса обвинит его, доказательств у нее нет. Снейк в отчаянии пыталась найти другой способ, чтобы освободить Мелиссу, она надеялась, что уничтожила еще не все шансы, чтобы завоевать ее.

— Я отказываюсь от своей просьбы, — сказала она спокойно, как только могла.

Мелисса затаила дыхание, но не подняла глаз. Лицо мэра выразило облегчение, а Рас опять сел на стул.

— Но при одном условии, — сказала Снейк. — Она помедлила, чтобы лучше подобрать слова и произнести лишь то, что можно будет доказать.

— Но при одном условии. Когда Габриэль уедет, он двинется на север. Пусть Мелисса последует за ним в Срединную тропу. — Снейк ничего не сказала о планах Габриэля, это было его дело, и ничье больше. — Там живет прекрасная учитель-

ница для девочек, и она не откажет никому, если потребуется ее помощь.

Маленькое влажное пятнышко от слез расползлось на рубашке Мелиссы: она тихо роняла их на грубую ткань. Снейк заторопилась.

— Пусть Мелисса поедет с Габриэлем. Ее обучение займет больше времени, чем обычно, ведь она переросла возраст, когда начинают. Но это будет хорошо для ее здоровья и безопасности. Даже если Рас любит, — ее чуть не передернуло при этих словах, — слишком сильно любит ее, чтобы отдать ее целителям, то он не запретит ей поехать туда.

Обычно красноватое лицо Раса побледнело.

— Срединная тропа? — нахмурился мэр. — У нас здесь есть превосходные учителя. Зачем ей надо ехать в Срединную тропу?

— Я знаю, что ты ценишь красоту, — сказала Снейк, — но я думаю, ты также ценишь самообладание. Пусть Мелисса обучится ремеслу, даже если ей для этого придется куда-нибудь поехать, чтобы найти учителя.

— Ты хочешь сказать, что эта девочка никогда ничему не училась?

— Конечно, училась! — закричал Рас. — Это просто уловка, чтобы вырвать девчонку из-под

нашего покровительства. Ты думаешь, что можешь приезжать в новое место и менять все вокруг, как тебе заблагорассудится? — орал он на Снейк. — Ты, наверное, думаешь, что люди поверят всему, что ты и это неблагодарное отродье будете плести на меня? Все тебя боятся из-за твоих отвратительных рептилий, но только не я. Можешь посадить на меня одну из них, и я расплющу ее! — Он внезапно остановился и начал озираться кругом, словно забыл, где находится. Он не мог найти способ эффектно уйти со сцены.

— У тебя нет необходимости защищаться от змей, — сказала Снейк.

Не обращая внимания ни на Раса, ни на Снейк, мэр наклонился к Мелиссе.

— Скажи, девочка, ты ходила к учительнице?

Мелисса замялась, но наконец ответила:

— Я не знаю, что это такое.

— Никто бы не принял ее, — сказал Рас.

— Не будь смешным. Наши учителя не отказывают никому. Ты водил ее к хоть одной из них или нет?

Рас впился взглядом в свои колени и молчал.

— Это нетрудно проверить.

— Нет, сэр.

— Нет! Нет? — Мэр отбросил покрывала и встал,

пошатнувшись, но удержавшись на ногах. Он возвышался над Расом, высокий мужчина над другим великаном, два огромных красивых создания стояли друг против друга, и один из них становился серовато-бледным перед яростью другого.

— Почему нет?

— Ей не нужен учитель.

— Как ты можешь делать такие вещи! — Мэр так наклонился вперед, что Расу пришлось вдавиться в свой стул. — Как ты осмеливаешься подвергать ее опасности? Как ты можешь обрекать ее на невежество и неприкаянность?

— Она вне опасности! Ей не надо защищаться — разве кто-нибудь тронет ее?

— Ты трогаешь меня! — Мелисса бросилась к Снейк и прижалась к ней. Снейк крепко обняла девочку.

— Ты… — Мэр выпрямился и отступил. Бесшумно подошедший Брайан поддержал его, пока у него не подвернулась нога. — Что она имеет в виду, Рас? Почему она так напугана?

Рас покачал головой.

— Заставь его сказать! — закричала Мелисса, открыто глядя на всех. — Заставь его!

Мэр, прихрамывая, подошел к ней и неловко

нагнулся. Потом посмотрел Мелиссе прямо в лицо. Ни один из них не дрогнул.

— Я знаю, что ты боишься его, Мелисса. Но почему он так боится тебя?

— Потому что госпожа Снейк верит мне.

Мэр протяжно вздохнул.

— Ты хотела его?

— Нет, — прошептала она.

— Неблагодарное отродье! — завопил Рас. — Злобная уродина! Кто бы тронул тебя, кроме меня?

Мэр проигнорировал Раса и взял руку Мелиссы в обе свои:

— Отныне целительница — твой опекун. Ты можешь идти с ней.

— Спасибо. Спасибо вам, сэр.

Мэр поднялся на ноги.

— Брайан, разыщи для меня ее попечительские документы в городских записях… Садись, Рас… И, Брайан, мне понадобится гонец, чтобы съездил в город. К целителям.

— Ты рабовладелец, — прорычал Рас. — Значит, так ты крадешь детей. Люди будут…

— Заткнись, Рас. — Мэр выглядел обессиленным после короткого возбуждения, он был бледен. — Я не могу изгнать тебя. На мне ответ-

ственность — защищать людей. И детей. Твои трудности сейчас — и мои трудности, и их надо разрешить. Ты поговоришь с целителями?

— Не нужны мне никакие целители.

— Ты пойдешь добровольно или предпочтешь суд?

Рас съежился на своем стуле и наконец кивнул.

— Добровольно, — произнес он.

Снейк встала, обняв Мелиссу за плечи, а девочка обвила рукой ее талию, а голову слегка повернула так, что шрама почти не было видно. Они вместе пошли прочь.

— Спасибо тебе, целительница, — сказал мэр.

— До свидания, — ответила Снейк и закрыла дверь.

Она с Мелиссой прошли по гулкому коридору к другой башне.

— Я так испугалась, — сказала Мелисса.

— Я тоже. Еще бы немного, и я бы стала думать о том, как бы выкрасть тебя.

Мелисса посмотрела на нее:

— Ты бы правда так поступила?

— Да.

Мелисса немного помолчала.

— Прости меня, — сказала она.

— Простить! За что?

— Я должна была доверять тебе. А я не доверяла. Но с этой минуты буду. Я больше не буду бояться.

— Ты имела право бояться, Мелисса.

— А теперь я не боюсь. И не буду больше. Куда мы поедем? — В первый раз, с тех пор как ей предложили ехать на Бельчонке, голос Мелиссы приобрел уверенность и энтузиазм без примеси страха.

— Что ж, — сказала Снейк. — Я думаю, тебе надо поехать на север, на станцию целителей. Домой.

— А ты?

— Мне надо сделать еще одну вещь, прежде чем я смогу поехать домой. Не беспокойся, почти половину дороги ты сможешь проехать с Габриэлем. Я напишу письмо, которое ты повезешь, и дам тебе Бельчонка. Они будут знать, что я послала тебя.

— Я бы лучше поехала с тобой.

Снейк остановилась, понимая, насколько потрясена была Мелисса.

— Я тоже была бы рада, если бы ты поехала со мной, пожалуйста, поверь. Но мне придется поехать в Центр, и это может быть небезопасно.

— Я не боюсь никаких сумасшедших. Кроме того, если я поеду, мы сможем лучше следить

за всем.

Снейк забыла о сумасшедшем, напоминание резко кольнуло ее.

— Да, сумасшедший — это еще одна проблема. Но надвигаются бури, ведь почти зима. Я не знаю, успею ли вернуться из города до наступления бурь. — Было бы лучше для Мелиссы, если бы она была устроена на станции до возвращения Снейк, в случае если поездка в Центр окажется неудачной. Тогда, даже если Снейк придется уйти, Мелисса сможет остаться на станции.

— Меня не волнуют бури, — сказала Мелисса. — Я не боюсь.

— Я знаю, что ты не боишься. Просто нет причины подвергать тебя опасности.

Мелисса не ответила. Снейк наклонилась и повернула девочку лицом к себе:

— Ты думаешь, я стараюсь сейчас отделаться от тебя?

Через несколько мгновений Мелисса ответила:

— Я не знаю, что подумать, госпожа Снейк. Ты сказала, что, если я не буду жить здесь, я буду отвечать сама за себя и делать так, как сочту правильным. Но я не думаю, что будет правильно, если я оставлю тебя с сумасшедшим и бурями.

Снейк села на пятки.

— Я все сказала об этом. И тоже об этом подумала. — Она посмотрела на свои руки, все в шрамах, вздохнула и снова взглянула на Мелиссу. — Лучше я скажу тебе настоящую причину, почему я хочу, чтобы ты поехала домой. Мне надо было раньше тебе сказать.

— Что это? — Голос Мелиссы был сдержанный, но напряженный. Похоже, она была готова обидеться. Снейк взяла ее руку.

— У большинства целителей есть три змеи. У меня только две. Я допустила некую глупость, и третья была убита. — Она рассказала Мелиссе о сородичах Аревина, о Стэвине, о младшем отце Стэвина и о Травке.

— Змей-грез не так много, — сказала Снейк. — Трудно выводить их.

Обычно мы не заставляем их размножаться, просто ждем, когда они это сделают. Способ, как мы получаем змей, — нечто вроде того, как я создала Бельчонка.

— Специальным лекарством, — сказала Мелисса.

— Что-то вроде этого. — Чуждая природа змей-грез не поддавалась ни вирусным преобразованиям, ни микрохирургии. Земные вирусы не вступали во взаимодействие с химическими

веществами, которыми пользовались змеи-грезы вместо ДНК, и целителям не удавалось выделить что-нибуль сравнимое с вирусом из этих инозем-ных змей. Поэтому они не могли переносить гены для получения яда змей-грез в других пресмыка-ющихся, и ни одному целителю еще не удалось синтезировать всю сотню компонентов яда.

— Я создала Травку, — сказала Снейк, — и еще четыре змеи-грезы. Но больше я не могу их сделать. Мои руки недостаточно тверды, с ними тоже что-то случилось, как вчера с моим коленом. — Иногда она думала, а не является ли ее артрит явлением психологическим, а не физическим, реакцией на многочасовое сидение в лаборатории, аккуратное манипулирование приборами микропипеток и напряжение глаз, пытавшихся обнаружить каждую из бесчислен-ных нуклеидов в одной клетке змеи-грезы. Она была единственной целительницей, которой за несколько лет удалось трансплантировать генетический материал в неоплодотворенное яйцо. Ей пришлось подготовить несколько со-тен, чтобы довести до конца дело с Травкой и четырьмя его братьями, и даже тогда ее процент успеха был больше, чем у кого-нибудь еще, кому когда-либо удавалась подобная задача. Ни один

из целителей не мог обнаружить, что способствовало половому созреванию змей. Поэтому у целителей был небольшой запас замороженной незрелой яйцеклетки, по крохам собранный у погибших змей-грез, но никто не мог вывести их клонированием. А замороженный запас того, что, по всей вероятности, было спермой змей-грез, и слишком незрелых для оплодотворения яйцеклеток, смешиваемых в контрольной пробирке, тоже успеха не приносил.

Снейк верила, что ее успех был делом удачи в такой же степени, как делом техники. Если бы ее люди обладали технологией, необходимой для создания хотя бы одного электронного микроскопа, описанного в их книгах, она бы почувствовала уверенность, что они обнаружили бы независимые гены ядерных тел и молекул настолько маленьких, что их невозможно было бы увидеть, слишком крошечных, чтобы их можно было трансплантировать, пока микропипетка случайно не засосала бы их.

— Я отправляюсь в Центр, чтобы доставить послание и попросить тамошних людей помочь нам достать змей-грез. Но я боюсь, что они откажут. И если мне придется возвращаться домой хотя бы без одной змеи-грезы после того, как я

потеряла свою, я не знаю, что случится.

Несколько змей-грез, наверное, выведены искусственно, некоторых, может быть, клонировали, но, если это не так, мне могут не разрешить больше быть целительницей. Я не могу хорошо лечить людей без змеи-грезы.

— Если других нет, то они должны дать тебе одну из тех, что ты сама сотворила, — сказала Мелисса. — Это единственная правильная вещь.

— Да, но это не будет хорошо для более молодых целителей, которым я их дала, — сказала Снейк. — Мне придется пойти домой и сказать брату или сестре, что они не смогут быть целителями, до тех пор пока те змеи-грезы, что у нас есть, не смогут снова расплодиться. — Она протяжно вздохнула. — Я хочу, чтобы ты знала все это. Поэтому я хочу, чтобы ты пошла домой раньше меня и чтобы все смогли бы узнать тебя. Мне надо забрать тебя от Раса, но, если ты вернешься домой со мной, я не уверена, что так будет лучше.

— Снейк! — разозлилась Мелисса. — Неважно, что там будет, но быть с тобой для меня лучше, чем поехать в Горную Сторону. Меня не волнует, что случится. Даже если ты ударишь меня…

— Мелисса! — воскликнула Снейк, она была

так же потрясена, как и девочка.

Мелисса улыбнулась, правая сторона ее рта немного скривилась.

— Все будет в порядке, — сказала Мелисса. — Мне все равно, что случится на станции целителей. Я знаю, что бури опасны. И я видела тебя после того, как ты подралась с сумасшедшим, так что я понимаю, что он тоже опасен. Но я все равно хочу поехать с тобой. Пожалуйста, не заставляй меня поехать с кем-нибудь другим.

— Ты в этом уверена?

Мелисса кивнула.

— Хорошо, — сказала Снейк, улыбнувшись. — Я никогда никого не удочеряла. Теории на деле оказываются не такими, когда начинаешь применять их на практике. Мы поедем вместе. — По правде говоря, она ценила то доверие, которое Мелисса к ней испытывала.

Они рука об руку спустились в холл, размахивая руками, как дети.

Потом они завернули за последний угол, и вдруг Мелисса отшатнулась.

Возле двери Снейк, положив подбородок на колени, сидел Габриэль. Рядом с ним лежала сумка, привязываемая к седлу.

— Габриэль, — позвала Снейк.

Он взглянул на нее, не вздрогнув на этот раз при виде Мелиссы.

— Привет, — сказал он ей. — Прости меня.

Мелисса повернулась к Габриэлю так, что самая страшная часть шрама не была видна.

— Ничего, все в порядке, Я привыкла к этому.

— Я не совсем проснулся прошлой ночью… — Габриэль посмотрел на Снейк и замолк.

Мелисса поглядела на Снейк, которая сжала ее руку, на Габриэля, потом снова на Снейк.

— Я лучше пойду… подготовлю лошадей.

— Мелисса… — Снейк потянулась к ней, но она убежала. Снейк проследила, как она уходит, вздохнула и открыла дверь своей комнаты.

Габриэль встал.

— Прости меня, — снова сказал он.

— Это твоя уловка. — Она вошла, подняла свои седельные сумки и бросила их на кровать.

Габриэль вошел вслед за ней.

— Пожалуйста, не сердись на меня.

— Я не сержусь. — Она открыла клапан сумки. — Прошлой ночью я злилась на тебя, а теперь нет.

— Я рад. — Габриэль сел на кровать и стал наблюдать, как она укладывает вещи. — Я готов к отъезду. Но я хотел попрощаться с тобой и побла-

годарить тебя. И попросить прощения…

— Хватит об этом, — сказала Снейк.

— Хорошо.

Снейк положила чистую пустынную одежду в сумку.

— Почему я не еду с тобой? — Габриэль взволнованно подался вперед, положив локти на колени. — Должно быть, легче путешествовать с собеседником, чем одному.

— Я буду не одна. Со мной едет Мелисса.

— А… — в голосе его прозвучала обида.

— Я удочеряю ее, Габриэль. Горная Сторона — не место для нее, да, отныне и для тебя тоже. Я могу помочь ей, но для тебя ничего не смогу сделать — кроме того, чтобы поставить тебя в зависимость от меня. Я не хочу этого. Ты никогда не станешь сильным, если не обретешь свободу.

Снейк положила мешочек с зубным порошком, расческой, аспирином и мылом в седельную сумку, застегнула клапан и села. Она взяла мягкую сильную руку Габриэля в свою.

— Здесь тебе очень тяжело. Я могла бы облегчить тебе жизнь.

Но ни один способ не был верным.

Он поднял ее руку и поцеловал ее, сначала загорелую, покрытую шрамами тыльную часть,

потом ладонь.

— Видишь, как быстро ты учишься? — Она другой рукой погладила его красивые тонкие волосы.

— Увижу ли я тебя еще?

— Не знаю, — сказала Снейк. — Наверное, нет. — Она улыбнулась. — Тебе это не понадобится.

— Но я хотел бы, — расстроенно произнес он.

— Иди к людям, — сказала Снейк. — Возьми жизнь в свои руки и начни строить ее по своему желанию.

Он встал, наклонился и поцеловал ее. Поднявшись, она поцеловала его в ответ, нежнее, чем хотела. Ей хотелось бы, чтобы у них было больше времени и чтобы она встретила его в первый раз хотя бы год назад. Она провела пальцами по его спине и сжала его в объятиях.

— До свидания, Габриэль.

— До свидания, Снейк.

Дверь тихо закрылась за ним.

Снейк ненадолго выпустила Дымку и Песка из их ящика, чтобы они глотнули свободы перед долгим путешествием. Змеи обернулись вокруг ее ступней и икр, а Снейк посмотрела в окно.

Раздался стук в дверь.

— Минутку, — она позволила Дымке заползти ей на руки и обернуться вокруг плеч, а Песка взяла на руки. Скоро он вырастет и сможет легко оборачиваться вокруг ее талии.

— Теперь можете войти.

Брайан вошел, а потом отпрянул назад.

— Не волнуйтесь, — сказала Снейк. — Они спокойны.

Брайан больше не отходил, но внимательно следил за змеями. Головки их поворачивались в унисон при малейшем движении Снейк, язычки высовывались туда и обратно: кобра и гремучая змея рассматривали Брайана и принюхивались к его запаху.

— Я принес документы ребенка, — сказал Брайан. — Они теперь подтверждают ваше опекунство.

Снейк обернула Песка вокруг правой руки и взяла левой рукой документы. Брайан с опаской подал их ей. Снейк с любопытством посмотрела на них. Пергамент был твердый и сморщенный, тяжелый от восковых печатей. Похожая на паука подпись мэра была в одном углу, а подпись Раса, старательная, наклонная, — в другом.

— Рас может каким-нибудь образом оспорить это?

— Он мог бы, — сказал Брайан, — но, думаю, он не станет. Если он скажет, что его вынудили подписать, то ему придется рассказать, из-за чего его принудили. А потом ему придется… объяснять другие… причины. Я думаю, он предпочтет добровольно отступиться, чем подвергнуться насильному привлечению.

— Хорошо.

— Еще одно дело, целительница.

— Да?

Он вручил ей небольшой тяжелый мешочек. Там, внутри, тяжелым чистым звуком позвякивали золотые монеты. Снейк недоуменно посмотрела на Брайана.

— Ваш гонорар, — сказал он и предложил ей ручку, чтобы она расписалась в получении.

— Мэр все еще боится, что его обвинят в работорговле?

— Все может случиться, — ответил Брайан. — Лучше быть начеку.

Снейк внесла изменение в расписку: «Принято для моей дочери, в счет оплаты за ее работу с лошадьми», подписала и вернула Брайану.

Тот медленно прочитал ее.

— Я думаю, так будет лучше, — сказала Снейк. — Лучше для Мелиссы: раз ей платят, значит, она

наверняка не в крепостной зависимости.

— Это лучшее доказательство, что вы удочерили ее, — сказал Брайан. — Я думаю, это удовлетворит мэра.

Снейк опустила мешочек с монетами в карман и посадила Дымку и Песка в их отделения. Она пожала плечами:

— Хорошо. Это не имеет значения, пока Мелисса не уедет. — Внезапно она почувствовала себя подавленной и с удивлением подумала, смогла ли бы она так твердо и непреклонно настаивать на собственной воле и не расстраивала ли она жизни других людей, возможно для их же пользы? Она не сомневалась, что все сделала правильно для Мелиссы, по крайней мере, она освободила ее от Раса. А был ли лучше Габриэль, или мэр, или даже сам Рас…

Горная Сторона был богатым городом, большинство его людей казались счастливыми. Конечно, они были более довольны и спокойны за свою безопасность, чем двадцать лет назад, когда к власти пришел мэр. Но что хорошего принес он своим детям? Снейк была рада, что уезжает, и рада, что, плохо или хорошо, но Габриэль тоже покидает город.

— Целительница?

— Да, Брайан?

Он сзади быстро коснулся ее плеча и отошел:

— Спасибо вам.

Когда Снейк через мгновение повернулась, он уже бесшумно исчез.

Когда дверь ее комнаты тихо закрылась, Снейк услышала низкий грохот большой парадной двери, которая закрылась внизу, во дворе. Она снова выглянула в окно. Под окнами Габриэль взбирался на большую пегую лошадь. Он вглядывался в долину, потом медленно повернулся лицом к окнам комнаты отца и долго всматривался в них. Снейк не стала смотреть на противоположную башню, потому что она видела по молодому человеку, что отец его так и не появился. Плечи Габриэля опустились, потом напряглись, и он уже со спокойным лицом посмотрел на окна Снейк. Он заметил ее и улыбнулся грустной, самоосуждающей улыбкой. Она помахала ему рукой, он махнул в ответ.

Спустя несколько минут Снейк все еще следила, как пегая лошадь, вытянув свой длинный черно-белый хвост, исчезла из виду по уходящей на север тропе. Другие копыта застучали во дворе. Снейк вернулась мыслями к собственному путешествию. Сидевшая верхом на Бельчонке

Мелисса посмотрела вверх и помахала ей. Быструю она вела за собой. Снейк улыбнулась и кивнула ей, перебросила свои седельные сумки через плечо, подняла ящик со змеями и пошла вниз, чтобы присоединиться к дочери.

Глава 9

В лицо Аревина дул свежий прохладный ветер. Он был признателен горному климату, свободному от пыли, жары и вездесущего песка. Он постоял на перепутье возле своей лошади и оглядел места, где выросла Снейк. Земля была яркая и пронзительно-зеленая, он видел и слышал, как свободно стекают огромные массы воды. Внизу, в самой середине долины, извивалась река, и слышно было, как ударяются о замшелые скалы увлекаемые весенним потоком камни. Аревин еще больше зауважал Снейк.

Ее люди не кочевали: они круглый год жили здесь. Наверное, ей почти не приходилось бывать в местностях с резким климатом, как в пустыне.

Здесь невозможно было подготовиться к черному пустынному песку. Аревин сам не был готов к суровым условиям центральной пустыни. Карты его устарели, ни один из ныне живущих членов клана никогда не пользовался ими. Но они благополучно довели его до противоположного края пустыни, ибо он придерживался линии надежных оазисов. Стояла поздняя осень, и ему никто

не попался на пути, у кого он мог бы справиться о том, как лучше проехать или узнать что-нибудь о Снейк.

Он взгромоздился на лошадь и поехал вниз, по следам, ведущим в долину целителей.

Еще до того как наткнуться на жилища, он добрался до небольшого садика. Это был необычный сад: шишковатые, с наростами деревья, стоявшие дальше от дороги, достигли предела своего роста, в то время как ближайшие были просто побегами, будто в течение многих лет высаживали по одному деревцу в год. В тени отдыхал юноша лет четырнадцати-пятнадцати, он уплетал какой-то фрукт. Когда Аревин остановился, юноша посмотрел на него, поднялся и пошел к нему навстречу. Аревин подстегнул лошадь по заросшему травой лугу. Они встретились в ряду деревьев, которым, похоже, было лет пять-шесть.

— Эй, — сказал молодой человек. Он вытащил еще один фрукт и протянул Аревину. — Хочешь грушу? Персики и вишня уже сошли, а апельсины еще не совсем поспели.

Аревин увидел, что на каждом дереве росли различные по форме плоды, хотя листья были одной формы. Он нерешительно протянул руку за грушей, думая про себя, не была ли отравлена

земля, на которой росли эти деревья.

— Не беспокойся, — произнес юноша, — она не радиоактивна. Здесь вокруг нет никаких кратеров.

При этих словах Аревин отдернул руку. Он не сказал ни слова, а юноша, казалось, понял, о чем он думает.

— Я сам создал это дерево. Я никогда не работаю с горячими генами-мутаторами.

Аревин понятия не имел, о чем говорит этот мальчик, кроме того, что он, казалось, убеждает его, что плод безопасен. Он хотел бы так же хорошо понимать юношу, как тот его. Не желая быть невежливым, он взял грушу.

— Спасибо. — Поскольку юноша с надеждой и выжидающе посматривал на него, Аревин откусил кусочек. Плод был сладкий и в то же время терпкий — и очень сочный. Он откусил еще. — Очень вкусно. Я никогда не видел растений, на котором росли бы четыре разных плода.

— Это первый проект, — сказал мальчик, показав рукой на более взрослые деревья. — Мы все этим занимаемся. Это довольно примитивно, но зато традиционно.

— Понимаю, — ответил Аревин.

— Меня зовут Тэд.

— Я счастлив с тобой познакомиться, — произнес Аревин. — Я разыскиваю Снейк.

— Снейк! — нахмурился Тэд. — Боюсь, что ты напрасно так долго сюда ехал. Ее здесь нет. И она не должна вернуться еще в течение нескольких месяцев.

— Но я не мог разминуться с ней.

Приятное, участливое лицо Тэда выразило обеспокоенность:

— Ты хочешь сказать, она уже возвращается домой? Что случилось? С ней все в порядке?

— Она была здорова, когда я видел ее в последний раз, — ответил Аревин. Она наверняка должна была бы добраться до дома гораздо раньше него, если бы ничего не произошло. Его захлестнули мысли о несчастных случаях, от которых Снейк не была защищена, не то что от укусов гадюки.

— Эй, что с тобой? Ты в порядке?

Рядом с ним стоял Тэд, поддерживая его под локоть.

— Да, — слабым голосом произнес Аревин.

— Тебе плохо? Я еще не закончил обучение, но кто-нибудь из целителей может тебе помочь.

— Нет, нет, я не болен. Но я не понимаю, как я добрался сюда раньше, чем она.

— Но почему она так рано возвращается домой?

Аревин уставился на настойчивого молодого человека: он был сейчас так же обеспокоен, как сам Аревин.

— Не думаю, что должен рассказывать о ней, она это сделает сама, — сказал Аревин. — Мне, наверное, лучше бы поговорить с ее родителями. Ты мне покажешь, где они живут?

— Показал бы, если бы мог, — ответил Тэд. — Но только у нее никого нет. А я не подойду? Я — ее брат.

— Прости, что огорчил тебя. Я не знал, что твоих родителей нет в живых.

— Но они не мертвы, хотя, может быть… Я не знаю. Я хочу сказать, я не знаю, кто они. И не знаю, кем были родители Снейк.

Аревин казался совершенно смущенным. У него никогда не возникало трудностей в понимании того, что ему говорила Снейк. Но он не мог сообразить и половины того, что поведал ему в несколько минут этот юноша.

— Если ты не знаешь, кто твои родители и кто родители Снейк, как же ты можешь быть ее братом?

Тэд недоуменно посмотрел на него:

— Наверное, ты и по правде немного знаешь о целителях?

— Нет, — сказал Аревин, чувствуя, что разговор принимает необъяснимый поворот. — Не знаю. Мы, конечно, слышали о вас, но Снейк была единственным целителем, кто посетил наш клан.

— Я спрашиваю потому, — сказал Тэд, — что большинство людей знают, что мы — приемные дети. У нас точно нет семей. Мы все — одна семья.

— И тем не менее ты сказал, что ты — ее брат, будто у нее нет другого. — Кроме голубых глаз, которые были совершенно другой формы, Тэд ничем не напоминал Снейк.

— Мы так думаем друг про друга. У меня было много неприятностей в детстве, и она всегда за меня заступалась.

— Понятно. — Аревин спешился и подтянул уздечку, переваривая то, что ему сказал мальчик. — Значит, ты не кровный родственник Снейк, — сказал он, — но испытываешь к ней особое отношение. Это так?

— Да. — Доброжелательное отношение Тэда испарилось.

— Если я скажу тебе, зачем приехал, ты мне посоветуешь что-нибудь, думая в первую очередь

о Снейк, даже если тебе придется пойти против собственных привычек?

Аревин был рад, что юноша колеблется, потому что не мог зависеть от его импульсивного или эмоционального ответа.

— На самом деле что-то произошло?

— Да, — ответил Аревин. — И она во всем винит себя.

— А у тебя с ней тоже особые отношения?

— Да.

— А у нее с тобой?

— Думаю, тоже.

— Я всегда на ее стороне, — сказал Тэд.

Аревин расстегнул пряжку уздечки и стянул ее, и его лошадь смогла пастись. Он сел под фруктовое дерево Тэда, а парнишка опустился рядом.

— Я приехал с другого края западной пустыни, — произнес Аревин. — У нас нет хороших змей, только песчаные гадюки, укус которых означает смерть…

Аревин рассказал о себе и подождал, что ответит Тэд, но молодой целитель долго рассматривал свои покрытые шрамами руки.

— Значит, ее змея-греза убита, — наконец сказал он.

Голос Тэда, потрясенный, безнадежный, прон-

зил холодом Аревина почти до глубины его властной рассудочной души.

— Это случилось не по ее вине, — снова сказал Аревин, хотя он таким образом лишь подчеркивал этот факт. Тэд уже знал о страхе клана перед змеями и даже об ужасной смерти сестры Аревина. Но Аревин вполне ясно видел, что Тэд этого не понимает.

Мальчик взглянул на него.

— Не знаю, что тебе сказать, — произнес он. — Это просто ужасно. — Он помедлил, огляделся вокруг и потер лоб ребром ладони. — Думаю, нам лучше поговорить с Сильвер. Она была одним из учителей Снейк, а сейчас она — самая старшая.

Аревин заколебался:

— А это разумно? Извини меня, но если ты, друг Снейк, не можешь понять, как это все произошло, смогут ли понять другие целители?

— Я понимаю, что произошло!

— Ты знаешь, что произошло, но не понимаешь, что именно, — сказал Аревин. — Не хочу тебя обидеть, но боюсь, что то, что я сказал, — правда.

— Не имеет значения, — ответил Тэд. — Я все равно хочу ей помочь. Сильвер придумает, что можно сделать.

Изысканная долина, в которой жили целите-

ли, сочетала в себе места с совершенно дикой природой и законченной цивилизацией. То, что показалось Аревину девственным лесом, древним и неизменным, простиралось насколько хватало взора и начиналось у северного склона долины.

И тут же, внизу, в бесчисленных старых деревьях весело вертелся целый строй ветряных мельниц. Лес деревьев и лес ветряных мельниц прекрасно гармонировали друг с другом.

Станция была безмятежным местечком, этаким маленьким городком из добротно построенных деревянных и каменных домов. Люди приветствовали Тэда или махали ему рукой, кивали Аревину. Ветерок доносил легкие крики играющих детей. Тэд оставил лошадь Аревина пастись, а гостя повел к дому несколько большему, чем остальные, который как-то отличался от основной массы. К своему удивлению, Аревин заметил, что стены внутри дома были не деревянные, а из гладкого белого глазированного керамического кафеля. И даже там, где не было окон, освещение было яркое, словно дневное, — не жуткое голубоватое свечение биолюминесцентных ламп и не мягкий желтый свет газовых горелок. В доме преобладало чувство какой-то деловитости, в от-

личие от спокойной атмосферы самого городка.

Сквозь полуоткрытые двери Аревин увидел несколько молодых людей, еще моложе Тэда. Они склонились над какими-то сложными инструментами, полностью поглощенные работой.

Тэд показал рукой на студентов:

— Это лаборанты. Мы шлифуем линзы для микроскопов прямо здесь, на станции. И делаем также изделия из стекла.

Почти все люди, которых Аревин здесь видел, и — теперь это пришло ему в голову — большинство людей поселка были либо очень молодыми, либо в возрасте. Молодые, подумал он, обучались, а пожилые учили.

Снейк и остальные использовали свои знания на практике.

Тэд прошел лестничный марш, спустился в застланный ковром холл и тихо постучал в дверь. Они подождали несколько минут, и, похоже, для Тэда это было в порядке вещей, поскольку он не проявлял нетерпения. Наконец приятный, довольно высокий поставленный голос пригласил:

— Войдите.

Комната оказалась не столь пустой и строгой, как лаборатории. Она была отделана деревянными панелями, с большим окном, из которого

виднелись ветряные мельницы. Аревин слышал о книгах, но никогда не видел их. Здесь же две стены, разлинованные полками, были заполнены книгами.

Старая целительница, сидевшая в кресле-качалке, держала на коленях книгу.

— Тэд! — кивнув, произнесла она доброжелательным, но в то же время вопросительным тоном.

— Сильвер! — Он подтолкнул вперед Аревина. — Это друг Снейк. Он проделал большой путь, чтобы поговорить с нами.

— Садитесь. — Голос ее и руки слегка дрожали. Она была очень старая, с опухшими искривленными суставами. Кожа ее была гладкой, мягкой и прозрачной, щеки и лоб прорезали глубокие морщины. Глаза у нее были голубые.

Следуя указанию Тэда, Аревин уселся на стул. Ему было неудобно: он привык сидеть на земле, скрестив ноги.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты друг Снейк? Или просто ее учитель? — спросил Аревин.

Он подумал, что она может засмеяться, но она мрачно поглядела на него.

— Друг.

— Сильвер назначила ее на должность за ее имя, — сказал Тэд. — Ты что, думал, что я хотел, чтобы ты поговорил с кем попало?

И все же Аревин раздумывал, может ли он рассказать все этой доброй старой женщине, ибо он слишком отчетливо помнил слова Снейк: «Мои учителя редко дают такое имя, как мое, они будут разочарованы».

Наверное, разочарование Сильвер будет достаточно сильным, чтобы изгнать Снейк из ее племени.

— Скажи мне, что случилось, — сказала Сильвер. — Снейк — мой друг, и я люблю ее. Тебе не надо бояться меня.

Аревин рассказал все уже во второй раз за день, внимательно наблюдая за лицом Сильвер. Выражение ее лица не изменялось. Конечно, благодаря всему ее жизненному опыту она лучше могла понять то, что произошло, чем молодой Тэд.

— А, — произнесла она, — Снейк пошла через пустыню. — Она покачала головой. — Мое храброе порывистое дитя.

— Сильвер, — сказал Тэд, — что мы можем сделать?

— Не знаю, дорогой. — Она вздохнула. — Я бы хотела, чтобы Снейк вернулась домой.

— Маленькие змейки, верно, погибли, — сказал Аревин. — А другие наверняка потерялись во время несчастных случаев. Что же делать?

— Они живут долго, — отозвался Тэд. — Иногда дольше, чем их целители. Они так хорошо не следят за собой.

— Каждый год мы обучаем лишь несколько человек, потому что у нас мало змей-грез, — произнесла Сильвер своим мягким голосом.

— Снейк — превосходный целитель, и это дает ей право на другую змею-грезу, — сказал Аревин.

— Нельзя дать то, чего не имеешь, — отозвалась Сильвер.

— Она думала, что могла родиться такая змейка.

— Лишь несколько когда-либо выводились, — печально сказала старуха.

Тэд отвел взгляд в сторону:

— Один из нас должен принять решение не завершать своего обучения…

— Тэд, — сказала Сильвер, — у нас сейчас нет достаточно змей-грез на всех. Ты что же, думаешь, Снейк попросит тебя вернуть змею-грезу, которую она отдала тебе?

Тэд пожал плечами, все еще не глядя ни на Сильвер, ни на Аревина:

— Ей не пришлось бы просить. Я бы сам ей отдал.

— Мы не можем решить без Снейк, — сказала Сильвер. — Она должна вернуться домой.

Аревин посмотрел вниз, на свои руки, понимая, что не будет легкого решения этой дилеммы, равно как и простого объяснения случившемуся, нелегко будет и простить Снейк.

— Вы не должны наказывать ее за ошибку моего клана, — снова сказал он.

Сильвер покачала головой:

— Дело не в наказании. Она не сможет быть целителем без змеи-грезы. А у меня нет ни одной, чтобы дать ей.

Они молча сидели вместе. Через несколько минут Аревин подумал, не заснула ли Сильвер. Он вздрогнул, когда она заговорила, не отводя взора от окна.

— Ты продолжишь искать ее?

— Да, — не раздумывая ответил он.

— Когда ты найдешь ее, пожалуйста, скажи, чтобы она возвращалась домой. С ней встретится совет.

Тэд поднялся, и с глубоким чувством огорчения и неудачи Аревин понял, что их больше не задерживают.

Они снова вышли наружу, оставив позади рабочие кабинеты и странные машины, их странный свет, чудной запах. Солнце садилось, объединяя длинные тени и превращая их в ночную тьму.

— Где я буду искать? — вдруг спросил Аревин.

— Что?

— Я приехал сюда, потому что думал, что Снейк возвращается домой. А теперь я не знаю, где она может быть. Уже почти зима… Если начнутся бури…

— Она лучше знает, когда надо выбираться из пустыни зимой, — сказал Тэд. — Нет, я думаю, случилось то, что кому-то потребовалась помощь и ей пришлось свернуть с пути домой. Может, ее больной был в центральных горах. Она может быть где-нибудь к югу отсюда, в Срединной тропе, или в Новом Тибете, или в Горной Стороне.

— Хорошо, — сказал Аревин, благодарный за малейшую возможность найти Снейк. — Я отправлюсь на юг. — Но при этом он думал: не говорит ли в Тэде бескомпромиссная самоуверенность молодости?

Тэд отворил входную дверь длинного низкого дома. Внутри комнаты выходили в центральную гостиную. Тэд бросился на глубокий диван. Отбросив изысканные манеры, Аревин уселся на пол.

— Скоро будет обед, — сказал Тэд. — Соседняя с моей комната сейчас свободна, можешь располагать ею.

— Мне, наверное, лучше продолжить свой путь, — сказал Аревин.

— Сегодня? Безумие — скакать здесь ночью. Утром мы найдем тебя на дне ущелья. По крайней мере, останься до утра.

— Ну, раз ты советуешь. — По правде говоря, ему страшно хотелось спать. Он прошел за Тэдом в смежную комнату.

— Я принесу твой узел, — сказал Тэд. — А ты отдохни. Похоже, ты нуждаешься в отдыхе.

Аревин медленно сел на край кровати.

Тэд в дверях обернулся:

— Слушай, я хотел бы помочь. Что бы я мог сделать для тебя?

— Ничего, — ответил Аревин. — Спасибо. Мне очень удобно.

— Ладно, — пожал плечами Тэд.

Черно-песчаная пустыня, ровная и безлюдная, простиралась далеко к горизонту, не помеченная ни единым признаком того, что по ней когда-либо кто-нибудь проходил. Волны жара поднимались, как дымок. Сильного ветра еще не было, но все знаки и развалины дороги торговцев были уже

уничтожены: стерты или сокрыты под изменчивым бризом, который предшествовал зиме. На пересечении восточной гряды центральной горы Снейк и Мелисса вглядывались в пока что невидимую цель их путешествия. Они спешились, чтобы дать отдохнуть лошадям. Мелисса поправила ремни нового седла Бельчонка, потом поглядела назад, на путь, который они проехали, вниз, в высокогорную долину, что была ей домом. Город цеплялся за крутой склон горы, возвышавшейся над плодородной землей долины. Окна и панели из черного стекла сверкали под полуденным солнцем.

— Я никогда раньше не была так далеко от дома, — с удивлением произнесла Мелисса. — Никогда за всю мою жизнь. — Она отвернулась от долины, к Снейк. — Спасибо тебе, Снейк.

— Добро пожаловать, Мелисса.

Мелисса опустила глаза. Ее правая, неповрежденная щека стала багровой под загаром.

— Мне надо сказать тебе кое-что об этом.

— О чем?

— О моем имени. Это правда — то, что сказал Рас, это действительно не…

— Не бери в голову. Насколько я знаю, твое имя Мелисса. У меня тоже было другое имя в детстве.

— Но тебе дали твое имя. Это честь. Ты же не просто взяла его так, как я.

Они снова сели на лошадей и поехали по хорошо утоптанным следам.

— Но я могла бы отклонить имя, которое они мне предложили, — сказала Снейк. — Если бы я это сделала, я бы приняла свое взрослое имя, как это делают остальные целители.

— Ты могла бы отклонить его?

— Да.

— Но они ведь не дают его почти никому! Я так слышала.

— Это правда.

— А кто-нибудь когда-нибудь говорил, что он не хочет это имя?

— Насколько я знаю, нет. Хотя я только четвертая, так что не так уж много людей имели такую возможность. Иногда я хотела бы, чтобы я не принимала его.

— Но почему?

— Из-за ответственности. — Рука ее покоилась на уголке ящика для змей. Со времени нападения сумасшедшего она все чаще стала дотрагиваться до него. Она убрала руку с гладкой кожи ящика. Целителям следовало бы либо умирать совсем молодыми, либо жить до глубокой старости. Не-

посредственному предшественнику Снейк было всего сорок три, когда он умер, но двое других пережили целый век. У Снейк был огромный опыт, как продлевать жизнь, и в то же время она потерпела неудачу.

След вел вниз сквозь вечные деревья, с коричневыми сучковатыми стволами и темными вершинами. Легенды говорили, что эти деревья никогда не дают семян и никогда не умирают. Их смола наполняла воздух острым сосновым запахом.

— Снейк… — сказала Мелисса.

— Да?

— Ты… Ты моя мать?

Откинувшись назад, Снейк немного поколебалась. Ее народ не образовывал семейные группы, как другие. Сама она никогда никого не называла «матерью» или «отцом», хотя остальные целители находились с ней в таком родстве. А голос Мелиссы был такой тоскующий…

— Отныне все целители — твоя семья, — сказала Снейк, — но я удочерила тебя, и поэтому думаю, что теперь я твоя мать.

— Я рада.

— Я тоже.

Ниже узкой полоски сучковатого леса почти

ничего не росло на склонах горы, кроме лишайника, и несмотря на то, что высота была еще значительна, а тропинка крута, Снейк и Мелисса могли бы уже оказаться у подножия, в пустыне. Здесь, вне деревьев, жара и сухость воздуха все возрастали. Когда они наконец добрались до песка, они остановились на минуту, чтобы переодеться: Снейк — в платье, что ей дали люди Аревина, а Мелисса — в пустынную одежду, которую ей купили в Горной Стороне.

За весь день они никого не встретили. Время от времени Снейк оборачивалась и смотрела через плечо и держалась на стреме, когда лошади проходили через дюны, где кто-нибудь мог спрятаться, а потом неожиданно напасть на ничего не подозревающего прохожего. Но не было никаких следов сумасшедшего. Снейк недоумевала, не были ли те два нападения совпадением и не приснились ли ей другие шорохи и шум вокруг ее лагеря. Но если сумасшедший был сумасшедшим, вероятно, он отложил свою вендетту из-за каких-то непреодолимых соображений.

Но она не убедила себя.

К вечеру горы остались далеко позади них, образуя крутую стену. Копыта лошадей скрипели по песку, но стоявшая вокруг тишина была совер-

шенная и неземная. Спускалась темнота: Снейк и Мелисса ехали и разговаривали. Тяжелые тучи скрыли луну, постоянный свет фонаря Снейк, сейчас гораздо более яркий, давал им возможность лишь продолжить путь.

Фонарь висел у седла и качался в такт ходу Быстрой. Черный песок отражал свет, как вода. Бельчонок и Быстрая шли рядом друг с другом.

Постепенно Мелисса и Снейк стали говорить все тише и тише и в конце концов совсем замолкли.

Компас Снейк, почти невидимая луна, движение ветра, форма песчаных дюн — все помогало им продвигаться в правильном направлении. Но Снейк не могла отбросить навязчивый дикий страх, что она путешествует по кругу. Повернувшись в седле, Снейк несколько минут наблюдала за их невидимым следом, но никакого света позади них не было. Они были одни, вокруг них — лишь тьма. Снейк откинулась в седле.

— Как страшно, — прошептала Мелисса.

— Знаю. Я хотела бы, чтобы мы путешествовали днем.

— Может, пойдет дождь.

— Это будет хорошо.

На пустыню обрушивался дождь только раз

в год или два, но, когда он приходил, это было обычно как раз перед зимой. Тогда спящие зерна взрывались и пускались в рост и размножение, а состоявшая из острых песчинок пустыня смягчалась от зелени и разноцветья. Но за три дня нежные растения сморщивались в коричневые шнурки и умирали, оставляя в надежных твердых коробочках свои семена, чтобы возродиться через год, два или три, пока дождь не возродит их к жизни. Но в эту ночь воздух был сухой и тихий и не было ни малейшего намека на какие-нибудь перемены.

Вдалеке замерцали огни. Дремавшая Снейк резко проснулась от сна, в котором ее преследовал сумасшедший: она видела его фонарь все ближе и ближе. До сих пор она еще не поняла, насколько была права, когда думала, что кто-то все еще преследует ее, он здесь, поблизости, подогреваемый своими несуразными мотивами.

Но свет был не от ручного фонаря — он был постоянный, упорный и горел впереди. Слабый ветерок принес звук сухих листьев: они были недалеко от первого оазиса на пути к Центру.

Это был еще не рассвет. Снейк протянула руку и погладила шею Быстрой.

— Уже недалеко, — сказала она.

— Что? — Мелисса тоже проснулась. — Где…

— Все в порядке, — сказала Снейк. — Мы можем скоро остановиться.

— О, — Мелисса, мигая, озиралась вокруг, — я забыла, где я.

Они добрались до летних деревьев, окружавших оазис. Фонарь Снейк освещал упавшие и засыпанные песком листья. Снейк не видела ни одной палатки и не различала ни единого звука людей или животных. Все караванщики в это время скрываются в безопасных горах.

— Где этот свет?

— Не знаю, — ответила Снейк. Она посмотрела на Мелиссу: голос ее звучал странно, его приглушал край ее головного покрывала, натянутого на лицо. Когда никто не появился, она позволила накидке упасть, словно не отдавая себе отчета, что прячет себя.

Снейк развернула Быструю, беспокоясь о свете.

— Смотри! — воскликнула Мелисса.

Тело Быстрой перерезал луч фонаря в одном направлении, и там, в темноте, поднялась полоска света. Подойдя ближе, Снейк рассмотрела, что это мертвое летнее дерево, которое стояло слишком близко к воде и начало гнить, вместо того чтобы засохнуть. Потоки света пронзали его хрупкие

ветви, превращая его в светящийся сигнал. Снейк тихо, с облегчением вздохнула.

Они поехали дальше, объезжая вокруг тихое черное озеро, пока не нашли место, где деревья были достаточно густые, чтобы служить навесом.

Пока Снейк останавливала лошадь, Мелисса соскочила и принялась расседлывать Бельчонка. Снейк спустилась вниз медленнее, ибо, несмотря на постоянный климат пустыни, колено ее закоченело из-за долгой езды. Мелисса потерла Бельчонка скрученными листьями, еле слышно разговаривая с ним. Вскоре все они — и лошади, и люди — улеглись спать, чтобы дождаться следующего дня.

Снейк босиком прошла к воде, потягиваясь и зевая. Она хорошо поспала весь день, а теперь хотела поплавать перед тем, как снова пуститься в путь. Было еще слишком рано, чтобы покидать навес из густых летних деревьев. В надежде разыскать несколько спелых плодов, еще сохранившихся на ветвях, она озиралась по сторонам и смотрела вверх, но урожай жителей пустыни оказался давно собран.

Всего лишь несколько дней назад, по другую сторону гор, листва оазисов была сочной и

мягкой: а здесь, сейчас листья были сухие, увядающие. Они шелестели под ногами. Хрупкие листья папоротника рассыпались в ее руках.

Она остановилась там, где начинался берег. Черная полоска была всего несколько метров шириной, полукружье песка вокруг крошечной лагуны, что отражала висевшие над ней кружева ветвей. В уединенном месте Мелисса, полуобнаженная, наклонилась к песку. Она вынырнула из воды и молча уставилась вниз. Следы побоев Раса почти разгладились, а спину ее огонь оставил без своих отметин. Кожа девочки была прекраснее, чем могла предположить Снейк, из-за ее сильно загорелых рук и лица. Под взглядом Снейк Мелисса медленно вытянулась и коснулась поверхности темной воды. От ее пальцев разбежались круги.

Мелисса зачарованно наблюдала, как Снейк дала Дымке и Песку выползти из ящика. Дымка заскользила вокруг ноги Снейк, пробуя на вкус запахи оазиса. Снейк нежно подняла ее. Гладкая белая чешуя приятно холодила ее руки.

— Я хочу, чтобы она понюхала тебя, — сказала Снейк. — Ее инстинктивная реакция — бросаться на все, что обескураживает ее. Если она узнает твой запах, так будет безопаснее. Хорошо?

Мелисса медленно кивнула, явно напуганная:

— Она очень ядовита, не так ли? Больше, чем остальные?

— Да. Как только мы доберемся домой, я привью тебе иммунитет, но я не хочу начинать делать это здесь. Мне надо проверить тебя, а у меня нет с собой подходящих для этого вещей.

— Ты хочешь сказать, что можешь устроить так, что если она укусит меня, то ничего не произойдет?

— Ну не совсем ничего. Но она несколько раз по ошибке кусала меня, а я все еще жива.

— Думаю, пусть лучше она понюхает меня, — сказала Мелисса.

Снейк присела возле нее:

— Я знаю, что ее трудно не бояться. Но дыши глубоко и постарайся расслабиться. Закрой глаза и просто слушай мой голос.

— Лошади тоже понимают, когда ты их боишься, — сказала Мелисса и сделала так, как ей велела Снейк.

Кобра пробежала раздвоенным, как вилка, язычком по рукам Мелиссы, а та сидела смирно и тихо. Снейк вспомнила, когда она впервые увидела кобр-альбиносов: ужасная, возбуждающая минута, когда масса змей, скрученная в беско-

нечный узел, почувствовала ее шаги и, шипя, одновременно подняла свои головки. Они шипели, как многоголовое чудовище или чужеземное растение в сильном, резком своем цветении.

Снейк придерживала Дымку, пока кобра скользила по рукам Мелиссы.

— Она приятна на ощупь, — сказала Мелисса. Голос ее был нетвердый, немного испуганный, но тон был искренним.

Мелисса раньше видела гремучих змей: опасность, исходящая от них, была известна и поэтому не столь пугающа. Песок прополз сквозь ее пальцы, и она нежно шлепнула его. Снейк была довольна: способности ее дочери не ограничивались одними лошадьми.

— Надеюсь, ты подружишься с Дымкой и Песком, — сказала она. — Это важно для целителя.

Мелисса озадаченно посмотрела на нее.

— Но ты же не имела в виду… — Она остановилась.

— Что?

Мелисса глубоко вздохнула.

— То, что ты сказала мэру… — нерешительно произнесла она. — О том, что я могу делать. Ты же по правде не имела это в виду. Тебе пришлось так сказать, чтобы он позволил мне уйти.

— Я имела в виду все, о чем говорила.

— Но я не смогу стать целителем.

— Почему не сможешь? — Мелисса не отвечала, и Снейк продолжила: — Я говорила тебе, что целители усыновляют детей, потому что сами мы не можем иметь своих собственных. Позволь мне рассказать тебе еще кое-что о нас. Многие целители имеют партнеров, у которых разные профессии. И не все наши дети становятся целителями. Мы не закрытое общество. Но когда мы выбираем, кого нам усыновить, мы, как правило, выбираем того, кто смог бы стать одним из нас.

— Меня?

— Да. Если ты хочешь. Это очень важно. Делать то, что ты хочешь. А не то, что, как ты думаешь, кто-то хочет или ожидает, чтобы ты делала.

— Целитель… — произнесла Мелисса.

Удивление, прозвучавшее в голосе ее дочери, дало Снейк еще одну вескую причину заставить горожан помочь ей найти больше змей-грез.

В следующую ночь Снейк и Мелисса много ехали верхом. Оазиса не было, и утром Снейк не остановилась до рассвета, хотя было слишком жарко путешествовать. Ее заливал пот. Колючие потоки струились по ее спине и бокам. Они скользили с ее лица и, засыхая, превращались

в соленые песчинки. Попона Быстрой потемнела от потоков пота, струившихся по ее ногам. С каждым шагом разлетались капли с ее щеток над копытами.

— Госпожа…

Официальность обращения озадачила Снейк, и она озабоченно взглянула на Мелиссу.

— Мелисса, в чем дело?

— Когда мы остановимся?

— Не знаю. Нам надо двигаться вперед столько, сколько мы сможем. — Она показала на небо: там низко и угрожающе зависли облака. — Так они выглядят перед бурей.

— Я знаю. Но мы не можем больше идти. Бельчонку и Быстрой нужен отдых. Ты говорила, что Город посредине пустыни. Что ж, раз уж мы сюда попадем, нам надо будет отсюда выбраться, и лошадям придется везти нас.

Снейк откинулась в своем седле:

— Нам надо продолжать. Останавливаться слишком опасно.

— Снейк… Снейк, ты знаешь про людей, бури, врачевание, пустыни и города, а я нет. Но я знаю про лошадей. Если мы остановимся и дадим им передохнуть несколько часов, они смогут далеко увезти нас сегодня же. Если заставлять их идти,

то к темноте нам придется оставить их позади.

— Хорошо, — наконец согласилась Снейк. — Мы остановимся возле тех скал. По крайней мере, там есть тень.

Дома, на станции целителей, Снейк из месяца в месяц не задумывалась о Городе. Но в пустыне и в горах, где зимовали караванщики, жизнь кипела вокруг него. Снейк начала ощущать, что ее жизнь слишком зависела от Города, пока наконец на рассвете, спустя третью ночь, высокая усеченная гора, защищавшая Центр, не предстала перед ней. Солнце встало прямо позади нее, освещая гору пунцово-красным, словно идол.

Чувствуя воду и предвкушая конец долгого пути, лошади подняли морды и ускорили свой усталый шаг. По мере того как солнце поднималось, низкие плотные облака пропускали сквозь себя красный свет, окрасивший горизонт. Колено Снейк болело от каждого шага Быстрой, но ей не нужны были позывные от своих распухших суставов, чтобы предупредить о приближавшейся буре. Снейк сомкнула кулаки вокруг поводьев, пока кожаные ремешки не погрузились с болью в ее ладони, тогда она медленно расслабила руки и шлепнула по влажной шее лошади. Она не сомневалась, что Быстрой было так же больно,

как и ей.

Они подъехали к горе. Летние деревья были коричневые, заброшенные, шелестевшие стебли окружали темный пруд и брошенные кострища. Ветер нашептывал что-то сухим листьям и песку, прилетал сначала с одной стороны, потом с другой — так, как обычно дует ветер вокруг одинокой горы. Тень от восхода солнца над городом окутала их.

— Он намного больше, чем я думала, — тихо сказала Мелисса. — У меня было местечко, где я могла спрятаться и слушать разговоры людей, но я всегда думала, что они сочиняют сказки.

— По-моему, я тоже так делала, — отозвалась Снейк. Голос ее звучал потерянно, отдаленно. По мере того как она подъезжала к гигантским скалистым холмам, по ее лбу струился холодный пот, а руки становились липкими, несмотря на жару. Усталая кобыла везла ее дальше.

В те времена, когда Город господствовал над станцией целителей, Снейк было семь лет, а потом еще раз, когда ей было семнадцать. В каждый из этих годов старший целитель предпринимал долгое тяжелое путешествие в Центр. Каждый из этих лет открывал новую декаду, когда целители предлагали жителям города взаимную помощь и

знания. Но их всегда отсылали обратно. Возможно, так будет и на сей раз, несмотря на послание, которое Снейк должна им передать.

— Снейк!

Снейк вздрогнула и взглянула на Мелиссу:

— Что?

— Как ты? Ты так отдалилась, и я не знаю…

— «Испугалась» — вот наиболее подходящее слово, я думаю, — сказала Снейк.

— Они позволят нам войти?

С каждой минутой темные тучи становились все гуще и тяжелее.

— Надеюсь, да, — сказала Снейк.

У подошвы горы Центра был широкий темный пруд, в котором не было ни притоков, ни оттоков. Вода поднималась в нем снизу, а потом незаметно уплывала в песок. Летние деревья были мертвы, но земля была покрыта травой, а низкие кусты росли буйно. Свежая трава уже пустила ростки на вытоптанных участках брошенных лагерей и на пролегавших между ними тропинках, но не на широкой дороге, которая вела к городским воротам.

Снейк не смогла не дать Быстрой проехать мимо воды. Она вручила поводья Мелиссе возле самого края пруда.

— Иди за мной, когда они закончат пить. Я не войду в Город без тебя, не волнуйся… Но если поднимется ветер, тогда беги. Ладно?

Мелисса кивнула.

— Буря не налетит так быстро, а?

— Боюсь, что налетит, — ответила Снейк.

Она быстро попила и плеснула себе водой в лицо. Вытирая капли уголком своего покрывала, она пошла вдоль по пустынной дороге. Кое-где, близко под черным песком, лежала гладкая твердая поверхность. Древняя дорога? Она видела остатки ее в других местах — рассыпавшаяся бетонная плоть и даже ржавеющие стальные кости, — в тех местах, где еще не потрудились коллекционеры.

Снейк остановилась перед воротами Центра. Они были в пять раз выше ее роста. Многие поколения песчаных бурь отполировали металл до сверкавшего совершенства. Но на воротах не было ни ручки, ни веревки колокольчика, ни молотка, чем можно было бы постучать. Ничего не заметила Снейк, что могло бы позволить кому-нибудь войти.

Она шагнула вперед, подняла кулак и постучала им о металл. Твердый глухой звук прозвучал отнюдь не низко. Она заколотила в дверь, думая,

что та, наверное, очень толстая. Когда ее глаза привыкли к мутному свету из приоткрывшегося дверного проема, она увидела, что поверхность двери явно вогнутая, выношенная под яростным натиском бурь.

Руки ее заболели, она отступила на минуту.

— Наконец-то ты прекратила этот шум.

Снейк прыгнула на голос и повернулась к нему, но никого не было.

Вместо этого сбоку от алькова панель щелкнула, въехала в скалу и показалось окно. На нее воззрился бледный человек с кустистыми рыжими волосами.

— Что тебе надо, что ты стучишь в двери после того, как мы закрыли их?

— Мне надо войти, — сказала Снейк.

— Ты не житель Города.

— Нет. Меня зовут Снейк. Я — целительница.

Он не отвечал и, как диктовала вежливость в местах, где выросла Снейк, не называл своего имени. Она едва это заметила, поскольку уже начинала привыкать к различиям, которые превращали учтивость в одном месте в обиду в другом. Но когда он высунул опять голову и рассмеялся, она удивилась. Она нахмурилась и стала ждать, пока тот отсмеется.

— Значит, они перестали посылать просить милостыню старых кляч, не так ли? Сейчас пошли молодые! — Он снова захохотал. — Я было подумал, что они смогли бы выбрать кого-нибудь покрасивее.

Снейк поняла по его голосу, что ее оскорбляют. Она пожала плечами.

— Открой ворота.

Он прекратил смеяться.

— Мы не позволяем входить чужакам.

— Я принесла послание моего друга ее семье. Я хочу его передать.

С минуту он не отвечал, глядя вниз.

— Все люди, которые вышли отсюда, вернулись в этом году.

— Она ушла много лет назад.

— Ты не слишком много знаешь об этом Городе, если ждешь от меня, что я начну бегать вокруг в поисках какой-то ненормальной семьи.

— Я ничего не знаю о твоем Городе. Но, похоже, ты имеешь какое-то отношение к моей подруге.

— Что ты имеешь в виду? — В первый раз он был взят врасплох.

— Она говорила мне, что ее семья имеет отношение к хранителям ворот. И я вижу это — волосы, лоб… глаза другие. У нее карие. — Глаза

у жителей этого Города были светло-зелеными.

— А она, случайно, не упомянула, — пытаясь изобразить сарказм, произнес молодой человек, — к какой именно семье она предположительно относится?

— К правящей.

— Минуту, — медленно сказал он. Он посмотрел вниз, на свои руки, потом на Снейк в глазок, но когда она подошла поближе, то ничего не увидела за краем «окошка», кроме стеклянной панели, на которой было движущееся изображение. Она была удивлена, но не позволила себе отреагировать. В конце концов, она знала, что жители Города располагают бóльшим количеством механической технологии, чем ее народ. Это было одной из причин, почему она пришла сюда.

Молодой человек медленно посмотрел вверх, одна бровь его изумленно изогнулась.

— Мне придется позвать еще кого-нибудь, чтобы поговорить с тобой. — Изображение на стеклянной панели растворилось во множестве разноцветных линий.

Некоторое время ничего не происходило. Снейк высунулась из-за укрытия алькова и огляделась по сторонам:

— Мелисса!

Ни ребенка, ни лошадей не было в поле зрения. Сквозь прозрачный занавес засохших летних деревьев Снейк могла различить бóльшую часть ближнего берега пруда. Но в некоторых местах оставалось еще достаточно растительности, чтобы спрятать двух лошадей и девочку.

— Мелисса! — снова позвала Снейк.

И вновь не было ответа, но ветер мог унести ее голос прочь. Ложное окно превратилось в черное, мертвое. Снейк была готова уйти, чтобы разыскать свою дочь, но тут оно опять возродилось к жизни.

— Ты где? — позвал другой голос. — Возвращайся сюда.

Снейк в последний раз посмотрела вдаль и неохотно вернулась к смотровой панели.

— Ты сильно огорчила моего двоюродного брата, — сказало изображение.

Снейк молча уставилась в панель, потому что говоривший был поразительно похож на Джесс, намного больше, чем молодой человек. Это был близнец Джесс, или же члены ее семьи состояли в кровном родстве и браках. Когда человек заговорил вновь, в голове Снейк проплыла мысль, что браки между кровными родственниками — полезный способ концентрировать и устанавливать

желанные черты характера и свойства, если экспериментатор готов к некоторым зрелищным неудачам среди возможных результатов.

Снейк не была готова к предполагаемым неудачам, связанным с рождением человека.

— Привет! Это работает?

Рыжеволосый тревожно вглядывался в нее: голос его сопровождался громким и низким скрежещущим звуком. Этот голос — у Джесс он был низкий и приятный, но не такой низкий. Снейк понимала, что она разговаривает с мужчиной, а не с женщиной, как она поняла из их сходства. Тогда это наверняка не близнец Джесс. Снейк подумала, не размножают ли вегетативно городские жители человеческие существа. Если они часто это делают и даже могут создать межполовые клоны, тогда, возможно, у них есть методы, которые окажутся более успешными, чем те, которыми располагали целители в создании новых змей-грез.

— Я слышу тебя, если ты это имеешь в виду, — сказала Снейк.

— Хорошо. Что ты хочешь? Наверное, это что-то тревожное, если судить по лицу Ричарда.

— У меня для тебя послание, если ты прямой родственник старательницы Джесс, — сказала

Снейк.

Розовые щеки мужчины резко побледнели.

— Джесс? — Он покачал головой, и самообладание вернулось к нему. — Она что, так изменилась за все эти годы или я выгляжу не так, как кровный родственник?

— Нет, — сказала Снейк, — ты выглядишь как родственник.

— Она — моя старшая сестра, — сказал он. — А сейчас, я полагаю, она хочет вернуться и снова быть старшей, а я тогда стану никем иным, как просто младшим?

Горечь в его голосе звучала как предательство, Снейк это потрясло. Новости о смерти Джесс не опечалят, а скорее обрадуют ее брата.

— Она возвращается, не так ли? — спросил он. — Она знает, что совет вновь поставит ее во главе семьи. Будь она проклята! Я с таким же успехом мог вообще не существовать эти последние двадцать лет!

Снейк слушала его, и ее горло сжимала печаль. Несмотря на гнев ее брата, если бы Снейк смогла сохранить жизнь Джесс, ее люди приняли бы ее назад, приняли бы с радостью — и, если бы смогли, вылечили бы ее.

Снейк с трудом произнесла:

— А этот совет… возможно, я могла бы ему передать послание.

Ей хотелось бы поговорить с кем-то, кому Джесс была небезразлична, с кем-нибудь, кто любил ее, а не с тем, кто будет смеяться и благодарить ее за несчастье.

— Это семейное дело, и к совету не имеет отношения. Тебе придется дать послание мне.

— Предпочитаю переговорить с тобой с глазу на глаз.

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Но это невозможно. У моих кузенов такая политика — не пускать чужаков в…

— Но, верно, в этом случае…

— …и, кроме того, я не смог бы, даже если бы захотел. Ворота заперты до весны.

— Я тебе не верю.

— Это правда.

— Джесс бы меня предупредила.

Он фыркнул:

— Она никогда в это не верила. Она ушла, когда была ребенком, а дети никогда ни во что по-настоящему не верят. Они заигрываются за воротами до последней минуты, воображают, что их смогут запереть. Так что иногда мы теряем того, кто забирается слишком далеко.

— Она больше не верит ничему из того, что ты говоришь, — гнев ужесточил голос Снейк.

Брат Джесс посмотрел в сторону, намеренно глядя на что-то другое. Потом снова взглянул на Снейк:

— Что ж, я надеюсь, ты поверишь тому, что я тебе сейчас скажу. Собирается буря, так что предлагаю тебе отдать мне послание и оставить себе время, чтобы найти приют.

Даже если он лгал ей, он все равно не собирался впускать ее за ворота. Снейк на это больше не надеялась.

— Вот ее послание, — сказала Снейк. — Она была счастлива там, снаружи. Она хочет, чтобы вы перестали врать вашим детям о том, как там, вне стен вашего Города.

Брат Джесс уставился на Снейк, выжидая, потом внезапно улыбнулся и быстро и коротко хохотнул.

— И это все? Ты хочешь сказать, она не возвращается?

— Она не может вернуться, — сказала Снейк. — Она мертва.

Странное и пугающее выражение облегчения и горя пробежало по его лицу, которое было так похоже на лицо Джесс.

— Мертва? — тихо спросил он.

— Я не смогла спасти ее. Она сломала себе спину…

— Я никогда не хотел ее смерти. — Он глубоко вздохнул, а потом медленно выдохнул. — Сломала себе спину… значит, это была быстрая смерть. Лучше, чем по-другому.

— Она не умерла, когда сломала спину. Ее партнеры и я собирались привезти ее домой, потому что вы смогли бы вылечить ее.

— Может быть, смогли бы, — ответил он. — А как она умерла?

— Она разведывала в кратерах, оставшихся после войны. Она не поверила, что они отравлены, потому что вы много раз лгали ей. Она умерла от радиоактивного отравления.

Он передернулся.

— Я была с ней, — сказала Снейк. — Я делала все, что могла, но у меня не было змеи-грезы. Я не могла помочь ей умереть.

Казалось, он смотрел сквозь нее.

— Мы в долгу перед тобой, целительница, — сказал он. — За услугу члену семьи, за весть о ее кончине. — Он говорил потухшим, отвлеченным голосом, но потом вдруг вскинул голову и посмотрел на нее. — Я не хочу, чтобы моя семья была

в долгу. Здесь, у основания экрана, есть прорезь для оплаты. Деньги…

— Мне не нужны деньги, — сказала Снейк.

— Я не могу впустить тебя! — закричал он.

— Я с этим смирилась.

— Тогда что ты хочешь? — Он быстро покачал головой. — Ну да, конечно. Змеи-грезы. Но почему ты не веришь, что у нас ни одной нет? Я не могу покрыть наш долг змеями-грезами… и я не желаю менять мой долг тебе на долг пришельцам. Пришельцы… — Он умолк и казался расстроенным.

— Если пришельцы могут мне помочь, дай мне поговорить с ними.

— Даже если бы я смог, они все равно отказали бы тебе.

— Но если они гуманны, они выслушают меня.

— Есть… кое-какие вопросы относительно их гуманности, — сказал брат Джесс. — Кто может сказать, без тестов? Ты не понимаешь, целительница. Ты их никогда не встречала. Они опасны и непредсказуемы.

— Дай мне попробовать. — Снейк протянула руки ладонями вверх — быстрым умоляющим жестом, пытаясь вразумить его. — Многие люди умерли так, как Джесс, в агонии, потому что не хватает целителей. Не хватает змей-грез. Я хочу

поговорить об этом с пришельцами.

— Позволь мне сейчас заплатить тебе, целительница, — печально сказал брат Джесс, и Снейк с таким же успехом могла бы сейчас находиться в Горной Стороне. — Власть в Центре тщательно сбалансирована. Совет никогда не разрешит чужаку иметь дело с пришельцами. Слишком напряженны отношения, и у нас нет возможности ничего изменить. Мне жаль, что моя сестра умерла в мучениях, но то, о чем ты просишь, может поставить под угрозу слишком много жизней.

— Разве это может быть правдой? — спросила Снейк. — Простая встреча, единственный вопрос…

— Ты никак не можешь понять, о чем я тебе толкую. Человеку надо вырасти здесь и сотрудничать с местными властями. Я провел всю свою жизнь, обучаясь этому.

— Я думаю, ты провел свою жизнь, обучаясь, как отметать от себя свои обязанности! — сердито сказала Снейк.

— Это ложь! — Брат Джесс был в ярости. — Я бы дал тебе все, что в моей власти, но ты требуешь невозможного. Я не могу помочь тебе найти новых змей-грез.

— Подожди, — внезапно сказала Снейк. — Мо-

жет, ты поможешь нам другим образом.

Брат Джесс вздохнул и отвел взгляд в сторону.

— У меня нет времени на заговоры и интриги, — сказал он. — И у тебя тоже. Буря надвигается, целительница.

Снейк взглянула через плечо. Мелиссы все еще нигде не было видно.

Вдалеке тучи сжимали в объятиях горизонт, швыряемый шквалистым ветром песок метался между небом и землей. Становилось холоднее, но Снейк бил озноб по другой причине. Ставки были слишком высоки, чтобы бросить сейчас все. Она почувствовала уверенность, что если бы смогла проникнуть в Город, то сама бы разыскала пришельцев. Она повернулась к брату Джесс.

— Позволь мне войти в Город весной. У вас есть такая техника, что наша технология еще не столь продвинута, чтобы обнаружить ее. — Вдруг Снейк улыбнулась. Джесс уже нельзя было помочь, но другим можно было. Мелиссе тоже нельзя. — Если бы ты научил меня, как стимулировать регенерацию… — Ее поразило, что она раньше не подумала об этой возможности. Она полностью, эгоистично сконцентрировала свое внимание на змеях-грезах, на своем престиже и чести. Скольким людям будет польза, если целители

узнают, как восстанавливать мускулы и нервы! Но вначале ей надо научиться восстанавливать кожу, чтобы ее дочь смогла жить без шрамов. Снейк посмотрела на брата Джесс и, к своей радости, обнаружила, что на лице его отразилось облегчение.

— Это возможно, — сказал он. — Да. Я буду обсуждать этот вопрос с советом. Я поговорю о тебе.

— Спасибо, — сказала Снейк. Она едва верила тому, что наконец-то городские люди снизошли к просьбе целителя. — Это поможет нам больше, чем ты думаешь. Если мы улучшим свою технику, нам не придется беспокоиться о том, чтобы раздобыть новых змей-грез, — мы можем успешнее разводить их.

Брат Джесс начал хмуриться. Снейк замолкла, смущенная этой резкой переменой.

— Вам будут благодарны целители, — быстро сказала Снейк: она не знала, что она такого сказала, не понимала, как исправить оплошность. — И все люди, которым мы служим.

— Разведение! — воскликнул брат Джесс. — А с чего ты взяла, что мы поможем вам с разведением?

— Я думала, что ты и Джесс… — Она запнулась,

думая, как бы не огорчить его еще больше. — Я просто предполагаю, что с вашей передовой…

— Ты говоришь о манипуляциях с генами! — Брат Джесс выглядел больным. — Обращаешь наши знания на то, чтобы создавать монстров!

— Что? — изумленно спросила Снейк.

— Манипуляции с генами… Боже, у нас и так достаточно проблем, без намеренного воздействия! Тебе повезло, что я не смог впустить тебя, целительница. Мне бы пришлось обвинить тебя, и ты бы провела свою жизнь в изгнании вместе с остальными уродами.

Снейк не отрываясь смотрела на экран и видела, как изображение на нем меняется — от простого знакомого до обвинителя. Если он не был в родстве с Джесс, значит, члены его семьи состояли в столь тесных кровосмесительных узах, что деформации без генетических манипуляций были бы неизбежны. И в то же время он говорил, что городские жители отказывали себе в возможности помочь себе.

— Я не хочу, чтобы моя семья оказалась в долгу перед уродом! — Не глядя на нее, сказал он, что-то делая со своими руками. Монеты посыпались в прорезь для денег под экраном. — Забирай свои деньги и уходи!

— Люди за пределами Города умирают, потому что вы скрываете информацию! — закричала она. — Вы помогаете погонщикам закабалять людей вашими хрустальными кольцами, но вы ни за что не поможете вылечить людей — искалеченных и со шрамами!

Брат Джесс шагнул вперед в ярости.

— Целительница… — Он остановился, глядя помимо Снейк. На лице его появился ужас. — Как ты осмелилась прийти сюда с этим подкидышем? Они изгнали мать так же, как и ее отпрыска оттуда? А ты мне еще читала лекции о гуманности!

— О чем ты говоришь?

— Ты хочешь регенерировать, а сама даже не знаешь, как переделывать мутантов! Они получаются такими же. — Он горько и истерично засмеялся. — Возвращайся откуда пришла, целительница. Нам больше не о чем говорить.

И, как только его изображение начало таять, Снейк схватила монеты и швырнула их в него. Они ударились об экран, а одна закатилась за защитную панель. Механизм завыл, но панель не смогла полностью закрыться, и Снейк почувствовала истинно порочное удовлетворение.

Снейк отвернулась от экрана и Города, чтобы разыскать Мелиссу, и столкнулась с дочерью ли-

цом к лицу. Щеки Мелиссы были мокрые от слез.

Она схватила руку Снейк и невидяще потянула ее из-под алькова.

— Мелисса, нам придется устроить себе какое-нибудь укрытие… — Снейк попыталась потянуться назад, к алькову. Несмотря на утро, было почти темно. Тучи были уже не серые, а черные, и Снейк заметила два отдельных смерча.

— Я нашла место, — с трудом произнесла Мелисса: она все еще плакала. — Я… я надеялась, что они тебя впустят, но боялась, что откажут, и пошла искать.

Снейк пошла за ней, почти ослепленная песком, взметаемым ветром.

Быстрая и Бельчонок неохотно побрели за ними, опустив головы и прижав уши. Мелисса привела их к низкой расселине под острой скалой сбоку от горы. В этот момент поднялся ветер, он выл, стонал и швырял песок им в лицо.

— Они боятся, — прокричала Мелисса, перекрывая завывания ветра. — Шоры… — Она открыла лицо, бросая косые взгляды, и положила на глаза Бельчонка свое покрывало. Снейк проделала то же самое с серой кобылой. Когда она открыла рот и нос, то едва не задохнулась от ветра.

Глаза ее слезились, она задыхалась, но все же

повела кобылу в пещеру вслед за Бельчонком.

Ветер внезапно затих. Снейк еле открыла глаза, ей казалось, что песок проник ей в легкие. Лошади храпели и отдувались, а Снейк и Мелисса кашляли и пытались проморгать заполонивший все песок, стереть его с волос и одежды, выплюнуть его. Наконец Снейк удалось оттереть, отбросить, выкашлять самые злостно царапающие песчинки, а слезы начисто промыли ей глаза.

Мелисса сняла покрывало с глаз Бельчонка и с рыданиями обхватила руками его шею.

— Это я виновата, — сказала она. — Он увидел меня и отослал тебя прочь.

— Ворота были заперты, — сказала Снейк. — Он не смог бы дать нам войти, даже если бы захотел. Если бы не ты, мы оказались бы в бурю снаружи.

— Но они не хотят, чтобы ты вернулась. Из-за меня.

— Мелисса, он уже решил не помогать нам. Поверь мне. То, о чем я просила, напугало его. Они не понимают нас.

— Но я слышала его. Я видела, как он смотрел на меня. Ты просила помочь… помочь мне, а он сказал: «Уходите прочь!»

Снейк хотела бы, чтобы Мелисса не поняла эту часть разговора, потому что не желала, чтобы

та надеялась на то, чего может никогда не случиться.

— Он не знал, что ты была обожжена, — сказала Снейк. — И ему все равно. Он искал причины, чтобы избавиться от меня.

Так и не убежденная, Мелисса машинально погладила шею Бельчонка, стянула с него уздечку, расседлала.

— Если кто-то и виноват, — сказала Снейк, — то это я. Из-за меня мы пришли сюда… — Ситуация, в которой они оказались, ударила в нее столь же сильно, как штормовые ветры. Слабый свет фонаря едва освещал пещеру, служившую им западней. Голос Снейк сорвался от страха и отчаяния. — Из-за меня мы оказались здесь, и вот теперь мы заперты снаружи…

Мелисса отвернулась от Бельчонка и взяла руку Снейк:

— Снейк… Снейк, я знала, что может случиться. Ты не заставляла меня идти за тобой. Я знала, какими низкими и подлыми могли быть все эти люди. Все, кто торгует с ними, так говорят. — Она обняла Снейк, успокаивая ее так же, как Снейк успокаивала Мелиссу несколько дней назад.

В одно мгновение она застыла, лошади пронзительно заржали, и Снейк услышала яростный,

разносимый эхом рык гигантской кошки. Быстрая бросилась к целительнице и опрокинула ее наземь. Снейк попыталась встать на ноги и схватить поводья — и увидела черную пантеру, которая била хвостом у входа в пещеру. Она снова зарычала, и Быстрая встала на дыбы, сбивая Снейк с ног. Мелисса пыталась удержать Бельчонка: пони и ребенок, дрожа, забились в угол. Пантера прыгнула к ним. Пантера пролетела мимо нее, словно сам ветер, и ее гладкая шкура коснулась руки едва не задохнувшейся Снейк. Пантера прыгнула на четыре метра вверх по черной стене и исчезла в узкой расселине.

Мелисса нетвердо рассмеялась, облегчая пережитый ужас. Быстрая выдохнула громким, высоким, испуганным храпом.

— Боже праведный! — воскликнула Снейк.

— Я слышала… слышала, кто-то говорил, что дикие животные так же боятся нас, как и мы их, — сказала Мелиса. — Но, думаю, я в это больше не верю.

Снейк открепила фонарь с седла Быстрой и высоко подняла его, освещая расселину, размышляя, смогло бы человеческое существо пролезть туда, куда вела большая кошка. Она вскарабкалась на норовистую кобылу и стала удерживать равнове-

сие, стоя в седле. Мелисса взяла поводья Быстрой, успокаивая ее.

— Что ты делаешь?

Снейк вытянулась вдоль стены пещеры, стараясь направить луч фонаря в проход.

— Мы не можем здесь остаться, — сказала она. — Мы умрем от жажды и голода. Может, здесь есть выход в город сквозь эту щель. — Она не могла далеко видеть в глубь отверстия, поскольку была слишком низко от него. Но пантера исчезла. Снейк слышала собственный голос, эхом разносившийся и возвращающийся обратно, словно позади узкой трещины было множество помещений. — А может, выход куда-нибудь. — Она повернулась, выскользнула из седла, спустилась с лошади и распрягла серую кобылу.

— Снейк, — тихо сказала Мелисса.

— Да?

— Посмотри… накрой фонарь… — Мелисса указала на скалу, возвышавшуюся над пещерой. Снейк прикрыла фонарь и увидела, как неясный светящийся силуэт стал ярче и потянулся к ней. Она почувствовала быстрый холодок, пробежавший по спине. Она вытянула фонарь и придвинулась ближе к силуэту.

— Это рисунок, — сказала она. На самом деле

только казалось, что он двигается: это был похожий на паука силуэт, который как бы полз по стене. Это был продуманный оптический эффект, иллюзия того, что паук ползет, и это хорошо понимала Снейк.

— Интересно, для чего это? — шепот Мелиссы ударился о скалу.

— Может, для того, чтобы выводить людей отсюда… это должно означать, что там, дальше, внутри, что-то есть.

— А как быть с Быстрой и Бельчонком? Мы же не можем оставить их здесь.

— Если мы не найдем для них еды, они тоже будут голодать, — нежно сказала Снейк.

Мелисса взглянула на выступ, за которым скрылась пантера: голубоватый свет призрачно мерцал на ее обезображенном шрамами лице.

— Мелисса, — вдруг позвала Снейк, — ты что-нибудь слышишь? — Была какая-то перемена, но она не могла определить, какая именно. Может, это кричала вдалеке черная пантера? Кто же это нарисовал похожий на паука знак на стене? Руки ее сжимали рукоятку кинжала, висевшего на поясе.

— Ветер утих! — сказала Мелисса. Она побежала ко входу в пещеру.

Снейк вплотную к ней пошла следом, в каждое мгновение она была готова отвести Мелиссу от неистовства бури. Но дочь ее оказалась права: то, что она услышала, было не воем, но резким концом этого завывания, к которому она уже привыкла.

Ничего не произошло. Там, снаружи, воздух был абсолютно неподвижен.

Низкие пыльные облака проползли над пустыней и исчезли, оставляя вместо себя порывистые, возвышавшиеся, словно башни, молнии, которые стрелами пронзали роскошное синее небо. Снейк шагнула в необычную яркость утра, и холодный ветер взметнул платье у ее колен.

И почти тут же начался дождь.

Снейк выбежала под капли, как дитя, поднимая навстречу им руки.

Бельчонок протрусил мимо нее и сорвался в галоп. Быстрая промчалась мимо него, и они взбрыкивали и скакали, как жеребята. Мелисса стояла смирно, глядя вверх, чтобы дождь вымыл ей лицо.

Тучи длинными широкими берегами проплывали над ними, то выплескиваясь дождем, то вспыхивая на мгновение ярким, как колибри, солнцем.

Наконец Снейк и Мелисса вернулись под свой навес из скал, мокрые, холодные, счастливые. Тройная радуга изогнулась над небом. Снейк вздохнула и опустилась на пятки, чтобы понаблюдать за ней. Она была так поглощена благоговением перед буйством изменчивого спектра, что даже не заметила, когда именно Мелисса села, тесно прижавшись к ней. Сначала ее там не было, а теперь она появилась, и Снейк погладила плечи дочери. На этот раз Мелисса искала в ней утешения, уже не задумываясь о том, что ей надо избегать человеческих контактов.

Облака проплыли, радуга стала бледнее, и Бельчонок поскакал назад, к Снейк, настолько промокший, что были видны структура его полосок и их цвет. Снейк почесала его за ушами и под подбородком, а потом, наверное, впервые за эти полчаса, посмотрела на пустыню.

С той стороны, откуда пришли тучи, виднелась бледная нежная зелень, уже смягчавшая низкие черные холмы. Пустынные растения росли так быстро, что Снейк почти зримо представляла себе, как граница зелени, словно нежная волна, придвигается ближе, увлекаемая шествием дождя.

Глава 10

Снейк неохотно осознала, что она не сможет оставаться в Центре.

Просто было слишком опасно проводить время, обследуя горные пещеры, хотя ее сильно к ним тянуло. Они могли бы привести прямо в Город, но могли бы и легко поймать ее и Мелиссу в ловушку, в лабиринт чистых каменных туннелей. Дождь дал им единственную передышку: если бы Снейк не приняла ее, то ни она, ни ее дочь, ни лошади, ни змеи не получили бы другого такого шанса.

Иногда Снейк казалось нехорошим, неправильным, что ее возвращение в горы станет легким, как приятная прогулка по лугам. Ибо в луга преобразилась пустыня после дождя. Целый день, пока они шли, лошади набирали полный рот нежных листьев, а наездницы собирали огромные букеты нектарников и посасывали стебельки цветов, наслаждаясь медовым вкусом.

Тяжелая цветень зависла в воздухе. Направляя лошадей, Снейк и Мелисса шли долго в ночи, пока северное полярное сияние не начало свой

танец — пустыня стала яркой, и ни лошади, ни путники не почувствовали усталости.

Снейк и Мелисса ели с беспорядочными промежутками, на ходу жуя сухие фрукты или вяленое мясо, ближе к рассвету они бросились на мягкую сочную траву, туда, где всего несколько часов назад был песок. Они немного поспали и, освеженные, проснулись с первыми лучами солнца.

Растения, на которых они отдыхали, уже дали почки. К полудню цветы покрыли дюны разноцветьем красок: один холм был белый, другой ярко-лиловый, третий — окрашен во многие цвета, что потоками устремлялись с гребня холмов к долине. Цветы усмиряли жару, а такого чистого неба Снейк никогда не видела. Даже контуры дюн были изменены дождем — от мягких покатых лавин до заостренных выветренных горных кряжей, отмеченных узкими каньонами недолговечных потоков.

На третье утро опять начали собираться пыльные тучи. Дожь весь куда-то улетучился, испарился, растения захватили все, что смогли. Теперь сушь испещряла листья коричневыми пятнами, а растения сморщивались и умирали. Их семена, подхваченные порывами ветра, летали перед Снейк.

Безбрежный мир пустыни обернулся вокруг ее плеч, но восточные холмы центральной горы предстали перед ней, вновь напоминая о ее провале.

Ей не хотелось возвращаться домой.

В ответ на некое непроизвольное движение тела Снейк, ее нежелание двигаться дальше, Быстрая резко остановилась. Снейк не понуждала ее идти. В нескольких шагах впереди Мелисса натянула поводья и обернулась:

— Снейк?

— О, Мелисса, во что я тебя втянула!

— Мы едем домой, — сказала Мелисса, стараясь успокоить ее.

— У меня больше может не быть дома.

— Они не отошлют тебя прочь. Они не смогут.

Снейк с силой стерла слезы рукавом, тонкая шелковая ткань скользнула по щеке. Безнадежность и разочарование не принесут ей успокоения и облегчения. Она наклонилась к шее Быстрой, сжимая кулаки в длинной черной гриве кобылы.

— Ты говорила, это твой дом, ты говорила, что они все — твоя семья. Так как же они смогут выгнать тебя?

— Они не выгонят, — прошептала Снейк. — Но

если они скажут, что я не смогу быть целительницей, то как же я останусь?

Мелисса дотянулась и угловато погладила ее:

— Все будет хорошо. Я знаю, так будет. Что мне сделать, чтобы ты не была такой грустной?

Снейк протяжно вздохнула и подняла голову. Мелисса упорно, не мигая смотрела на нее. Снейк наклонилась и поцеловала руку Мелиссы, зажав ее в своей.

— Ты веришь мне, — сказала она. — И, может, сейчас как раз это мне нужнее всего.

Мелисса слегка улыбнулась от смущения, и они снова пустились в путь, но через несколько шагов Снейк опять натянула поводья Быстрой. Мелисса тоже остановилась, с тревогой глядя на нее.

— Что бы ни случилось, — произнесла Снейк, — что бы мои учителя ни решили насчет меня, ты все равно останешься их дочерью, так же как и моей. Ты все равно будешь целительницей. Если мне придется уйти…

— Я пойду с тобой.

— Мелисса…

— Мне все равно. Я и так никогда не хотела быть целительницей, — воинственно сказала Мелисса. — Я хочу быть жокеем. Я не останусь с людьми, которые заставят тебя уйти.

Сила преданности Мелиссы обеспокоила Снейк. Она никогда никого не знала, кто был бы так равнодушен к собственным интересам. Может быть, Мелисса еще не умеет думать о себе так, как кто-нибудь, у кого есть мечты, а может, столько ее грез оказались утраченными, что она больше не осмеливается мечтать. Снейк надеялась, что она каким-нибудь образом вернет дочери ее мечты.

— Не беспокойся, — сказала она. — Мы еще не дома. Мы потом будем об этом тревожиться.

Постепенно решительная маска на лице Мелиссы разгладилась, и они поехали дальше.

К концу третьего дня крошечные растения упали в пыль под копытами лошадей. Прекрасная коричневая дымка окутала пустыню. То тут, то там пролетали облачка легких, как перышки, семян, увлекаемые потоками воздуха. Когда ветер становился сильнее, более тяжелые семена неслись по песку, как потоки воды. Когда опустилась ночь, Снейк и Мелисса уже добрались до предгорьев, а пустыня позади них превратилась в голую, мрачную.

Они вернулись к горам, следуя прямо на запад из соображений безопасности. Здесь предгорья вздымались более плавно, чем крутые холмы в Горной Стороне, там, далеко на севере, подъем

был легче, но намного дольше, чем на северных тропах. На первом гребне, перед тем как они начали взбираться на следующие, более высокие холмы, Мелисса остановила Бельчонка и обернулась, глядя назад, в темнеющую пустыню. Через мгновение она усмехнулась Снейк.

— Мы ее победили, — сказала она.

Снейк медленно улыбнулась в ответ.

— Ты права, — сказала она. — Мы победили. — Ее почти внезапный страх перед бурей растворился в ясном прохладном воздухе гор. Тучи висели гнетуще низко, искажая небо. Никто — ни караванщик, ни обитатель гор — не увидит до следующей весны ни пятнышка голубизны, ни звезды, ни луны, а солнечный диск будет становиться все бледнее и бледнее. И теперь, утопая в вершинах гор, оно отбрасывало тень Снейк далеко назад, на темнеющую, застывшую песчаную равнину. После особенно яростного порыва ветра, из-за жары и лишенного воды песка, Снейк поторапливала Быструю вперед, к горам, откуда все они были родом.

Снейк все приглядывала место, где они могли бы разбить лагерь. Еще до того как лошади углубились слишком далеко в горы, она услышала приветливое журчание бегущей воды. След вел

к небольшой низине, к истоку ручья, к полянке, которая когда-то, очень давно, служила привалом. Вода поддерживала жизнь нескольких низкорослых столетних деревьев и чахлой травы для лошадей. Посередине выбитой до земли тропинки почва была испачкана головешками и древесным углем, но Снейк нечем было разжечь костер. Она знала, что лучше не стараться рубить вечные деревья, как это делали некоторые путешественники, оставившие тщетные зарубки, которые почти сгладились на грубой коре. Дерево под корой было твердое и упругое, как сталь.

Ночная поездка по горам столь же трудна, как дневное путешествие по пустыне, и легкое возвращение из города не смогло заставить забыть тяготы всего пути. Снейк слезла с лошади. Они остановятся на ночь, а с восходом солнца…

Что — с восходом солнца? Она столько дней торопилась, преодолевая болезнь или смерть в неумолимых песках, что ей пришлось остановиться и заставить себя осознать, что у нее нет больше причин спешить, нет какой-то всепоглощающей необходимости выбраться отсюда и попасть куда-то еще, не надо было спать несколько часов, а потом, зевая, подняться на рассвете или закате. Дом ждал ее, но она была совсем не

уверена, что это будет ее дом, когда она наконец до него доберется.

Ей нечего забрать с собой, кроме ее поражения, плохих новостей и одной злобной песчаной гадюки, которая могла быть, а могла и не быть полезной. Она отвязала ящик со змеями и нежно опустила его на землю.

Закончив чистить лошадей, Мелисса опустилась на колени и начала распаковывать еду и парафиновую печь. В первый раз после того, как они отправились в путь, у них был настоящий привал. Снейк присела на пятки возле дочери, чтобы помочь ей с обедом.

— Я приготовлю, — сказала Мелисса. — Почему бы тебе не отдохнуть?

— По-моему, это не совсем справедливо, — ответила Снейк.

— Ничего.

— Не в этом дело.

— Мне нравится что-то делать для тебя, — сказала Мелисса.

Снейк положила руки на плечи Мелиссы, не побуждая ее повернуться:

— Я знаю, что тебе нравится. Но мне тоже нравится что-то для тебя делать.

Пальцы Мелиссы теребили пряжки и ремеш-

ки.

— Но это неправильно, — наконец сказала она, — ты целительница, а я… я работаю в стойле. Это справедливо, что я должна делать что-то для тебя.

— Где это сказано, что у целителя больше прав, чем у кого-то, кто работал в стойле? Ты — моя дочь, и мы партнеры.

Мелисса повернулась и крепко обняла Снейк, пряча свое лицо в ее рубашке. Снейк обняла ее и держала, покачивая туда-сюда на твердой земле, успокаивая Мелиссу, как будто она была совсем маленьким ребенком, каким у нее никогда не было возможности быть.

Через несколько минут Мелисса разжала руки и отпрянула, снова овладев собой и смущенно глядя в сторону:

— Я не люблю ничего не делать.

— А когда у тебя была хотя бы возможность попробовать это?

Мелисса пожала плечами.

— Мы можем установить очередь, — сказала Снейк, — или делить домашнюю работу каждый день. Что тебе больше подходит?

Мелисса посмотрела ей в глаза с быстрой улыбкой облегчения.

— Каждый день делить работу. — Она огляделась кругом, будто видела привал в первый раз. — Может, там, дальше, есть сухие деревья, — предположила она. — И нам нужно немного воды. — Она достала ремень для хвороста и бурдюк.

Снейк взяла у нее бурдюк.

— Я встречу тебя здесь через несколько минут. Если ничего не найдешь, не трать слишком много времени на поиски. Любая влага, что выпадает зимой, используется первым же путешественником каждой весной. Если, конечно, он бывает, этот первый весенний путешественник.

Похоже, эти места не только никто не посещал в течение многих лет, но здесь царила еще и неопределенная аура заброшенности.

Ручей быстро протекал через их лагерь, и там, где пили Быстрая и Бельчонок, не было заметно мути, но Снейк все равно прошла вверх по течению. Возле истока ручья она опустила на землю бурдюк и вскарабкалась на вершину огромного валуна, с которого можно было осмотреть окрестности. Никого не было в поле зрения — ни лошадей, ни лагерей, ни дыма. Снейк наконец-то была почти готова поверить, что сумасшедший ушел, а может, его и вовсе не было, а просто сов-

пало то, что она как-то раз встречала настоящего безумца, а потом столкнулась с введенным в заблуждение бестолковым вором. Даже если это был один и тот же человек, она больше не встречала его со времени той уличной потасовки. Это было не столь давно, как казалось, но, возможно, все-таки прошло довольно много времени.

Снейк спустилась вниз, к ручью, и стала держать бурдюк прямо над серебристой поверхностью. Вода журчала и пузырилась прямо в отверстие, скользила по ее рукам, сквозь пальцы, такая быстрая, холодная. Вода в горах — это нечто особенное. Кожаный мешок раздулся до предела. Снейк рывком затянула петлю у его горлышка и набросила ремень через плечо.

Мелисса еще не вернулась в лагерь. Снейк сновала вокруг несколько минут, сооружая обед из сушеных продуктов, которые не меняли вида даже после того, как их замачивали. И вкус у них оставался таким же, но было немного легче жевать. Она расстелила одеяла. Потом открыла ящик со змеями, но Дымка не стала вылезать. Кобра часто оставалась в своем темном закутке после длительного путешествия, она приходила в недоброе расположение духа, если ей мешали. Снейк чувствовала беспокойство, не видя Мелис-

су. Она не могла умерить свой страх, напоминая себе, что Мелисса — упрямая и независимая. Вместо того чтобы открыть отделение Песка, чтобы гремучая змея смогла выползти или хотя бы проверить, как там песчаная гадюка (что ей не особенно улыбалось), она застегнула ящик со змеями и встала, чтобы позвать дочь. Вдруг Быстрая и Бельчонок резко отпрянули, испуганно захрапели, а Мелисса закричала:

— Снейк! Берегись! — В голосе ее звучали ужас и предупреждение, обломки скал и комья грязи покатились с холма.

Снейк побежала на шум драки, наполовину вытащив кинжал на своем поясе. Она обежала вокруг валуна и рывком остановилась.

Мелисса отчаянно дралась с высоким, смертельно бледным человеком в пустынных одеждах. Одной рукой он зажимал ей рот, а другой прижимал ее руки к бокам. Она дралась, лягалась, но человек не реагировал ни на боль, ни на ярость.

— Скажи ей, чтобы она прекратила, — сказал он. — Я не причиню ей боль. — Голос его звучал глухо и невнятно, словно он был отравлен.

Одежда его была разорвана, испачкана, волосы всклокочены. Радужная оболочка его глаз казалась бледнее, чем воспаленные белки, и

это делало его взгляд слепым, нечеловеческим. Снейк мгновенно поняла, что это был тот самый безумец, поняла раньше, чем заметила его кольцо, которым он разрезал ей лоб, когда напал на нее на улицах Горной Стороны.

— Отпусти ее.

— Я могу купить у тебя, — сказал он, — даже купить.

— У нас многого нет, но это все твое. Что ты хочешь?

— Змею-грезу, — сказал он. — И ничего больше.

Мелисса снова дернулась, и человек сильнее и с большей жестокостью сжал ее.

— Хорошо, — сказала Снейк. — У меня ведь нет другого выбора. Вот мой ящик.

Он проследовал за ней в лагерь. Старая тайна разрешилась, но создавалась новая.

Снейк указала на ящик.

— Верхнее отделение, — сказала она.

Сумасшедший придвинулся к ящику, неловко волоча за собой Мелиссу.

Он потянулся к застежке, потом отдернул руку. Его бил озноб.

— Открой ты, — сказал он Мелиссе. — Это для тебя безопаснее.

Мелисса, не глядя на Снейк, протянула руку к застежке. Она была очень бледна.

— Прекратите, — сказала Снейк. — Там ничего нет.

Мелисса уронила руку и поглядела на Снейк с облегчением и в то же время со страхом.

— Отпусти ее, — снова сказала Снейк. — Если тебе нужна змея-греза, то я не могу тебе помочь. Ее убили еще до того, как ты наткнулся на мой лагерь.

Он, сощурившись, уставился на нее, потом повернулся и опять потянулся к ящику со змеями. Он расстегнул застежку и опрокинул весь ящик.

Нелепая песчаная гадюка свернулась в клубок, корчась и шипя. Она на мгновение подняла голову, словно собираясь броситься и отомстить за свой плен, но и безумец, и Мелисса застыли в ужасе. Гадюка поползла и заструилась к скалам. Снейк прыгнула вперед, оттолкнула Мелиссу от сумасшедшего, но он даже этого не заметил.

— Вы разыграли меня! — Внезапно он разразился истерическим смехом и воздел руки к небу. — Это должно было дать мне то, что нужно!

Смеясь и плача, он опустился на землю. Слезы струились по его щекам.

Снейк быстро пошла к скалам, но песчаная гадюка исчезла. Нахмурившись, стиснув руки на рукоятке кинжала, она встала возле безумца. Гадюки довольно редко встречались в пустыне: у предгорий они вообще не выживали. И вот теперь она не могла приготовить вакцину для людей Аревина, и ей нечего было принести своим учителям.

— Вставай, — хрипло сказала она. — Ты в порядке? — спросила она у Мелиссы.

— Угу, — ответила та. — Но он дал этой гадюке уползти.

Сумасшедший все так же неподвижно, как помятая куча тряпья, сидел и тихо плакал.

— Что это с ним такое? — Мелисса стояла возле локтя Снейк и косилась на всхлипывающего человека.

— Не знаю. — Снейк дотронулась носком башмака до бока мужчины. — Эй ты! Прекрати. Вставай!

Человек слабо дернулся к их ногам. Запястья его просвечивали сквозь драные рукава, а руки были похожи на голые ветви.

— Я должна была бы вырваться от него, — с отвращением сказала Мелисса.

— Он сильнее, чем кажется, — ответила

Снейк. — Ради бога, человече, прекрати этот вой. Мы ничего не собираемся с тобой делать.

— Я уже мертв, — прошептал он. — Вы были моим последним шансом, так что я уже мертв.

— Последним шансом чего?

— Счастья.

— Что за паршивое счастье, которое заставляет тебя все ломать и набрасываться на людей? — проговорила Мелисса.

Он взглянул на них — слезы струились по его тощему лицу. Глубокие борозды прорезали его кожу.

— Почему вы вернулись? Я больше не мог нигде преследовать вас. Я хотел вернуться домой и умереть, если бы они дали мне сделать это. Но вы вернулись. Вернулись прямо ко мне. — Он зарылся лицом в истрепанные рукава своей пустынной одежды. Он где-то потерял свое покрывало. Волосы его были коричневые, пересохшие. Он больше не рыдал, но плечи его вздрагивали.

Снейк наклонилась и заставила его подняться. Ей пришлось взять на себя бóльшую тяжесть его веса. Мелисса с минуту стояла настороженно, потом пожала плечами и подошла помочь. Они пошли вперед, и Снейк ощутила под одеждой сумасшедшего что-то твердое и квадратное. По-

вернув его, она распахнула его робу, путаясь в складках грязной ткани.

— Что ты делаешь? Прекрати! — Он попытался сопротивляться, размахивая своими костлявыми руками и пытаясь натянуть одежду на свое тощее тело.

Снейк нашла внутренний карман. Как только она дотронулась до спрятанного предмета, она поняла, что это ее дневник. Она выхватила его и отпустила сумасшедшего. Он пропятился шаг или два, а потом остановился и, дрожа, начал яростно приводить в порядок свою одежду. Снейк не обращала на него внимания, крепко вцепившись в свою книжку.

— Что это? — спросила Мелисса.

— Дневник за год, что я проходила испытательный срок. Он украл его из моего лагеря.

— Я собирался выкинуть его, — сказал сумасшедший. — Я забыл, что он у меня.

Снейк посмотрела на него.

— Я думала, он мне поможет, но нет… Ничего не могло бы помочь.

Снейк вздохнула.

Вернувшись в лагерь, Снейк и Мелисса уложили безумца на землю и подложили ему под голову седло, и он остался лежать, невидящим

взглядом всматриваясь в небо. Каждый раз, когда он моргал, новая слеза скатывалась по его лицу и смывала грязь и пыль, оставляя бороздки.

Снейк дала ему попить и присела на пятки, наблюдая за ним и размышляя, что бы могли означать, если в них вообще был смысл, его странные реплики. В конце концов, он был сумасшедшим, но это не было спонтанным припадком. Его захлестнуло отчаяние.

— Вроде бы он не собирается что-нибудь делать? — спросила Мелисса.

— Не думаю.

— Из-за него я выронила хворост, — сказала Мелисса. В явном отвращении она пошла к скалам.

— Мелисса…

Она обернулась.

— Я надеюсь, песчаная гадюка уже уползла, но она может все еще находиться где-нибудь поблизости. Давай лучше сегодня обойдемся без огня.

Мелисса так долго колебалась, что Снейк подумала, она скажет, что предпочитает общество песчаной гадюки обществу безумца, но в конце концов девочка пожала плечами и подошла к лошадям.

Снейк снова подержала фляжку с водой у губ сумасшедшего. Он сделал глоток, а потом дал воде

стечь с уголков его рта через многодневную щетину. Вода пролилась на твердую землю под ним и разбежалась прочь крошечными ручейками.

— Как тебя зовут? — Снейк подождала, но он не ответил. Она подумала, не впал ли он в кататонический ступор, но тут он старательно, сильно пожал плечами.

— У тебя должно быть имя.

— Думаю, да, — ответил он, облизнув губы; руки его судорожно дернулись, он моргнул, и еще две слезы прорезали его пыльное лицо.

— Думаю, у меня когда-то было имя.

— Что ты имел в виду — насчет счастья? Для чего тебе нужна была змея-греза? Ты умираешь?

— Я говорил тебе, что у меня была нужда.

— В чем?

— Нужда.

— В чем нужда? — нахмурилась Снейк.

— В змее-грезе.

Снейк вздохнула. Колени ее болели. Она поменяла положение и села возле плеча сумасшедшего, скрестив ноги.

— Я не смогу помочь тебе, пока ты не поможешь мне, не скажешь, что у тебя за беда.

Он рывком приподнялся и стал так рвать одежду, которую он только что тщательно приводил в

порядок, и так тянуть ее, что изношенная ткань порвалась. Он распахнул ворот и обнажил горло, задрав вверх подбородок:

— Это все, что тебе нужно узнать!

Снейк присмотрелась. Среди грубых черных волос его подрастающей бороды она различила бесчисленные крошечные шрамы, все парные, покрывавшие сонную артерию. Она в изумлении отшатнулась назад. Эти метки оставили резцы змеи-грезы, она в этом не сомневалась, но она не могла даже представить и еще меньше вспомнить, что бы это могла быть за такая ужасная и мучительная болезнь, для облегчения которой потребовалось бы столько яда и которая тем не менее оставила свою жертву в живых. Эти шрамы были нанесены давно, ибо некоторые из них были старые, белые, другие же были такие свежие, розовые и блестящие, что на них, похоже, были струпья еще тогда, когда он в первый раз напал на ее лагерь.

— Сейчас ты понимаешь?

— Нет, — ответила Снейк. — Не понимаю. В чем было дело… — Она остановилась и нахмурилась. — Ты был целителем? — Но это было невозможно. Тогда она должна была бы знать его или, по крайней мере, слышать о нем. Кроме того,

яд змей-грез не мог бы оказать большего воздействия на целителя, чем яд любой другой змеи.

Она не могла представить ни одной причины, для чего человеку использовать столько яда змей-грез и столь долгое время. Люди умирали в мучениях из-за этого человека, кем бы он там ни был.

Тряся головой, сумасшедший снова опустился на землю.

— Нет, никогда не был целителем… не я. Нам не нужны целители в разрушенном доме.

Снейк нетерпеливо ждала, но не хотела подгонять его. Безумец облизнул губы и вновь заговорил.

— Воды… пожалуйста.

Снейк поднесла фляжку к его губам, и он начал жадно пить, уже не расплескивая и не разливая воду, как раньше. Он постарался опять сесть, но подвернул локоть и остался тихо лежать, не пытаясь заговорить.

Терпение Снейк иссякло:

— Почему тебя так часто кусала змея-греза?

Он посмотрел на нее своими светлыми воспаленными глазами. Взгляд его был достаточно тверд.

— Потому что я был хорошим и полезным про-

сителем и приносил много драгоценностей в разрушенный дом. Меня часто награждали.

— Награждали!

Лицо его смягчилось.

— О да. — Взгляд его стал рассеянным, казалось, он смотрел сквозь нее. — Счастьем, забвением и реальностью грез.

Он закрыл глаза и снова замолчал, даже когда Снейк грубо толкнула его.

Она присоединилась к Мелиссе, которая нашла несколько сухих веток на другом краю привала и сейчас сидела перед небольшим костерком, выжидая, что получится.

— У кого-то есть змея-греза, — сказала Снейк. — Они используют ее яд как приносящий удовольствие наркотик.

— Это же глупо, — сказала Мелисса. — Почему бы им не использовать то, что растет повсюду? Здесь полно разной дряни.

— Не знаю, — сказала Снейк. — Я сама не знаю, какие ощущения приносит яд. Но я хотела бы знать, где они берут змей-грез. Они берут их не у целителей, по крайней мере, добровольно их не отдают.

Мелиса помешивала суп. Солнечный свет превратил ее рыжие волосы в золото.

— Снейк, — наконец сказала она, — когда ты пришла тогда вечером на конюшню… после того как подралась с ним… он мог бы убить тебя, если бы ты поддалась ему. Сегодня он убил бы меня, если бы у него была такая возможность. Если у него есть друзья и они решат забрать змей-грез у целителя…

— Я знаю. — Целителей убивали из-за их змей-грез, дарующих забвение? С этой мыслью трудно было примириться. Снейк острой галькой чертила на земле пересекающиеся линии, некий ничего не значащий рисунок. — Но это единственное разумное объяснение.

Они пообедали. Сумасшедший слишком крепко спал, чтобы его можно было покормить, да и вообще, смерть ему грозила далеко не в той степени, как он уверял. В сущности, под своими грязными лохмотьями он был на удивление здоровым: худощавый, но с хорошим мышечным тонусом, на коже не было признаков недоедания. Без сомнения, он был очень сильным.

Но все это потому, подумала Снейк, что целители для начала использовали змей-грез. Яд их не убивал и не делал смерть неизбежной. Скорее, он облегчал переход от жизни к смерти и помогал умирающим принять конец.

Со временем сумасшедший, без сомнения, доведет-таки себя до смерти.

Но Снейк не собиралась дать ему претворить свою волю до того, как она выяснит, откуда он родом и что там происходит. Также ей не улыбалось провести полночи, карауля его сон вместе с Мелиссой. Им обеим нужен был хороший ночной сон.

Руки сумасшедшего были такими же вялыми, как его ветхая одежда.

Снейк завела ему руки за голову и привязала запястья к седлу двумя кусками веревки. Она связала его не слишком туго и не жестоко, просто достаточно сильно, чтобы услышать, когда он попытается вырваться. Вечер стал прохладным, так что она набросила на него лишнее одеяло, а потом они с Мелиссой разложили свои одеяла на земле и пошли спать.

Наверное, уже была полночь, когда Снейк снова проснулась. Костер погас и погрузил лагерь в глухую тьму. Снейк лежала не двигаясь, ожидая услышать, как безумец собирается высвободиться.

Мелисса вскрикнула во сне. Снейк приблизилась к ней, двигаясь в темноте ощупью, и дотронулась до ее плеча. Она села рядом с ней,

гладя ее волосы и лицо.

— Все в порядке, Мелисса, — прошептала Снейк. — Проснись, ты просто видишь плохой сон.

Через мгновение Мелисса села:

— Что…

— Это я, Снейк. У тебя был кошмар.

Голос Мелиссы дрожал.

— Я думала, я снова в Горной Стороне, — сказала она. — Я думала, Рас…

Снейк прижимала ее к себе, все еще гладя ее мягкие вьющиеся волосы. — Не беспокойся. Тебе никогда больше не придется возвращаться туда.

Она почувствовала, как Мелисса кивнула.

— Хочешь, я останусь здесь, рядом с тобой? — спросила Снейк. — Или это вызовет еще кошмары?

Мелисса поколебалась.

— Пожалуйста, оставайся, — прошептала она.

Снейк улеглась и натянула на них оба одеяла. Ночь стала холодной, но Снейк была рада, что они выбрались из пустыни, назад в те места, где земля не хранила столь цепко дневной жар. Мелисса съежилась возле нее.

Мгла была беспросветная, но Снейк могла сказать по дыханию Мелиссы, что она снова

погрузилась в сон. Возможно, она полностью и не просыпалась. Снейк некоторое время не засыпала. Она слышала жесткое — почти храп — дыхание сумасшедшего, перекрывающее щебет ручья, чувствовала, как колеблется твердая утоптанная земля под копытами Бельчонка и Быстрой, переступающих с ноги на ногу в ночи. Под ее плечом и бедром земля была неподатливой, а над ней ни звезда, ни осколочек луны не прорезали небосвод.

Голос сумасшедшего был громкий, плаксивый, но гораздо более сильный, чем предыдущей ночью.

— Дайте мне встать. Развяжите меня. Вы что, собираетесь замучить меня до смерти? Мне надо пописать. Я хочу пить.

Снейк отбросила одеяла и села. Она собралась было предложить ему попить, но потом решила, что это недостойная причуда — будить людей на рассвете. Она встала, зевая, потянулась, потом помахала рукой Мелиссе, стоявшей между Бельчонком и Быстрой, которые слегка подталкивали ее мордами, чтобы она поторопилась с завтраком для них. Мелисса засмеялась и помахала рукой в ответ.

Сумасшедший потянул за веревки:

— Ну так что? Вы собираетесь дать мне встать?

— Минуту.

Она воспользовалась уборной — ямкой, которую они вырыли за кустами, а потом пошла вдоль ручья, чтобы сполоснуть лицо. Она хотела бы выкупаться, но в ручье не было столько воды, да она и не намеревалась заставлять сумасшедшего ждать так долго. Она возвратилась в лагерь и развязала веревки на его запястьях. Он сел, потирая руки и ворча, а потом встал и пошел прочь.

— Я не хочу шпионить за тобой, — сказала Снейк, — но не уходи из поля моего зрения.

Он пробормотал что-то невразумительное, но не позволил естественной ширме полностью скрыть себя. Притащившись обратно к Снейк, он сел на корточки и схватил фляжку с водой. Жадно напившись, он вытер рот рукавом и стал озираться вокруг голодными глазами.

— Завтрак есть?

— Я думала, ты собираешься умирать.

Он фыркнул.

— В моем лагере все отрабатывают себе обед, — сказала Снейк. — Ты свою еду можешь заработать разговором.

Мужчина посмотрел вниз и вздохнул. У него были темные кустистые брови, которые затемня-

ли его бесцветные глаза.

— Хорошо, — сказал он. Он уселся, скрестив ноги, и положил руки на колени, уронив кисти. Пальцы его дрожали.

Снейк ждала, но он ничего не говорил.

Двое целителей исчезли за прошедшие несколько лет. Снейк все еще помнила их детские имена, те имена, под которыми она знала их, пока они не отправились на испытательную работу. Она не была особенно близка с Филиппом, но Дженнет была ее любимой старшей сестрой, одной из трех людей, которые ей были ближе всего. Она до сих пор ощущала потрясение от той зимы и весны, когда Дженнет проходила свой испытательный год. Дни проходили, и их община начала постепенно осознавать, что она не вернется. Они так и не выяснили, что с ней случилось. Иногда, когда целитель умирал, гонец приносил на станцию скорбную весть, иной раз даже возвращали змей. Но целители не получили послания от Дженнет. Не исключено, что этот безумец, который сидит тут, перед Снейк, где-нибудь в темной аллее напрыгнул на Дженнет и убил ее из-за змеи-грезы.

— Ну? — резко спросила Снейк.

Сумасшедший дернулся.

— Что? — Он уставился на нее, стараясь скон-

центрировать взгляд.

— Откуда ты родом? — В том же духе продолжала Снейк.

— С юга.

— Из какого города? — Ее карты указывали только на эту дорогу, но не более того. В горах, так же как и в пустыне, у людей было достаточно причин, чтобы избегать опасных южных земель.

Он пожал плечами.

Снейк вскочила на ноги и схватила его грязную рубаху. Она потянула сумасшедшего вверх, при этом ткань у его горла затрещала в ее кулаке:

— Отвечай мне!

Слезы закапали с его лица:

— Как я могу ответить? Я тебя не понимаю. Где я их достал? У меня никогда ни одной не было. Они всегда были там, но мне не принадлежали. Они были там, когда я туда пошел, и были там, когда я ушел оттуда. Зачем бы мне нужны были твои, если бы у меня были свои собственные? — Ненормальный сел на землю, когда Снейк медленно разжала пальцы.

— Свои собственные?

Он поднял руки, чтобы рукава упали на локти. Его руки на внутренней стороне локтей, на запястьях, везде, где выступали вены, были покрыты

шрамами от укусов.

— Лучше всего, если бы они укусили сразу, одновременно, — мечтательно сказал он. — В горло — это быстро и надежно, это в крайнем случае, для поддержки. Это все обычно Норт дает тебе. Но сверх того, если ты сделаешь для него что-нибудь особенное, тогда он даст тебе это. — Безумец съежился и потер руки, словно ему было холодно. Он покраснел от возбуждения и стал растирать себя все сильнее и быстрее. — А потом ты чувствуешь, чувствуешь… все загорается, ты в огне, все… продолжается и продолжается.

— Прекрати это!

Он уронил руки на землю и опять посмотрел на нее невидящим взором:

— Что?

— Этот Норт… у него есть змеи-грезы?

Сумасшедший с живостью подтвердил. И вновь отдался во власть воспоминаний.

— У него их много?

— Целая яма. Иногда он позволяет кому-нибудь спуститься в яму, он их награждает. Но меня — никогда, с самого первого раза.

Снейк села, глядя на сумасшедшего — и в то же время в пустоту, представляя себе нежные создания, сваленные в яму, разорванные на части.

— Где он их берет? Городские жители торгуют ими? Может, он имеет дело с пришельцами?

— Где он их берет? Они там. У Норта они есть.

Снейк бил такой же сильный озноб, как и сумасшедшего. Она крепко стиснула колени руками, напрягая мышцы, а потом медленно заставила себя расслабиться. Руки ее стали тверже.

— Он разозлился на меня и отослал прочь, — произнес сумасшедший. — Я был так болен… а потом я услышал про целителя и пошел разыскивать тебя, но тебя там не было, и ты забрала змею-грезу с собой… — Голос его зазвучал громче, он заговорил быстрее. — Люди отгоняли меня, но я шел за тобой, шел и шел, пока ты снова не пошла назад, в пустыню, я не мог больше преследовать тебя, просто не мог, я попытался пойти домой, но не смог, поэтому я лег наземь, чтобы умереть, но этого я тоже не смог сделать. Почему ты вернулась сюда, ко мне, раз у тебя нет змеи-грезы? Почему ты не дала мне умереть?

— Не похоже, что ты собираешься умирать, — сказала Снейк.

— Ты будешь жить до тех пор, пока не приведешь меня к Норту и к змеям-грезам. А после этого умрешь ты или останешься в живых — твое личное дело.

Сумасшедший уставился на нее:

— Но ведь Норт выгнал меня.

— Ты больше не будешь подчиняться ему, — сказала Снейк. — У него больше нет над тобой власти, если он не дает тебе то, что ты хочешь. Твой единственный шанс — помочь мне раздобыть несколько змей-грез.

Безумный долгое время таращился на нее, моргая, хмурясь, глубоко задумавшись. Внезапно его лицо прояснилось, стало безмятежным и радостным. Он двинулся к ней, пошатнулся, потом пополз. Стоя на коленях возле нее, он поймал ее руки. Его руки были грязные и мозолистые. Кольцо, что порезало лоб Снейк, превратилось в одну оправу, без камня.

— Ты хочешь сказать, что поможешь мне достать собственную змею-грезу? — Он улыбался. — Чтобы я мог пользоваться ею, когда хочу?

— Да, — стиснув зубы, сказала Снейк. Она отняла руки, когда сумасшедший наклонился, чтобы поцеловать их. Сейчас она обещала ему и, хотя знала, что это единственный способ заполучить его помощь, чувствовала себя так, словно совершила тяжелейший грех.

Глава 11

Лунный свет отбрасывал неяркие блики на превосходную дорогу к Горной Стороне. Аревин ехал верхом допоздна и был так поглощен своими мыслями, что не заметил, как закат спалил солнечный свет и превратил его в сумерки. Несмотря на то что прошло уже несколько дней, как он оставил позади себя станцию целителей, ему так и не удалось встретиться с кем-нибудь, кто мог бы сообщить ему что-нибудь о Снейк. Горная Сторона — последнее место, где она могла быть, потому что южнее Горной Стороны ничего не было. На картах Аревина, где были центральные горы, была нанесена пастушья тропа — старая, давно нехоженая, доходящая только до восточной гряды, а затем обрывающаяся. Путешествующие в горах, так же как и в стране Аревина, не рисковали забираться в дальние южные окраины своих земель.

Аревин старался не думать о том, что он будет делать, если не найдет здесь Снейк. Он еще недостаточно близко подобрался к гребню гор, чтобы уловить взглядом отблески восточной пустыни,

и он был рад хотя бы этому. Если он не увидит, что начнутся бури, тогда, по крайней мере, вообразит, что спокойная погода продлится дольше, чем обычно.

Он описал большой полукруг, посмотрел вверх и, щурясь, зажег свой фонарь. Там, впереди, были огни: мягкий желтоватый свет газовых светильников. Город напоминал корзинку, наполненную мелкими алмазами, которые вываливались из ее боков, а потом соединялись ненадолго, чтобы вновь рассыпаться по дну долины.

И, хотя к своему жизненному опыту Аревин добавил еще несколько городов, его по-прежнему поражало, сколько всяких дел и работы находилось у людей с наступлением темноты. Он решил продолжить свой путь к Горной Стороне: возможно, ему удастся разузнать что-нибудь о Снейк до утра.

Он плотнее закутался в свою одежду, чтобы защититься от холодной ночи.

Сам того не желая, Аревин задремал и проснулся, лишь когда копыта его лошади застучали по булыжнику. Тут, на окраине, было тихо, так что он продолжал ехать, пока не добрался до центра города со всеми его тавернами и другими увеселительными заведениями. Здесь было почти

так же светло, как днем, а люди вели себя так, будто ночь и не наступала. Через вход в таверну он разглядел нескольких рабочих, которые пели, положив руки друг другу на плечи. Контральто звучало несколько монотонно. К таверне примыкал постоялый двор, так что он остановил лошадь и спешился. Совет Тэда — спрашивать о чем-нибудь в тавернах — похоже, имел смысл, но ни один владелец, с кем только Аревин ни разговаривал, не знал ничего о Снейк.

Он вошел в таверну. Певцы продолжали распевать, заглушая аккомпанемент или подобие мелодии, которую флейтистка пыталась извлечь из своего инструмента. Она положила флейту на колени, поднесла к губам глиняную кружку и отхлебнула из нее. «Наверное, пиво», — подумал Аревин. Таверна наполнилась приятным запахом дрожжей.

Певцы начали другую песню, но женщина с контральто вдруг закрыла рот и уставилась на Аревина. Один из мужчин поглядел на нее. Песня внезапно оборвалась, как только мужчина и остальные собутыльники последовали за ее взглядом. Мелодия флейты подскочила вверх, потом вниз и замерла. Внимание всех присутствовавших в комнате обратилось на Аревина.

— Приветствую вас, — суховато сказал он. — Я бы хотел поговорить с владельцем, если это возможно.

Никто не двинулся. Потом контральто неловко и резко встала на ноги, опрокинув свою табуретку.

— Я… я пойду поищу ее. — Она исчезла за портьерой.

Все молчали, даже бармен. Аревин не знал, что сказать. Он не думал, что настолько запылен и грязен, чтобы вызвать у кого-нибудь немоту, и, уж конечно, в торговом городе, таком как этот, люди должны бы привыкнуть к такой манере одеваться. Все, что он мог придумать, — это стоять, так же смотреть на них и ждать. Может быть, они снова продолжат распевать или потягивать пиво, а может, спросят его, не хочет ли он пить.

Но они ничего не делали. Аревин ждал.

Ему стало немного смешно. Он шагнул вперед, собираясь снизить напряженность, поступая так, будто все в порядке. Но, как только он двинулся с места, все в таверне затаили дыхание и отшатнулись от него. В комнате царила напряженная атмосфера, похожая на то, что люди не столько рассматривают чужестранца, сколько ожидают встречи с врагом.

Кто-то что-то прошептал соседу, слова разобрать было невозможно, но тон был зловещим.

Портьеры у входа раздвинулись, и в тени замерла высокая фигура.

Владелица таверны выступила на свет и твердо, безо всякого страха, посмотрела на Аревина:

— Ты хотел поговорить со мной?

Она была такого же роста, как Аревин, изящная и суровая. Она не улыбалась. Эти горные люди живо выражали свои чувства, поэтому Аревин подумал, что он, наверное, ввалился в частный дом, а может, нарушил неведомый ему обычай.

— Да, — сказал он. — Я ищу целительницу Снейк. Я надеялся, что смогу найти ее в вашем городе.

— А почему ты думаешь, что можешь найти ее здесь?

Аревин подумал, что если со всеми путешественниками разговаривают так же грубо, то почему этот город, Горная Сторона, такой процветающий?

— Если ее здесь нет, то она вообще не доехала до гор — наверное, все еще в западной пустыне. Ведь надвигаются бури.

— Почему ты ее разыскиваешь?

Аревин позволил себе слегка нахмуриться,

поскольку вопрос выходил за рамки обычной грубости.

— Не думаю, что это касается кого-нибудь из вас, — сказал он. — Если общепринятые правила не в обычае вашего дома, я спрошу где-нибудь в другом месте.

Он повернулся и чуть не наткнулся на двух людей со знаками отличия на воротниках и с цепями в руках.

— Пожалуйста, пойдемте с нами.

— По какой причине?

— По подозрению в нападении.

Аревин в крайнем изумлении посмотрел на него:

— В нападении? Но я же здесь не более нескольких минут.

— Это будет установлено, — сказала одна из полицейских.

Она протянула руку, чтобы застегнуть наручники на запястьях Аревина.

Он отпрянул назад, но женщина крепко держала его. Он стал сопротивляться, и оба полицейских подошли к нему. Через мгновение они колотили друг друга, а хозяйка бара криками подбадривала своих. Аревин сильно ударил своих обидчиков и наклонился почти до земли. Вдруг что-то стук-

нуло его по голове. Он почувствовал слабость в коленках и упал, потеряв сознание.

Аревин пришел в себя в маленькой комнатке с каменными стенами и с единственным высоко расположенным окном. Голова его страшно болела. Он не понимал, что произошло, ибо торговцы, кому его клан сбывал одежду, говорили о Горной Стороне как о городе, где живут прекрасные люди.

Вероятно, эти городские бандиты нападали на одиноких странников, а хорошо защищенные караваны оставляли в покое. Его пояс, со всеми деньгами и кинжалом, куда-то исчез. Он не понимал, почему не валялся мертвым где-нибудь на улице. Но, по крайней мере, он не был прикован цепями.

Он медленно сел, выждал момент, когда головокружение прошло, и огляделся по сторонам. Заслышав в коридоре шаги, он вскочил на ноги, пошатнулся и рывком поднялся, чтобы посмотреть в крошечные трещинки в двери. Шаги стали удаляться, кто-то побежал.

— Вот как вы обращаетесь с гостями вашего города? — закричал Аревин. Его гнев здорово расстроил его, смутил, но он был слишком зол.

Никто не ответил. Он отнял руки от двери и

сел на пол. Ему ничего не удалось рассмотреть по другую сторону его камеры — только такую же каменную стену. Окно было слишком высоко, чтобы до него можно было дотянуться, даже когда он придвинул тяжеленную деревянную кровать и встал на нее. Свет в комнате отражался от блеклого солнечного пятна на стене. Кто-то забрал у Аревина его робу и башмаки и ничего не оставил ему, кроме его длинных просторных штанов для верховой езды.

Постепенно успокаиваясь, он настроился ждать.

Раздались неровные шаги — кто-то хромой, с палкой, шел по каменному коридору к его камере. На этот раз Аревин просто ждал. Щелкнул ключ, и дверь распахнулась. Стражники, на которых были те же знаки отличия, как и на его обидчиках прошлой ночью, с опаской вошли первыми. Их было трое, и это показалось Аревину странным: ведь он не смог вчера справиться и с двумя. У него не было особенно большого опыта в драках. В его клане взрослые мягко разводили ссорившихся детей и старались помочь им разрешить разногласия словами.

Опираясь на помощника и на палку, в камеру вошел крупный темноволосый человек. Аревин

не поздоровался с ним и не поднялся. Несколько мгновений они неотрывно смотрели друг на друга.

— Целительница в безопасности, по крайней мере от тебя, — произнес большой мужчина. Его помощник на минутку оставил его, чтобы притащить из холла стул. Когда человек сел, Аревин увидел, что он не то чтобы хромой, но раненый: его правая нога была тщательно забинтована.

— Она помогла и тебе, — сказал Аревин. — За что же ты так ополчился на того, кто хотел бы найти ее?

— Ты хорошо разыгрываешь благоразумие. Но я надеюсь все же, что, когда мы понаблюдаем за тобой несколько деньков, ты опять станешь нести околесицу.

— Не сомневаюсь, что начну бредить, если вы оставите меня здесь надолго, — сказал Аревин.

— Неужели ты думаешь, мы позволим тебе опять преследовать целительницу?

— Она здесь? — взволнованно спросил Аревин, забыв про свою выдержку. — Значит, она благополучно прошла через пустыню, если вы видели ее здесь.

Темноволосый человек несколько мгновений смотрел на него.

— Я удивляюсь, почему ты толкуешь о ее безопасности, — сказал он. — Но полагаю, от сумасшедшего всегда следует ожидать непостоянства.

— От сумасшедшего!

— Успокойся. Мы знаем, как ты нападал на нее.

— Нападал?.. На нее нападали? А как она? Где она?

— Я думаю, для нее будет безопаснее, если я тебе ничего не скажу.

Аревин посмотрел в сторону, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями. Им завладела странная смесь смущения и облегчения. По крайней мере, Снейк не в пустыне. Она должна быть в безопасности. На трещину в каменном блоке попал свет. Аревин, успокаиваясь, засмотрелся на сверкающую точку.

Потом поднял голову, почти улыбаясь:

— Это глупый аргумент. Попросите ее прийти и повидаться со мной. Она скажет вам, что мы — друзья.

— В самом деле? А кто хочет повидаться с ней, как нам ей сказать?

— Скажите ей… тот, чье имя она знает.

Большой человек нахмурился:

— Вы дикари, и ваши суеверия…

— Она знает, кто я, — сказал Аревин, отказываясь реагировать на его гнев.

— Ты будешь ссориться с целительницей?

— Ссориться с ней!

Крупный мужчина откинулся на своем стуле и посмотрел на своего помощника: — Что ж, Брайан, он действительно рассуждает не как сумасшедший.

— Да, сэр, — ответил пожилой мужчина.

Рослый человек посмотрел на Аревина, но на самом деле его глаза были прикованы к стене за спиной узника.

— Интересно, что бы Габриэль… — Он оборвал себя и поглядел на помощника. — К нему иногда приходят здравые мысли в таких ситуациях. — Голос его звучал немного смущенно.

— Да, мэр, это так.

Наступило долгое упорное молчание. Аревин понимал, что через несколько минут стража, мэр и старик Брайан поднимутся и оставят его в этой крошечной тесной камере. Аревин почувствовал, как капельки пота побежали по его бокам.

— Ну… — произнес мэр.

— Сэр?.. — нерешительно произнесла одна из стражниц.

Мэр повернулся к ней:

— Ну, говори. У меня нет желания держать в тюрьме невиновных, но мы недавно выпустили столько сумасшедших!

— Он был удивлен, когда мы прошлой ночью арестовали его. Теперь я верю, что его удивление было подлинным. Госпожа Снейк дралась с сумасшедшим, мэр. Я видела, когда она возвратилась. Она победила в драке, и у нее были серьезные ссадины. А у этого человека нет даже синяков.

Услышав, что Снейк была ранена, Аревин едва удержался, чтобы снова не спросить, все ли с ней в порядке. Но он больше ничего не спросит у этих людей.

— Это похоже на правду. Ты очень наблюдательна, — сказал мэр охраннице. — У тебя есть синяки? — спросил он Аревина.

— Нет.

— Надеюсь, ты простишь меня, если я попрошу это доказать.

Аревин встал. Его совершенно не прельщала мысль раздеваться перед незнакомыми людьми. Но он расстегнул штаны, и они упали к коленам.

Он позволил мэру оглядеть себя, потом повернулся. В последний момент он вспомнил, что ему пришлось драться вчера ночью и что где-нибудь

на теле наверняка могут быть синяки. Но никто ничего не сказал, так что он повернулся и опять натянул штаны.

Старик подошел к нему. Охранницы насторожились. Аревин стоял спокойно. Эти люди любое его движение могли счесть угрожающим.

— Будь осторожным, Брайан, — предупредил мэр.

Брайан поднял руки Аревина, посмотрел на тыльную часть, перевернул их, обследовал ладони, а потом уронил его руки и возвратился на свое место возле мэра.

— Он не носит колец. И я сомневаюсь, что когда-нибудь носил. Руки его загорелые и не имеют отметин. Целительница говорила, что порез на ее лбу был сделан кольцом.

Мэр всхрапнул:

— Итак, что же ты думаешь?

— Как вы говорили, сэр, он рассуждает не как сумасшедший. Также сумасшедший не должен обязательно быть глупым, а это было бы глупо — спрашивать о целительнице, а самому носить пустынные одежды, по крайней мере будучи на самом деле невиновным в преступлении и не зная, в чем оно состоит. Я склонен принять на веру то, что говорит этот человек.

Мэр посмотрел на помощника и, поверх него, на стражу.

— Надеюсь, — сказал он тоном, в котором не слышалось шутки, — что ты потрудишься предупредить меня, если кто-нибудь из вас захочет занять мое место. — Он снова взглянул на Аревина. — Если мы разрешим тебе повидаться с целительницей, ты поносишь цепи, пока она не признает тебя?

Аревин все еще ощущал железо, что с прошлой ночи держало его на привязи, холодное, пробиравшее до костей. Но Снейк будет над ними смеяться, если они закуют его в цепи. На этот раз Аревин улыбнулся.

— Передайте целительнице мое послание, — сказал он. — А потом решайте, нужно ли меня заковывать.

Брайан помог мэру встать. Тот посмотрел на охранницу, которая поверила в невиновность Аревина.

— Будьте наготове. Я пришлю за ним.

— Да, сэр, — кивнула она.

Охранница вернулась вместе со своими товарками и цепями. Аревин в ужасе уставился на лязгающее железо. Он надеялся, что другим человеком за дверью окажется Снейк. Он машинально

встал, когда охранница приблизилась к нему.

— Сожалею, — сказала она и закрепила холодную металлическую ленту вокруг его талии, заковала в кандалы его левое запястье, потом протянула цепь сквозь кольцо на ленте и замкнула наручники на правом запястье. Они повели его в холл.

Он знал, что Снейк не сделала бы этого. Если бы она так сделала, то человек, что существовал в его воображении, никогда не существовал бы на самом деле. Аревину легче было бы принять настоящую, физическую смерть — ее или свою собственную.

Наверное, охранницы его неправильно поняли. Послание, которое было передано им, могло быть фальсифицировано, а может, его передали так быстро, что никто не напомнил им, чтобы они не утруждались насчет цепей. Аревин решил перенести эту унизительную ошибку с гордостью и юмором.

Охранницы вывели его на свет, и он едва не ослеп от него. Потом они опять вошли внутрь, но глаза его никак не могли приспособиться к темноте. Он слепо карабкался по лестнице, то и дело оступаясь.

Комната, куда его привели, тоже была почти

темная. Он замешкался у входа, едва различая завернутую в одеяло фигуру, которая сидела в кресле спиной к нему.

— Целительница, — сказала одна из охранниц, — вот человек, который утверждает, что он — ваш друг.

Она ничего не сказала и не пошевелилась.

Аревин застыл от ужаса. Если кто-то напал на нее… если ей нанесли тяжелые увечья, если она не могла больше двигаться и говорить или смеяться, когда его заковали в цепи… Он в страхе сделал один шаг к ней, другой, сгорая от желания броситься к ней и сказать, что он будет заботиться о ней, и в то же время ему хотелось спастись бегством, чтобы всегда помнить ее живой, невредимой и сильной.

Он видел ее безвольно свисавшую руку. Он упал на колени возле закутанной, словно в саван, фигуры.

— Снейк…

Кандалы делали его неуклюжим. Он взял ее руку и наклонился, чтобы поцеловать ее.

Но, как только он дотронулся до нее, еще до того, как он увидел гладкую, без шрамов, руку, он понял, что это не Снейк. Он отшатнулся с криком отчаяния:

— Где она?

Закутанная фигура отбросила одеяло и тоже вскрикнула, от стыда.

Она опустилась перед Аревином, протянув к нему руки. Слезы струились по ее щекам.

— Прости меня, — сказала она. — Пожалуйста, прости меня… — Она упала вниз, длинные волосы развевались вокруг ее прекрасного лица.

Из темного угла выступил мэр. На этот раз Брайан помог Аревину подняться, и через мгновение цепи с лязгом упали на пол.

— Мне нужны были более надежные доказательства, чем синяки и кольца. — сказал мэр. — Теперь я верю тебе.

Аревин слышал звуки, но до него не доходило значение слов. Он понял, что Снейк здесь не было, нигде не было. Она бы никогда не приняла участие в таком фарсе.

— Где она? — прошептал он.

— Она ушла. Ушла в Город. В Центр.

Аревин восседал на роскошном диване в одной из гостевых комнат в доме мэра. Это была та самая комната, где останавливалась Снейк, но, как Аревин ни старался, он никак не мог ощутить ее присутствия.

Шторы были раздвинуты навстречу тьме. Аре-

вин не двигался с той минуты, как вернулся с наблюдательного поста, где он всматривался в восточную пустыню и вихрящиеся массы грозовых облаков. Убийственный ветер превратил заостренные песчинки в смертельное оружие. В бурю даже тяжелая одежда не смогла бы защитить Аревина, ничто не смогло бы придать ему мужества или отчаяния. Несколько мгновений в пустыне убили бы его, а за час ветер обнажил бы его тело до костей. И весной от него не осталось бы и следа.

Если Снейк все еще в пустыне, она мертва.

Он не плакал. Когда он узнает, что она ушла из жизни, тогда будет оплакивать ее. Но он не верил, что она мертва. Он думал, как это глупо — поверить, понять, что Снейк больше нет в живых. Он многое о себе передумал, но никогда не считал себя дураком. Пожилой отец Стэвина, двоюродный брат Аревина, понял, когда малыш заболел, и пришел на месяц раньше со своим стадом. Узы, связывавшие его со Стэвином, были узами любви или семьи, но не крови. Аревин заставил себя поверить, что такие же способности смогут развиться и у него.

Кто-то постучал в его дверь.

— Войдите, — неохотно сказал он.

В комнату вошла Лэррил, служанка, которая притворилась Снейк.

— У тебя все в порядке?

— Да.

— Хочешь пообедать?

— Я думал, она в безопасности, — сказал Аревин. — Но она в пустыне, а бури начались.

— У нее было время добраться до Центра, — сказала Лэррил. — Она ушла очень давно.

— Я много узнал об этом городе, — произнес Аревин. — Горожане могут быть жестокими. А если, предположим, они не пустили ее?

— Но она же не вернулась назад. Никто ее не видел. Если бы она была здесь, все бы об этом узнали.

Он принял молчание Лэррил за согласие, и они оба мрачно посмотрели в окно.

— Может… — Лэррил прервала себя.

— Что?

— Может, тебе стоит отдохнуть и подождать ее, ты ведь искал уже во стольких местах…

— Ты не это хотела сказать.

— Нет…

— Пожалуйста, скажи мне.

— Есть еще одна дорога, на юг. Ею больше никто не пользуется. Но от нее ближе к Центру,

чем от нас.

— Ты права, — медленно сказал он, пытаясь поточнее восстановить в памяти карту. — А могла ли она пойти туда?

— Наверное, ты так часто слышал эти слова, — сказала она.

— Да.

— Мне так жаль.

— Но я благодарю тебя, — сказал Аревин. — Я должен был сам заметить эту дорогу на карте или окончательно потерять надежду. Я завтра же поеду туда. — Он пожал плечами. — Я уже пытался однажды дождаться ее и не смог. Если я снова попытаюсь, то превращусь в сумасшедшего, которого вы так во мне боялись. Я перед тобой в долгу.

Она отвела взор.

— В этом доме все перед тобой в неоплатном долгу.

— Ничего, — сказал он. — Все уже забыто.

Похоже, это немного успокоило ее. Аревин снова выглянул в окно.

— Целительница была добра ко мне, а ты — ее друг, — сказала Лэррил. — Я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Нет, — ответил Аревин. — Ничего.

Она поколебалась, потом повернулась и пошла прочь. Через мгновение Аревин понял, что не слышал, как захлопнулись двери. Он обернулся через плечо, и в этот момент они, качнувшись, закрылись.

Безумец все еще не мог или не хотел вспомнить свое имя.

А может быть, подумала Снейк, он из такого же племени, как клан Аревина, и поэтому не называет незнакомцам своего имени.

Снейк не могла представить себе сумасшедшего в клане Аревина. Люди его были крепкие и умели владеть собой, сумасшедший же был зависим от всех, сумбурен. В один момент он благодарил ее за обещанную змею-грезу, в следующий он рыдал и стонал, что он уже почти мертвый, потому что Норт убьет его. Говорить ему, чтобы он замолчал, было бесполезно.

Снейк была рада, что они были снова в горах, где можно было ехать днем. Утро было прохладное и призрачное, тропинки узкие, покрытые туманом. Лошади пробивались сквозь дымку, как водяные создания, завитки тумана вихрились вокруг их ног. Снейк глубоко вздохнула раз, другой, пока от холодного воздуха не заболели легкие. Она слышала запах тумана и богатого

гумуса и легкий, острый аромат смолы. Вокруг нее расстилался зеленовато-серый мир, ибо листья на возвышавшихся деревьях еще не начали опадать. А выше, в горах, темные вечнозеленые деревья казались из-за тумана черными.

Мелисса ехала рядом с ней, молчаливая и внимательная. Она не могла находиться ближе к сумасшедшему, чем ей приходилось быть. Его было слышно, но не видно, он плелся где-то позади них. Его старая кляча не могла поспевать за Быстрой и Бельчонком, но Снейк, по крайней мере, не надо было ехать с ним вдвоем на лошади.

Голос его становился все тише и тише. Снейк нетерпеливо осадила Быструю, чтобы безумец догнал их. Мелисса остановилась с большой неохотой. Сумасшедший отказался ехать на более здоровом животном: только эта кляча была достаточно спокойной для него. Снейк пришлось насильно всучить деньги хозяевам лошади, и она не думала, что молодые табунщики попытались отказаться продать ее потому, что не были рады избавиться от нее или потому что хотели получить за лошадь более высокую цену.

Джин и Кев были в смущении. Что ж, Снейк была смущена не меньше их.

Лошадь тащилась сквозь туман, веки ее были

полуприкрыты, уши болтались. Безумец что-то напевал без всякого мотива.

— Дорога не кажется тебе знакомой?

Сумасшедший, улыбаясь, поглядел на нее.

— Мне все равно, — сказал он и засмеялся.

Трясти его, умасливать или угрожать было бесполезно. Похоже, у него уже ничего не болело и он ни в чем не нуждался с того момента, как ему пообещали змею-грезу, казалось, само ожидание поддерживает его.

Он напевал и что-то постоянно бормотал, невразумительно шутил, а иногда выпрямлялся, оглядывался вокруг и восклицал: «Все время на юг!» — и опять погружался в свои лишенные мелодии песни. Снейк вздохнула и пропустила вперед разбитую клячу безумца, чтобы он оказался впереди.

— Я не думаю, что он нас куда-нибудь приведет, Снейк, — сказала Мелисса. — Я думаю, он просто водит нас по кругу, чтобы мы заботились о нем. Нам надо оставить его здесь, а самим поехать в другое место.

Сумасшедший напрягся. Потом медленно повернулся. Старая лошадь остановилась. Снейк с удивлением увидела, что из глаза сумасшедшего выкатилась слеза и заскользила по его щеке.

— Не бросайте меня, — сказал он. Его лицо и голос были просто жалкими. До этого он вроде бы не был способен о чем-нибудь так беспокоиться. Он посмотрел на Мелиссу, моргая своими веками, лишенными ресниц.

— Ты права, что не доверяешь мне, малышка, — сказал он. — Но, пожалуйста, не покидай меня. — Взгляд его стал рассеянным, а слова, казалось, доносились откуда-то издалека. — Оставайся со мной, пока мы не придем к разрушенному куполу, и мы оба получим своих змей-грез. Наверняка твоя госпожа даст тебе одну змею. — Он наклонился к ней, протянул руку, и его пальцы согнулись, как когти. — Тебя оставят плохие воспоминания и печали, ты забудешь свои шрамы…

Мелисса отпрянула от него с невнятным ругательством, удивленным и злым. Она сжала ногами бока Бельчонка и пустила тигрового пони с места в галоп, низко прижимаясь к его шее и не оглядываясь назад. Через мгновение деревья скрыли ее, видны были только комья грязи от копыт Бельчонка.

Снейк посмотрела на сумасшедшего.

— Как ты мог такое сказать ей?

Он смущенно мигнул:

— А что я такого сказал?

— Следуй за нами, понял ты? Не сходи со следа. Я разыщу ее, и мы подождем тебя. — Она пришпорила Быструю и поскакала за Мелиссой.

Голос ничего не соображающего сумасшедшего понесся ей вслед:

— Ну почему она так сделала?

Снейк не беспокоилась о безопасности Мелиссы или Бельчонка. Ее дочь целый день могла скакать на любой лошади в горах и не поставила бы лошадь на дыбы перед любой опасностью. А на этом послушном пони она была вдвойне защищена. Но сумасшедший обидел ее, и Снейк не хотела сейчас оставлять ее одну.

Ей не пришлось ехать далеко. Там, где тропа снова начинала подниматься, поворачиваясь к склону долины и к другой горе, возле Бельчонка стояла Мелисса, обнимая его за шею, в то время как он толкал ее в плечо. Услышав, что приближается Быстрая, Мелисса вытерла лицо рукавом и осмотрелась. Снейк спустилась с лошади и подошла к ней.

— Я боялась, что ты далеко уедешь, — сказала она. — Я рада, что ты этого не сделала.

— Нельзя ожидать от лошади, что она побежит в гору сразу после того, как оправилась от хромоты, — сказала Мелисса, констатируя факт, но со

следами возмущения в голосе.

Снейк протянула ей уздечку Быстрой:

— Если хочешь скакать быстро и долго, можешь на некоторое время взять Быструю.

Мелисса уставилась на нее, словно пытаясь различить сарказм на ее лице, который совершенно отсутствовал в голосе. Но она не нашла и следов его.

— Нет, — сказала Мелисса. — Ничего. Может, это бы помогло, но я в порядке. Просто… я не хочу забывать. Во всяком случае, не таким образом.

— Я знаю, — кивнула Снейк.

Мелисса обняла ее, как умела — резко, самозабвенно. Снейк прижала ее к себе, гладила ей плечи.

— Он в самом деле сумасшедший.

— Угу. — Мелисса медленно отстранилась. — Я понимаю, что он может помочь тебе. К сожалению, я не могу перестать ненавидеть его. Но я пыталась.

— Я тоже, — ответила Снейк.

Они сели подождать, пока сумасшедший своим медленным шагом доберется до них.

Еще прежде чем сумасшедший начал узнавать окрестности или дорогу, Снейк заметила разрушенный купол. Она некоторое время смотрела

на его массивные формы, а потом с удивлением поняла, что это было такое. На первый взгляд это было похоже на еще одну вершину горного хребта; его цвет — серый, а не черный — привлек внимание Снейк. Она ожидала увидеть обычную полусферу, а не громадную неправильную поверхность, что лежала на склоне холма, как неподвижная амеба. Основной прозрачный серый фон перемежался разными цветами и окрашивался в красный под лучами полуденного солнца. Снейк не могла сказать, был ли купол сконструирован как асимметричное тело или был задуман как круглый пластиковый пузырь, который деформировался и опал в результате воздействия прежних цивилизаций. Но в таком состоянии он находился долгое-долгое время. В его впадинах и долинах угнездилась грязь, а затененные навесы густо поросли деревьями, кустами и травой.

Снейк в молчании проехала минуту-другую, едва веря, что она наконец добралась до своей цели. Она тронула плечо Мелиссы: дитя резко оторвало взгляд от какой-то точки на шее Бельчонка. Снейк показала на купол. Мелисса увидела его и тихо воскликнула, потом улыбнулась, взволнованно и облегченно. Снейк усмехнулась в ответ.

Сумасшедший пел позади них, не замечая их цели. «Разрушенный купол» — эти слова странно сочетались друг с другом. Купола не ломались, не разрушались, не подвергались атмосферным влияниям, не менялись.

Они просто существовали, таинственные, непроницаемые.

Снейк остановилась, чтобы дождаться сумасшедшего. Когда старая лошадь дотащилась и остановилась возле нее, Снейк показала наверх. Безумец посмотрел туда. Он моргнул глазами, словно не веря им.

— Это то самое? — спросила Снейк.

— Еще нет, — ответил сумасшедший. — Нет, еще нет, я не готов.

— Как мы заберемся туда? Можем на лошадях?

— Норт увидит нас…

Снейк пожала плечами и спустилась с лошади. Дорожка к куполу была крутая, следов нигде не было видно.

— Тогда пойдем пешком. — Она расстегнула подпругу своей кобылы.

— Мелисса…

— Нет! — бросила Мелисса. — Я не останусь здесь внизу, пока ты пойдешь наверх одна с ним. Бельчонок и Быстрая будут в порядке, никто их

не побеспокоит. Разве что другой сумасшедший, и тогда они получат по заслугам.

Снейк начинала понимать, почему ее собственная сильная воля так часто раздражала старых целителей, когда она была в возрасте Мелиссы.

Но на станции никогда не было какой бы то ни было серьезной опасности, поэтому они могли позволить себе прощать ее.

Снейк опустилась на упавшее бревно и усадила рядом дочь. Мелисса села, не глядя на Снейк, с вызовом распрямив плечи.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала Снейк. — Я не добьюсь успеха без твоей помощи. Если что-нибудь со мной случится…

— Какой же это успех?

— В какой-то степени это успех. Мелисса… целителям нужны змеи-грезы. Там, над этим куполом, их достаточно даже для забавы. Я должна выяснить, как они добывают их. Но если я не смогу, если я не спущусь назад — только через тебя одну другие целители смогут узнать, что случилось со мной. И почему это случилось. Ты — единственный человек, кто расскажет им о змеях-грезах.

Мелисса упорно смотрела на землю и терла костяшки одной руки пальцами другой.

— Это для тебя очень важно?

— Да.

Мелисса вздохнула и сжала руки в кулаки.

— Хорошо, — сказала она. — Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Снейк обняла ее:

— Если я не вернусь через день или два, возьми Быструю и Бельчонка и поезжай на север. Двигайся мимо Горной Стороны и Срединной тропы. Это долгий путь, но там, в ящике, много денег. Ты знаешь, как их можно безопасно достать.

— У меня есть свои деньги, — сказала Мелисса.

— Ну хорошо, но остальные также твои. Не надо открывать отделения, где Дымка и Песок. Они смогут выжить, пока ты не доберешься до дому. — В первый раз она по-настоящему поняла, что Мелиссе придется поехать одной. — В любом случае Песок становится слишком толстым. — Она выдавила улыбку.

— Но… — Мелисса оборвала себя.

— Что?

— Если что-нибудь с тобой случится, я не смогу прийти к тебе на помощь, и если я пройду весь путь к станции целителей, тоже.

— Если я не вернусь сама, тогда не будет способа мне помочь. Не приходи за мной сама. Пожалуй-

ста. Мне надо знать, что ты не сделаешь этого.

— Если ты не придешь через три дня, я поеду и расскажу твоим людям о змеях-грезах.

Снейк, в сущности, с особенной благодарностью разрешила ей третий, лишний день.

— Спасибо тебе, Мелисса.

Они пустили расседланных тигрового пони и кобылу попастись на прогалине возле тропы. Вместо того чтобы поскакать к лугам и вволю покататься в траве, они стояли, сбившись в кучу, нервно наблюдая, вращая ушами и раздувая ноздри. Кляча сумасшедшего стояла в тени в сторонке, опустив голову. Мелисса смотрела на лошадей, сжав губы.

Сумасшедший стоял там, где спешился, и смотрел на Снейк полными слез глазами.

— Мелисса, — сказала Снейк, — если ты одна пойдешь домой, скажи им, что я удочерила тебя. Тогда… тогда они будут знать, что ты и их дочь тоже.

— Я не хочу быть их дочерью. Я хочу быть твоей.

— Ты и так моя. Что бы там ни было… — Она глубоко вздохнула и медленно выдохнула. — Здесь есть тропинка? — спросила она сумасшедшего. — Как быстрее всего взобраться наверх?

— Тропинки нет… он открывается передо мной и захлопывается за мной.

Снейк почувствовала, что Мелисса едва удержалась, чтобы не сказать что-нибудь язвительное.

— Тогда пойдем, — сказала она, — и посмотрим, воздействует ли твое волшебство еще на кого-нибудь.

Она в последний раз обняла Мелиссу. Та крепко прижалась к ней, не желая ее отпускать.

— Все будет хорошо, — сказала Снейк. — Не беспокойся.

Сумасшедший взбирался на удивление быстро, словно тропа действительно раскрылась перед ним и только для него одного. Снейк приходилось стараться изо всех сил, чтобы не отставать от него, пот заливал ей глаза. Она вскарабкалась вверх на несколько метров и ухватила его робу:

— Не так быстро.

Он часто дышал, но от возбуждения, а не от усилий.

— Змеи-грезы здесь, близко, — сказал он. Он выдернул свою робу из ее руки и полез вверх по отвесной скале. Снейк отерла рукавом лоб и полезла за ним.

В следующий раз, поймав сумасшедшего, она схватила его за плечо и не позволила ему идти,

пока он не плюхнулся на выступ.

— Мы передохнем здесь, — сказала она, — а потом снова пойдем вверх, но только тише и медленнее. Иначе твои друзья узнают, что мы идем, до того как мы успеем их предупредить.

— Змеи-грезы…

— Между нами и змеями-грезами стоит Норт. Если он первый заметит тебя, разве он даст тебе пройти?

— Ты дашь мне змею-грезу? Мою собственную? Не так, как Норт?

— Не так, как Норт, — сказала Снейк. Она сидела на узкой полоске тени, прижав голову к вулканической скале. Там, внизу, в долине, проглядывал край луга сквозь ветви вечнозеленых деревьев, но ни Быстрой, ни Бельчонка не было видно на этой стороне прогалины. С такого дальнего расстояния поляна походила на лоскут бархата. Снейк вдруг почувствовала себя оторванной от всех и одинокой.

Вблизи скала оказалась не такой бесплодной, какой виделась снизу.

То тут, то там серо-зелеными пятнами лежал лишайник, маленькие, с мясистыми листьями сочные растения прятались в тенистых нишах. Снейк нагнулась, чтобы лучше рассмотреть од-

но из растений. В тени, на фоне черной скалы, невозможно было разобрать, какого они цвета.

Она резко отшатнулась.

Подняв кусочек скалы, Снейк наклонилась над приземистым голубовато-зеленым растением. Она ткнула в его листья — они туго сжались.

«Они убежали, — подумала Снейк, — из разрушенного купола».

Она должна была ожидать что-нибудь в таком роде, она должна была знать, что наткнется на вещи, не принадлежащие земле. Она снова ткнула растение, с той же стороны. Оно действительно двигалось. Оно бы поползло вниз с горы, если бы Снейк позволила. Она просунула кусочек скалы под растение и вытащила растение из трещины, переворачивая его вверх дном. Если не считать щетины из корневых волокон в его центре, оно было такое же, как сверху, блестящие бирюзовые листья извивались у оснований в поисках зацепки. Снейк никогда не видела ничего подобного, но ей доводилось наблюдать простейшие создания, растения — они не подпадали под нормальную класификацию — завладевали по ночам полями и отравляли землю так, что на ней уже ничего не могло расти. Как-то летом, несколько лет назад, она и другие целители помогали выжечь массу

таких растений, которыми кишела близлежащая ферма. Они снова не появились в большом количестве, но возникавшие время от времени их маленькие колонии делали поля бесплодными.

Снейк хотела бы сжечь это растение, но не могла рисковать и разводить сейчас огонь. Она вытащила растение на свет, и оно снова плотно закрылось. И на этот раз Снейк заметила, что повсюду валялась сморщенная кожура таких же ползучих растений, мертвых, высушенных солнцем, пораженных бесплодной скалой.

— Пошли дальше, — сказала Снейк, больше себе, чем сумасшедшему.

Она перелезла через гребень скалы и устремилась к впадине разрушенного купола. Причудливость этого места причинила ей почти физическую боль. Чужеродные растения произрастали повсюду у основания полуразвалившейся конструкции, почти на скале, не оставляя никакого прохода.

То, что покрывало землю, не напоминало Снейк ничего из виденного ранее — ни траву, ни хворостинник, ни кусты. Это была ровная, бескрайняя поросль ярко-красных листьев. Присмотревшись, Снейк заметила, что это было больше, чем единичный огромный лист: каждая секция была,

наверное, в два раза выше ее роста, они были неправильной формы и соединялись с краями соседних листьев, как скрученные, переплетенные волосы.

Там, где соприкасалось более двух листьев, из самого средоточия поднималась нежная веточка с листьями длиной в несколько ладоней. Везде, где была хоть какая-нибудь трещина в камне, бирюзовые потоки ползучих растений перерезали красный ковер, устремляясь в поисках тени столь же целенаправленно, как красные листья тянулись к солнцу. Когда-нибудь несколько ползучих растений одновременно завладеют длинным крутым склоном скалы и заполонят долину внизу — когда-нибудь, когда погода, и жара, и холод откроют для них побольше спасительных трещин в камне.

Углубления в почве под куполом сохраняли немного нормальной растительности, потому что репродуктивные завитки ползучих комочков не могли дотянуться так далеко. Если эти растения были похожи на то, что рассматривала Снейк, то они не дают семян. Но другие чужаки достигли вершины купола: неглубокие впадины были беспорядочно заполнены: одни обычными зелеными растениями, другие — причудливыми,

с явно неземной окраской. В нескольких иссушенных, залитых жарой впадинах высоко над землей цвета враждовали между собой, и ни одному еще не удалось одержать верх над другим.

Внутри прозрачного купола колыхались какие-то высокие, странные, неразличимые силуэты. Между краем скалы и куполом не было покрывающей породы, и другого подхода тоже не было. Снейк до боли почувствовала, как она видима здесь, стоящая на фоне неба.

Сумасшедший взгромоздился возле нее.

— Пойдем по тропе, — сказал он, указывая на ровную поверхность из листьев, на которой не было видно тропинки. В одном-двух местах темные жилы ползучих пересекали линию, на которую он указывал.

Снейк шагнула вперед и осторожно поставила башмак на край плоских листьев. Ничего не произошло. По ним можно было так же ступать, как по обычным листьям. Земля под ними была твердой, как камень.

Безумец прошел мимо нее, устремляясь к куполу. Снейк схватила его за плечо.

— Змеи-грезы! — закричал он. — Ты же обещала!

— Ты что, забыл, что Норт выгнал тебя? Если

ты просто мог вернуться сюда, для чего тогда разыскивал меня?

Сумасшедший уставился в землю.

— Он не захочет видеть меня, — прошептал он.

— Иди позади меня, и все будет в порядке, — сказала Снейк.

Она пошла по почти непружинящим листьям, осторожно ставя ноги на случай, если широкие красные простыни скрывают трещину, в которую еще не проникли ползучие растения. Сумасшедший шел за ней следом.

— Норт любит новых людей, — сказал он. — Он любит, когда они приходят к нему и просят помочь им забыться. — Голос его стал тоскливым. — Может, я снова понравлюсь ему.

Башмаки Снейк оставляли следы на красных листьях и прокладывали дорогу к голове пласта, что поддерживала разрушенный купол. Она только один раз оглянулась: ее следы оставляли лиловато-серые синяки на красном фоне на всем протяжении ее пути к краю скалы. Следы сумасшедшего были намного бледнее. Он пробирался позади нее, немного в сторону от нее, чтобы все время видеть купол. Он не столько боялся этого Норта, сколько стремился к змеям-грезам.

Продолговатый пузырь был намного больше,

чем казалось со скалы.

Его прозрачные бока поднимались ввысь огромной плавной дугой, его высшая точка в несколько раз превышала рост Снейк. Сторона, к которой она приблизилась, была пронизана разноцветными прожилками. Они не принимали свой исходный серый цвет, пока не достигали отдаленной части купола, далеко по правую сторону от Снейк. Слева от нее, по мере того как они приближались к более узкому концу конструкции, прожилки становились ярче.

Снейк подошла к куполу. Плоские листья росли по его бокам на уровне ее колен, но выше этого пластик был чистым. Снейк прижалась лицом к стене, заглядывая в промежуток между оранжевой и лиловой полоской, отгородившись от внешнего света ладонями. Однако силуэты внутри купола были по-прежнему неразличимы и причудливы. Ничего не двигалось.

Она пошла в сторону более насыщенных по цвету полосок.

Как только она обогнула узкий конец, то увидела, почему конструкцию называли разрушенным куполом. Что могло растворить его поверхность, что это была за сила — этого Снейк не могла вообразить, поскольку это проделало отверстие

в неразрушимом, по ее мнению, материале. Переливавшиеся всеми цветами радуги прожилки излучали свет из дыры в согнутом пластике. Жара, должно быть, превратила в кристаллы эту субстанцию, ибо края отверстия были выломаны и получился огромный зубчатый вход.

Повсюду на земле валялись пластиковые шарики, сверкавшие флуоресцентными красками среди листьев чужеземных растений.

Снейк осторожно приблизилась ко входу. Сумасшедший вновь начал свой монотонный полустон-полупесню.

— Ш-ш-ш! — Снейк не повернулась, но он подчинился.

Снейк в возбуждении пролезла в отверстие. Она почувствовала под ладонями острые края, но не придала этому значения. Ниже отверстия, где неповрежденная стена должна была перейти в крышу, весь пластиковый свод был сломан почти на уровне роста Снейк. То тут, то там пластик осел и стекал, образуя веревки, свисавшие с потолка до пола. Снейк протянула руку и осторожно коснулась одной из них — она зазвенела, как струна огромной арфы, и Снейк быстро схватила, чтобы заглушить ее.

Свет внутри был красноватый, призрачный,

Снейк все моргала, стараясь прочистить глаза. Но с ее зрением было все в порядке, просто она никак не могла привыкнуть к такому чуждому пейзажу. Купол заключал в себе джунгли из странных, теперь одичавших растений, там было еще много других разновидностей, кроме ползучих комочков и плосколистников, которыми кишела земля. Огромная лоза со стеблем во много раз толще, чем у любого когда-либо виденного Снейк дерева, взбиралась по стене, громадные боковые побеги тыкались в хрупкий теперь уже пластик, пробивались сквозь ненадежные опоры купола. Виноградная лоза образовала шатер под потолком, ее голубоватые листики были крошечные и нежные, а бесчисленные цветочки состояли из тысячи мелких лепестков, еще меньше, чем листья.

Снейк прошла еще вперед, туда, где купол расплавился не так сильно и потолок не обвалился. Повсюду к краям купола устремлялись виноградные лозы, а там, где пластик был слишком плотным и его нельзя было сломать и слишком гладким, чтобы за него можно было ухватиться, лианы спускались на землю. Кроме вьющихся растений внутри купола преобладали деревья или то, что можно было за них принять. Одно та-

кое стояло поблизости, на пригорке: скрученная в клубок масса древовидных стеблей или веток, которые переплетались и извивались высоко над головой Снейк, постепенно принимая коническую форму.

Вспоминая обрывочные описания сумасшедшего, Снейк показала на центральный холм, который своей вершиной почти касался пластикового неба.

— Туда, а? — Она поймала себя на том, что говорит шепотом.

Скорчившись позади нее, сумасшедший пробормотал что-то, что можно было принять за подтверждение. Снейк устремилась туда, проходя под кружевной тенью сплетенных деревьев и через редкие участки окрашенного света, где радужные разрезы купола пропускали сквозь себя солнечный свет. Снейк шла и тщательно прислушивалась: к человеческому ли голосу, к слабому ли шипению сидящих в своей норе змей, к чему-нибудь еще…

Но даже воздух был неподвижен.

Почва начинала подниматься: они добрались до подошвы холма. То здесь, то там сквозь верхний слой земли пробивались черные, вулканического происхождения скалы — это была

другая земля, Снейк это знала. Она выглядела вроде бы обычно, но растения, которые на ней росли, — нет. В этом месте земля была похожа на прекрасные каштановые волосы и обладала такой же гладкой текстурой. Сумасшедший вел вперед, идя по невидимой тропе. Снейк устало тащилась за ним. Склон холма становился все круче, пот выступил у нее на лбу. Ее колено снова начало болеть. Она потихоньку выругалась. Из-под похожих на волосы растений выкатился голыш, и ее башмак поскользнулся на нем. Снейк ухватилась за траву, чтобы не упасть. Растительность довольно долго удерживала ее, но когда она выпрямилась, то почувствовала, что у нее в ладонях полная горсть тоненьких стебельков. У каждого стебелька был свой корень, словно это и в самом деле были волосы.

Они поднимались все выше, и по-прежнему никто не вышел им навстречу. Пот на лбу Снейк высох: воздух становился прохладнее. Сумасшедший, ухмыляясь и что-то бормоча себе под нос, начал взбираться с бо�льшим рвением. Холодок обратился в шепот воздуха, который сбегал вниз со склона, подобно воде. Снейк ожидала, что сразу под куполом будет вершина холма, чтобы согреться в объятиях жары. Но чем выше она

взбиралась, тем холоднее и сильнее становился ветер.

Они прошли участок похожих на волосы растений и вошли в зону, где росли другие деревья. Они были похожи на те, что росли ниже, у них тоже были переплетенные ветви и аккуратные изогнутые корни, крошечные, трепещущие листочки. Однако здесь они росли на несколько метров выше и собирались в маленькие группки из трех или более деревьев, нарушая при этом симметрию друг друга. Лес становился все гуще. Наконец появилась петляющая меж изогнутых стволов тропинка. Как только лес замкнулся на ней, Снейк догнала сумасшедшего и остановила его:

— С этого времени иди за мной, хорошо?

Он кивнул, не глядя на нее.

Купол настолько хорошо пропускал свет, что ничто не отбрасывало тени, а свет был не настолько ярким, чтобы проникнуть сквозь скрученные, извивающиеся ветви над головой. Маленькие листочки дрожали, когда сквозь лесной коридор дул холодный ветер. Снейк шла вперед. Твердые скальные породы под ее башмаками уступили место мягкой тропинке из гумуса и опавших листьев.

Справа от нее, на холме, высилась громадная глыба: она стояла на плавном уклоне, образуя выступ, с которого можно было обозревать бо&#xfffd;льшую часть купола. Снейк хотела было влезть на глыбу, но тогда она оказалась бы совсем на виду. Она не хотела, чтобы Норт и его люди смогли заподозрить ее в шпионаже, и, кроме того, ей не хотелось, чтобы они узнали о ее присутствии до того, как она придет в их лагерь. Она продолжала энергично идти вперед, хотя и дрожала: бриз превратился в холодный ветер.

Она обернулась, чтобы убедиться, что сумасшедший идет за ней следом. Как только она посмотрела на него, он засеменил к выступу, размахивая руками. Снейк озадаченно замешкалась. Ее первой мыслью было, что он снова решил умереть. В это мгновение за ним выскочила Мелисса.

— Норт! — закричал он. Мелисса бросилась к его коленям, ударила плечом и толкнула наземь. Снейк побежала к ним, а Мелисса тем временем не давала ему подняться, а он пытался освободиться от нее.

Его одиночный крик эхом разнесся, отражаясь от стен и расплавившейся неровной поверхности купола. Мелисса дралась с сумасшедшим, почти

запутавшись в его изможденных конечностях и объемных пустынных одеждах.

Она нащупывала свой нож и каким-то образом продолжала удерживать его за ноги.

Снейк нежно, как только могла, оттолкнула Мелиссу от него. Сумасшедший развернулся, приготовясь снова заорать, но Снейк вытащила собственный нож и поднесла его к подбородку безумца. Другая рука ее сжалась в кулак. Она медленно разжала ее, выпуская ярость наружу.

— Почему ты это сделал? Почему? У нас же было соглашение.

— Норт… — прошептал он. — Норт разозлится на меня. Но если я приведу ему новых людей… — Голос его оборвался.

Снейк посмотрела на Мелиссу, а Мелисса — на землю.

— Я не обещала не идти за вами, — сказала она. — Я хотела удостовериться. Я знаю, это обман, но… — Она подняла голову и посмотрела Снейк в глаза: — Есть вещи, которые ты не понимаешь в людях. Ты слишком им доверяешь. Есть вещи, которые я тоже не знаю, мне это понятно, но это другое.

— Все в порядке, — сказала Снейк. — Ты права. Я слишком ему доверяла. Спасибо, что остано-

вила его.

Мелисса пожала плечами:

— Я сделала много хорошего. Они знают, что мы сейчас здесь, где бы они ни были.

Сумасшедший захихикал, качаясь взад-вперед и обхватив себя руками:

— Норт снова полюбит меня.

— Ах, заткнись, — сказала Снейк. Она сунула нож в ножны. — Мелисса, тебе надо выбраться из купола, пока сюда кто-нибудь не пришел.

— Пожалуйста, пойдем со мной, — сказала Мелисса. — Нет смысла оставаться здесь.

— Кому-то же надо рассказать моим людям об этих местах.

— Мне дела нет до твоих людей! Я забочусь о тебе! Как я могу пойти к ним и рассказать, что я позволила, чтобы сумасшедший убил тебя?

— Мелисса, пожалуйста, у нас нет времени спорить.

Мелисса скручивала кончики своего покрывала, а потом натянула его так, что материя накрыла шрам на щеке. Снейк перешла на обычную одежду, когда они вышли из пустыни, а Мелисса осталась в прежней.

— Ты должна разрешить мне остаться с тобой, — сказала она.

Потом повернулась, ссутулив плечи, и пошла вниз по тропе.

— Ты получишь то, что хочешь, малышка, — прозвучал низкий и любезный голос.

В какое-то мгновение Снейк подумала, что это сумасшедший заговорил нормальным голосом, но он скорчился на голой скале возле нее, а на тропинке появился четвертый человек. Мелисса, резко остановившись, пошла было на него, а потом попятилась назад.

— Норт! — закричал безумец. — Норт, я привел новых людей. И я предупреждал тебя, я не позволил им увильнуть от тебя. Ты слышал меня?

— Я слышал тебя, — сказал Норт. — И удивлялся, почему ты ослушался меня и вернулся.

— Я думал, тебе понравятся эти люди.

— И это все?

— Да!

— Ты уверен? — Вежливый тон сохранился, но за ним скрывалось огромное удовольствие: он явно издевался над безумцем, а улыбка его была скорее жестокая, чем добрая. В мрачном свете его высокая фигура казалась жуткой: он был настолько велик ростом, что ему приходилось сгибаться в этом туннеле из листьев. Он был патологически высок. Гипофизарный гигантизм,

подумала Снейк. К тому же истощение подчеркивало каждую асимметрию его тела. Он был во всем белом, да и сам был альбиносом, с белыми как мел волосами, бровями и ресницами и очень светлыми голубыми глазами.

— Да, Норт, — сказал сумасшедший. — Это все.

В присутствии Норта под деревьями зависла гнетущая тишина. Снейк подумала, что она заметила еще какое-то движение между деревьев, но она не была уверена, да и растения казались настолько густыми и тяжелыми, что вряд ли кто-то смог бы там спрятаться. Наверное, в этом темном причудливом лесу деревья сплетают и расплетают свои ветви так же легко, как любовники заключают друг друга в объятия. Снейк вздрогнула.

— Пожалуйста, Норт, позволь мне вернуться. Я привел тебе двух последователей…

Снейк коснулась плеча сумасшедшего: он замолк.

— Почему вы здесь?

За последние несколько недель Снейк стала достаточно воинственной и не стала сразу говорить Норту, что она — целительница.

— По той же причине, что и остальные, — сказала она. — Я пришла из-за змей-грез.

— Ты не похожа на человека, который обычно интересуется ими. — Он шагнул вперед, смутно вырисовываясь во мраке. Посмотрел на нее, на сумасшедшего, потом на Мелиссу. Его жесткий взгляд смягчился.

— А, понимаю, ты пришла из-за нее…

Мелисса едва не возразила ему криком: Снейк видела, что она приготовилась было, но потом усилием воли сдержала себя.

— Мы, все трое, пришли вместе, — сказала Снейк. — И все по одной причине. — Она почувствовала, что сумасшедший дернулся, словно намереваясь броситься к Норту и припасть к его ногам. Она крепче обхватила рукой его костлявое плечо, и он снова впал в летаргию.

— А что вы мне принесли, чтобы принять вас?

— Я не понимаю, — сказала Снейк.

Норт ненадолго раздраженно нахмурился, но потом эта гримаса растворилась в смехе.

— Именно это я и ожидал от бедного дурака. Он привел вас сюда, не объяснив наши обычаи.

— Но я же привел их, Норт. Я привел их тебе.

— А они привели тебя ко мне? Вряд ли это достаточная мзда.

— Мы организуем оплату, — сказала Снейк, — как только достигнем соглашения. — То, что Норт

преподнес себя в виде божка, требующего дани и использовавшего силу змей-грез, чтобы укрепить свою власть, разозлило Снейк так, как ничто слышанное ею когда бы то ни было. Или, скорее, обидело ее. Снейк учила и очень глубоко верила в то, что использование змей, предназначенных для исцеления, в целях самовозвеличивания было аморально и непростительно. Нанося визиты другим людям, она слышала детские сказки о том, как злодеи или трагические герои использовали волшебные способности, чтобы превратиться в тиранов, и это всегда заканчивалось для них плохо. Но у целителей не было таких сказок. Не страх удерживал их от неправильного использования того, чем они владели. Это было самоуважение.

Норт проковылял несколько шагов к ним навстречу.

— Мое дорогое дитя, ты не понимаешь. Раз уж вы присоединяетесь к моему лагерю, вы никуда не уйдете, пока я не буду уверен в вашей лояльности. Во-первых, вы не захотите уйти. А во-вторых, когда я кого-нибудь отсылаю отсюда, это доказывает, что я им доверяю. А это честь.

Снейк указала на сумасшедшего:

— А он?

Норт невесело засмеялся:

— Я не отправил его, я его изгнал.

— Но я знаю, где их вещи, Норт! — Безумец отпрянул от Снейк.

На этот раз она с омерзением отпустила его.

— Тебе они не понадобятся, только мне. — Упав на колени, он обхватил руками ноги Норта. — Все в долине. Нам надо только забрать это.

Снейк пожала плечами, когда Норт перевел взгляд с сумасшедшего на нее.

— Это хорошо защищено. Он может привести тебя к моему имуществу, но ты все равно не возьмешь его. — Она все еще не говорила ему, кем была.

Норт высвободился из рук сумасшедшего.

— Я не сильный, — сказал он. — Я не спускался в долину.

Маленькая тяжелая сумка упала к ногам Норта. Он и Снейк посмотрели на Мелиссу.

— Если тебе надо заплатить только за то, чтобы ты с кем-нибудь поговорил, вот тебе, — враждебно сказала Мелисса.

Норт с трудом наклонился и поднял деньги Мелиссы. Он открыл мешок и высыпал монеты на ладонь. Золото засверкало даже при сумрачном лесном свете. Норт несколько раз задумчиво подбросил золотые монеты.

— Ну хорошо, сойдет для начала. Вам придется сдать ваше оружие, а потом мы пойдем ко мне домой.

Снейк отстегнула свой нож с ремня и бросила его на землю.

— Снейк, — прошептала Мелисса. Она поражено посмотрела на нее, недоумевая, почему она это сделала. Пальцы девочки сжались на рукоятке ее собственного ножа.

— Если мы хотим, чтобы он доверял нам, мы должны доверять ему, — сказала Снейк. И все же она не доверяла ему и не хотела доверять.

Все равно от ножа, конечно, будет немного пользы против группы людей: Снейк не думала, что Норт пришел один.

«Моя дорогая дочь, — подумала Снейк, — я никогда не говорила, что это будет легко».

Мелисса отпрянула, когда Норт шагнул к ней. Костяшки ее пальцев побелели.

— Не бойся меня, малышка. И не пытайся умничать. У меня гораздо больше ресурсов, чем ты можешь представить.

Мелисса посмотрела вниз, медленно отстегнула нож и уронила его к ногам.

Норт, резко кивнув сумасшедшему на Мелиссу, приказал:

— Обыщи ее.

Снейк положила руку на плечо Мелиссы. Девочка была напряжена, она дрожала.

— Ему не надо обыскивать ее. Даю слово, что у Мелиссы больше нет оружия.

Снейк чувствовала, что Мелисса сдерживается из последних сил. Ее ненависть и отвращение к сумасшедшему могут завести ее за пределы самообладания.

— Тем больше причин обыскать ее, — сказал Норт. — Но мы не будем фанатиками скрупулезности. Хочешь пойти первой?

— Так будет лучше, — сказала Снейк. Она подняла руки, однако Норт ткнул ее, повернул кругом, заставил согнуться и разогнуться и ухватиться за скрученные ветви деревьев. Если бы она так не волновалась за Мелиссу, ее позабавил бы весь этот спектакль.

Казалось, прошло много времени, но ничего не произошло. Снейк снова начала поворачиваться, а Норт коснулся свежих блестящих шрамов на ее руке кончиком своего бледного пальца.

— А, — очень тихо сказал он, так низко наклонившись к ней, что она ощутила его теплое неприятное дыхание. — Ты целительница.

Снейк услышала щелчок арбалета как раз в тот

момент, когда стрела вонзилась в ее плечо, и боль волной распространилась по всему ее телу.

Колени ее подогнулись, но она не упала. Стрела с силой пробила ствол изогнутого дерева и теперь вибрировала в Снейк. Мелисса яростно закричала. Снейк услышала, как позади нее идут какие-то люди. Кровь горячей струей лилась по плечу к груди. Левой рукой она потянула за тонкое древко стрелы там, где она торчала из ее плоти и вонзалась в дерево, но пальцы ее соскользнули, а живучее дерево цепко удерживало в себе наконечник стрелы. Мелисса поддерживала ее сбоку, как только могла.

Голоса сливались между собой в занавес, протянувшийся позади нее.

Кто-то схватил стрелу и дернул ее, выворачивая из мышц. Скрип дерева по кости исторг у нее стон. Прохладный гладкий металлический наконечник выскользнул из раны.

— Убейте ее сейчас, — сказал сумасшедший, слова вылетали быстро, возбужденно. — Убейте ее и бросьте здесь в качестве предупреждения.

Сердце Снейк откачивало горячую кровь из плеча. Она пошатнулась, собралась и упала на колени. Сильный удар немного повредил ей спину, боль билась в ней, и она пыталась, но

не смогла съежиться, спрятаться от этой боли, как тогда бедная маленькая Травка корчилась с поврежденной спиной.

Мелисса стояла перед ней: ее покрытое шрамами лицо и рыжие волосы открылись. Она пыталась неуклюже, ослепнув от слез и нашептывая утешающие слова, какими она всегда успокаивала лошадей, обмотать рану своим покрывалом.

«Так много крови от такой маленькой стрелы», — подумала Снейк.

Она потеряла сознание.

Снейк очнулась из-за холода. Но и придя в сознание, она удивлялась, как вообще может о чем-то думать. Ненависть, прозвучавшая в голосе Норта, когда он узнал о ее профессии, не оставляла никакой надежды. Плечо ее сильно болело, но уже не такой пронзительной, немыслимой болью. Она согнула правую руку. Слабая, но все же она двигалась.

Она попыталась встать, дрожа, моргая, почти ничего не видя.

— Мелисса! — прошептала она.

Поблизости засмеялся Норт.

— Она пока еще не целительница, поэтому ее не ранили.

Вокруг дул холодный ветер. Снейк покачала головой и вытерла глаза рукавом. Ее зрение резко прояснилось. Она покрылась по́том от попытки встать, а на холодном ветру пот стал ледяным. Норт уселся перед ней, улыбаясь, в окружении своих людей, сомкнувшихся вокруг нее человеческим кольцом. Кровь на ее рубашке, кроме того места, где была непосредственно рана, стала коричневой — она некоторое время была без сознания.

— Где она?

— Она в безопасности, — сказал Норт. — Она может оставаться с нами. Тебе не надо волноваться, здесь она будет счастлива.

— Она изначально не хотела сюда идти. Это не то счастье, которое она хочет. Отпусти ее домой.

— Как я уже говорил, я ничего против нее не имею.

— А что ты имеешь против целителей?

Норт некоторое время не отрываясь смотрел на нее.

— Я думал, что это очевидно.

— Сожалею, — сказала Снейк. — Может быть, мы дали бы тебе способность вырабатывать меланин, но мы же не волшебники. — Из-за пещеры, что была позади нее, подул холодный ветер, он

вздымался вокруг нее, вызывая гусиную кожу на руках. Башмаков на ней не было, холодный камень оттягивал тепло от ее обнаженных подошв. Но он еще вызывал боль в плече. Ее забил сильный озноб, боль пронзила ее с большей жестокостью, чем прежде. Она застонала и на мгновение закрыла глаза, потом застыла в своей внутренней тьме, тяжело дыша и пытаясь преодолеть восприятие раны. Она опять закровоточила, там, на спине, куда было трудно дотянуться. Она надеялась, что Мелисса находится где-нибудь в тепле, и еще думала, где же могут быть змеи-грезы: ведь им для того, чтобы выжить, нужно тепло. Снейк открыла глаза.

— А твой рост… — сказала она.

Норт с горечью засмеялся.

— Я много чего говорил о целителях, но никогда не говорил, что у них нет нервов!

— Что? — смущенно спросила Снейк. Когда она начала отвечать Норту, у нее от потери крови закружилась голова. — Мы смогли бы помочь, если бы раньше увидели тебя. Вероятно, ты начал расти до того, как тебя повели к целителю…

Бледное лицо Норта стало пунцовым от ярости:

— Заткнись!

Он поднялся на ноги и потащил за собой Снейк. Она прижала правую руку к боку.

— Ты думаешь, я хочу это слышать? Ты думаешь, я буду выслушивать о том, что я мог бы быть обыкновенным? — Он подтолкнул ее к пещере. Она пошатнулась от ветра, но он опять поднял ее. — Целители! Где вы были, когда я нуждался в вас? Я покажу тебе, что я чувствую…

— Норт, пожалуйста, Норт! — сумасшедший отделился от толпы изнуренных последователей Норта, смутные очертания которой только сейчас различила Снейк. — Она помогла мне, Норт, я займу ее место.

Он припал к рукаву Норта с мольбой и стенаниями. Норт оттолкнул его, он упал и остался недвижим.

— Твои мозги протухли, — сказал Норт. — Или ты думаешь, мои тоже?

Внутренность пещеры поблескивала в смутном свете дымящихся факелов, в трещинах стен переливались, как драгоценные камни, льдинки. Выше, над факелами, на закопченном камне виднелись большие круглые пятна.

Растаявшая вода струилась в маленькие озерца слякоти, которая растекалась по полу и собиралась в ручейки. Вода проникала повсюду с

холодным, ясным, кристальным звуком. Каждый шаг причинял Снейк мучительную боль, и у нее уже не было сил преодолеть ее. Воздух был насыщен запахом горящей смолы. Постепенно она расслышала низкое гудение каких-то механизмов, скорее почувствовала, чем услышала. Звук заползал в ее тело и дальше в кости.

Туннель впереди становился светлее. Он внезапно заканчивался, открывая перед собой впадину у подножия горы, похожую на кратер вулкана, но явно сделанную людьми. Снейк стояла у разверстой пасти ледяного туннеля и моргала, тупо озираясь по сторонам. Черные глазницы других туннелей, в свою очередь, смотрели на нее. Купол над ее головой образовывал серое бескрайнее небо. Прямо на нее из самого большого туннеля подул холодный ветер, он создавал почти осязаемое озеро, которое вытекало из меньших туннелей. Норт снова подтолкнул Снейк вперед. Она что-то видела, ощущала, но ни на что не реагировала. Она просто не могла.

— Туда, вниз. Лезь. — Норт пнул моток веревки и дерева, и он зацепился за глубокую трещину в скале, в самом центре кратера. Узел раскрутился — получилась веревочная лестница. Снейк видела ее начало, а нижний конец был где-то в

темноте.

— Лезь, — снова сказал Норт. — Или тебя сбросят.

— Норт, пожалуйста, — застонал сумасшедший, и Снейк внезапно поняла, куда ее посылали. Норт глядел, как она смеялась. Она почувствовала, будто сила вливается в нее, сила, которую принесли ей ветер и земля.

— Значит, так ты истязаешь целителя? — сказала она. Она бросилась вниз, в расселину, неловко, но с желанием. Помогая себе одной рукой, она опустилась на ноги в мерзлой темноте, наступая на каждую ступеньку босыми ногами и отталкивая ее, когда находила следующую точку опоры. Она слышала, как над головой сумасшедший разразился беспомощными рыданиями.

— Посмотрим, как ты себя будешь чувствовать утром, — сказал Норт. — Целитель, убивающий змей-грез.

Судя по эху отбившихся о стены расселины ступенек, Снейк поняла, что она приближается ко дну. Было не совсем темно, но ее глаза медленно привыкали к полумраку. Она была вся мокрая и дрожащая от пота, ей пришлось сделать передышку. Она прислонила лоб к холодному камню.

Пальцы ног и костяшки на руках были стерты

в кровь, поскольку лестница прислонялась к грубому камню.

Потом она наконец услышала тихое шуршание маленьких змей. Вцепившись в веревки, Снейк повисла над камнем и стала вглядываться в темноту. Снизу вверх из середины расселины пробился длинный узкий поток света.

Змея-греза плавно заскользила с одного края темноты к другому.

Снейк проделала путь еще в несколько последних метров и со всеми предосторожностями наступила на пол, пробуя своей окоченевшей босой ногой почву до тех пор, пока не убедилась, что под ногами у нее ничего не шевелится. Она опустилась на колени. Колючие от холода осколки камня вонзались в ее колени, и единственное тепло шло от свежей крови из ее плеча. Но она протянула руку среди этих мелких кусочков, осторожно нащупывая. Ее пальцы наткнулись на гладкую чешую змеи, уползавшей прочь.

Она еще раз протянула руку, на этот раз приготовившись, и поймала змейку, до которой ей удалось дотронуться. Рука ее ощутила острую боль от двух крошечных дырочек. Она улыбнулась и стала нежно поддерживать змею-грезу за голову, привычно собирая ее яд. Она достаточно

близко поднесла ее к глазам, чтобы рассмотреть. Змея была дикой, не такой покорной и нежной, какой была Травка. Она извивалась и накручивалась на ее руку, ее изящный тройной язычок высовывался туда-сюда, чтобы ощутить запах Снейк. Но она не шипела, как никогда не шипела и Травка.

По мере того как глаза Снейк адаптировались к темноте, она постепенно оглядела остальную часть расселины и всех остальных змей-грез всех размеров, одиноких, свернувшихся в связки, в клубки, — их было так много, сколько она никогда за свою жизнь не видела, больше, чем если бы все люди собрались вместе на станции, если бы все целители одновременно принесли бы домой всех своих змей-грез.

Змея-греза, которую она держала, затихла в скудном тепле ее рук.

Капелька крови выступила из каждого прокола, но боль от яда длилась всего миг. Снейк села на пятки и погладила головку змеи. Она снова засмеялась. Она понимала, что ей надо контролировать себя: это было больше истерикой, чем радостью. Но сейчас, в эту минуту, она смеялась.

— Смейся, смейся, целительница, — голос Норта мрачно отозвался эхом по камням. — Посмотрим,

как долго ты будешь веселиться.

— Ты дурак, — закричала она, ликуя. Со всех сторон ее окружали змеи-грезы, и одну из них она держала в руках. Она смеялась над бурным весельем этого наказания, похожего на обернувшуюся правдой детскую сказку. Она смеялась, пока не заплакала, но только на миг слезы были подлинными. Она понимала, что, если эта пытка не принесет ей вреда, Норт придумает какой-нибудь другой способ. Она чихала и кашляла, вытирая лицо подолом рубахи, ибо пока, по крайней мере, у нее еще было время.

А потом она увидела Мелиссу.

Ее дочь лежала, скорчившись, на сломанном камне на узком краю расселины. Снейк осторожно пошла к ней, стараясь не ранить ни одну змейку, мимо которой проходила, и не побеспокоить ни одну из тех, что лежали вокруг рук Мелиссы или, свернувшись в кольца, на ее теле. Они образовывали зеленые завитки на ее ярко-рыжих волосах.

Снейк опустилась на колени подле Мелиссы и нежно, осторожно убрала прочь диких змей. Люди Норта забрали одежду Мелиссы и отрезали у колен ее штаны. Руки ее были обнажены, а башмаков не было, так же как у Снейк. Ее руки и

ноги опутывали веревки, кожа на запястьях, там, где она пыталась сорвать веревки, была содрана. Маленькие кровоточившие укусы покрывали пятнышками ее голые руки и ноги. Змея-греза укусила, ее резцы погрузились в плоть Снейк, а существо так быстро отдернулось назад, что рассмотреть его было невозможно. Снейк стиснула зубы — она припомнила слова сумасшедшего: «Лучше, если они укусят тебя всю, одновременно».

Снейк загородила собственным телом Мелиссу от змей и освободила ее запястья, еле справляясь одной левой рукой с узлами. Кожа Мелиссы была сухой и холодной. Снейк обхватила ее левой рукой, а змея-греза в это время влезла на ее голую ногу и колено. Она никогда бы не осмелилась выпустить Травку при такой температуре. Даже если бы было слишком холодно, она вытащила бы ее, согрела бы ее в своих руках и позволила бы ей обмотаться вокруг шеи.

Рука Мелиссы безвольно свесилась со скалы. Кровь струйками потекла из точечных ранок в тех местах, где кожу ее натерли одежда или камень. Снейк сумела уложить Мелиссу к себе на колени, поднять со стылой земли. Пульс ее был медленным, тяжелым, дыхание глубоким.

Но каждый последующий вздох появлялся через такой длительный промежуток времени, что Снейк боялась, что дыхание совсем прекратится.

Холод давил на них со всех сторон, он снова вталкивал боль в плечо Снейк и уносил ее энергию. «Не усни, — подумала она, — не усни». Мелисса может перестать дышать, ее сердце может остановиться от такого количества яда, и тогда ей может понадобиться помощь. Но глаза Снейк сами по себе стали блуждать, веки опустились, каждый раз когда она роняла голову во сне, то рывком поднимала ее вновь. Приятная мысль проникла в ее сознание: никто не умирает от яда змеи-грезы. Люди живут или мирно умирают от болезней, когда приходит время. Если она может заснуть, она не умрет. Но Снейк не слышала ни о ком, кто бы получил такую огромную дозу яда, а ведь Мелисса была еще ребенком.

Крошечная змейка-греза проскользнула между ее ногой и стеной расселины. Снейк вытянула свою закоченевшую правую руку и удивленно подняла ее. Змейка лежала, свернувшись, в ее ладони, глядя на нее своими лишенными век глазами, похожим на трезубец языком пробуя воздух.

Что-то в ней было необычно — Снейк присмот-

релась. Она только что вылупилась из яйца, ибо на ней все еще сохранялся похожий на рог клювик, свойственный многим породам новорожденных змей. Это было окончательное подтверждение того, как Норт добывал своих змей-грез. Его не снабжали ими пришельцы. Он не выводил их клонированием. У него была размножающаяся популяция. В этой яме были все размеры и возраста, от сидящих в яйце зародышей до зрелых экземпляров, бóльших по размеру, чем те змеи-грезы, которых когда-либо видела Снейк.

Она повернулась, чтобы положить только что вылупившееся создание обратно, но рука ее ударилась о стену. Обескураженная змея-греза укусила. Острая боль от ее крошечных резцов заставила Снейк вздрогнуть. Тварь сползла с ее рук и удалилась в тень.

— Норт! — хрипло позвала Снейк. Она прочистила горло и попробовала опять: — Норт!

В это время его силуэт появился у края расселины. По его легкой улыбочке Снейк поняла, что он ожидает, что Снейк будет просить освободить ее. Он посмотрел на нее, отмечая, как она расположилась, чтобы оградить Мелиссу от змей.

— Она могла бы освободиться, если бы ты поз-

волила ей, — сказал он. — Не убирай ее от моих созданий.

— Твои создания здесь растрачиваются понапрасну, Норт, — ответила Снейк. — Тебе надо вытащить их отсюда, к людям. Тебе будут оказаны почести, особенно со стороны целителей.

— Мне и здесь оказывают почести, — сказал Норт.

— Но это, наверное, трудная жизнь. А ты мог бы жить в комфорте, без забот…

— Для меня нигде нет покоя, — сказал Норт. — Кто, как не ты, должен это понимать? Спать на земле или лежать, завернувшись в пуховое одеяло, — для меня все равно.

— Ты заставил змей-грез размножаться, — сказала Снейк. Она посмотрела на Мелиссу. Несколько пресмыкающихся проползли мимо Снейк: она схватила одну как раз перед тем, как та доползла до обнаженной руки дочери. Змея сделала выпад и укусила ее. Она положила ее и остальных немеющими руками, не обращая внимания на их резцы. — Как бы то ни было, ты сделал это и должен принести свои знания остальным.

— А каково твое место в этом плане? Я должен использовать тебя в качестве своего глашатая?

Ты должна будешь появляться в каждом городе и трубить о моем приближении?

— Признаюсь, что меня не очень бы огорчило, если бы я умерла здесь, внизу.

Норт грубо засмеялся.

— Ты мог бы помочь стольким людям. Когда тебе была нужна помощь целителя, его не было, потому что у нас не хватало змей-грез. Ты можешь помогать таким людям, как ты.

— Я помогаю людям, которые приходят ко мне, — сказал Норт. — Они такие же, как я, и я хочу иметь дело только с такими. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Норт!

— Что?

— По крайней мере, дай мне одеяло для Мелиссы. Она умрет, если я не согрею ее.

— Она не умрет, — сказал Норт, — даже если ты оставишь ее с моими созданиями. — Его тень и силуэт исчезли.

Снейк крепче обняла Мелиссу, чувствуя каждый медленный тяжелый удар сердца ребенка, отзывавшийся в ее собственном теле. Ей было так холодно и она так устала, что больше не могла ни о чем думать. Сон поможет ей излечиться, но ей нельзя спать ради Мелиссы и себя самой.

Лишь одна мысль оставалась сильной: не поддаваться желаниям Норта.

Сверх всего она понимала, что и она сама, и ее дочь погибнут, если подчинятся ему.

Медленно двигаясь, чтобы не всколыхнуть боль в плече, Снейк взяла руки Мелиссы в свои ладони и стала растирать их, чтобы возобновить кровообращение и вернуть им тепло. Кровь от укусов змеи-грезы высохла.

Одна из змей обернулась вокруг колена Снейк. Она пошевелила пальцами ног и согнула колено в надежде, что змея-греза опять уползет. Нога ее так замерзла, что она почти не почувствовала, как зубы змеи вонзились в ее ступню. Она продолжала растирать руки Мелиссы. Она дышала на них, целовала. Ее дыхание клубами вырывалось перед ней. Сумрачный свет угасал. Снейк посмотрела вверх: кусок серого купола, видимый между краями расселины, с наступлением ночи стал почти черным. Снейк почувствовала, как ее заливает печаль. Такая же ночь была, когда умирала Джесс, не хватало лишь звезд, а небо было чистое и темное, скалы окружали ее такой же крутой стеной, холод был таким же изнуряющим, как жара пустыни.

Снейк еще крепче стиснула Мелиссу в своих

объятиях и склонилась над ней, защищая от тени. Из-за змей-грез она ничего не смогла сделать для Джесс, из-за змей-грез она ничего не могла сделать для Мелиссы.

Змеи-грезы сплелись в клубок и стали двигаться к ней, вокруг шепотом разносился звук от их чешуи, скользившей по влажному от тумана камню. Снейк резко пробудилась от сна.

— Снейк! — она расслышала хриплый шепот Мелиссы.

— Я здесь. — Она могла еле различать лицо дочери. Последний рассеянный луч скупо осветил ее кудрявые волосы и грубые, твердые шрамы.

Взгляд ее был отсутствующим, ошеломленным.

— Я грезила… — Голос ее уплывал. — Он был прав! — с внезапной яростью закричала она. — Будь он проклят, но он был прав! — Она обвила руками шею Снейк и спрятала лицо. Голос ее звучал сдавленно. — Я забыла, ненадолго. Но я больше не забуду, не забуду…

— Мелисса… — Мелисса напряглась от интонации Снейк. — Я не знаю, что сейчас будет. Норт сказал, что он не причинит тебе боль. — Мелисса дрожала, а может, ее бил озноб. — Если ты скажешь, что присоединишься к нему…

— Нет!

— Мелисса…

— Нет! Я не буду! Мне все равно. — Голос ее был громким, напряженным. — Все будет снова как у Раса…

— Мелисса, дорогая, у тебя есть дом, куда ты сейчас можешь пойти. Все остается по-прежнему, как мы с тобой говорили раньше. Наши люди должны знать об этом месте. Ты должна использовать шанс выбраться.

Мелисса молча прижалась к ней.

— Я бросила Дымку и Песка, — наконец сказала она. — Я не сделала так, как ты хотела, и теперь они умрут с голоду.

Снейк погладила ее волосы:

— Некоторое время они продержатся.

— Я боюсь, — прошептала Мелисса. — Я обещала, что больше не буду бояться, но я боюсь. Снейк, если я скажу, что я присоединюсь к нему, и он скажет, что позволит, чтобы меня опять искусали, я не знаю, что сделаю. Я не хочу забываться… но я забылась ненадолго и… — Она тронула грубый шрам у глаза. Снейк никогда не видела, чтобы она так делала. — Это исчезло. Ничего больше не болело. Через некоторое время я что-нибудь сделаю для этого. — Мелисса закрыла глаза.

Снейк схватила одну из змей-грез и отбросила ее в сторону, грубо швырнула прочь, с трудом представляя, что может так поступить.

— Ты предпочла бы умереть? — жестко спросила она.

— Не знаю, — слабо, дрожащим голосом ответила Мелисса. Руки ее соскользнули с шеи Снейк и безвольно упали. — Я не знаю. Может быть, да.

— Мелисса, прости меня, я не это имела в виду…

Но Мелисса опять заснула или потеряла сознание. Снейк держала ее, пока не угас последний проблеск света. Она слышала шелест змей-грез по скользким влажным скалам. Она снова вообразила, что они приближаются, надвигаются на нее целой враждебной волной. В первый раз в жизни она испугалась змей. Потом, чтобы разуверить себя, когда звуки, похоже, смолкли, она протянула руку, чтобы нащупать голый камень. Рука ее погрузилась в массу скользкой чешуи, извивающихся тел. Она отдернула руку, коснувшись сплетения крошечных жаливших нитей, распространившихся по ее руке. Змеи-грезы искали тепло, но, если она даст им найти то, что они ищут, они обнаружат и ее дочь. Она отпрянула к более узкому краю расселины. Ее оцепеневшая

рука непроизвольно ухватила обломок острой вулканической скалы. Она неловко подняла его, приготовившись запустить в диких змей-грез.

Снейк опустила руку и усилием воли разжала пальцы. Обломок загремел, смешавшись с другими такими же. Змея-греза скользнула по ее запястью. Она не могла убивать их, она не могла выбраться из расселины на холодный густой воздух. Даже для Мелиссы. Горячая слеза скатилась по ее щеке к подбородку, слеза превратилась в льдинку. Змей-грез, от которых надо было защищать Мелиссу, было слишком много, и все же Норт был прав — Снейк не могла убивать их.

Она в отчаянии вскочила на ноги, опираясь на стену расселины, и поковыляла в более узкое место. Мелисса была маленького роста для своего возраста и очень тоненькая, но ее вялое тело казалось ужасно тяжелым. Руки Снейк слишком закоченели, чтобы надежно захватить ее, она едва чувствовала скалы под своими босыми ногами. Но зато она чувствовала, как змеи-грезы скручиваются возле ее колен. Мелисса заскользила в ее руках, и Снейк схватила ее правой рукой. Боль прострелила ей плечо, ударила в спину. Она сумела прижаться к сходящимся каменным стенам и удержать Мелиссу над змеями.

Глава 12

Обработанные поля и добротно построенные дома Горной Стороны остались далеко позади Аревина к исходу третьего дня его путешествия на юг. Дорога теперь превратилась в тропу, поднимающуюся и опускающуюся вдоль гряды следующих друг за другом гор. Она вела через красивую долину, сейчас покрытую ненадежными голышами. Окрестности становились все выше и шире. Смирная лошадь Аревина с трудом брела вперед.

За весь день ему никто не повстречался, ни в одном направлении. Его легко мог бы обогнать любой, кто стремился на юг: тот, кто лучше знал дорогу или у кого была цель, — любой мог догнать и перегнать его.

Но он оставался один. Ему было прохладно от горного воздуха, его как бы сжимали, угнетали крутые склоны гор и темные нависавшие деревья.

Он сознавал окружавшую его красоту, но привык к красоте своих родных мест, с их безводными равнинами и плато. Его мучила тоска по

дому, но он не мог сейчас поехать туда. Аревин собственными глазами видел, что бури восточных пустынь намного сильнее бурь в западной стороне, разница была скорее в количестве, чем в силе природной стихии. Западная буря уничтожала незащищенные создания за двадцать порывов ветра, а в восточной — не более чем за десять. Придется оставаться в горах до весны.

Он не мог просто ждать на станции целителей или в Горной Стороне.

Если ему ничего другого не оставалось, кроме как ждать, когда его воображение пересилит его убежденность в том, что Снейк жива. А если он начнет верить, что она умерла, — это будет опасно, не только для его рассудка, но и для самой Снейк. Аревин знал, что он не умеет заниматься колдовством в большей мере, чем Снейк, сколь волшебными могли бы оказаться ее совершенства, и он боялся даже представить себе ее смерть.

Наверное, она в безопасности в подземном городе, набирает новые знания, которые могли бы компенсировать то, что произошло из-за действий кузена Аревина.

Аревин размышлял, что младшему отцу Стэвина повезло, что ему не пришлось самому

расплачиваться за свою ошибку. Ему-то повезло, а вот Снейк — нет. Аревин хотел бы, чтобы у него были добрые вести, которые он мог бы передать ей при встрече. Но он мог бы лишь сказать: «Я пытался объяснить, я пытался заставить твоих людей понять страх моих сородичей. Но они ничего не ответили мне: они хотят видеть тебя. Они хотят, чтобы ты вернулась домой».

На краю луга ему что-то послышалось, и он остановился. Тишина была от самого его присутствия, она окружала его со всех сторон и отличалась от молчания пустыни.

«Мне уже начинают чудиться звуки, — подумал он, — так же как по ночам прикосновения Снейк».

Но потом из-за стоявших впереди деревьев он услышал топот копыт каких-то животных. Показалась небольшая стайка изящных горных оленей, они скакали в его сторону к прогалине, их тоненькие, как прутики, ножки часто белели в воздухе, длинные гибкие шеи высоко выгибались над телом.

По сравнению с огромными мускусными буйволами, которых пасли в клане Аревина, эти хрупкие олени были как игрушки. Они скакали почти безмолвно, подгоняемые лошадьми с

пастухами верхом. Его лошадь, единственная в своем роде, заржала.

Пастухи, размахивая руками, подъехали к нему и натянули поводья, чтобы картинно остановить своих лошадей. Оба они были подростками, с бронзовой от солнца кожей и коротко подстриженными светлыми волосами, похожие с виду на братьев. В Горной Стороне Аревин неловко чувствовал себя в пустынной одежде — наверное, из-за этого люди приняли его за сумасшедшего. Он не счел необходимым менять свою манеру одеваться, после того как прояснил свои намерения. Но сейчас двое детишек с минуту смотрели на него, потом переглянулись и захихикали. Он подумал, а не стоит ли ему купить себе новую одежду. Но у него было мало денег, и он не хотел тратить их на то, что не было совершенно необходимым.

— Ты давно уже свернул с торговой дороги, — сказал старший пастушок. Тон его был не враждебный, но деловитый. — Тебе нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, — ответил Аревин. — Но я благодарю тебя. — Их оленье стадо кружилось вокруг него, издавая звуки общения друг с другом, больше похожие на щебет птиц, чем на голоса копытных

животных. Младшая пастушка вдруг гикнула и замахала руками. Олени рассыпались по всем направлениям. Еще одно различие между этим стадом и стадом Аревина: в ответ на размахивание всадником руками мускусные быки собрались бы в кучу и посмотрели, в чем дело.

— О господи, Джин, ты распугаешь все вокруг до Горной Стороны. — Но, похоже, паренька не очень волновали олени, да они и в самом деле снова сбились в маленькую стайку чуть ниже по тропе. Аревин в очередной раз был поражен готовностью в этой стране называть свои имена, но предположил, что ему лучше бы привыкнуть к этому обычаю.

— Но я не могу больше смотреть на этих зверей у меня под ногами, — сказала она и улыбнулась Аревину. — Так приятно увидеть новое человеческое лицо после того, как видишь только деревья и оленей. И еще моего брата.

— Значит, на тропе ты больше никого не видела? — Это было больше утверждением, чем вопросом. Если Снейк вернулась из Центра и пастухи встретили ее, было бы гораздо благоразумнее им всем ехать дальше вместе.

— А что? Ты кого-то ищешь? — Молодой человек произнес это подозрительно, а может, и

просто враждебно. Встретил ли он Снейк, в конце концов? Аревин тоже мог бы задавать дерзкие вопросы, чтобы охранять целительницу. А он бы сделал для Снейк гораздо больше.

— Да, — ответил он. — Целительницу. Мою подругу. У нее серая лошадь, а еще с ней тигровый пони и ребенок. Она должна возвращаться на север из пустыни.

— Однако она не вернулась.

— Джин!

Джин хмуро посмотрела на брата:

— Кев, он не похож на человека, который может навредить ей. Может, она нужна ему для какого-нибудь больного.

— А его дружки, может быть, с тем сумасшедшим, — сказал брат.

— Почему ты ее разыскиваешь?

— Я друг целительницы, — повторил встревоженный Аревин. — Вы видели сумасшедшего? Снейк в безопасности?

— Этот нормальный, — сказала Джин Кеву.

— Он не ответил на мой вопрос.

— Он же сказал, что ее друг. Наверное, остальное — не твое дело.

— Нет, твой брат имеет право задавать мне вопросы, — сказал Аревин. — А может, и обязан.

Я ищу Снейк, потому что сказал ей свое имя.

— А как твое имя?

— Кев! — потрясенно воскликнула Джин.

В первый раз с момента, когда он встретил этих двоих, Аревин улыбнулся. Он уже начинал свыкаться с грубыми обычаями.

— А это я ни одному из вас не скажу, — вежливо произнес он.

Кев смущенно нахмурился.

— Мы лучше знаем, — сказала Джин. — Мы здесь все время одни, без никого.

— Снейк возвращается, — слегка натянутым от радости и волнения голосом воскликнул Аревин. — Вы ее видели. Когда?

— Вчера, — сказал Кев. — Но она возвращается не этой дорогой.

— Она идет на юг, — сказала Джин.

— На юг!

Джин кивнула:

— Мы были здесь, наверху, чтобы собрать стадо до того, как пойдет снег. Мы встретили ее, когда спустились с верхнего пастбища. Она купила одну из вьючных лошадей для сумасшедшего.

— Но почему она была с сумасшедшим? Он же напал на нее! Вы уверены, что он не принуждал ее идти с ним?

— Ну уж нет, Снейк знала, что делает. В этом нет сомнения, — засмеялась Джин.

Аревин не сомневался в правоте Джин, поэтому отбросил в сторону худшие опасения. Но у него все еще кошки скребли на душе.

— На юг, — сказал он. — А что там, к югу отсюда? Я думал, там нет городов.

— Там и нет. Мы забрались так далеко, как никто. Мы очень удивились, когда увидели ее. По этой тропе почти никто не ходит, даже когда идут из города. Но она не сказала, куда направляется.

— Никто никогда не продвигается дальше к югу, чем мы, — сказал Кев. — Это опасно.

— В каком плане?

Кев пожал плечами.

— Ты поедешь за ней? — спросила Джин.

— Да.

— Хорошо. Но сейчас время устроить привал. Хочешь остановиться с нами?

Аревин посмотрел мимо них, туда, на юг. Действительно, тени от гор склонялись на прогалину, а перед ним смыкались сумерки.

— Ты все равно не слишком далеко продвинешься сегодня, это правда, — сказал Кев.

— А это лучшее место, где можно переночевать после долгой езды.

Аревин вздохнул.

— Хорошо, — промолвил он. — Спасибо. Я остаюсь сегодня здесь.

Аревину было приятно тепло костра, потрескивавшего в центре их лагеря. От тонких горящих веток разлетались искорки. Горные олени напоминали призрачные движущиеся тени: они бродили по лугу, совершенно безмолвные, а лошади то и дело топали копытами, шумно паслись и рвали зубами нежные побеги травы. Кев уже завернулся в одеяла, он тихо посапывал неподалеку от костра. Джин сидела напротив Аревина, подтянув колени к груди. Свет костра отбрасывал красные блики на ее лицо. Она зевнула.

— Пожалуй, я пойду спать, — сказала она. — А ты?

— Да, сейчас.

— Могу я что-то сделать для тебя?

Аревин поглядел на нее.

— Ты и так уже очень много сделала, — сказал он.

Она удивленно посмотрела на него:

— Я не совсем это имела в виду.

В голосе ее не было раздражения, он звучал мягко, но при этом изменился, и Аревин понял, что что-то не так.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Как там говорят твои люди? Я нахожу тебя привлекательным. Я спрашиваю, не хотел бы ты разделить со мной постель?

Аревин бесстрастно, но смущенно посмотрел на Джин. Он понадеялся, что не покраснеет. И Тэд, и Лэррил спрашивали его о том же, но он их не понял. Он бесцеремонно отказывал им, и они могли подумать, что он, по крайней мере, невежлив. Аревин надеялся, что они сообразили, что он не понял их, просто обычаи его страны были иные.

— Я здорова, если ты об этом волнуешься, — немного резко сказала Джин. — И прекрасно себя контролирую.

— Прощу прощения, — ответил Аревин. — Я совсем не понял тебя. Твое приглашение — честь для меня, и я не сомневался в твоем здоровье или умении предохраняться, тебе тоже нечего сомневаться во мне. Но если я не обижу тебя, то скажу тебе «нет».

— Не бери в голову, — сказала Джин. — Это было просто идеей.

Аревин был уверен, что она обиделась. Так резко и недвусмысленно оборвав Тэда и Лэррил, он чувствовал, что обязан дать Джин хотя бы

какие-то объяснения. Он не знал, как донести до нее свои чувства, тем более что не был уверен, что сам понимает их.

— Я нахожу тебя очень привлекательной, — сказал Аревин. — Я не хочу, чтобы ты неправильно меня поняла. Мне не принесет радости ночь с тобой. Мои мысли… будут где-то в другом месте.

Джин посмотрела на него сквозь жаркие волны костра.

— Если хочешь, я могу разбудить Кева.

— Спасибо, — покачал головой Аревин. — Но я хотел сказать, что мое внимание будет далеко от этого лагеря.

— О! — сказала она, внезапно поняв. — До меня дошло. Я не виню тебя. Надеюсь, ты скоро ее найдешь.

— Надеюсь, я не обидел тебя.

— Все в порядке, — немного тоскливо сказала Джин. — Думаю, особой разницы не будет, если я скажу тебе, что не ищу нечто постоянное? Или кого-нибудь дольше, чем на эту ночь?

— Нет, — сказал Аревин. — Извини меня. Это все равно.

— Хорошо. — Она подхватила одеяло и придвинулась поближе к костру. — Спокойной ночи.

Позже, завернувшись в одеяла, которые не

совсем спасали его от холода, Аревин размышлял о том, как было бы приятно и тепло лежать рядышком с другим человеком. Обычно он всю жизнь совокуплялся с людьми из его клана и из соседнего, но после встречи со Снейк он ни о ком бы не мог подумать как о сексуальном партнере. С тех пор как он встретил ее, он не испытывал желания ни к кому другому, и, что было еще более странным, он не замечал, что может быть для кого-то привлекательным. Он лежал на твердой земле, думая обо всем этом и стараясь напомнить себе, что у него нет никаких (кроме мимолетного прикосновения и нескольких двусмысленных слов, оброненных Снейк) оснований думать, что Снйек испытывает к нему нечто большее, чем простая привязанность. И все же он надеялся.

Снейк долго не шевелилась, вообще-то она думала, что не в состоянии двигаться. Она ждала, когда наступит рассвет, но была все еще ночь. Наверное, люди Норта накрыли расселину, чтобы держать ее в темноте, но Снейк понимала, что это нелепо, хотя бы потому что Норт захочет иметь возможность посмотреть на нее и посмеяться над ней.

Она всматривалась в темноту. Вдруг над ней замерцал свет. Она посмотрела вверх, но по-

всюду виднелись лишь какие-то расплывчатые очертания, тени, странный шум, который становился все громче. Веревки и дерево царапались о стену расселины, и Снейк подумала, как другие несчастные калеки воспримут утешение Норта, потом она заметила, что вниз на блоках плавно спускается платформа, а на ней — сам Норт. Она не могла еще крепче держать Мелиссу, или спрятать ее от него, или встать и бороться за нее. Фонари Норта осветили расселину, ослепили Снейк.

Он сошел с платформы, а прикрепленные к блокам веревки упали по углам ее. Двое его спутников стояли по бокам от него и держали в руках фонари. Их две тени маячили и рябили на стенах.

Когда Норт достаточно приблизился, фонарь осветил их обоих, и Снейк увидела его лицо. Он улыбнулся ей.

— Ты понравилась моим змеям-грезам, — сказал он, кивая на ее ноги, там змеи обвили ее икры почти до колен. — Но не надо быть такой эгоистичной по отношению к ним.

— Мелисса их не хочет, — сказала Снейк.

— Должен сказать, — проговорил Норт, — я не ожидал, что у тебя окажется такой ясный ум.

— Я целительница.

Норт слегка нахмурился в раздумье:

— А, понимаю. Да, я должен был подумать об этом, ты же должна иметь сопротивляемость, не так ли? — Он кивнул своим людям, они поставили вниз свои фонари и подошли к Снейк. Свет снизу озарял лицо Норта, отбрасывая причудливые черные тени на его белую, как бумага, кожу.

Снейк отшатнулась от его людей, но позади нее была скала, ей некуда было деться. Спутники осторожно прошли мимо острых камней и змей-грез.

В отличие от Снейк, они были в прочных башмаках. Один потянулся, чтобы забрать у нее Мелиссу. Снейк почувствовала, как змеи раскручиваются с ее колен, и услышала, как они заскользили по скале.

— Не подходите! — закричала Снейк, но чья-то истощенная рука попыталась вытащить Мелиссу из ее рук. Снейк наклонилась и укусила.

Это единственное, что она могла придумать. Она ощутила податливую холодную плоть между зубами, добралась до кости и почувствовала вкус теплой крови. Она хотела бы, чтобы у нее были более острые зубы, острые резцы с канальчиками для яда. Она могла лишь надеяться, что

рана станет инфицированной. Спутник Норта отпрянул с пронзительным воплем, выдирая руку, а Снейк выплюнула его кровь. Завязалась бурная схватка.

Норт и остальные схватили ее за волосы, за руку и за одежду и держали до тех пор, пока не вырвали у нее Мелиссу. Норт запустил свои длинные пальцы в ее волосы, прижимая ей голову к стене, чтобы она не смогла снова укусить. Они вытащили ее из узкой части расселины. Она дралась с ними, но оступилась, и в это время один из спутников повернулся к платформе вместе с Мелиссой. Норт снова рванул ей волосы и оттолкнул назад. Колени ее подогнулись. Она хотела подняться, но ей уже не с кем было драться, не было больше сил, чтобы преодолеть слабость и ранение. Обхватив левой рукой правое плечо, она тяжело опустилась на землю. Кровь струилась у нее между пальцев.

Норт отпустил волосы Снейк и подошел к Мелиссе, он посмотрел ей в глаза, пощупал пульс. Потом посмотрел на Снейк:

— Я же говорил тебе, чтобы ты не уберегала ее от моих тварей.

Снейк подняла голову:

— Почему ты пытаешься убить ее?

— Убить ее? Ты не понимаешь и десятой части того, что, как тебе кажется, знаешь. Ты — единственная, кто подвергает ее опасности. — Он оставил Мелиссу, подошел к Снейк и нагнулся, чтобы поймать несколько змей. Он положил их в корзинку, осторожно придерживая, чтобы они не могли укусить.

— Мне надо забрать ее отсюда, чтобы спасти ее жизнь. Она возненавидит тебя за то, что ты погубила ее первый опыт. Вы, целители, выставляете напоказ свою самонадеянность.

Снейк подумала, а не прав ли он насчет ее самонадеянности. Если это так, то тогда он прав и насчет Мелиссы и всего остального. Она не могла нормально соображать, чтобы спорить с ним.

— Будь к ней добр, — прошептала она.

— Не беспокойся, — сказал Норт. — Она будет счастлива со мной. — Он кивнул двум своим спутникам. Когда они подошли к Снейк, она попыталась встать и приготовилась к последней схватке. Она стояла на одном колене, когда человек, которого она укусила, схватил ее правой рукой, потянул, чтобы она поднялась, и опять рванул ее плечо.

Норт наклонился над ней, держа в руках змеюгрезу.

— А насколько ты уверена в своем иммунитете, целительница?

Ты так же самонадеянна насчет него?

Один из людей Норта с силой отвел голову Снейк назад, обнажая ей горло. Норт был настолько высоким, что Снейк наблюдала, как он опускается за змеей.

Ядовитые зубы вонзились в ее сонную артерию. Но ничего не произошло. Она знала, что ничего не произойдет. Она хотела бы, чтобы Норт понял это и отпустил ее, позволил бы лечь на холодные острые скалы и забыться, даже если она никогда не проснется. Она слишком устала, чтобы бороться дальше, слишком устала и не отреагировала, когда спутник Норта ослабил свою хватку. Кровь ручейком сбегала по ее шее к ключице.

Норт поднял другую змею-грезу и прижал ее к горлу Снейк.

Когда вторая змея-греза укусила ее, она почувствовала внезапный всплеск боли, которая растеклась от горла по всему телу. Она застонала, когда боль отступила, и ее стал бить озноб.

— Ах, — сказал Норт, — целительница начинает понимать нас.

Он поколебался мгновение, наблюдая за ней. — Пожалуй, еще одну, — произнес он. — Да.

Когда он снова наклонился над ней, лицо его оказалось в тени, а свет образовывал ореол вокруг его красивых светлых волос. Третья змея-греза в его руках была молчаливой тенью. Снейк откинулась назад, а хватка спутников Норта на ее руках осталась прежней. Люди, державшие ее, действовали словно загипнотизированные черным взглядом змеи. Снейк рванулась вперед, на какое-то мгновение она была свободной, но пальцы, как когти, вонзились в ее плоть, и человек, укушенный ею, яростно зарычал. Он поволок ее назад, выкручивая ей руку одной своей и погружая ногти другой в раненое плечо.

Норт, отошедший было на шаг от схватки, снова приблизился:

— Почему сопротивляешься, целительница? Позволь себе вкусить наслаждение, что дают мои твари. — Он поднес третью змею-грезу к ее горлу.

Она укусила.

На этот раз боль пронзила ее так же, как раньше, но, когда она уменьшилась, пульс ее часто забился следующей мучительной волной.

Снейк вскрикнула.

— А, — услышала она голос Норта, — вот теперь она понимает.

— Нет… — прошептала она.

Она сама заставила себя замолчать. Она не доставит Норту удовольствия от своей боли.

Спутники освободили ее, и она упала вперед, пытаясь удержаться левой рукой. На этот раз сила ощущений не отступала. Она билась в ее теле, отражалась эхом, вновь усиливалась и отзывалась повсюду. С каждым ударом сердца Снейк содрогалась от озноба. Пытаясь сделать вдох между мучительных спазмов, она упала на твердую холодную скалу.

Дневной свет проник в расселину. Снейк лежала в том же положении, как упала, одна рука вытянута перед ней. Мороз посеребрил рваные края ее рукава. Толстая белая мантия ледяных кристаллов покрывала скатившиеся на землю обломки скалы и ползла вверх, по стене расселины. Очарованная кружевными узорами, Снейк переключила внимание на изящные морозные ветви. По мере того как она смотрела на них, они становились объемными. Она очутилась в доисторическом, черно-белом лесу, в котором росли мох и папоротник.

Повсюду влажные следы перерезали узоры и резко отбрасывали их обратно, в плоскую двухмерность, образуя другой, более грубый рисунок.

Черные, как камень, линии выглядели как следы змей-грез, но Снейк понимала, что невозможно ожидать активности от змей при такой температуре, они не смогли бы ползать по обледенелой земле. Вероятно, Норт, чтобы спасти их, унес их в более теплое место.

Пока она предавалась надежде, что это правда, ей послышался тихий шелест чешуи, скользящей по камню. По крайней мере, одна из тварей осталась здесь. Это немного успокоило ее, поскольку означало, что она хотя бы не совсем одна.

Наверное, крепкое создание, подумала она.

Вероятно, это была та большая змея, что кусала ее, достаточно крупная, чтобы вырабатывать и сохранять тепло тела. Открыв глаза, она попыталась потянуться на звук. Но еще до того, как ее рука пошевелилась, она заметила змей.

В расселине осталась не одна змея. Две — нет, три змеи-грезы переплелись на расстоянии вытянутой руки. Ни одна из них не была огромной, ни одна не была больше Травки. Они извивались и скручивались, нанося на иней темные иероглифы, которые Снейк не могла бы прочитать. Символы имели какое-то значение, в этом Снейк была уверена. Вот если бы она смогла расшифровать их… Только одна часть послания была в поле

ее зрения, и она медленно и упорно поворачивала голову, чтобы проследить за соединявшимися между собой следами. Она видела змей-грез боковым зрением, они терлись друг о друга, а тела их сплетались в тройные спирали.

Змеи замерзали и умирали, они должны были погибнуть, и ей как-то надо позвать Норта и заставить его спасти их. Снейк рывком приподнялась на локти, но дальше двигаться она не смогла. Она попыталась что-то сказать, но ее накрыла волна тошноты. Вот они, Норт и его твари: у нее были позывы к рвоте, но в желудке ничего не было, и нечему было подняться и освободить ее от гадости. Она все еще была под воздействием ядов.

Острая боль понемногу стихла и перешла в глубокую, пульсирующую.

Она усилием воли попыталась отогнать ее, внушала себе, что чувствует ее все меньше и меньше, но не могла выработать в себе необходимой энергии. Охваченная болью, она снова потеряла сознание.

Снейк очнулась от сна, но не от бессознательности. Все раны ее болели, но она знала, что пересилила их, одну за другой, и боль от них больше не вернется. Она по-прежнему свободна, Норт не может поработить ее своими змеями-

грезами. Сумасшедший описывал экстаз, но яд не подействовал на Снейк так, как на спутников Норта. Она не знала, отчего это — то ли из-за ее иммунитета целителя, то ли из-за сопротивления ее воли. В сущности, это не имело значения.

Теперь она понимала, почему Норт был так уверен, что Мелисса не замерзнет до смерти. Было так же холодно, и Снейк знала об этом, но ей было тепло, даже немного лихорадило. Она не знала, сколько времени еще ее тело будет выдерживать такой обмен веществ, но чувствовала, что кровь циркулирует в ней и ей не надо бояться мороза.

Она вспомнила змей-грез, вполне активных на сверкающей от мороза земле.

«Наверное, все это сон», — подумала она.

Но она посмотрела по сторонам, и там, среди темных иероглифов змеиных следов, увидела тройку сплетенных маленьких змеек. Она увидела вторую тройку, потом третью, и вдруг, в совершенном изумлении и восторге, она поняла послание, которое это место и его обитатели пытались ей передать. Было так, словно она — представительница всех поколений целителей, присланная сюда, чтобы принять то, что они предлагают.

Она поняла причину, почему ей так много

времени понадобилось на то, чтобы разгадать тайны змей-грез. Теперь, сумев преодолеть воздействие яда, она смогла понять, о чем говорили ей иероглифы, и увидела огромное количество троек змей-грез, совокуплявшихся на холодных камнях.

Ее сородичи, как и все люди на земле, были слишком поглощены собой, слишком много занимались самоанализом. Возможно, это было неизбежно, ибо их изолированность была в большой степени вынужденной. Но в результате этого целители были чересчур недальновидны: защищая змей-грез, они не давали им взрослеть и созревать. Это тоже было неизбежно: змеи-грезы были слишком драгоценны, чтобы рисковать ими ради экспериментов. Было безопаснее рассчитывать на пересадку содержащих ядро клонов для нескольких новых змей-грез, чем угрожать жизни тем пресмыкающимся, которые уже были у целителей.

Снейк улыбнулась простоте и ясности решения. Конечно же, змеи-грезы целителей не достигали зрелости. На определенной точке развития им был необходим такой суровый холод. Конечно же, они редко спаривались, даже те, которые спонтанно достигали половой зрелости: холод

запускал в действие механизм репродукции. И наконец, в надежде, что зрелые змеи встретятся друг с другом, целители следовали утомительному плану — соединять их друг с другом… по двое.

Изолированные от новых знаний, целители понимали, что змеи-грезы были чужеродными, но осознать, до какой степени, они были не в состоянии.

По двое. Снейк беззвучно засмеялась.

Она вспомнила страстные споры с другими целителями во время практики, обучения, во время ланча о том, диплоидны или гексаплоидны змеи-грезы, поскольку число ядерных тел давало либо подтверждало такую возможность. Но во всех этих страстных спорах ни один из них не приближался даже к краю истины. Змеи-грезы были триплоидны, и им требовались тройки, а не пары. Внутренний смех Снейк перешел в грустную улыбку сожаления обо всех этих ошибках, которые она и ее люди делали за все эти долгие годы. Им мешало отсутствие правильной информации, сковывала механическая технология, которая была недостаточна, чтобы поддерживать биологические возможности. Мешал их этноцентризм. А также навязанная насильно изоляция Земли от других миров, добровольная самоизоля-

ция больших групп людей, не контактирующих друг с другом. Ее люди делали ошибки, а со змеями-грезами они лишь усугубляли их.

Теперь она это поняла, но, наверное, было уже слишком поздно.

Снейк почувствовала, что согрелась, успокоилась, ей захотелось спать. Жажда не давала ей заснуть, жажда — и потом воспоминания. Расселина казалась светлой как никогда, а камни, на которых лежала Снейк, были сухими. Она пошевелила рукой и почувствовала, как в нее вливается тепло из черной скалы.

Она подалась вперед, испытывая себя. Колено ее болело, но не распухло. Боль в плече почти утихла. Она не знала, сколько времени проспала, но исцеление уже началось. Вода собиралась в маленькие быстрые ручейки на другом конце расселины. Снейк встала и пошла в ту сторону, прислоняясь к скалистой стене. Ноги ее подгибались: ей казалось, что она вдруг стала старой. Но силы ее не оставили, они постепенно возвращались, и Снейк чувствовала это. Склонившись перед ручейком, она зачерпнула в ладони воду и осторожно стала пить. Вода была чистая и холодная. Она жадно пила, доверившись своему решению. Чрезвычайно трудно отравить цели-

теля, но сейчас она не слишком беспокоилась о том, что могла еще подвергнуть организм воздействию токсинов.

Почти замерзшая вода болью отдалась в ее пустом желудке. Она отложила в сторону мысли о еде и встала посередине расселины, медленно поворачиваясь, чтобы рассмотреть ее при дневном свете. Стены были грубые, но не в трещинах, она не заметила выступов, за которые можно было бы уцепиться пальцами рук или ног. Край расселины был втрое выше ее роста, она не смогла бы подтянуться, даже если бы не была ранена. Но ей надо было выбраться любым способом. Ей надо найти Мелиссу, они должны убежать.

Снейк почувствовала, что у нее кружится голова. Она испугалась, что запаникует, и несколько раз медленно и глубоко вздохнула и выдохнула, закрыв глаза. Ей было трудно сосредоточиться, потому что она понимала, что Норт может вернуться в любой момент. Он захочет позлорадствовать, когда она проснется, поскольку он преодолел ее иммунитет и воздействовал на нее ядом. Из-за ненависти он захочет увидеть, как она будет унижаться перед ним, подобно сумасшедшему, моля, чтобы он сделал ей одолжение, и становясь от этого слабее с каждым разом.

Она вздрогнула и закрыла глаза. Если только он поймет истинное действие яда на нее, он будет пользоваться им, пока не убьет ее, если сможет.

Снейк села и раскрыла плечо, перевязанное покрывалом Мелиссы.

Ткань затвердела от спекшейся крови, и ей пришлось отмачивать слой материи возле кожи. Короста была достаточно плотная, и кровь не пошла. Рана была нечистая: в шраме будет полно грязи и песка, пока она что-нибудь не сделает с этим. Но она не воспалится, и сейчас она может не заниматься ею. Она связала пару узких полосок с одного конца квадратного покрывала и собрала остальную ткань в самодельную сумку. Четыре больших змеи-грезы вяло лежали на скалах в пределах ее досягаемости. Она поймала их, положила в мешок и посмотрела, нет ли еще. Те, что были у нее, были безусловно зрелыми, соответствующего размера, и, возможно, в одной или двух даже формировались оплодотворенные яйца. Она поймала еще три, но остальные змеи-грезы уползли. Она более внимательно прошлась между камней в поисках нор, но ничего не обнаружила.

Она думала о том, что вряд ли могла представить себе или хотя бы мечтать увидеть сцену

совокупления змей. Это казалось таким нереальным…

Но мечтала она об этом или нет, в расселине было еще много змей-грез. Их норы были слишком хорошо скрыты, и их невозможно было найти, если не смотреть внимательно, а может, Норт забрал с собой остальных змей.

Краем глаза она увидела какое-то зеленое шевеление. Она подошла к змее-грезе, и та бросилась на нее. Снейк отдернула руку назад и с удовольствием отметила, что даже после всего, что случилось, у нее сохранилась быстрота реакции, и она увернулась от ядовитых зубов. Она не боялась укуса одной змеи: сейчас ее иммунитет к яду чрезвычайно высок.

С каждым разом, когда ее подставляли под укусы, требовалось все больше и больше времени, чтобы яд начал на нее действовать. Но она не хотела еще экспериментировать.

Она поймала последнюю большую змею и положила ее в мешок, крепко затянула его полоской материи и после привязала весь мешок к своему ремню другой полоской, оставляя длинную привязь.

Снейк видела только один способ бегства. Что ж, был еще другой способ, но она сомневалась,

что у нее хватит времени, чтобы построить уклон из обломков камней и выбраться по ним наверх. Она вернулась в дальний угол расселины, к узкому пространству, где соединялись стены, — туда, где она держала в руках Мелиссу.

Что-то защекотало ее босую ногу. Она поглядела вниз и увидела вылупившуюся из яйца змейку-грезу, уползавшую прочь. Она наклонилась и подняла ее, аккуратно, чтобы не испугать. Похожая на рог ткань отпала, а под ней, вокруг рта, чешуя была бледно-розовой. Со временем она станет пунцовой. Крошечная змейка пробовала на вкус воздух своим тройным языком, тыкалась носом в ладонь Снейк и обвивалась вокруг ее большого пальца. Она скользнула в нагрудный карман ее порванной рубашки, и Снейк чувствовала, как она шевелится там, оттопыривая складки ткани. Она была слишком юная, чтобы ее можно было приручить. Тепло тела Снейк убаюкало ее.

Снейк протиснулась в узкое пространство. Откидываясь назад, она прижалась плечами и спиной к скале. Рана еще не начала снова болеть, но она не знала, сколько еще стрессов сможет вынести. Она настраивала себя не бояться ран, но истощение и голод не позволяли ей сосре-

доточиться. Снейк поставила правую ногу на противоположную стену и оттолкнулась, подтягиваясь. Потом она осторожно поставила другую ногу на стену и повисла между двумя стенами расселины. Она оттолкнулась обеими ногами, проталкивая плечи вверх и отталкиваясь руками. Она поставила ногу чуть выше, снова подтянулась и поползла вверх.

Камень-голыш зашатался под ее ногой, она поскользнулась и едва не упала. Она царапала стену, скребла ее, стараясь удержаться в том же положении. Но сорвалась вниз, сильно ударившись. Стараясь не задохнуться, Снейк попыталась подняться, а потом легла и замерла. Она дрожала и сотрясалась. Когда дыхание установилось, она глубоко вздохнула и рванулась на ноги. Ее больное колено дрожало от напряжения.

По крайней мере, она упала не на змей-грез. Она положила руку на карман и почувствовала, как там двигается малютка.

Стиснув зубы, Снейк откинулась к стене, снова поднялась, стараясь двигаться более осторожно, нащупывая сломанные камни, прежде чем наступить на новое место. Скалы царапали ей спину, руки стали липкими от пота. Она продолжала карабкаться, воображая, как она выглянет из

края своей темницы, и представляя себе твердую землю и горизонт.

Заслышав какой-то шум, она застыла.

Это ничего, подумала она. Просто камешек ударился о другой. Вулканические скалы издают какие-то одушевленные звуки, когда ударяются друг о друга.

Мускулы ее бедер дрожали от напряжения. Глаза заливал пот, из-за него все мельтешило перед ней.

Опять послышался этот звук. Но это был не шум ударявшихся друг о друга камней, а два человеческих голоса, один из которых принадлежал Норту.

Чуть не рыдая от отчаяния, Снейк скользнула обратно в расселину.

Спускаться было так же трудно, и ей показалось, что прошло бесконечно много времени, прежде чем она смогла спрыгнуть вниз. Ее спина, руки, ноги были расцарапаны о камни. Шум от прыжка так громко разнесся в замкнутом пространстве, что она подумала, что Норт услышит ее. Скальная порода ударилась о стену расселины, Снейк прыгнула на землю, сгибая тело над мешком со змеями. Она замерзла, и лишь истинной силой воли подавляла дрожь усталости.

Необходимо было выровнять дыхание, и Снейк заставила себя дышать медленно, как во сне. Она почти закрыла глаза, но все равно заметила тени, накрывшие ее.

— Целительница!

Снейк не двигалась.

— Целительница, проснись!

Она услышала шуршание башмака по камням. Сверху на нее посыпался дождь камней.

— Она все еще спит, Норт, — произнес сумасшедший, старый знакомый Снейк. — Как любой другой, любой, кроме тебя и меня. Пойдем спать, Норт. Пожалуйста, позволь мне поспать.

— Заткнись. Яда больше не осталось. Змеи истощены.

— Они бы могли укусить еще один раз. Или позволь мне спуститься и достать другую, Норт. Хорошую большую змею. Тогда я убежусь, что целительница в самом деле спит.

— Какое мне дело, спит она или нет?

— Ты не можешь ей доверять, Норт. Она сама как змея. Она обманным путем заставила меня привести ее к тебе…

Голос сумасшедшего удалялся вместе с шагами Норта. Насколько раслышала Снейк, Норт не потрудился ответить ему.

Когда они ушли, Снейк шевельнулась лишь для того, чтобы положить руку на карман своей рубашки. Малютка-змея была в порядке, Снейк ощущала, как она медленно и спокойно двигается под ее пальцами. Она начинала верить, что если выберется живой из расселины — если это когда-нибудь случится, — то крошечная змейка тоже выживет. Или, может быть, ей придется поменять порядок вещей. Руки ее дрожали, она отвела их в стороны, чтобы не напугать свою змейку. Медленно перевернувшись на спину, она посмотрела на небо. Вершина расселины, казалось, была от не на огромном расстоянии, как будто каждый раз, когда она пыталась лезть по стенам, они становились все выше. Из уголка глаза ей в волосы скатилась горячая слеза.

Внезапно Снейк села. Встать на ноги оказалось трудным, неуклюжим делом, но в конце концов она встала на узком пространстве между стенами и стала вглядываться в поверхность скалы. Царапины на ее спине терлись о камень, рана в плече была опасно близка к тому, чтобы снова открыться. Не глядя вверх, Снейк поставила ногу на стену, закрепила другую и снова начала подъем.

По мере того как Снейк ползла все выше и выше, она чувствовала, как под плечами рвется ткань ее

рубашки. Связанное в узел покрывало оторвалось от земли и задело стену под ней. Оно начало раскачиваться: узел был достаточно тяжелым, чтобы нарушить ее равновесие. Она остановилась на перепутье, словно мост из никуда в никуда, пока маятник под ней не сократил свои колебания. Напряжение в мышцах ног все возрастало, и скоро она уже не ощущала под ступнями скалы. Она не знала, насколько приблизилась к вершине, и не хотела смотреть вверх.

Снейк очутилась выше, чем ей удавалось залезть до этого, здесь стены расселины расширялись, и ей было труднее удерживаться на них. С каждым крошечным шагом ей приходилось чуть дальше передвигать ноги.

Теперь она держалась только на плечах, на руках, которыми ей приходилось с силой отталкиваться от стен, и на коленных чашечках. Она больше не могла продвигаться. Под ее правой рукой камень был мокрым от крови.

Она в последний раз попыталась подтянуться. Вдруг затылок ее коснулся края расселины, и она увидела землю, холмы, небо. Резкая перемена едва не стоила ей потери равновесия. Она подтянулась, опираясь за край расселины локтем, а потом рукой. Тело ее растянулось, правой рукой

она ударилась о землю. Рана в плече терзала ее от спины до кончиков пальцев.

Она вонзила ногти в землю, опираясь на нее. Она нащупала углубление, чтобы можно было поставить носки ног, и каким-то образом нашла его.

Некоторое время она повисела на стене, судорожно ловя воздух и чувствуя синяки на бедрах в тех местах, где она ударялась о камень. Прямо над грудью, в кармане, извивалась ее несчастная змейка-малютка, задавленная, но не совсем уничтоженная.

Собрав последние силы, Снейк перевалилась через край расселины и осталась неподвижно лежать на горизонтальной поверхности. Ступни и ноги ее все еще дрожали. Она немного проползла вперед. Порванное покрывало задевало за камень, ткань растягивалась и протиралась. Снейк осторожно тянула его, пока самодельный мешок не оказался возле нее. И только тогда, положив одну руку на змей, а другой чуть ли не лаская твердую землю, Снейк смогла оглядеться и убедиться, что никто не увидел, как она вылезла. По крайней мере, в эту минуту она была свободна.

Она расстегнула карман и посмотрела на только что вылупившуюся змейку, с трудом веря,

что она цела. Снова застегнув карман, она взяла одну из корзин, которая в куче остальных лежала возле расселины, и положила туда взрослых змей. Она набросила корзинку на спину, качаясь, поднялась на ноги и пошла к туннелям, огибающим кратер.

Но туннели окружали ее, как бесконечные отражения, и она не могла вспомнить, через который из них она вошла. Он был напротив единственного огромного охлаждающего канала, но сам кратер был настолько большим, что любой из трех выходов мог бы оказаться тем, что ей нужен.

Может, это к лучшему, подумала Снейк. Может, они всегда идут через один и тот же туннель, а я пойду через другой, заброшенный.

А может, не имеет значения, какой я выберу: все равно смогу встретить там кого-нибудь или другие ведут в тупик.

Снейк наугад вошла в левый туннель. Он внутри выглядел по-другому из-за растаявшего инея. В этом туннеле тоже были факелы — значит, люди Норта, наверное, их для чего-то использовали. Но многие из них основательно сгорели. Снейк пробиралась во мгле от одной еле светящейся точки до другой, цепляясь рукой за стену, чтобы можно

было возвратиться, если этот туннель не выведет ее наружу. Каждый новый огонек мог бы быть входом в туннель, но каждый раз она обнаруживала очередной угасающий факел. Коридор все тянулся вперед. Как бы она ни мучилась раньше, какой бы обессиленной ни была сейчас, она знала, что первый туннель не был таким длинным.

Еще один свет, подумала она. А что потом?..

Дымок с примесью копоти закружился вокруг нее, но не указывал потоком воздуха ей дорогу. Она остановилась возле факела и обернулась.

Позади нее простиралась лишь тьма. Другие вспышки куда-то делись, а может, она описала дугу и теперь их не стало видно. Она не хотела идти назад.

Долгое время Снейк шла в кромешной тьме, пока не увидела следующий свет. Она хотела бы, чтобы это оказался дневной свет, она уверяла себя и держала пари, что это именно дневной свет, но еще до того, как добраться до него, Снейк поняла, что это опять факел. Он почти угас и тлел последними красными угольками. Она слышала едкий запах угасающего пламени.

Снейк подумала: а не очутилась ли она в другой расселине, той, что в темноте поджидала ее? С этого момента она пошла более осторожно,

выставляя одну ногу вперед и не перенося свой вес до тех пор, пока не убеждалась, что под ней — твердая почва.

Когда появился следующий факел, она его едва заметила. Он не давал достаточно света, чтобы помочь ей пробивать дорогу. Корзинка становилась тяжелее, тело Снейк реагировало на все, что с ней случилось. Ее колено сильно ныло, а плечо болело так сильно, что ей пришлось просунуть руку под пояс и тесно прижать ее к боку. Она тащилась по сомнительной тропинке, думая о том, что не смогла бы поднять ноги выше, даже если бы этого требовала предосторожность.

Вдруг она оказалась у склона холма при дневном свете под страными изогнутыми деревьями. Она невидящим взглядом посмотрела вокруг, вытянула левую руку и ударила по грубой ветке дерева. Потом дотронулась до изящного листика своими шершавыми, со сломанными ногтями пальцами.

Снейк захотелось сесть, засмеяться, отдохнуть, заснуть. Но вместо этого она повернула направо и обошла холм кругом, надеясь, что длинный туннель не увел ее далеко от холма или купола, где находился лагерь Норта. Она мечтала о том, чтобы Норт или сумасшедший сказали бы что-

нибудь о том, куда они дели Мелиссу.

Деревья внезапно закончились. Снейк почти попала на поляну, но остановилась и спряталась в тень. Толстый ковер из кустов с круглыми листьями покрывал луг, образуя целый пласт ярко-красной растительности.

На этом естественном матрасе лежали люди, которых она видела с Нортом, и еще кое-кто. Наверное, они все спят и грезят, предположила Снейк.

Многие из них лежали лицом вверх с запрокинутой головой и выставленным горлом, на котором среди множества шрамов были видны точечные ранки и маленькие пятнышки крови. Снейк переводила взгляд с одного человека на другого и никого не узнавала, пока ее взгляд не достиг противоположного края поляны. Там, в тени чужеродного дерева, лежал спящий безумец. Поза его отличалась от других: он лежал ничком, раздетый по пояс, словно в мольбе простирая руки. Ноги его и ступни были обнажены.

Снейк пробиралась по поляне — и чем ближе подходила она к безумцу, тем отчетливее видела она многочисленные отметины ядовитых зубов на внутренней стороне рук и под коленями. Значит, Норт нашел неистощенную змею, и су-

масшедший наконец получил то, что хотел.

Однако Норта на поляне не было, равно как и Мелиссы.

Проторенная тропинка повела ее к лесу. Снейк осторожно шла по ней, готовая при любой опасности шмыгнуть за деревья. Но все было спокойно.

Ступая босиком по твердой земле, она даже слышала шорохи маленьких зверьков или птиц, а может, каких-то неописуемо чуждых животных.

Тропинка закончилась как раз у входа в первый туннель. А там, рядом с большой корзиной, со змеей-грезой в руках в одиночестве сидел Норт.

Снейк с удивлением посмотрела на него. Он безопасно держал змею — за голову, чтобы она не могла наброситься. Другой рукой он гладил ее гладкую зеленую чешую. Снейк заметила, что у Норта не было шрамов на горле, и убедилась, что Норт для себя применял более медленный и приятный метод приема яда. Но сейчас рукава его рубашки задрались, и она вполне ясно увидела, что и на его бледных руках тоже не было шрамов.

Снейк нахмурилась. Мелиссы нигде не было видно. Если Норт отправил ее обратно в пещеры, Снейк может целыми днями тщетно разыскивать ее и все равно не найти. У нее не было больше

сил на долгие поиски. Она вышла на поляну.

— Почему ты не даешь ей укусить тебя? — спросила она.

Норт сильно дернулся, но не потерял контроль над змеей. В полном замешательстве он уставился на Снейк. Он быстро оглядел поляну, будто только заметил, что в первый раз его людей нет рядом.

— Все они спят, Норт, — сказала Снейк. — Грезят. Даже тот, кто привел меня сюда.

— Подойди ко мне! — закричал Норт, но Снейк не повиновалась его приказу и ничего не ответила.

— Как ты выбралась? — прошептал Норт. — Я убивал целителей — они не были волшебниками. Их можно было также легко убить, как любое существо.

— Где Мелисса?

— Как ты выбралась? — заорал он.

Снейк подошла к нему, не думая, что будет делать. Норт действительно был несильным, но даже сидя он был почти такого же роста, как она, стоявшая перед ним. А сейчас она тоже была без сил. Она остановилась перед ним.

Норт ткнул змею-грезу в нее, как будто она испугает или опутает Снейк по его прихоти. Снейк

была настолько близко, что вытянула руку и погладила змею кончиком пальца.

— Где Мелисса?

— Она моя, — сказал он. — Она не принадлежит внешнему миру. Она останется здесь.

Но его бледные бегающие глаза выдали его: Снейк проследила за его взглядом и посмотрела на огромную корзину, почти с нее ростом и очень глубокую. Снейк подошла к ней, осторожно приподняла крышку — и непроизвольно отшатнулась, задохнувшись от гнева. Корзина была почти доверху наполнена кишащей массой змей-грез. Она в ярости бросилась к Норту.

— Как ты мог?

— Ей было это нужно.

Снейк повернулась к нему спиной и медленно, осторожно начала вытаскивать змей-грез из корзины. Их было так много, что она не видела Мелиссу, даже ее очертаний. Она вытаскивала змей по две, но чтобы они больше не могли касаться дочери, она выбросила их на землю. Первая же змея скользнула по ее ноге и свернулась вокруг колена, а вторая быстро поползла к деревьям.

Норт начал поспешно собирать змей.

— Что ты делаешь? Ты не можешь… — Он не

отрываясь смотрел на освобожденных змей, но одна из них поднялась, чтобы наброситься, и Норт отшатнулся. Снейк выбросила на землю еще две змеи. Норт еще раз попытался поймать змею-грезу, но та бросилась на него, и он едва не упал, стараясь уклониться от нее. Норт оставил змею и прыгнул к Снейк, своей высотой стараясь напугать ее, но она направила на него змею-грезу, и он остановился.

— Ты их боишься, не так ли, Норт? — она шагнула в его сторону. Он старался стоять прямо, но, когда Снейк сделала другой шаг, Норт резко отпрянул от нее.

— Ты что же, не следуешь собственному совету? — Она была в такой ярости, как никогда раньше; но подсознательно, где-то в подкорке, потрясенно наблюдала за своей радостью оттого, что может испугать его.

— Не подходи…

Но Снейк подошла к нему, и он упал навзничь. Хватаясь за землю, он подался назад, и снова оступился, когда попытался встать. Снейк была довольно близко к нему, она ощущала его сухой затхлый запах, какой-то нечеловеческий. Задыхаясь, как загнанный зверь, он остановился и повернулся к ней лицом, сжимая кулаки, чтобы

наброситься на нее, если она поднесет змею-грезу ближе.

— Не надо, — сказал он. — Не делай этого…

Снейк не ответила: она думала о Мелиссе.

Норт в ужасе смотрел на змею-грезу.

— Нет… — голос его сорвался. — Пожалуйста…

— Ты хочешь от меня жалости? — с радостью закричала Снейк, зная, что она будет к нему столь же милосердна, как он к ее дочери.

Вдруг кулаки Норта разжались, он рванулся к ней, простирая руки и обнажая тонкие голубые вены на запястьях.

— Нет, — сказал он. — Я хочу мира. — Он заметно дрожал, ожидая броска змеи-грезы.

Изумленная, Снейк отдернула свои руки.

— Пожалуйста! — снова закричал Норт. — О боже, не играй со мной!

Снейк посмотрела на змею, потом на Норта. Ее удовольствие от его капитуляции куда-то делось. Разве она такая же, как он, раз ей тоже нужна власть над людьми? Наверное, его обвинения были справедливы. Честь и почтительное отношение были ей так же приятны, как ему. И она в самом деле виновна в высокомерии, она всегда была в этом виновна. Вероятно, разница между нею и Нортом была не в сути, а лишь в степени.

Снейк не была уверена, но понимала, что если она сейчас напустит на него эту змею, сейчас, когда он беспомощен, то все эти различия, которые могли быть между ними, будут иметь гораздо меньше значения.

— Держись от меня подальше. — Ее голос тоже дрожал. — Я хочу забрать мою дочь и пойти домой.

— Помоги мне, — прошептал он. — Я обнаружил это место, я использовал этих тварей, чтобы помогать другим, неужели же я не заслуживаю сейчас помощи? — Он жалобно смотрел на Снейк, но она не двигалась.

Вдруг он застонал, схватил несколько змей и зажал их в одной руке, заставляя их укусить его запястье. Он завыл, когда ядовитые зубы вонзились ему в руку, раз, другой.

Снейк попятилась от него, но он больше не обращал на нее внимания.

Она повернулась к огромной плетеной корзине.

Змеи теперь начали сами уползать. Одна перелезла через край корзины и с мягким шлепком упала на землю. Еще несколько змей переползли, и постепенно от всей их массы прутья раздулись и корзина опрокинулась.

Змеи вывалились оттуда извивающимся клубком.

Но Мелиссы там не было.

Норт прошел мимо Снейк, не замечая ее, и погрузил свои белые, усеянные кровавыми пятнышками руки в кучу змей-грез.

Снейк схватила его и повернула к себе:

— Где она?

— Что?.. — Он посмотрел на змей-грез. — С ними.

Мелиссе каким-то образом удалось вырваться. Каким-то образом ее воля победила Норта, яд, соблазн забвения. Снейк осмотрела лагерь, пытаясь разыскать ее и видя все, кроме того, что она хотела увидеть.

Норт болезненно застонал, и Снейк отпустила его. Он хватал спасавшихся бегством змей, уползавших в лес. Руки его были сплошь покрыты уколами тонких, как иголки, зубов, и каждый раз, когда он ловил очередную свою тварь, он заставлял ее насильно кусать его.

— Мелисса! — закричала Снейк, но ответа не было.

Вдруг Норт что-то забормотал, а потом, через мгновение, он издал странный стонущий звук. Снейк посмотрела на него через плечо. Норт мед-

ленно поднялся, держа змею в окровавленных руках. Тонкие ручейки крови стекали из укуса на его горле. Он напрягся, змея скрутилась.

Норт упал на колени и раскачивался. Потом накренился вперед и замер, и вся сила уходила из него так же, как эти странные змеи-грезы убегали в свой причудливый лес.

Повинуясь рефлексу, Снейк подошла к нему. Он ровно дышал. Он не ушибся, во всяком случае не от такого мягкого падения. Снейк думала, подействовал ли на него яд так, как на его спутников. Но даже если он не подействовал, даже если ужас перед змеями вызвал у него такую тяжелую реакцию, она ничего бы не смогла для него сделать.

Змея-греза, которую он все еще держал в руке, корчилась и высвобождала себя из его хватки. Снейк задохнулась от горестных воспоминаний.

Спина змеи была сломана. Снейк наклонилась над ней и покончила с ее болью, убив змею так же, как она убила тогда Травку.

Ощущая холодный соленый вкус ее крови на губах, она взялась за ремешки своей маленькой плетеной корзины и закрепила ее на плечах. Ей не пришло в голову искать Мелиссу где-нибудь в другом месте, кроме как на тропинке, ведущей вниз с холма, в сторону разрушенного купола.

Скрученные деревья давали сейчас более темную и густую тень, чем тогда, когда Снейк в первый раз проходила под ними, а просветы в них были у◆же и ниже. Спине Снейк было холодно, и она старалась идти как можно быстрее. Чужой лес, что окружал ее, мог дать приют любой твари, от змей-грез до молчаливых плотоядных. Мелисса была совершенно не защищена: у нее больше не было ножа.

Когда Снейк стало казаться, что она на ложном пути, перед ней возникла та самая голова пласта, где ее предал сумасшедший. Это было на большом расстоянии от лагеря Норта, и Снейк удивлялась, как Мелисса могла уйти так далеко.

Может быть, она убежала и спряталась, подумала Снейк. А может, она все еще неподалеку от лагеря Норта — спит, грезит… и умирает.

Она прошла еще несколько шагов, колеблясь, решая, что делать, и вдруг бросилась вперед.

Вытянувшись на тропе, зарыв пальцы в землю, чтобы продвинуться еще немного дальше, сразу у следующего поворота лежала Мелисса. Она была без сознания. Снейк подбежала к ней, оступилась и упала на колени возле нее.

Снейк нежно перевернула дочь. Мелисса не двигалась, она была очень вялая и холодная.

Снейк попробовала найти ее пульс: он то появлялся, то исчезал. Мелисса была в глубоком шоке, и Снейк ничего не могла для нее здесь сделать.

«Мелисса, дочь моя, — подумала Снейк, — ты так твердо старалась выполнить данное мне обещание. И почти успела. Я тоже давала тебе обещания, но все они оказались нарушенными. Пожалуйста, дай мне еще шанс».

Неловко, с усилием пользуясь почти искалеченной правой рукой, Снейк взвалила маленькое тело Мелиссы на левое плечо. Пошатываясь, она встала на ноги, чуть не потеряв равновесие. Если она упадет, то вряд ли сможет подняться снова. Перед ней расстилалась тропа. Снейк знала, насколько она длинна.

Глава 13

Снейк пробиралась через плоские листья и один раз оступилась, переходя расселину, наполненную голубовато-зелеными ползучими растениями.

Она поскользнулась и чуть не упала на этой поверхности, скользкой после недавнего дождя. Мелисса по-прежнему не шевелилась. Снейк боялась положить ее на землю и продолжала идти.

Я ничего не могу для нее здесь сделать, снова подумала она и сосредоточила внимание на предстоящем спуске.

Мелисса казалась ужасно холодной, но Снейк не доверяла собственному восприятию, старалась избегать всяких ощущений. Она двигалась вперед, как автомат, и следила, чтобы ее тело удерживалось в наиболее благоприятной точке. Она знала, что ей надо во что бы то ни стало добраться до подножия холма, но в то же время она была готова закричать от безысходности, потому что тело ее двигалось так медленно. Вот один робкий шаг, потом другой — и быстрее она пойти не могла.

Сверху холм казался намного круче, и таким же высоким он предстал перед Снейк, когда она поднималась по нему. Стоя на вершине холма, Снейк не могла вспомнить, как она забиралась наверх. Но лес и луг там, внизу, и милые переливы зелени подбадривали ее.

Снейк села и удобно устроилась на краю холма. Потом начала медленно спускаться, притормаживая своими стертыми босыми ногами и ухитряясь удерживать равновесие. Она наступила на камень, плетеная корзинка подпрыгнула у нее на спине и поцарапала ее. Ближе к подножию Снейк набрала скорость, безвольное тело Мелиссы выбивало ее из равновесия, она скользила и раскачивалась из стороны в сторону. Снейк изо всех сил старалась не покатиться, преуспела в этом ценой небольшой потери кожи на спине и локтях и наконец остановилась у склона холма, осыпаемая душем грязи и голышей. Какой-то миг она лежала тихо, с распростертой на ней безжизненной Мелиссой и с хрустящей под плечом плетеной корзинкой.

Змеи-грезы ползали друг по другу, но не могли найти достаточно большой дырки, чтобы выбраться наружу. Снейк сунула руку в нагрудный карман и почувствовала, как маленькая змейка

двигается под ее пальцами.

Еще чуть дальше, подумала она. Я почти вижу луг. Если я тихо полежу здесь, то расслышу, как Бельчонок жует траву…

— Бельчонок! — Она подождала минуту и свистнула. Она снова и снова звала его, ей казалось, что она слышит его ржание, но не была уверена.

Он обычно бродил вокруг нее, когда находился поблизости, но отзывался на свое имя или свист, только когда был в хорошем настроении.

Снейк вздохнула, подтянулась и попыталась встать на колени. Перед ней, бледная и холодная, лежала Мелисса, ее руки и ноги были все в крови. Снейк подняла Мелиссу на плечо, ее правая рука почти бездействовала. Собрав все силы, Снейк рывком встала на ноги. Ремень ее поклажи соскользнул и повис на сгибе руки. Она сделала шаг вперед. Корзинка ударилась о ее ногу. Колени Снейк дрожали. Она сделала еще шаг, почти ослепленная страхом за жизнь Мелиссы.

Пошатываясь, Снейк подошла к лугу и снова позвала своего пони. Она слышала топот копыт, но не увидела ни Бельчонка, ни Быстрой, только лошадь сумасшедшего лежала на траве, положив морду на землю.

Одежда Аревина, сшитая из шерсти мускусных

быков, защищала его от дождя и жары, от ветра и песка пустыни. Он ехал свежепромытым днем, задевая за свисавшие ветви, которые обдавали его душем захваченных в плен капель. Он все еще не видел Снейк, но здесь была одна-единственная тропа.

Его лошадь подняла голову и громко заржала. Снизу, из-за густого перелеска, донесся ответный зов. Аревин услышал топот копыт по твердой влажной земле, и вот серая кобыла и тигровый пони Бельчонок поскакали галопом у него на виду по извивавшейся тропе. Бельчонок плавно остановился и загарцевал поближе, выгибая шею. Серая кобыла трусила позади него, пробежала вокруг, играя, пустилась в галоп и опять остановилась.

Все три лошади приветственно дули друг другу в ноздри. Аревин опустил руку и почесал Бельчонка за ушами. Обе лошади Снейк были в превосходном состоянии. Серая кобыла и тигровый пони не разгуливали бы на свободе, если бы Снейк была где-нибудь в засаде. Они были слишком дорогостоящи.

Но, даже если лошади убежали во время нападения, они были бы оседланы и взнузданы. Снейк должна быть в безопасности.

Аревин хотел было позвать Снейк, но в последний момент передумал. Без сомнения, он слишком подозрительный, но после всего, что случилось, он решил, что будет мудро соблюдать осторожность.

Он взглянул на склон, который упирался в скалистый утес, на следующие друг за другом горные вершины, низкорослые чахлые растения, лишайники… и купол.

Он сразу же понял, что это было, но не мог сообразить, почему он не видел его постоянно. Это был единственный купол, на который когда-либо натыкался Аревин и где были заметны признаки разрушения: от этого ему стало противно. Но все же это был, несомненно, один из древних куполов, самый большой из всех виденных им ранее. Аревин сомневался, что Снейк где-то наверху. Это была единственная разумная возможность.

Он пришпорил лошадь, направляя ее по глубоко отпечатавшимся в грязи следам других лошадей. Ему показалось, что он слышит чей-то голос. Аревин остановился. Это не было игрой его воображения: лошади тоже прислушивались, прядая ушами. Он снова услышал призыв и попытался закричать в ответ, но слова застряли у него в горле. Он так сильно ударил по бокам лошади,

что стоявшее животное сорвалось в галоп, летя на звук голоса целительницы, на голос Снейк.

Маленькая черная лошадь, сопровождаемая серой кобылой и тигрово-полосатым пони, ворвалась в деревья на дальнем конце луга. В какой-то момент Снейк яростно выругалась, думая, что кто-нибудь из людей Норта прямо сейчас вернется за ним.

И тут она увидела Аревина.

Она была настолько потрясена, что не могла ни двинуться в его сторону, ни заговорить. Он спрыгнул со своей все еще скакавшей галопом лошади и побежал к Снейк: одежда развевалась вокруг него. Она не отрываясь смотрела на него, как будто он был привидением, она была уверена, что он должен им быть, даже когда она остановилась так близко, что могла до него дотронуться.

— Аревин!

— Что случилось? Кто это сделал с тобой? Этот сумасшедший…

— Он в куполе, — сказала она. — Со всеми остальными. Сейчас они не опасны. Но вот Мелисса, она в шоке. Мне надо принести ее в лагерь… Аревин, это правда ты?

Он снял Мелиссу с плеча Снейк, поддерживая дочь Снейк одной рукой, другой он помогал

Снейк идти.

— Да, это правда я. Я здесь.

Он помог ей пройти через луг. Когда они добрались до места, где хранился ее ящик, Аревин положил Мелиссу на землю. Снейк наклонилась к своему ящику со змеями и расстегнула замок, потом нетвердыми руками открыла отделение, где хранились лекарства.

Аревин нежно положил руку на ее неповрежденное плечо.

— Позволь мне позаботиться о твоей ране, — сказал он.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Я буду здорова. А Мелисса… — Она посмотрела на него и застыла под его взглядом.

— Целительница, — сказал он. — Снейк, подруга моя…

Снейк хотела встать, но он попытался удержать ее.

— Ничего нельзя сделать.

— Ничего нельзя сделать?.. — Она снова попыталась подняться.

— Ты ранена, — в отчаянии произнес Аревин. — Забота о ребенке еще больше повредит тебе.

— О боже! — сказала Снейк. Аревин все еще старался удержать ее. — Отойди от меня! — за-

кричала она. Аревин обескураженно отступил.

Снейк не остановилась, чтобы извиниться. Она не могла позволить никому, даже ему, опекать себя: это было бы слишком легко и соблазнительно.

Мелисса лежала в глубокой тени от сосен. Снейк опустилась на колени на толстый ковер из коричневых иголок. Позади нее остался стоять Аревин. Снейк взяла холодную бледную руку Мелиссы. Девочка не шевелилась. Она ползла по земле, в кровь обдирая ногти. Она так старалась выполнить свое обещание…

Она намного лучше сдерживала обещания, данные Снейк, чем Снейк выполняла обещанное Мелиссе. Снейк распростерлась над ней, откидывая ее рыжие волосы с ужасных шрамов. Слезы Снейк падали на щеку Мелиссы.

— Ничего нельзя сделать, — снова сказал Аревин. — У нее пропал пульс.

— Ш-ш-ш, — прошептала Снейк, все еще надеясь ощутить биение пульса на запястье девочки, на ее горле. Ей то казалось, что она нащупала пульс, то казалось, что, без сомнения, пульса нет.

— Снейк, не мучай себя так! Она мертва! Она же холодная!

— Она жива. — Она понимала, что Аревин ду-

мает, что она потеряла рассудок от горя: он не двигался, но печально смотрел на Снейк.

Она повернулась к нему. — Помоги мне, Аревин. Поверь мне. Я мечтала о тебе. Я думаю, что люблю тебя. Но Мелисса — моя дочь и подруга. Мне надо попытаться спасти ее.

Снейк ощутила призрачный пульс под пальцами. Мелиссу кусали так часто… но увеличение обмена веществ, наступившее после прекращения действия яда, прекратилось, и вместо того чтобы возвратиться в нормальное русло, ее состояние резко упало к уровню, на котором едва теплилась жизнь. И сознание, надеялась Снейк. Без помощи Мелисса умрет от истощения, от гипотермии — так же, как она умирала от холода.

— Что я должен сделать? — покорно, подавленно спросил он.

— Помоги мне сдвинуть ее.

Снейк расстелила одеяла на широкой плоской скале, которая весь день впитывала в себя солнечный свет. Аревин поднял Мелиссу и уложил ее на теплое одеяло. На минуту оставив дочь, Снейк положила пристегиваемые к седлу сумки на землю. Она придвинула погребец, парафиновую печку и кастрюлю к Аревину, который смотрел на нее встревоженными глазами. Она почти не

смотрела на него.

— Пожалуйста, согрей немного воды, Аревин. Не очень много. — Она сложила вместе руки, чтобы показать, сколько воды ей было нужно.

Потом вынула пакетик сахара из отделения для лекарств, которое было в ящике со змеями.

Снова присев сбоку от Мелиссы, Снейк пыталась оживить ее. Пульс то появлялся, то пропадал, потом снова возвращался.

Вот он, пульс, подумала Снейк. Он мне не почудился.

Она посыпала немного сахара на язык Мелиссы, надеясь, что влаги будет достаточно, чтобы растворить его. Снейк не решилась заставить ее выпить насильно: девочка могла бы задохнуться, если вода попала бы ей в легкие. Времени было мало, но если торопиться, то Снейк также наверняка убьет свою дочь, как это мог сделать Норт.

Каждую минуту, ожидая Аревина, Снейк давала Мелиссе еще несколько гранул сахара.

Аревин молча принес дымящуюся воду. Снейк положила еще одну щепотку сахара на язык Мелиссы и вручила Аревину мешочек.

— Растворите как можно больше этого в воде. — Она растирала руки Мелиссы, гладила ее щеки. — Мелисса, дорогая, постарайся проснуть-

ся. Хотя бы на минуту. Помоги мне, доченька.

Мелисса не отвечала. Но Снейк чувствовала ее пульс, потом еще и еще раз — достаточно сильный, чтобы не сомневаться в нем.

— Готово?

Аревин помешивал горячую воду в кастрюльке, он чуть переусердствовал — и немного жидкости вылилось ему на руку. Он встревоженно посмотрел на Снейк.

— Ничего страшного. Это сахар. — Она забрала у него кастрюльку.

— Сахар! — Он вытер пальцы о траву.

— Мелисса, дорогая, проснись!

Веки Мелиссы дрогнули. Снейк с облегчением перевела дух.

— Мелисса! Тебе надо выпить это.

Губы Мелиссы слегка шевельнулись.

— Не пытайся пока говорить. — Снейк держала маленький металлический контейнер у рта дочери и стала медленно, глоток за глотком вливать густую тягучую жидкость, дожидаясь, пока Мелисса наверняка проглотит каждую порцию стимулирующего вещества, прежде чем дать ей очередную.

— Господи… — удивленно сказал Аревин.

— Снейк! — прошептала Мелисса.

— Я здесь, Мелисса. Мы спасены. С тобой сейчас будет все в порядке. — Ей хотелось одновременно плакать и смеяться.

— Мне так холодно.

— Я знаю. — Она обернула одеяло вокруг плеч Мелиссы. Было хорошо, что в желудке Мелиссы теплая жидкость — питающее вещество, которое вольет силу в ее кровь.

— Я не хотела оставлять тебя там, но я обещала… Я боялась, что сумасшедший схватит Бельчонка, я боялась, что Дымка и Песок погибнут…

Ушли ее последние страхи, и Снейк удобно устроила Мелиссу на теплой скале. Ничего в речи Мелиссы, в ее словах не указывало на повреждение мозга, она выжила полностью.

— Бельчонок здесь, с нами, Дымка и Песок тоже. Можешь опять заснуть, а когда проснешься, все будет хорошо.

У Мелиссы может день или два поболеть голова — это будет зависеть от того, насколько она чувствительна к питательному веществу. Но она была жива и в порядке.

— Я пыталась выбраться, — сказала Мелисса, не открывая глаз. — Я продолжала идти и идти, но…

— Я так горжусь тобой. Никто бы не сделал то

же, что и ты, такая смелая и сильная.

Губы Мелиссы, там, где не было шрамов, тронула полуулыбка, а потом она заснула. Снейк прикрыла ей лицо уголком одеяла.

— Я готов был поклясться жизнью, что она мертва, — сказал Аревин.

— С ней будет все хорошо, — произнесла Снейк больше для себя, чем для Аревина. — Слава богу, с ней все будет хорошо.

Настойчивость, владевшая ею, деятельная сила, вызванная адреналином, постепенно улетучились, и она этого не заметила. Она не могла пошевелиться, даже ради того чтобы сесть. Колени ее не сгибались, ей оставалось лишь упасть. Она даже не могла сказать, шатает ли ее, или обманывают глаза, но предметы то приближались, то беспорядочно удалялись от нее.

Аревин коснулся ее левого плеча. Рука его была такой же, какой она ее запомнила, — нежной и сильной.

— Целительница, — сказал он, — дитя вне опасности. Теперь подумай о себе. — Голос его был совершенно спокойным.

— Ей столько пришлось пережить, — прошептала Снейк.

Слова с трудом пробивались наружу.

— Она испугается тебя…

Он не ответил, Снейк вздрогнула. Аревин поддержал ее и удобно устроил на земле. Волосы его растреплись, они обрамляли его лицо. Он выглядел так же, как в тот, последний раз, что она его видела.

Он поднес фляжку к ее пересохшим губам, и она выпила теплую воду, подкисленную вином.

— Кто это сделал с тобой? — спросил Аревин. — Тебе все еще грозит опасность?

Она не могла даже подумать о том, что случится, когда Норт и его люди воскреснут.

— Не сейчас, но позже, завтра… — Она резким движением попыталась подняться. — Если я засну, то не проснусь вовремя…

— Отдыхай. Я буду на стреме до утра. А потом мы поедем в безопасное место, — успокоил он ее.

С такой поддержкой она смогла бы отдохнуть. Он на минуту оставил ее, и она улеглась на земле, растопырив пальцы и прижимаясь к земле, как будто земля держала ее и что-то возвращала обратно. Прохлада земли облегчила болезненные ощущения от раны, нанесенной арбалетной стрелой. Она слышала, как Аревин опустился на колени возле нее и положил прохладную влажную тряпку на плечо, чтобы размочить

складки материи и засохшей крови. Она наблюдала за ним из-под ресниц, вновь восхищаясь его руками, стройными линиями его тела. Но его прикосновение было таким же нейтральным, как и его слова.

— Как ты нашел нас? — спросила она. — Я думала, что ты — лишь греза.

— Я поехал на станцию целителей, — ответил он. — Я хотел попытаться объяснить твоим людям, что случилось и что это была вина моего клана, а не твоя. — Он посмотрел на нее, потом печально отвел взгляд в сторону. — Но, кажется, мне не удалось. Твоя учительница сказала только, что ты должна идти домой.

Раньше у Аревина не было времени ответить на то, что она говорила ему — что она мечтала о нем и что любит его. Но сейчас он вел себя так, будто она вообще не говорила этого, будто он делал все это из чувства долга перед ней, и не более того. Снейк, с огромным чувством потери и сожаления, думала, что она, наверное, не поняла его чувств.

Она не хотела больше благодарности и вины.

— Но ты же здесь, — сказала она. Она рывком поднялась на локоть, попытавшись повернуться к нему лицом. — Тебе не надо было идти за мной,

если твой долг ограничивался моим домом.

Он встретился с ней взглядом.

— Я… тоже мечтал о тебе. — Он наклонился ней, положив руки на колени и откинув локти. — Я никогда не обменивался именем с другим человеком.

Медленно, радостно Снейк провела своей грязной, покрытой шрамами левой рукой по его чистой, темной от загара кисти.

Он посмотрел на нее:

— После всего, что случилось…

Больше всего на свете сейчас Снейк хотела бы быть невредимой, она высвободила свою руку и засунула ее в карман. Новорожденная змейка-греза обвила ее пальцы. Она вытащила ее и показала Аревину. Кивнув на плетеную корзину, она сказала:

— У меня там есть еще, я знаю теперь, как их разводить.

Он удивленно воззрился на маленькую змейку, потом на Снейк:

— Значит, ты дошла до города. Они приняли тебя.

— Нет, — ответила она и посмотрела на разрушенный купол. — Я нашла змей-грез там, наверху. И весь этот причудливый мир, в котором

они обитают. — Она позволила змейке-малютке скользнуть назад в карман. Она уже начинала к ней привыкать, она станет хорошей змеей для целителя. — Городские люди отослали меня прочь, но они еще не видели последних целителей. Они по-прежнему в долгу передо мной.

— Мои сородичи тоже в долгу перед тобой, — сказал Аревин. — И этот долг я не сумел отплатить.

— Ты помог спасти жизнь моей дочери! Ты думаешь, это ничего не стоит? — Потом, более спокойно, Снейк произнесла:

— Аревин, я хотела бы, чтобы Травка была жива. Не могу притворяться, что не хочу этого. Но ее убила моя небрежность, и ничего более. Я всегда думала, что только в этом причина.

— Мой род, — сказал Аревин, — и товарищ моего кузена…

— Подожди. Если бы Травка не погибла, я ни за что не пошла бы сразу домой.

Аревин слегка улыбнулся.

— А если бы мне не пришлось возвращаться, — сказала Снейк, — я никогда не пошла бы в Центр. Я никогда бы не нашла Мелиссу.

И я никогда бы не наткнулась на сумасшедшего и не услышала бы о разрушенном куполе. Твой

клан как бы подстегнул меня. Если бы не вы, мы продолжали бы просить городских людей дать нам змей-грез, а они все так же нам отказывали. Целители все так же не меняли бы свои методы, пока не осталось бы ни одной змеи-грезы и ни одного целителя. А теперь все иначе. Так что, быть может, я в таком же долгу перед тобой, как ты думаешь, что ты передо мной.

Он долгое время смотрел на нее:

— Я думаю, что ты ищешь оправдания моим людям.

Снейк сжала кулаки:

— Разве чувство вины — это единственное, что может быть между нами?

— Нет, — бросил Аревин. А потом, более спокойно, будто удивляясь собственной вспышке, произнес:

— По крайней мере, я надеялся на нечто большее.

Смягчившись, Снейк взяла его руку:

— Я тоже. — Она поцеловала его ладонь.

Аревин медленно улыбнулся. Он придвинулся ближе к ней, и через мгновение они обнялись.

— Если мы были в долгу друг перед другом и отплатили долг, наши люди смогут подружиться, — сказал Аревин. — И, возможно, мы с тобой

заслужили время, которое так нам нужно, ты как-то говорила об этом.

— Да, заслужили, — подтвердила Снейк.

Аревин отбросил спутанные волосы с ее лба.

— Я узнал новые обычаи с тех пор, когда пришел в горы, — сказал он. — Я хочу заботиться о тебе, пока поправляется твое плечо. А когда ты выздоровеешь, я спрошу тебя, не смогу ли еще что-нибудь для тебя сделать.

Снейк улыбнулась ему в ответ, она знала, что они понимают друг друга.

— Этот вопрос я тоже хотела тебе задать, — сказала она и усмехнулась. — Целители быстро поправляются, ты же знаешь.